Устойчивое развитие территорий на основе сетевого взаимодействия малых городов

Под редакцией
В.Л. Тамбовцева,
М.Ю. Шерешевой

СБОРНИК СТАТЕЙ

Экономический
факультет
МГУ
имени
М.В. Ломоносова

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
Экономический факультет

Устойчивое развитие территорий на основе сетевого взаимодействия малых городов

Коллективная монография

Москва
2018

УДК 332.1, 338.48, 911.37
ББК 65.32, 65.49(2Рос)
У83

Рецензент:
Рождественская И. А. — д.э.н., профессор кафедры
«Государственное и муниципальное управление»
федерального государственного образовательного бюджетного учреждения
высшего образования «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»

У83 **Устойчивое развитие территорий на основе сетевого взаимодействия малых городов:** коллективная монография / под ред. В. Л. Тамбовцева, М. Ю. Шерешевой. — М.: Экономический факультет, 2018. — 443 с.

ISBN 978-5-906932-11-2

Монография отражает результаты исследований, проведенных в 2017–2018 гг. при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №17-18-01324) и посвященных вопросам устойчивого развития территорий на основе сетевого взаимодействия малых городов и районных центров.

Рассмотрены теоретические аспекты изучения сетевого взаимодействия муниципальных образований, выделены актуальные методы и подходы к его моделированию. Представлен зарубежный опыт сетевого взаимодействия городов. На примере Владимирской и Тульской областей, Пермского края проанализированы особенности социально-экономического развития малых городов, их инвестиционный климат, определены их экономическая специализация и перспективные направления развития с учетом влияния на экономику регионов и качество жизни населения, предложена система показателей, отражающих сложившуюся и перспективную специализацию территорий, проведено моделирование с целью определения ключевых проблем и направлений устойчивого развития малых городов на основе сетевого взаимодействия.

Материалы монографии будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам государственных органов власти, местного самоуправления, промышленных предприятий, научных организаций и учреждений, а также аспирантам и студентам.

Монография подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 17-18-01324 «Устойчивое развитие экономики территорий на основе сетевого взаимодействия малых городов и районных центров».

ISBN 978-5-906932-11-2

© Экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНТУРЫ АНАЛИЗА 10

Глава 1.1. Межмуниципальные взаимодействия с точки зрения экономического анализа 10

Глава 1.2. Взаимодействие городов на основе сетевого механизма координации 26

Глава 1.3. Методологические подходы к проведению теоретических и эмпирических исследований территориального развития 48

РАЗДЕЛ 2. МАЛЫЕ ГОРОДА РФ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ 80

Глава 2.1. Стратегия развития и темпы прироста населения малых городов России 82

Глава 2.2. Малые и средние города России 100

Глава 2.3. Оценка уровня жизни населения в малых городах России 128

Глава 2.4. Оценка экономического потенциала малых городов России 160

Глава 2.5. Диверсификация экономики как инструмент повышения устойчивости развития в малых городах и сельской местности 175

Глава 2.6. Инвестиционный климат малых городов 191

Глава 2.7. Анализ стратегий и государственных программ как фактора развития малых городов России 205

Глава 2.8. Маркетинговая стратегия развития малых городов 231

Глава 2.9. Модели сетевого взаимодействия малых городов и районных центров 260

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 306

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 308

ПРИЛОЖЕНИЯ 346

Приложение 1. Города Cittaslow 346

Приложение 2. Принципы институционального проектирования 353

Приложение 3. Методика анкетирования 355

Приложение 4. Динамика численности населения малых городов Пермского края, Владимирской и Тульской областей 359

Приложение 5. Управление развитием городской среды 363

Приложение 6. Повышение эффективности стратегического планирования малых городов 366

Приложение 7. Концептуальная модель системы брендинга территории 367

Приложение 8. Принцип соучастия 370

Приложение 9. Оценка эффективности работы муниципальной власти (на примере Владимирской области) 373

Приложение 10. Производственная специализация малых городов Владимирской, Тульской областей и Пермского края и возможные направления их диверсификации 388

Приложение 11. Проблемы малых городов и исторических поселений (на примере г. Суздаль) 397

Приложение 12. Межрегиональное сетевое взаимодействие малых городов 421

Приложение 13. Сетевое взаимодействие малых городов Тульской области с использованием кобрендинга 433

ВВЕДЕНИЕ

Современные процессы урбанизации привлекают большое внимание исследователей. За рубежом накоплен значительный пласт научной литературы, в которой обсуждаются различные аспекты, касающиеся роли городов в человеческих сообществах и управления городами[1]. В настоящее время приобретает все более широкое распространение теоретический подход, в рамках которого города рассматриваются как самостоятельные экономические агенты, имеющие собственную стратегию развития, конкурирующие и одновременно сотрудничающие друг с другом[2].

Следует отметить, что развитие научного подхода к управлению городом сталкивается с целым рядом серьезных проблем. Наибольшие трудности обусловлены наличием многочисленных взаимозависимых аспектов развития любого города, когда социальные, экономические, инфраструктурные и пространственные сложные системы существуют в изменяющихся формах в огромном диапазоне масштабов.

Основной акцент делается прежде всего на изучении роли мегаполисов и на различных аспектах влияния информационных технологий на формирование городской среды. В то же время в современной мировой научной литературе, посвященной данной проблематике, растет внимание к различным аспектам управления малыми городами, к вопросам их устойчивого развития и финансовой стабильности, их значения в повышении качества жизни и в обеспечении устойчивого развития регионов[3]. В современной мировой научной литературе, посвященной про-

---

[1] См., например: *Runhaar H., Driessen P. P. & Soer L.* (2009). Sustainable urban development and the challenge of policy integration: an assessment of planning tools for integrating spatial and environmental planning in the Netherlands. Environment and Planning B: Planning and Design, 36(3), 417–431; *Flint J. & Raco M.* (Eds.). (2012). The future of sustainable cities: Critical reflections. Policy Press; *Batty M.* (2013). The new science of cities. Mit Press; *Angelidou M.* (2014). Smart city policies: A spatial approach. Cities, 41: S3–S11; *Nijkamp P. & Perrels A.* (2014). Sustainable cities in Europe. Routledge.

[2] *Camagni R. & Capello R.* (2005). The City Network Paradigm: Theory and Empirical Evidence. Urban Dynamics and Growth: Advances in Urban Economics, 495–529.

[3] *Courtney P.* & *Errington A.* (2000). The role of small towns in the local economy and some implications for development policy. Local Economy. 15(4), 280–301; *Calthorpe P.,* & *Fulton W.* (2001). The regional city. Island Press; *Cross J. A.* (2001). Megacities and small towns: different perspectives on hazard vulnerability. Global Environmental Change Part B: Environmental Hazards, 3(2), 63–80; *Haughton G.* & *Hunter C.* (2004), Sustainable cities. Routledge; *Courtney P.,*

блематике развития малых городов, наблюдается повышенный интерес к различным аспектам проектирования и управления малыми поселениями[1], к вопросам устойчивого развития малых городов и их финансовой стабильности[2]. Важным предметом изучения стала роль городских и сельских поселений в обеспечении устойчивого развития регионов[3]. Города служат своеобразной опорой для развития окружающей сельской местности, а наличие сети городов разного размера делает проживание в любой точке региона привлекательным для населения и является основой устойчивого регионального развития[4].

В этой связи следует подчеркнуть необходимость учета роли и места малых городов в развитии регионов Российской Федерации. Связность огромной территории нашей страны не может быть обеспечена без формирования сети современных городов разного размера, являющихся привлекательным местом для жизни и благодаря этому служащих многочисленными опорными точками сбалансированного пространственного развития. Учитывая тот факт, что текущая ситуация на внешнеполитической арене определяет не самые благоприятные макроэкономические условия,

---

Mayfield L., Tranter R., Jones P. & Errington A. (2007). Small towns as 'sub-poles' in English rural development: Investigating rural-urban linkages using sub-regional social accounting matrices. Geoforum. 38(6), 1219–1232; *Bell D. & Jayne M.* (2009). Small cities? Towards a research agenda. International Journal of Urban and Regional Research, 33(3), 683–699; *Knox P. & Mayer H.* (2013). Small town sustainability: Economic, social, and environmental innovation. Walter de Gruyter; *Pearce D., Barbier E. & Markandya A.* (2013). Sustainable development: economics and environment in the Third World. L.: Routledge; *Egziabher A. G.* (2014). Cities feeding people: an examination of urban agriculture in East Africa. IDRC.

[1] *Campbell T.* (2013). Beyond smart cities: how cities network, learn and innovate. Routledge; *Chadwick G.* (2016). Models of Urban & Regional Systems in Developing Countries. Some Theories and Their Application in Physical Planning, 36, 114–119.

[2] *Burton E., Jenks M. & Williams K.* (2003). The compact city: a sustainable urban form? London, Routledge; *Mayer H. & Knox P. L.* (2006). Slow cities: sustainable places in a fast world. Journal of urban affairs, 28(4), 321–334; *Knox P. & Mayer H.* (2013). Small town sustainability: Economic, social, and environmental innovation. Walter de Gruyter; *Nijkamp P. & Perrels A.* (2014). Sustainable cities in Europe. Routledge.

[3] *Elliott J. A.* (2012). An introduction to sustainable development. London, Routledge; *McManus P., Walmsley J., Argent N., Baum S., Bourke L., Martin J., Pritchard B. & Sorensen T.* (2012). Rural Community and Rural Resilience: What is important to farmers in keeping their country towns alive? Journal of Rural Studies, 28(1), 20–29; *Zoomers A., van Noorloos F., Otsuki K., Steel G. & van Westen G.* (2017). The rush for land in an urbanizing world: From land grabbing toward developing safe, resilient, and sustainable cities and landscapes. World Development, 92, 242–252.

[4] *Cohen B.* (2006). Urbanization in developing countries: Current trends, future projections, and key challenges for sustainability. Technology in society, 28(1–2), 63–80; *Mingaleva Z., Sheresheva M., Oborin M., Gvarliani T.* Networking of small cities to gain sustainability. Entrepreneurship and Sustainability Issues. 2017. Vol. 5. № 1. P. 140–156.

для дальнейшего развития страны необходимо искать пути активации эндогенных точек роста. Ими могут стать малые города, которые выступают в качестве площадки для реализации преимуществ территориальной специализации и фактора развития ближайших территорий, тем самым формируя предпосылки для комплексного социально-экономического развития[1].

При этом назрела острая необходимость решения задач, связанных с преодолением нарастающего разрыва в уровне и качестве жизни населения малых городов России в сравнении с населением крупных городов и мегаполисов, а также с переходом экономики этих территорий на инновационный сценарий развития.

Очерченный круг проблем представляется наиболее актуальным для развития России в среднесрочной перспективе в связи с тем, что подавляющее число городов России являются малыми городами (городами с населением менее 50 тыс. человек), в которых проживают около 12% населения. Данные поселения сталкиваются с рядом социально-демографических, экономических, инфраструктурных, административных и других проблем, являющихся ограничивающими факторами устойчивого развития страны в целом. Кроме того, большинство малых городов и районных центров классифицируются как сельские территории, что дополнительно усложняет формирование и эффективное использование ресурсного потенциала данных мест.

Малые города представляют собой весьма важный объект для исследования, так как их состояние определяет показатели регионального развития. Согласно опыту многих стран, зачастую малые города выступают важными потенциальными точками роста[2]. В целом ряде исследований показано, что малые города имеют преимущества перед более крупными урбанизированными агломерациями, такие как благоприятная экология, неосвоенные территории, уникальное культурно-историческое наследие. В то же время зачастую подобные преимущества нивелируются целым рядом негативных характеристик, как то: сокращение численности населения, отсутствие экономического роста, транспортная удаленность, низкое качество инфраструктуры, ее фрагментарность[3].

---

[1] *Токунова Г. Ф.* Стратегическое планирование развития малых городов. Дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Волгоград, 2004; *Оборин М. С., Шерешева М. Ю., Иванов Н. А.* Анализ государственных программ как фактора развития малых городов России // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2017. № 4. С. 18–36.

[2] *Garcia B. C.* (2011). Small town China: Rural labour and social inclusion. Taylor & Francis; *Fox S., Goodfellow T.* (2016). Cities and development. Routledge.

[3] *Cross J. A.* (2001). Megacities and small towns: different perspectives on hazard vulnerability. Global Environmental Change Part B: Environmental Hazards, 3(2): 63–80; *Camagni R., Capello R. & Caragliu A.* (2015). Agglomeration economies in large versus small cities: similar laws, high specifities. The rise of the city: spatial dynamics in the urban century, Edward Elgar, Cheltenam, UK, 85–113.

В настоящее время перед нашим государством стоит серьезная задача обеспечить возможность полноценного развития не только мегаполисов и крупных городов, но и малых городов России, без чего невозможно создать хорошие перспективы для сбалансированного устойчивого развития различных регионов. Такое развитие возможно на основе сетевого взаимодействия, обеспечивающего включенность депрессивных территорий в отлаженные механизмы формирования, перераспределения, использования разнообразных ресурсов[1].

Особенности развития малых городов, как показывает международный опыт, требуют серьезного внимания со стороны государства, продуманной и системной государственной поддержки, нацеленной на регулирование комплекса проблем, связанных с транспортной доступностью, инфраструктурным отставанием, оттоком населения в более крупные города, слабой включенностью в распределение финансовых и ресурсных потоков. Важной составляющей государственной политики является поиск оптимальных направлений формирования экономической специализации малых городов, когда делается обоснованный выбор между усилением сложившейся специализации и ее модернизацией, а в ряде случаев полным изменением в соответствии с целями повышения качества жизни населения. Необходимым условием для принятия такого рода ключевых решений является оценка социально-экономической ситуации, учет преимуществ, основанных на природном и культурно-историческом потенциале, а также возможностей комбинирования ресурсов и компетенций малых городов и сельских поселений, расположенных в пределах той или иной территории.

В данной монографии представлены результаты исследований, проводившихся в 2017–2018 гг. при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №17-18-01324) и посвященных вопросам устойчивого развития территорий на основе сетевого взаимодействия малых городов и районных центров.

Основным объектом рассмотрения в данной монографии являются три субъекта РФ: Владимирская, Тульская области и Пермский край, которые были избраны для проведения эмпирической части исследований в рамках гранта РНФ. Они обладают различным экономическим потенциалом, динамикой и уровнем социально-экономического развития, а также различной исходной специализацией. При этом в данных регионах сопоставимо число малых городов (по 18 — во Владимирской области и Пермском крае, 13 — в Тульской области), среди которых есть города как со стабильной социально-экономической ситуацией, так и со слож-

[1] *Capello R.* (2000). The city network paradigm: measuring urban network externalities. Urban Studies, 37(11), 1925–1945; *Mingaleva Z., Sheresheva M., Oborin M. & Gvarliani T.* (2017). Networking of small cities to gain sustainability. Entrepreneurship and Sustainability Issues, 5(1), 140–156.

ным социально-экономическим положением. Тем не менее результаты исследования не сводятся к рассмотрению только ситуации в малых городах трех регионов, в большинстве глав представлен более широкий взгляд на проблемы малых городов России.

В первом разделе монографии рассмотрены теоретические подходы к пониманию и изучению сетевого взаимодействия муниципальных образований, рассмотрены примеры сетевого взаимодействия городов различных стран, включая территориальные и международные сети малых городов.

Во втором разделе рассмотрена современная социально-экономическая ситуация в России под углом зрения устойчивого развития территорий страны с использованием недооцененного потенциала малых поселений и возможностей их эффективного включения в программу развития России до 2024 г. Представлены результаты изучения состояния и возможностей сетевого взаимодействия малых городов трех российских регионов (Владимирской и Тульской областей, Пермского края). На примере данных субъектов РФ проанализированы социально-демографические показатели, диверсификация экономики, инвестиционный потенциал, рынок товаров и услуг. На основе полученных эмпирических данных проведено моделирование с целью определения ключевых проблем и направлений устойчивого развития малых городов на основе сетевого взаимодействия, проанализированы особенности социально-экономического развития малых городов, определены их экономическая специализация и перспективные направления их развития с учетом влияния на экономику регионов и качество жизни населения, предложена система показателей, отражающих сложившуюся и перспективную специализацию территорий.

Коллектив авторов: С. М. Березка, Л. А. Валитова, Е. П. Вигушина, Н. А. Иванов, С. А. Иванова, А. А. Костанян, Г. В. Кутергина, А. В. Лапин, С. В. Никифорова, М. С. Оборин, А. М. Пахалов, Е. Е. Полянская, И. И. Савельев, С. В. Сахаров, А. П. Сысоев, В. Л. Тамбовцев, М. Ю. Шерешева, О. В. Шимук.

Глава 1.1 — В. Л. Тамбовцев. Глава 1.2 — М. Ю. Шерешева, Н. А. Иванов. Глава 1.3 — М. С. Оборин, Г. В. Кутергина, А. В. Лапин. Глава 2.1. — Л. А. Валитова, М. Ю. Шерешева. Глава 2.2. — В. Л. Тамбовцев, Л. А. Валитова, Е. Е. Полянская. Глава 2.3. — Е. П. Вигушина, С. А. Иванова. Глава 2.4. — М. С. Оборин, А. П. Сысоев, М. Ю. Шерешева. Глава 2.5 — О. В. Шимук. Глава 2.6 — А. М. Пахалов. Глава 2.7 — М. С. Оборин, Н. А. Иванов, М. Ю. Шерешева. Глава 2.8 — С. М. Березка, М. Ю. Шерешева. Глава 2.9 — М. С. Оборин, Г. В. Кутергина, А. В. Лапин. Приложения — С. М. Березка, А. А. Костанян, С. В. Никифорова, М. С. Оборин, Е. Е. Полянская, И. И. Савельев, С. В. Сахаров, М. Ю. Шерешева.

РАЗДЕЛ 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНТУРЫ АНАЛИЗА

ГЛАВА 1.1

МЕЖМУНИЦИПАЛЬНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

С юридической точки зрения муниципалитеты представляют собой органы местного самоуправления, т.е. организации, которым граждане, проживающие на определенной территории и образующие местное сообщество, делегируют свои права по самостоятельной организации своего совместного проживания и решению проблем местного значения. Муниципалитеты не являются органами государственной власти, и их правомочия устанавливать правила совместного проживания представителей местных сообществ и совершать нормотворческие действия регламентируются органами государственной законодательной, исполнительной и судебной власти.

С экономической точки зрения муниципалитеты являются организациями, которые обеспечивают производство и предоставление членам местных сообществ определенного набора клубных благ (как правило, услуг) и социально значимых благ коллективного пользования[1]. Состав таких благ различается от страны к стране, так что выделить какой-то типичный набор местных или муниципальных услуг достаточно сложно. Основой финансирования деятельности муниципалитетов выступают те или иные налоги (часть налогов), собираемых с представителей местных сообществ, а также иные возможные источники, включая трансферты со стороны органов государственной власти —

[1] *Тамбовцев В. Л.* Межмуниципальные взаимодействия с позиций экономического анализа // Terra Economicus. 2017. Т. 15. № 3. С. 19–31.

гранты, субсидии, дотации и т.п. Объемы и условия предоставления таких трансфертов определяются региональной политикой, проводимой в стране.

Действия муниципалитетов, направленные на предоставление клубных благ жителям своих местных сообществ, включая определение долей бюджетов, обеспечивающих соответствующие расходы, порождают разнообразные экстерналии. Принято разделять благоприятные внешние эффекты (benefit spillovers), возникающие вследствие потребления жителями некоторых клубных благ как в своих, так и в соседних местных сообществах, и внешние эффекты вытеснения (crowding spillovers), когда уровень потребления какого-то блага в определенном сообществе оказывается под воздействием жителей соседних сообществ[1]. Экстерналии для других сообществ возникают и тогда, когда изменения происходят в результате действий государства в каком-то местном сообществе: например, за счет госбюджета строится предприятие, рабочие места в котором могут заниматься жителями всех окрестных муниципалитетов.

Существование экстерналий процессов производства и потребления клубных благ — очевидное объективное экономическое основание ММВ. Ведь рациональное использование ограниченных ресурсов не может не учитывать возможных последствий тех действий других субъектов, которые способны повлиять на конечные результаты намечаемых действий. Формы, способы и направленность таких взаимодействий определяются как минимум двумя тесно связанными факторами: целями, которые преследуют субъекты взаимодействия, и той институциональной средой, в которой они происходят.

Для кого (с какой целью) действуют и взаимодействуют муниципалитеты? Напрашивающийся очевидный ответ — для граждан, для локального сообщества жителей муниципалитета — в действительности совершенно не очевиден. Любые правительства, от локального до центрального, обладают определенной автономностью[2], а их подотчетность гражданам в разных странах устроена существенно различающимися способами. В демократических государствах правительства любых уровней, не отвечающие на запросы граждан, не получают на очередных выборах мандат на продолжение своей деятельности. В авторитарных государствах действия правительств слабо связаны с реализацией пред-

[1] *Solé-Ollé A.* (2006). Expenditure spillovers and fiscal interactions: Empirical evidence from local governments in Spain. Journal of Urban Economics, 59 (1), 32–53.

[2] *Skocpol T.* (1985). Bringing the State Back In Again: Strategies of Analysis in Current Research. Rueschemeyer, P. & Skocpol, T. (Eds.) Bringing the State Back In. Cambridge, MA, Cambridge University Press, 3–43.

почтений граждан, причем такая схема переносится и на уровень местного самоуправления, когда руководители муниципалитетов не избираются на конкурентной основе, а назначаются региональными властями. Уровень зависимости муниципалитетов от предпочтений местных сообществ таким образом определяется во многом влиянием институциональной среды, формируемой государством. Если в странах Европейского союза, например, граждане в целом выступают за усиление ответственности муниципалитетов перед ними, что находит отражение в институциональных изменениях, проводимых государствами[1], то в других странах такая ответственность может последовательно снижаться, а зависимость от государства — возрастать[2]. Поэтому утверждения типа «публичные администрации суть устройства для выражения ценностей и предпочтений граждан, сообществ и обществ»[3] являются, мягко говоря, искажением реальности в подавляющем большинстве стран.

Важным фактором, обусловливающим расхождение между предпочтениями руководящих работников муниципалитетов и предпочтениями большинства местных сообществ, выступает коррупция, тесно связанная с непрозрачностью принятия решений в муниципалитетах. Между уровнем ее распространенности в стране и стремлением граждан, склонных к оппортунистическому поведению, занять должности во властных органах, как показывают недавние исследования, существует положительная обратная связь. В странах с высокой коррупцией изначально нечестные люди стремятся занять посты на государственной и муниципальной службе, и наоборот, там, где коррупция низка, такие люди стремятся избегать работы в государственных и муниципальных структурах[4]. Интересно отметить, что оппортунизм политических «опекунов» передается и близ-

---

[1] *Baker K., Van De Walle S. & Skelcher C.* (2011). Citizen Support for Increasing the Responsibilities of Local Government in European Countries: A Comparative Analysis. Lex Localis. Journal of Local Self-Government, 9 (1), 1–21.

[2] *Hölscher K., Wittmayer J. M., Avelino F. & Giezen M.* (2017). Opening up the transition arena: An analysis of (dis)empowerment of civil society actors in transition management in cities. Technological Forecasting and Social Change. URL: doi.org/10.1016/j.techfore.2017.05.004.

[3] *Bourgon J.* (2008). The future of public service: A search for a new balance. Australian Journal of Public Administration, 67 (4), 390–404.

[4] *Banerjee R., Baul T., & Rosenblat T.* (2015). On self selection of the corrupt into the public sector. Economics Letters, 127, 43–46; *Barfort S., Harmon N. A., Olsen A. L. & Hjorth F. G.* (2015). Dishonesty and Selection into Public Service in Denmark: Who Runs the World's Least Corrupt Public Sector? Working Paper. URL: https://ssrn.com/abstract=2664983; *Fehrler S., Fischbacher U., & Schneider M. T.* (2016). Who Runs? Honesty and Self-Selection into Politics. IZA Discussion Papers No. 10258; *Hanna R. & Wang S.-Y.* (2017). Dishonesty and Selection into Public Service: Evidence from India. American Economic Journal: Economic Policy, 9(3), 262–290.

ким к ним госслужащим[1]. При этом необходимо отметить, что уровень коррупции в стране также определяется в немаловажной степени качеством ее институциональной среды[2].

Функционируя в институциональной среде того или иного качества, движимые теми или иными стимулами, муниципалитеты так или иначе взаимодействуют друг с другом. С нашей точки зрения, можно выделить четыре типа таких взаимодействий: (1) конкуренцию, (2) кооперацию (сотрудничество), (3) конкуренцию (совмещение конкуренции и кооперации), а также такую «предельную» форму взаимодействия, как (4) слияние (объединение) муниципалитетов.

Действия, которые в рамках этих типов взаимодействий осуществляют муниципалитеты, если они не предписаны вышестоящими органами государственной власти, являются, по сути, предпринимательскими действиями.

Представления о том, что в государственном секторе, включая правительства, вполне возможно (и даже необходимо) предпринимательство, были введены в широкое научное и общественное обсуждение в начале 1990-х гг. выходом в свет книги Д. Осборна и Т. Геблера[3], в которой было сформулировано и охарактеризовано понятие «предпринимательское правительство» (entrepreneurial government). Такое правительство, по их мнению, должно фокусироваться на результатах, децентрализовать власть, сократить бюрократию и продвигать конкуренцию как внутри, так и вовне правительства. Граждане при этом выступают клиентами-потребителями, наделенными возможностями выбирать между разными поставщиками услуг, включая школы, поликлиники, квартиры и т.п.

В развернувшейся дискуссии подчеркивалось, что предпринимательское принятие рисков вполне совместимо с демократическим служением обществу (democratic stewardship), если оно опирается на общественную дискуссию и выработку согласованного мнения[4]; что публичный предприниматель (public entrepreneur) в высокой степени согласен с обществен-

---

[1] *Gulzar S.* (2014). Ruling Parties, Patronage and Bureaucratic Performance in Democracies: Evidence from Punjab, Pakistan. New York University. October 27. URL: http://rubenson.org/wp-content/uploads/2014/10/gulzar_tpbw14.pdf

[2] *Gerring J. & Thacker S. C.* (2004). Political institutions and corruption: The role of unitarism and parliamentarism. British Journal of Political Science, 34 (2), 295–330; *Treisman D.* (2007). What have we learned about the causes of corruption from ten years of cross-national empirical research? Annual Review of Political Science, 10, 211–244.

[3] *Osborne D. & Gaebler T.* (1992). Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector. Reading, Mass: Addision Wesley.

[4] *Bellone C. J. & Goerl G. F.* (1992). Reconciling Public Entrepreneurship and Democracy. Public Administration Review, 52 (2), 130–134.

ными интересами[1]; что его инновации, экспериментирование и креативность направлены на достижение общественных целей[2]; что публичные предприниматели — в действительности являются командами, трансформирующими системы контроля действенности и эффективности правительств[3] и т.п. Публичное предпринимательство исследовалось на уровне местных правительств[4], причем соответствующие практики рекомендовались к более широкому использованию[5]. В последние годы вышло как минимум две книги, продвигающие и развивающие идею предпринимательских правительств[6].

Между тем наиболее проницательные исследователи еще в 2002 г. задавали вопрос: «Имеет ли публичное предпринимательство какой-либо смысл вне специфического политического, экономического и социального контекста, существующего в западных индустриальных демократиях?»[7], давая на него негативный ответ. Действительно, в иных контекстах бюрократы-предприниматели отнюдь не следуют общественным интересам (как бы их ни понимать), реализуя скорее различные коррупционные практики[8]. Другими словами, когда говорят о необходимости развития предпринимательства в общественном секторе, в том числе в органах управления разных уровней, не стоит забывать о том, что предпринимательство бывает разным: продуктивным, непродуктивным и деструктивным[9]. Последние две его формы широко практикуются в правительствах разных уровней тех стран, политические устройства которых далеки от конкурентных демократий западного типа.

---

[1] *Salazar G.* (1997). Public Entrepreneurship: a Contradiction in Terms? Korean Review of Public Administration, 2 (1), 125–139.

[2] *Klein P. G., Mahoney J. T., McGahan A. M. & Pitelis C. N.* (2010). Toward a theory of public entrepreneurship. European Management Review, 7 (1), 1–15.

[3] *Bernier L. & Hafsi T.* (2007). The changing nature of public entrepreneurship. Public Administration Review, 67 (3), 488–503.

[4] *Zerbinati S. & Souitaris V.* (2005). Entrepreneurship in the public sector: a framework of analysis in European local governments. Entrepreneurship and Regional Development: An International Journal, 17 (1), 43–64.

[5] *Kim Y.* (2010). Stimulating entrepreneurial practices in the public sector: The roles of organizational characteristics. Administration and Society, 42 (7), 780–814.

[6] *Link A. N. & Link J. R.* (2009). Government as Entrepreneur. New York: Oxford University Press; Mazzucato M. (2013). The Entrepreneurial State: Debunking public vs. private sector myths. London and New York: Anthem.

[7] *Edwards C., Jones G., Lawton A. & Llewellyn N.* (2002). Public entrepreneurship: rhetoric, reality and context. International Journal of Public Administration, 25 (12), 1539–1554.

[8] См., например: *Shirley M.* (1995). Bureaucrats in business: the economics and politics of government ownership. Washington, DC: World Bank.

[9] *Baumol W.* (1990). Entrepreneurship: Productive, Unproductive, and Destructive. Journal of Political Economy, 98 (5), 893–921.

С учетом высказанных соображений перейдем к анализу выделенных выше типов ММВ.

Конкуренция

При обсуждении проблематики межмуниципальной конкуренции (далее — ММК) прежде всего возникают аналогии с конкуренцией фирм на различных рынках. Конкуренция — широко распространенное в природе и обществе явление. И хотя некоторые исследователи выделяют до двадцати ее разновидностей[1], именно рыночная конкуренция, будучи наиболее хорошо изученной, представляется подходящей моделью для анализа конкурентного взаимодействия муниципалитетов.

Выходя на рынки, т.е. вступая в конкуренцию (или оказываясь в ситуации конкуренции), фирмы стремятся произвести продукцию, которая пользуется спросом у покупателей, т.е. перенаправить денежные средства последних от других товаров к своему товару. Способность фирмы производить именно такой привлекательный товар обусловливает ее конкурентное преимущество — временное или устойчивое. Эта способность, в свою очередь, зависит от совокупности компетенций и ресурсов, которыми располагает фирма.

Эта упрощенная схема может быть положена в основу анализа ММК. И. Гордон определяет территориальную конкуренцию как «форму коллективного действия, предпринимаемого во имя экономических интересов внутри некоторой территории и призванного продвинуть их в конкуренции с интересами, расположенными в (некоторых или всех) других территориях»[2]. Хотя это определение, вошедшее в «Справочник по местному и региональному развитию», и не представляется нам достаточно корректным, его можно принять за некоторую основу, позволяющую внести ряд уточняющих моментов.

Во-первых, нужно выделить те рынки, на которых происходит ММК. К ним относятся: рынок инвестиций в создание новых рабочих мест; «рынок жителей», ищущих новые места проживания; рынок дискреционных грантов, т.е. средств, которые в большем или меньшем объеме могут поступить в доходы муниципалитета из бюджетов вышестоящих государственных органов в рамках различных конкурсов.

Во-вторых, полезно охарактеризовать те товары, которые муниципалитеты могут предлагать на этих рынках. На рынке инвестиций в этой

---

[1] *Fog A.* (2013). Towards a universal theory of competition and selection. Technical University of Denmark. July 4. URL: http://www.agner.org/cultsel/universal_competition_theory. pdf

[2] *Gordon I.* (2010). Territorial competition. In: Pike A., Rodríguez-Pose A. and Tomaney J. / Handbook of Local and Regional Development. Abingdon: Routledge, 30–43.

роли выступает комплекс условий, существующих и специально создаваемых на территории муниципалитета для того или иного инвестора. К ним относятся как физико-географические, так и инфраструктурные свойства территории, а также экономические условия, которые уже имеет (или обещает создать) муниципалитет. Последний компонент комплекса условий придает ему как товару черты опытного и доверительного блага, поскольку проверить корректность обещаний инвестор может лишь в ходе «физического» осуществления инвестиций. На «рынке жителей» предлагаемый товар также имеет характер комплекса условий, который для разных сегментов покупателей включает разные свойства «продаваемого» населенного пункта. Если для одних потенциальных мигрантов решающим оказывается наличие рабочих мест, то для других таковым может стать близость к природе или наличие разнообразных культурных учреждений.

Общей характеристикой товаров для обоих рынков выступает их привлекательность для потенциальных покупателей: привлекательность места для мигрантов[1]и конкурентоспособность территории для инвесторов[2]. При этом «ускользающий» характер последнего понятия связан, очевидно, с тем, что для данного вида конкурентоспособности неоднозначно определяются те субъекты, по отношению к которым регион (или другая территориальная единица) оценивается как способный или неспособный состязаться с ними. На рынке грантов предлагаемый товар имеет уже другой характер: это документы, описывающие либо бедственное положение жителей муниципалитета, либо, наоборот, его потенциал развития, для реализации которого требуется внешнее безвозмездное финансирование.

Однако товары имеют не только потребительские свойства, но также издержки и цены. Для созданных условий инвестирования и мест проживания издержки их создания относятся к прошлым периодам деятельности муниципалитетов, так что на момент предложения соответствующих товаров инвесторам и мигрантам рассматриваются как данность. Собственно издержками выступают текущие усилия управленцев и затраты на продвижение информации об условиях, а также ожидаемые затраты на обеспечение обещаемых приращений привлекательности (например, от снижения налогов на доходы инвесторов в течение будущих периодов или от снижения налогов на собственность для мигрантов). Выгоды муниципалитетов от приобретения инвесторами или мигрантами предложенных товаров — это будущие приросты налоговых поступлений. Легко видеть,

---

[1] *Niedomysl T.* (2010). Towards a conceptual framework of place attractiveness: a migration perspective. Geografiska Annaler. Series B, Human Geography, 92 (1), 97–109.

[2] *Kitson M., Martin R. & Tyler P.* (2004). Regional Competitiveness: An Elusive yet Key Concept? Regional Studies, 38, (9), 991–999.

что непосредственные денежные выгоды муниципальных руководителей здесь явно не присутствуют.

Именно здесь пролегает граница между «западными» и иными муниципальными публичными предпринимателями. Если для первых наградой выступают нематериальные выигрыши: переизбрание в конкурентной политической борьбе, репутация, удовлетворенность от выполненного гражданского долга и т.п., то для вторых интерес к конкуренции за инвесторов или жителей и к конкурентной победе или просто отсутствует, или — при наличии ясно выраженного спроса — сопровождается требованиями получения теневых выгод, т.е. коррупцией.

Издержки подготовки комплектов документов, необходимых для участия в конкурсах на гранты, при хорошо налаженном делопроизводстве в муниципалитете сравнительно невелики, в то время как возможные выгоды несопоставимо выше, в силу чего этот конкурентный рынок не может не пользоваться большой популярностью среди руководителей муниципалитетов.

В-третьих, важно очертить те конкурентные ходы, которые способны осуществлять муниципалитеты в сфере создания и продвижения названных выше товаров.

На первых двух из названных рынков репертуар конкурентных ходов различен на разных стадиях конкурентного процесса. На начальной, «обезличенной» стадии — это «косвенная» конкуренция (yardstick competition) по параметрам качества предлагаемых товаров (условий инвестирования или проживания). Распространенный конкурентный ход здесь — это формирование бренда муниципалитета или конкретного места[1].

В рамках косвенной конкуренции, как предсказывают многие экономические модели, налоговые решения одного муниципалитета влияют на аналогичные решения соседей[2]: все хотят выглядеть не хуже, чем другие. Эта зависимость получила наименование *налоговых внешних эффектов* (fiscal spillovers). Эмпирические подтверждения такой «налоговой мимикрии» достаточно неоднозначны[3], однако она является наглядным примером ММК.

На второй, персонифицированной стадии, когда возникает конкретный инвестор (или мигрант), стоящий перед выбором между двумя или несколькими местами, конкуренция приобретает характер торга, а конкурентные ходы становятся предложениями тех или иных обеща-

---

[1] *Ashworth G. & Kavaratzis M.* (2010). Towards Effective Place Brand Management: Branding European Cities and Regions. Cheltenham: Edward Elgar.

[2] *Wilson J. D.* (1999). Theories of Tax Competition. National Tax Journal, 52 (2), 269–304.

[3] *Isen A.* (2014). Do local government fiscal spillovers exist? Evidence from counties, municipalities, and school districts. Journal of Public Economics, 110, 57–73.

ний со стороны муниципалитета (если он заинтересован) или со стороны «покупателя», если его заинтересованность выше. Как во всяком торге, его исход зависит как от объективных факторов — прежде всего ресурсного потенциала сторон, так и от субъективных, начиная от возникающей симпатии или антипатии торгующихся, способности вызывать доверие и кончая уровнем изобретательности в формировании очередных предложений. Нельзя не отметить также, что законодательства разных стран устанавливают несовпадающие границы как ресурсных потенциалов муниципалитетов, так и разнообразия допустимых (легальных) конкурентных действий.

Кооперация

Межмуниципальная кооперация или сотрудничество (далее — ММС) — тема, широко обсуждаемая как исследователями[1], так и практиками[2].

Экономическая теория дает четкое объяснение преимуществ ММС: они связаны с эффектом экономии на масштабах, будь то создание единого предприятия, предоставляющего какие-либо муниципальные услуги нескольким местным сообществам, или объединение муниципальных закупок, позволяющее получить большую оптовую скидку. Такое объяснение, однако, не в полной мере учитывает издержки, которые несут работники муниципалитетов, вступающие в более или менее тесное ММС. Согласно широко принимаемому определению, «сотрудничество — это процесс, в котором автономные акторы взаимодействуют посредством формальных и неформальных переговоров, совместно создавая правила и структуры, управляющие их отношениями, и способы действовать или решать совместно возникающие вопросы; это процесс, включающий разделяемые нормы и взаимовыгодные взаимодействия»[3]. Именно такой подход реализуется, когда трансакционные издержки рассматриваются как «препятствия развитию кооперации и как ключевые компоненты издержек кооперации, которые должны быть перевешены выгодами кооперации для того, чтобы сообщества осознали преимущества стратегических альянсов»[4].

---

[1] *Hulst R. & van Montfort A.* (2007). Inter-Municipal Cooperation in Europe. Springer Netherlands.

[2] *Oostveen I.* (2010). Inter-municipal cooperation. Introduction: Guide to the VNG International Approach to a Successful IMC. The Hague, Netherlands: VNG International.

[3] *Thomson A. M. & Perry J. L.* (2006). Collaboration Processes: Inside the Black Box. Public Administration Review, 66 (1), 20–32.

[4] *Adelaja A. O., Gibson M. A. & Racevskis L. A.* (2010). Transaction costs and inter-jurisdictional cooperation: an application to land use collaboration. Journal of Public Affairs, 10 (4), 265–279. P. 265.

С нашей точки зрения, «обезличенное» понимание издержек не в полной мере позволяет понять и объяснить факты заключения или незаключения ММС. Если в приведенном выше определении сотрудничества Томсона и Перри акторы — это индивиды, не занимающие какие-либо позиции в организациях, и если их действия не сопровождаются внешними эффектами, то понятие взаимовыгодности, фигурирующее в нем, не порождает никаких сложностей. Если же это не так, то вполне возможна ситуация, когда совокупная выгода, включающая внешние эффекты, велика и положительна, но личные выгоды взаимодействующих акторов отрицательны. В такой ситуации акторам для вступления в альянс нужны дополнительные стимулы.

Похоже, что именно такие ситуации достаточно типичны в рамках ММС. «Сотрудничество не самоуправляемо. Организации сотрудничают, поскольку стремятся достичь определенных целей. Чтобы достичь целей, выносимых организациями на первое место, должна существовать некоторая административная структура, обеспечивающая переход от решений к действиям»[1], и издержки функционирования такой структуры зачастую оказываются запретительно высокими: «Очевидно, что управлять инициативами сотрудничества — не обязательно приятный или приносящий вознаграждение опыт»[2].

Поэтому в Италии, например, введена специальная программа поддержки, поощряющая создание муниципальных союзов[3]. Однако и она, как показывает эмпирический анализ, не всегда позволяет преодолеть упомянутую выше проблему: по данным П. Превитали[4], проанализировавшего 136 малых муниципалитетов, они подписали межмуниципальные соглашения по совместному оказанию лишь небольшого числа услуг, не имеющие ощутимого влияния ни на муниципалитеты, ни на жителей, иначе говоря, откликнулись на эту программу чисто формально. Однако для той же Италии есть и другие оценки. По данным М. Феррарези и др.[5], участие в муниципальном союзе снижает текущие расходы на душу на-

---

[1] *Thomson A. M. & Perry J. L.* (2006). Collaboration Processes: Inside the Black Box. Public Administration Review, 66 (1), P. 25.

[2] *Sorrentino M. & Simonetta M.* (2013). Incentivising inter-municipal collaboration: the Lombard experience. Journal of Management and Governance, 17 (4), 887–906. P. 899.

[3] *Labianca M.* (2014). Inter-municipal cooperation: from cooperation through rules to cooperation through networks — empirical evidence from Puglia. Regional Studies, Regional Science, 1 (1), 184–206.

[4] *Previtali P.* (2015). The Italian Administrative Reform of Small Municipalities: State-of-the-Art and Perspectives. Public Administration Quarterly, 39(4), 548–568.

[5] *Ferraresi M., Migali G. & Rizzo L.* (2017). Does Inter-municipal Cooperation Promote Efficiency Gains? Evidence from Italian Municipal Unions. Società italiana di economia pubblica. WP No. 725. June 2.

селения примерно на 5%, не снижая при этом уровень предоставляемых местных услуг.

Вместе с тем анализ ММС во Франции показал, что снижения муниципальных расходов в них не достигается и, более того, отсутствует координация расходов муниципалитетов, входящих в одно межмуниципальное сообщество[1]. В целом же, как показано Дж. Бел и М. Уорнер[2], наличие или отсутствие экономии средств от ММС зависит от трех групп факторов: (1) структуры издержек услуг, наличия в ней компонента, реагирующего на объем производимых услуг и плотность расселения их потребителей, (2) характеристики муниципалитета как органа управления — объем полномочий, предоставленных правительством, близость территории к столицам, размер местного сообщества, (3) механизмов координации в рамках ММС, преобладания формальных отношений либо неформальных тесных взаимодействий.

Таким образом, характеризуя данную форму ММВ, следует заключить, что она может быть действенным средством «расшивки» ресурсных ограничений, свойственных многим муниципалитетам, в том случае, если работники последних в большей мере ориентируются на интересы местных сообществ, чем на свои собственные — вследствие ли мотивации служения обществу либо вследствие высокого уровня подотчетности последнему. Если это условие не выполняется, даже централизованное или региональное стимулирование ММС не обеспечивает выполнение им функции сокращения неэффективных расходов: в отсутствие внутреннего интереса работники муниципалитетов начинают работать на показатель, о чем ясно свидетельствует упомянутый выше опыт Италии.

Коопкуренция

Если число исследований, посвященных конкуренции и сотрудничеству муниципалитетов, практически необъятно, то проблематика их (и шире — территориальной) коопкуренции затрагивается лишь в очень небольшом количестве публикаций. Это можно объяснить как тем, что понятие коопкуренции вообще возникло недавно, причем применительно к поведению фирм, так и тем, что здесь имеет место «феномен Журдена»: обычное во все времена для муниципалитетов совмещение соперничества и кооперации «вдруг» получило новое название.

Понятие коопкуренции (coopetition), как известно, было введено в широкий оборот с выходом в свет книги А. Бранденбургера и Б. Нейлбаффа

---

[1] *Frère Q., Leprince M. & Paty S.* (2014). The impact of intermunicipal cooperation on local public spending. Urban Studies, 51 (8), 1741–1760.

[2] *Bel G., Warner M. E.* (2015). Inter-Municipal Cooperation and Costs: Expectations and Evidence. Public Administration, 93(1), 52–67.

(Brandenburger and Nalebuff, 1996), хотя, как показывают исследования[1], спорадически использовалось и ранее.

Оно используется для обозначения «бизнес-ситуации, в которой независимые стороны кооперируют друг с другом и координируют свои действия, чтобы достичь взаимовыгодные цели, но в то же самое время конкурируют друг с другом, равно как и с другими фирмами»[2]. В последнее время появилось несколько уточнений (скорее — модификаций) первоначально предложенного понятия, которые тем не менее сориентированы на фирмы, но не на другие типы организаций. Так, М. Бенгтсон и др. определяют коопкуренцию как «процесс, основывающийся на одновременном и взаимном кооперативном и конкурентом взаимодействии между двумя или более акторами...»[3]; Р. Бункен и др. характеризуют ее как «стратегический и динамический процесс, в котором экономические акторы совместно создают стоимость посредством кооперативного взаимодействия, и одновременно конкурируют за присвоение части этой стоимости» [4], и др.

Применительно к ММВ понятие коопкуренции используется С. Паскинелли в связи с исследованием процессов формирования межтерриториальных брендов[5]. Отмечая, что брендирование — один из типичных ходов в межмуниципальной и межрегиональной конкуренции, она приводит и анализирует ряд случаев сотрудничества территориальных единиц в создании и продвижении совместных брендов. Р. Фейок затрагивает тематику конкуренции и кооперации городов в современных условиях развития «новой экономики» в США[6].

Развернутое исследование коопкуренции муниципалитетов во Франции проведено К. Ассенсом и др. [7]. Особенности политического устройства Франции, в рамках которого решения на уровне муниципалитетов оказываются компромиссом между суждениями территориальных директоров, представляющих позиции государства, и выборных представите-

---

[1] *Ketchen D. Jr., Snow C. & Hoover V.* (2004). Research on competitive dynamics: Recent accomplishments and future challenges. Journal of Management, 30(6), 779–804.

[2] *Zineldin M.* (2004). Co-opetition: The organisation of the future. Marketing Intelligence and Planning, 22 (7), 780–789. P. 780.

[3] *Bengtsson M., Eriksson J.* & *Wincent J.* (2010). Co-opetition dynamics — an outline for further inquiry. Competitiveness Review: An International Business Journal, 20 (2), 194–214. P. 200.

[4] *Bouncken R. B.*, *Gast J., Kraus S., Bogers M.* (2015). Coopetition: a systematic review, synthesis, and future research directions. Review of Managerial Science, 9 (3), 577–601. P. 591.

[5] *Pasquinelli C.* (2013). Competition, cooperation and co-opetition: unfolding the process of inter-territorial branding. Urban Research and Practice, 6 (1), 1–18.

[6] *Feiock R.* (2014). How Cities Collaborate While Competing in the New Economy. In: Pagano, M. Metropolitan Resilience in a Time of Turmoil. Champaign: University of Illinois Press, 89–121.

[7] *Assens C., Bartoli A., Hermel P.* (2015). The Combination of Competition and Cooperation in French Local Government: Toward A Specific Public «Coopetition». Cahier de recherche du Larequoi. Université de Versailles-Saint-Quentin-en-Yvelines. 2, 7–18.

лей местных сообществ, «коопкуренция всегда имеет парадоксальный характер, поскольку стремится усилить привлекательность территории и качество работы управления ею, что помогает выборным руководителям, которые потенциально не согласны [с решениями «технических» директоров. — *В. Т.*], рассматривать улучшения как фактор своих будущих электоральных успехов»[1]. Интерпретация коопкуренции преимущественно в политической плоскости, как представляется, сужает аналитический потенциал этого понятия в плане анализа ММВ, однако немаловажно отметить, что данное исследование содержит количественную оценку распространенности муниципальной коопкуренции: 71% респондентов, представляющих 169 муниципалитетов и 250 территориальных директоратов, подтвердили, что местные власти могут одновременно и конкурировать, и сотрудничать друг с другом.

С нашей точки зрения, эти оценки вполне подтверждают сформулированное выше положение о том, что коопкуренция — это типичная ситуация (или типичный процесс) в рамках ММВ. Муниципалитет, с его разнообразием предоставляемых местных услуг и других видов деятельности, схож с диверсифицированной фирмой, действующей на многих независимых рынках, или с распределенной фирмой, действующей на многих площадках. Для таких фирм коопкуренция — их нормальное состояние: подразделения широко сотрудничают, обмениваются ресурсами и знаниями, выполняя свои задачи, и одновременно конкурируют за ресурсы, которые распределяет штаб-квартира, включая финансы и административную поддержку[2]. Точно так же муниципалитеты, тесно сотрудничая (если это взаимовыгодно) в части предоставления услуг своим местным сообществам, могут жестко конкурировать за гранты региональных и центральных правительств, их политическую поддержку. Как представляется, анализ ММВ под этим углом зрения — перспективное направление исследований, он способен значительно расширить наши знания о поведении муниципалитетов как экономических агентов.

Такой анализ особенно актуален для России, где изучением ММВ занимаются преимущественно правоведы и специалисты по государственному и муниципальному управлению.

Слияние

Стремление сократить число муниципалитетов посредством их слияний и объединений, введение промежуточных уровней управления, также

---

[1] *Assens C., Bartoli A., Hermel P.* (2015). The Combination of Competition and Cooperation in French Local Government: Toward A Specific Public «Coopetition». Cahier de recherche du Larequoi. Université de Versailles-Saint-Quentin-en-Yvelines. 2, P. 11.

[2] *Luo Y.* (2005). Toward coopetition within a multinational enterprise: a perspective from foreign subsidiaries. Journal of World Business, 40 (1), 71–9.

наделяемых правами муниципалитетов, — «любимая забава» многих центральных и региональных правительств самых разных стран. Публичным оправданием таких действий обычно выступает ссылка на экономию расходов за счет эффектов масштаба, хотя реальным мотивом является скорее всего элементарное стремление управленцев вышестоящего уровня обеспечить обозримость объекта управления, независимо от экономических последствий, либо решение каких-то чисто политических проблем, типа устранения нежелательных руководителей. Именно об этом свидетельствуют настойчивые попытки объединений и последующих «разъединений» муниципалитетов, регулярно случающиеся в различных странах. Что говорят по этому поводу многочисленные эмпирические исследования таких реформ?

В Финляндии для большинства направлений расходов бюджетов после слияния расходы на душу населения выросли, кроме статьи общих административных расходов, однако последние снизились гораздо меньше, чем выросли все остальные[1]. В Канаде, констатируют исследователи, цели сбережения затрат не были достигнуты, а для четырех видов услуг (пожарная охрана, сбор и вывоз мусора, библиотеки, парки и зоны отдыха) даже возросли; правда, увеличились финансовые возможности бывших малых муниципалитетов[2]. Аналогичные последствия были ранее выявлены в Австралии[3], Дании[4], Швеции[5], Боливии[6] (Faguet, 2004), и этот список можно продолжить. Безусловно, некоторые исследования свидетельствуют о сокращении расходов по ряду направлений. Сопоставление значительного числа работ позволило Дж. Бернсу и Б. Доллери представить следующую статистику: в 8% исследований экономия от масштаба была засвидетельствована, в 24% работ был выявлен рост расходов, в 29% — установлена

---

[1] *Moisio A., Uusitalo R.* (2013).The impact of municipal mergers on local public expenditures in Finland. Public Finance and Management, 13 (3),148–166.

[2] *Slack E., Bird R.* (2013). Does municipal amalgamation strengthen the financial viability of local government? A Canadian example. Public Finance and Management, 13 (2), 99–123.

[3] *Byrnes J. & Dollery B.* (2002). Do economies of scale exist in Australian local government? A review of the research evidence. Urban Policy and Research, 20(4), 391–414.

[4] *Blom-Hansen J.* (2010). Municipal Amalgamations and Common Pool Problems: The Danish Local Government Reforms in 2007. Scandinavian Political Studies, 33(1), 51–73; *Blom-Hansen J., Houlberg K., Serritzlew S., Treisman D.* (2016). Jurisdiction Size and Local Government Policy Expenditure: Assessing the Effect of Municipal Amalgamation. American Political Science Review, 110(4), 812–831.

[5] *Dalhberg M.* (2010). Local Government in Sweden. — In: Mosio, A. (Ed.) Local Public Sector in Transition: A Nordic Perspective. Helsinki: Government Institute for Economic Research. P. 122–146.

[6] *Faguet J. P.* (2004). Does decentralization increase responsiveness to local needs? Evidence from Bolivia. Journal of Public Economics, 88(4), 867–894.

U-образная связь расходов и размеров муниципалитетов, и в 39% какая-либо связь расходов и размеров не была обнаружена[1].

Для экономиста такого рода данные ясно говорят о том, что на издержки оказания муниципальных услуг, кроме размеров муниципалитетов, явно влияют другие факторы, прежде всего — разнородность самих услуг, технологии их производства и предоставления: для каких-то услуг технологии «отзывчивы» на масштабы их предоставления, для каких-то нет. Безусловно важно влияние на издержки оказания муниципальных услуг организации менеджмента их производства внутри муниципалитетов, где вполне может проявить себя X-неэффективность[2]. В этой связи безусловного внимания заслуживает опыт США, где наряду с многоцелевыми органами местного самоуправления существуют и специализированные (одноцелевые) дистрикты (single purpose governments), предоставляющие услуги на территориях нескольких муниципалитетов[3]. Впрочем, их влияние на издержки также неоднозначно[4], что свидетельствует, по нашему мнению, лишь об одном: если намечаемые реформы границ муниципалитетов действительно направлены на обеспечение экономии расходов и повышение эффективности предоставления услуг, то им должен предшествовать экономический анализ технологий предоставления различных видов услуг, включая организацию процессов их предоставления. Такой анализ способен предложить для каждого типа услуг несколько дискретных институциональных альтернатив их производства и поставки, из которых и может быть осуществлен экономически обоснованный вывод. Разумеется, если реформы преследуют иные цели, экономический анализ оказывается излишним.

Проведенный анализ показывает, что ММВ включает совокупность весьма разнообразных взаимодействий, добровольное вступление в которые муниципалитетов далеко не всегда обусловливается соображениями повышения уровня и качества муниципальных услуг, предоставляемых местным сообществам. Создание внешних стимулов к взаимодействию со стороны государства часто ведет к формальному исполнению требований, т.е. к работе на показатель. Феномен экономии на масштабах, декларативно объявляемый основанием для реформ по укрупнению муни-

---

[1] *Byrnes J. & Dollery B.* (2002). Do Economies of Scale Exist in Australian Local Government? A Review of the Research Evidence. Urban Policy and Research, 20 (4), 391–414.

[2] *Leibenstein H.* (1966). Allocative Efficiency vs. X-Efficiency. American Economic Review, 56 (3), 392–415.

[3] *Foster K.A.* (1997). The Political Economy of Special-Purpose Government. Washington, D.C.: Georgetown University Press. — 269 p.

[4] *Boyne G.A.* (1992). Local Government Structure and Performance: Lessons from America. Public Administration, 70(3), 333–57; *Hendrick R.M., Jimenez B.S., Lal K.* (2011). Does local government fragmentation reduce local spending? Urban Affairs Review, 47(4), 467–510.

ципалитетов, проявляется в действительности достаточно редко, за исключением статьи административных расходов, экономия по которой обычно перекрывается ростом расходов по другим статьям. В силу этого нормальным типом ММВ является коопкуренция, практически не исследованная как в отечественной, так и мировой экономической литературе.

В нормативном аспекте важно подчеркнуть, что в силу неоднородности муниципальных услуг, различий в зависимостях их издержек от размеров муниципалитетов и характера взаимодействия для разных типов услуг существуют свои дискретные институциональные альтернативы, обеспечивающие повышение результативности и эффективности их оказания. Их выявление и обоснование также представляются значимой исследовательской задачей.

ГЛАВА 1.2
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОРОДОВ НА ОСНОВЕ СЕТЕВОГО МЕХАНИЗМА КООРДИНАЦИИ

С точки зрения новой институциональной экономической теории в основе складывающихся в экономике взаимодействий экономических агентов лежат специфические механизмы координации (МК), каждый из них имеет свои преимущества и недостатки. Выбор одного из способов организации экономической деятельности осуществляется посредством сопоставления свойств альтернативных структур управления и соединяющихся с ними трансакций с учетом внешней среды. В соответствии с гипотезой дифференцированной состыковки О. Уильямсона, «различные по свойствам трансакции состыковываются со структурами управления, которые различаются по силе и слабости своих адаптивных возможностей, таким образом, чтобы минимизировать трансакционные издержки»[1].

Вопрос о том, сколько существует «чистых» механизмов координации, остается дискуссионным: широко признано существование МК Рынок и МК Иерархия[2], и ряд исследователей предлагают ограничиться двумя этими МК, рассматривая любые иные варианты как гибриды, в то время как в целом ряде современных работ признается наличие по крайней мере еще одного механизма координации — МК Сеть, имеющего специфические характеристики, отличные от характеристик МК Рынок и МК Иерархия[3]. Существенным признаком МК Сеть является исполнение длительного отношенческого контракта, который регламентирует долгосрочные взаимодействия хозяйствующих субъектов и является принципиально важным для участников взаимодействия. Поскольку этот контракт может иметь неформальный характер или вообще быть имплицитным, точное

---

[1] *Уильямсон О. Е.* Аутсорсинг: трансакционные издержки и управление цепями поставок // Российский журнал менеджмента. 2010. № 8 (1). С. 71–92.

[2] *Williamson O. E.* (1975). Market and Hierarchy: Analysis and Antitrust Implications. N.Y.: Free Press.

[3] Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория / А. А. Аузан, М. Е. Дорошенко, В. В. Иванов и др. М.: ИНФРА-М, 2011.

исполнение такого контракта может восприниматься сторонним наблюдателем как необъяснимое прощение пострадавшей стороной нарушителя разовых контрактных обязательств. Однако фактически при устойчивом взаимодействии экономические агенты приобретают дополнительные стимулы, поддерживающие сотрудничество между ними: кооперационные отношения участников сетей, обусловленные повторяющимся характером взаимодействий их участников, дают все основания для трактовки разовых нарушений обязательств как определенной нормы взаимоотношений, в рамках которой текущие потери от нарушения компенсируются в ходе будущих взаимодействий.

Таким образом, сети могут быть рассмотрены в том числе сквозь призму формальных и неформальных институтов, задающих структуру сети и формирующих правила взаимодействия внутри нее[1]. Соответственно, под сетевыми структурами управления следует понимать коалиции взаимозависимых специализированных экономических единиц со своими индивидуальными целями (независимые фирмы, автономные организации, государственные и муниципальные учреждения или иные типы экономических агентов), которые задействованы в системе с общим целеполаганием и координируют свои действия[2]. Характерным признаком сетевых структур является длительность взаимоотношений, достаточная для создания некой «внутренней» для группы системы норм и правил, регулирующих взаимодействие и поведение внутри сети. На этой основе происходит согласование интересов и координация действий ее участников.

Объединение участников сети осуществляется на основе вертикальных и горизонтальных взаимодействий между различными экономическими субъектами и их взаимовыгодной зависимости. Например, в случае межфирменных сетей входящие в сеть компании начинают взаимодействовать с широким кругом партнеров: поставщиками, потребителями, другими производителями, дистрибьюторами, государственными и общественными организациями, университетами и другими участниками[3]. Между ними образуются различные типы связей, помогающие выигрывать каждому элементу образовавшейся сети. Такие объединения позволяют малым и средним организациям преодолевать ресурсную ограниченность и добиваться более высокой конкурентоспособности благодаря единой информационной сети и общей ресурсной базе, а также обмену знаниями,

---

[1] *Klijn E. H.*, *Koppenjan J. F.* M. (2006). Institutional design: changing institutional features of networks. Public management review. Vol. 8. № 1. P. 141–160.

[2] Методология исследования сетевых форм организации бизнеса / под науч. ред. М. Ю. Шерешевой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 76.

[3] *Шерешева М. Ю.* Межфирменные сети. М.: ТЕИС, 2006.

который способствует принятию более своевременных и обоснованных управленческих решений[1].

Экономические агенты объединяются в сеть для достижения общих целей. Концентрируясь на них, участники сети синхронизируют друг с другом проведение операций и добиваются единой сетевой направленности, что обеспечивает устойчивость сети. Каждый партнер может развиваться самостоятельно, независимо от других, получая для себя дополнительную выгоду от участия в сетевом взаимодействии. Связи в сетевых организациях строятся на добровольном объединении сил и ресурсов их членов, каждый из которых обладает специфическими ресурсами, пригодными на том или ином этапе процесса, ведущего к реализации общей цели, согласованной ex ante.

Сетевое взаимодействие осуществляется на различных уровнях. Независимо от видов структур участников сети кооперация происходит не только между этими организациями, но и между их подразделениями, а также их сотрудниками. Все отношения между участниками сети обладают своей особой структурой связей. Как правило, различают следующие виды связей[2]:

- экономические (например, особые условия поставки и оплаты);
- юридические (например, заключение долгосрочного контракта);
- технические (адаптация продуктов, технологий и бизнес-процессов);
- когнитивные (расширение знаний о партнере);
- социальные (обоюдное доверие и личное отношение);
- связанные с общим планированием (например, управление логистикой).

Наиболее ранние исследования в области сетевого механизма координации были связаны преимущественно с межфирменными сетями, однако в дальнейшем экономисты обратили свое внимание и на сети, узлами которых являются разные экономические агенты, в том числе крупные экосистемы с собственной сложной структурой. В частности, было обращено внимание на то, что есть исторические прецеденты существования устойчивых сетей городов, самым ярким примером которых был Ганзейский союз[3].

---

[1] *Шерешева М. Ю.* Формы сетевого взаимодействия компаний. М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2010.

[2] *Кущ С. П.*, *Рафинеджад Д., Афанасьев А. А.* Сетевой подход в маркетинге: российский опыт // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8. Менеджмент. 2002. № 1. С. 84–85.

[3] *Dollinger P.* (1999). The German Hansa (Vol. 1). Psychology Press; *Hohenberg P. M.* (2004). The historical geography of European cities: an interpretive essay. Handbook of regional and urban economics (Vol. 4. P. 3021–3052). Elsevier.

В конце XX в. появились первые исследования, касающиеся современных сетевых взаимодействий городов[1]. В 1995 г. Д. Баттеном было введено понятие «сетевой город» (network city), под которым понимается объединение двух или более независимых городов с целью кооперации в области инфраструктуры, инновационного развития или культурного обмена[2]. Он отмечал, что по своей структуре и целям создания сети городов похожи на межфирменные сети: в обоих случаях речь идет о синергетическом эффекте для участников, создаваемом за счет продуктивного взаимодействия, обмена знаниями и идеями, освоения лучших практик.

Если под «сетевыми городами», описанными Д. Баттеном, понимались преимущественно объединения городов, расположенных в одном географическом регионе, то в последующих исследованиях по данной теме рассматривались уже межрегиональные и международные сети городов. В частности, в целом ряде работ П. Тэйлора, Б. Деруддера, Дж. Каталано, Дж. Биверстока, Р. Смита, Д. Уолкера сетевое взаимодействие крупнейших городов изучается сквозь призму множества межорганизационных сетей, в которые вовлечены фирмы и другие организации, офисы которых расположены в этих городах[3].

Исследования Э. Мейерса, Я. Р. ван Эккома, Д. Снеллен, Ф. Ван Оорта, М. Бургера, О. Распе, Л. Ван ден Броека и других доказали, что современные сети городов, включающие в себя города разного размера (крупные, средние, малые), создают синергетический эффект как для их собственного устойчивого развития, так и для регионального экономического роста[4]. В начале прошлого десятилетия К. Френкен и Дж. Хекман провели

---

[1] *Friedmann J.* (1986). The world city hypothesis. Development and change, 17(1), 69–83; *Kickbusch I.* (1989). Healthy Cities: a working project and a growing movement. Health Promotion International, 4(2), 77–82.

[2] *Batten D. F.* (1995). Network cities: creative urban agglomerations for the 21st century. Urban Studies, 32(2), 313–327.

[3] *Beaverstock J. V., Smith R. G. & Taylor P. J.* (2000). World-city network: A new metageography? Annals of the association of American geographers, 90(1), 123–134; *Taylor P.* (2003). European cities in the world city network. The European Metropolis 1920–2000; *Taylor P. J., Catalano G. & Walker D. R.* (2002). Exploratory analysis of the world city network. Urban Studies, 39(13), 2377–2394; *Taylor P. J. & Derudder B.* (2015). World city network: a global urban analysis. Routledge.

[4] *Meijers E.* (2005). Polycentric urban regions and the quest for synergy: is a network of cities more than the sum of the parts. Urban Studies, 42(4), 765–781; *Van Eck J. R., Daalhuizen F., Van den Broek L., Van Oort F. & Raspe O.* (2005). The Randstad as a network city. 45th Congress of the European Regional Science Association. On Land Use and Water Management in a Sustainable Network Society. August 23–27. Amsterdam, The Netherlands; *Van Oort F., Burger M. & Raspe O.* (2010). On the economic foundation of the urban network paradigm: spatial integration, functional integration and economic complementarities within the Dutch Randstad. Urban Studies, 47(4), 725–748.

факторный анализ экономического роста в 1088 регионах Западной Европы (ЕС-25)[1]. Проанализировав набор региональных экономических показателей европейских стран, они с помощью регрессионных моделей показали, что те регионы, где организовано сетевое взаимодействие всех типов городов, характеризуются более высоким экономическим ростом по сравнению с теми регионами, где таких сетей нет. Это же подтверждено и исследованиями сетевого взаимодействия городов в Японии, Корее, Китае[2].

Ряд российских исследователей также подчеркивают, что устойчивое развитие регионов может быть достигнуто на основе выравнивания социально-экономического развития городских образований в рамках единой региональной сети городов, в том числе за счет включения в эту общую сеть малых и средних городов с учетом их функциональной специализации[3].

Все более широкое применение сетевого механизма координации в целях устойчивого развития городов заставляет более пристально взглянуть на существующие в настоящее время примеры межмуниципального сетевого взаимодействия и обратить внимание на то, что эти примеры есть в практике как крупнейших мегаполисов мира, так и небольших городских поселений.

Первые эмпирические и теоретические работы, посвященные сетевому взаимодействию муниципальных образований, в основном касались опыта крупных городов, прежде всего мегаполисов. По мере освоения данного поля исследований к анализу стали привлекаться все типы муниципальных образований, включая как средние и малые города, так и сельские поселения[4]. К настоящему времени международный опыт формирования и развития сетей муниципальных образований уже достаточно обширен. Ниже будут рассмотрены наиболее известные и проработанные подходы, базирующиеся на изученном эмпирическом материале.

---

[1] *Frenken K. & Hoekman J.* (2006). Convergence in an enlarged Europe: the role of network cities. Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie, 97(3): 321–326.

[2] *Kwon O. H.* (2009). Theoretical examination of network cities and application possibility for South-East Region in Korea. Journal of the Economic Geographical Society of Korea, 12(3), 277–290; *Sohn J. Y.* (2011). Network city as a new urban growth model: a review on its formation, spatial structure, management, and growth potential. Journal of Korean Geographical Society, 46(2), 181–196; *De Vries J.* (2012). The Randstad: in search of a metropolis for Netherlands (Randstad: à la recherche d'une métropole pour les Pays-Bas). Bulletin de l'Association de géographes français, 89e année, 89(4), 534–546; MOLIT. (2014). Status of urban planning 2013. Korean Government, 3–6.

[3] *Метелева Е. Р.* Использование сетевого подхода в технологии стратегического управления городским развитием // Baikal Research Journal. 2011. № 2; *Довбыш Е. Г.* Европа: новые реалии участия городов в интеграционных процессах // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 1. С. 93–102; *Mingaleva Z., Sheresheva M., Oborin M., Gvarliani T.* (2017). Networking of small cities to gain sustainability. Entrepreneurship and Sustainability Issues, 5(1), 140–156.

[4] *Campbell T.* (2013). Beyond smart cities: how cities network, learn and innovate. Routledge.

Глобальные сети городов (global city networks)

Принято считать, что старт развитию парадигмы глобальных городов (global cities) был дан в работе Дж. Фридмана и Дж. Вольфа, которые идентифицировали ряд крупнейших городов мира как «командные центры» для контроля и формулирования «нового международного разделения труда», создаваемого многонациональными корпорациями[1]. Эти авторы привлекли внимание к складывающимся новым характеристикам мировой системы производства и обмена, которая действует через глобальную сеть городов. Они имели в виду быстрорастущие мегаполисы (от пяти до пятнадцати миллионов жителей), в которых сконцентрирована большая часть активного капитала и которые, по сути, представляют собой обширные, высоко урбанизированные регионы.

В дальнейшем этот подход отчасти прослеживается в известной работе М. Кастельса, который включил в свое «пространство потоков», глобальные города как «самую прямую иллюстрацию» узлов формирующейся всемирной сети[2].

После появления работ П. Холла[3] (1984) и С. Сассен (1991)[4] прошла серьезная дискуссия по поводу определения глобального, или всемирного, города (global city, или world city). В итоге было принято понимание этих городов как «командных пунктов» глобальной экономики, жизненно важных центральных узлов (хабов), через которые проходят потоки товаров, людей и идей[5]. Соответственно, роль их сетевого взаимодействия в устойчивом развитии современной мировой экономики признается ключевой, что повлекло за собой ряд эмпирических исследований по изучению связей между ними.

С этого времени в растущем числе публикаций высказывается стремление разрабатывать новые методы и концепции, касающиеся «нового мышления в изучении городов XXI в.»[6]. Существует целый ряд направлений развития в этом русле, начиная с этнографического[7] и заканчивая

---

[1] *Friedmann J., Wolff G.* (1982). World City Formation: An Agenda for Research and Action. International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 6. № 3. P. 309–344.

[2] *Castells M.* (1996). The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell.

[3] *Hall P. G.* (1984). The World Cities. London: Weidenfeld & Nicholson, 1984.

[4] *Sassen S.* (1991). The Global City. Princeton: Princeton University Press.

[5] *Short J. R.* (2004). Black holes and loose connections in a global urban network. The Professional Geographer, 56(2), 295–302.

[6] *Robinson J.* (2016). Comparative urbanism: new geographies and cultures of theorizing the urban. International Journal of Urban and Regional Research, 40(1), 187–199.

[7] *Simone A.* (2010). City life from Dakar to Jakarta. London and New York: Routledge.

теоретическими разработками, претендующими на формирование новой аналитической и методологической повестки дня[1].

Основной пласт работ по тематике глобального сетевого взаимодействия городов[2] имеет географическую направленность, однако разработанные положения и эмпирические результаты вносят существенный вклад в понимание сетевого взаимодействия городов как самостоятельных экономических субъектов, имеющих сложную внутреннюю структуру и обладающих значительной самостоятельностью в формировании и реализации стратегии социально-экономического развития.

Стандартные техники сетевого анализа в данной области исследований впервые применил П. Тейлор[3]. Он поставил задачу точной спецификации глобальной сети городов, без которой не может быть детального изучения ее функционирования, — узлов сети, их связей и того, как в результате этих связей возникает сеть как единое целое. В качестве стартового исследования он визуализировал небольшую часть глобальной сети городов: десять ведущих городов мира (так называемых «альфа-городов»)[4], три лидирующие компании сферы услуг (одна из сферы рекламного бизнеса, одна финансовая, одна — поставщик юридических услуг) — и показал, как строятся связи между городами с учетом деятельности бизнеса.

В то же время ряд авторов указывают на ограниченность сложившейся концепции глобальной сети городов, которая состоит в практически полном игнорировании роли городов меньшего размера. Как отмечает Дж. Шорт, целенаправленный акцент на выделение городов, которые могут быть отнесены к «глобальным», привел к перекосу в исследованиях: изучение сети связей только между крупнейшими городами мира сужает диапазон анализа, оставляя за пределами изучения даже те крупные города, которые по каким-либо причинам не признаются «глобальными» (не го-

---

[1] *Farías I., Bender T.* (Eds.). (2012). Urban assemblages: How actor-network theory changes urban studies. Routledge; *McFarlane C.* (2010). The comparative city: knowledge, learning, urbanism. International journal of urban and regional research, 34(4), 725–742; *Jacobs J. M.* (2012). Urban geographies I: Still thinking cities relationally. Progress in Human Geography, 36(3), 412–422.

[2] Помимо термина Global city network в работах встречаются также термины Global network of cities, World city network, а также синонимично употребляемые термины «глобальная урбанистическая система» (global urban network), «транснациональная урбанистическая система» (transnational urban system), «мировая функциональная урбанистическая система» (functional world city system).

[3] *Taylor P. J.* (2001). Specification of the world city network. Geographical analysis. Vol. 33. № 2. P. 181–194; *Taylor P. J.* (2004). World City Network: A Global Urban Analysis. London, Routledge.

[4] На тот момент это были Нью-Йорк, Лондон, Париж, Франкфурт, Милан, Токио, Гонконг, Сингапур, Лос-Анджелес, Чикаго. См.: *Beaverstock J. V., Smith R. G., Taylor P. J.* (1999). A roster of world cities. Cities. Vol. 16. № 6. P. 445–458.

воря уже о множестве средних и малых городов). Однако эмпирические данные показывают, что тот или иной город может активно участвовать в глобальных потоках, и исключение такого рода узлов сети из анализа приводит к ошибочным выводам. Если город «недотягивает» до определения глобального, это не означает отсутствие у него глобальных связей, имеющих важное значение для устойчивого развития.

Соответственно, в качестве критично важных узлов глобальной сети городов следует как минимум рассматривать все достаточно крупные города и выявлять те, которые действуют в качестве «шлюзов для глобализации» и являются неотъемлемой частью глобальной системы как производители глобальных товаров и услуг, как хабы, через которые идет значительный поток людей, финансов, идей (gateway cities)[1].

«Промежуточные» города (intermediate cities)

Для устойчивого развития на основе сетевого взаимодействия городов в переходных и развивающихся экономиках особый интерес представляет концепция intermediate cities[2], которую в настоящее время активно продвигает United Cities and Local Governments (UCLG)[3] — организация, которая представляет и защищает на международном уровне интересы местных администраций, независимо от размера муниципальных образований. В последние годы появился целый ряд эмпирических исследований, в которых характеризуется положение i-cities в сетях городов в Европе[4], Африке[5], Центральной и Латинской Америке[6] и т.д.

---

[1] *Short J. R.*, *Breitbach C., Buckman S., Essex J.* (2000). From world cities to gateway cities. City, № 4, 317–340.

[2] *Rondinelli D. A.* (1982). Intermediate cities in developing countries: a comparative analysis of their demographic, social and economic characteristics. Third World Planning Review, Vol. 4, № 4.

[3] United Cities and Local Governments: official Site. URL: https://www.uclg.org/

[4] *Ganau J., Vilagrasa J.* (2003). Middle-sized and intermediate cities in Spain: Their position in the urban network and recent urban processes. Villes moyennes et mondialisation. Renouvellement de l'analyse et des stratégies. P. 128–145.

[5] *Oyesiku O. O.*, *Odufuwa B. O.* (2002). Gender perspectives in travel behaviour of motorcycle passengers in Nigerian intermediate cities. Urban Mobility for All, Lisse: AA Balkema, The Netherlands. P. 13–19; *Marais L.* (2014). Outside the core: Towards an understanding of intermediate cities in South Africa. — South African Cities Network; *Satterthwaite D.* (2017). The impact of urban development on risk in sub-Saharan Africa's cities with a focus on small and intermediate urban centres. International journal of disaster risk reduction. Vol. 26. P. 16–23.

[6] *Bolay J. C.*, *Rabinovich A.* (2004). Intermediate cities in Latin America risk and opportunities of coherent urban development. Cities. Vol. 21. № 5. P. 407–421; *Klaufus C.* (2010). Watching the city grow: remittances and sprawl in intermediate Central American cities. Environment

«Промежуточные» города (i-cities) — города с населением от 50 тыс. до 1 млн человек, в которых проживает около 20% мирового населения. Эти города, как правило, играют основную роль в подключении важных сельских и пригородных районов к основным объектам и услугам — по сути, выступают центрами сети муниципальных образований, которая придает жизнеспособность сельским регионам. В этом смысле они выступают как «жизненная связь между локальным и глобальным»[1]. В силу своего масштаба i-cities могут гарантировать и обеспечить базовые потребности в жилье для своего населения более эффективно и дешево, чем метрополии. Их решающая роль в достижении «всеобъемлющего, безопасного и устойчивого» урбанизма[2], а также в развитии более сбалансированных и устойчивых региональных систем означает, что им следует уделять больше внимания в повестке дня современной урбанизации.

Узловые регионы, агломерации и конурбации (nodal regions, agglomerations and conurbations)

Как уже было сказано выше, еще в 1960-е гг. ряд исследователей использовали теорию графов для характеристики пространственного размещения городов[3], опираясь на теорию узловых регионов (nodal regions).

Понятие узлового региона было введено для описания взаимосвязей между центральным, или узловым, городом и прилегающим к нему ареалом (районами). Узловые регионы определяются путем оценки внешних контактов малых территориальных единиц и определения той точки (места), с которым имеются наиболее тесные связи[4]. Обычно это будет ближайший город, и этот город оказывается узловой точкой для ориентированных на него прилегающих районов. Агрегация этих территориальных единиц называется узловым регионом. При этом в зависимости от исследо-

and Urbanization. Vol. 22. № 1. P. 125–137; *Steel G.* (2013). Mining and tourism: urban transformations in the intermediate cities of Cajamarca and Cusco, Peru. Latin American Perspectives. Vol. 40. № 2. P. 237–249; *Angel S.* (2012). Preparing for urban expansion: A proposed strategy for intermediate cities in Ecuador. The New Global Frontier. Routledge. P. 129–144.

[1] Intermediary Cities. United cities and local governments: official site. URL: https://www.uclg.org/en/agenda/intermediary-cities

[2] UN-Habitat. Sustainable cities and communities. URL: https://unhabitat.org/wp-content/uploads/2018/07/UN-Habitat-Brochure.pdf

[3] *Nystuen J. D.*, *Dacey M. F.* (1961). A graph theory interpretation of nodal regions. Papers in Regional Science. Vol. 7. № 1. P. 29–42.

[4] Это не отрицает существования других потоков или связей: безусловно, все районы и находящиеся на территории муниципальные образования соединены с многими другими многочисленными типами связей.

вательской задачи точками (узлами сети) могут быть и только населенные пункты, и районы, абстрагированные до уровня точек. В этом последнем случае получается визуализация узлового региона как множество точек, связанных с одной центральной точкой. В этих межгородских сетевых структурах косвенные связи так же важны, как и прямые.

В качестве примера можно привести Перспективу европейского пространственного развития (European Spatial Development Perspective — ESDP), в которой определяются три основные цели политики устойчивого территориального развития стран ЕЭС: экономическая и социальная сплоченность, сохранение и управление природными ресурсами и культурным наследием, а также более сбалансированная конкурентоспособность всех регионов Евросоюза и ЕЭС в целом[1]. Для достижения этих целей проводилось изучение текущего состояния регионального развития, которое должно служить в качестве основы для дальнейших экономических и политических решений. Каждый анализируемый регион рассматривался как динамическая система, которая очень сложна и которой крайне сложно управлять с административной точки зрения. В этой связи было введено понятие «функциональный регион» как наиболее подходящая единица для экономического анализа и взаимодействия политических, социальных и экономических процессов[2].

В настоящее время самым важным функциональным уровнем городских и региональных систем стали городские агломерации/конурбации[3]. При этом появились две основные концепции: концепция функционального урбанистического района (Functional Urban Area) и концепция функционального урбанистического региона (Functional Urban Region). Эти концепции легли в основу изучения социальных и пространственных различий в районах, прилегающих к разным городам, и связанных с этим проблем, таких как жилая сегрегация (residential segregation), вымывание из центра экономической активности (outward diffusion of economic activities) и людей или дисбаланс на рынках труда.

Функциональный регион — это территория, определяемая гораздо более интенсивными экономическими взаимодействиями внутри нее, чем с любой другой областью за ее пределами. Функциональный регион характеризуется агломерацией его деятельности и внутрирегиональной

---

[1] ESDP — European Spatial Development Perspective (1999). Towards Balanced and Sustainable Development of the Territory of the European Union. Agreed at the Informal Council of Ministers responsible for Spatial Planning. Potsdam, Published by the European Commission. P. 87.

[2] *Tomaney J., Ward N.* (2000). England and the 'new regionalism'. Regional studies. Vol. 34. № 5. P. 471–478.

[3] *Antikainen J.* (2005). The concept of functional urban area. Informationen zur Raumentwicklung. Vol. 7. P. 447–452.

транспортной инфраструктурой, способствующей большой мобильности людей, продуктов и т.п. в пределах его границ.

На практике используются, например, две разные концепции для разграничения поездок на работу: (а) делимитация вокруг центра и (б) делимитация с использованием алгоритмов или кластерного анализа на основе комбинации расстояния, близости, времени проезда и т.д. Некоторые исследователи подчеркивают, что при делимитации на основе центров необходимо соблюдать особую осторожность в определении этих центров. Ряд стран ЕЭС определяют центры в зависимости от размера населения или уровня занятости, другие рассматривают условия связности.

Рассмотрим опыт Словении. Согласно реализации иерархии центральных мест, для пространственного планирования и целей региональной политики были выделены семь уровней: 1–4 — более низкий уровень (местные центры); 5–7 — более высокий уровень (региональные центры) — в Долгосрочном плане развития Словении до 2000 г., принятом в 1986 г. в качестве всеобъемлющей стратегии для социального, экономического, пространственного, регионального и экологического развития страны. Этот план был сформулирован в соответствии с концепцией полицентрического развития с учетом специфики различных (географических) зон и сети региональных и местных центров (58 городов) с разным размером населения и функциями. Двенадцать наиболее важных региональных центров — Любляна, Марибор, Целе, Крань, Ново Место, Нова Горица, Мурска Собота, Постойна — и несколько кластеров городов (конурбаций), таких как Копер-Изола-Пиран, Трбовое-Загорье об Сави-Храстник, Словен Градец Равне на Корошкем-Драгограде, Кршко-Брежице, Есенице-Радовлица, с тяготеющими к ним районами в итоге охватывали всю территорию Словении. В результате удалось наладить координацию и распределение ресурсов (в частности, рабочей силы, услуг и финансовых субсидий) и сформировать достаточно действенные инструменты сбалансированного и устойчивого регионального развития в такой традиционно полицентрической (хотя и небольшой по размеру) стране, как Республика Словения.[1]

Примечательны также примеры реструктуризации агломерации города Острава (Чехия) и конурбации Катовице (Польша) на фоне общего упадка региона. В работе Й. Сухачека[2] проведен сравнительный анализ и пока-

[1] *Drobne S., Konjar M., Lisec A., Milanović N. P.*, & *Lamovšek A. Z.* (2010). Functional regions defined by urban centres of (inter) national importance — the case of Slovenia. REAL CORP 2010 Proceedings/Tagungsband Vienna, 18–20 May 2010.

[2] *Suchacek J.* (2005). Regional decline and restructuring in Ostrava agglomeration and Katowice conurbation. 45th Congress of the European Regional Science Association: «Land Use and Water Management in a Sustainable Network Society», 23–27 August 2005, Amsterdam, The Netherlands.

зано, что в случае Остравской области реструктуризация оказалась далека от успеха, в то время как в Катовице, наоборот, пессимистический сценарий не оправдался. Проанализировав различные направления реструктуризации в этих двух регионах как с точки зрения рангов территорий (национальных и региональных), так и с точки зрения функциональной (реструктуризация традиционных отраслей, развитие новых видов деятельности, уровень реструктуризации коммуникаций), Й. Сухачек сделал вывод, что в случае Катовицкой конурбации реструктуризация отрасли проводилась относительно медленно и ex ante сопровождалась тщательным анализом существующих связей и созданием рабочих мест в других секторах, в отличие от агломерации Остравы, где ex post был сделан акцент на подчеркнуто рыночное развитие.

Для реструктуризации агломерации Остравской области были типичны многочисленные, но плохо скоординированные проекты. В случае конурбации Катовице на основе проведенного анализа был сделан выбор в пользу отдельных значимых проектов, которые получали достаточное финансирование.

Влияние центрального правительства в Варшаве на развитие конурбации Катовице было намного выше, чем в любом другом регионе Польши. Напротив, внимание, уделяемое Остравской агломерации, было крайне мало, поскольку она и географически, и психологически воспринимается Прагой как наиболее отдаленный регион. Остраве предложили развиваться эндогенно, за счет собственных возможностей. Однако в ситуации, когда местным и региональным субъектам не хватает компетенций и финансовых ресурсов, трансформация, основанная на внутреннем, эндогенном потенциале, не приносит успеха.

Различные трансформационные траектории обоих регионов отражают различные региональные неформальные институты. В конурбации Катовице траектория предшествующего развития была учтена, интенсивное лоббирование повлияло на процесс реструктуризации положительным образом. В Остравской агломерации, предоставленной самой себе, произошло усугубление негативных тенденций. Сильное лобби в Катовицкой конурбации трансформировало прежнюю экономическую власть в нынешнее политическое влияние. Наоборот, в Остраве прежде влиятельные структуры стали терять свои возможности после начала реструктуризации из-за рестриктивного подхода центрального правительства, а также из-за низкого уровня взаимного доверия и сотрудничества между региональными и местными субъектами.

Таким образом, в развитии агломераций и конурбаций роль государственного управления и принимаемых центром решений является ключевой, однако и траектория предыдущего развития, и состояние взаимоотношений, в том числе наличие или отсутствие доверия между стейкхолдерами

агломерации/конурбации, оказывают существенное влияние на перспективы устойчивого развития.

Транснациональные сети городов в рамках «горизонтальной европеизации» (Europeanization)

ЕС содействует сотрудничеству между странами-членами на уровне муниципалитетов, стимулируя обмен и передачу передового опыта между городами, совместный поиск решений и совместную деятельность по целому ряду направлений, при это особое значение придается вопросам устойчивого развития. Совместные проекты с участием городов из разных государств — членов ЕС создают ряд «транснациональных пространств» за пределами национальных государств.

К настоящему времени существуют активно работающие ассоциации местных органов власти и транснациональные сети европейских городов не ограничивают свою деятельность агрегированием и представлением интересов их членов. Ассоциации местных органов власти, транснациональные сети и трансграничные проектные сети поддерживают передачу передовых практик и совместную разработку инновационных решений[1]. Это наряду с лоббированием интересов основная миссия транснациональных сетей.

Связи между местными органами власти, которые разрабатываются на четко добровольной основе, могут быть двусторонними или многосторонними. Двусторонние отношения между субнациональными органами власти выступают отличной основой для создания транснациональных сетей городов и очень полезны, когда необходимы партнеры для проектов. Такие связи способствуют «горизонтальной европеизации» (Europeanization)[2], поскольку они используются местными субъектами в качестве инструментов для транснационального сетевого взаимодействия, трансфера лучших практик и обучения на основе передового опыта.

Трансфер лучших практик требует наличия прямых связей между субнациональными субъектами в разных странах, поэтому в последние годы значение «горизонтальной европеизации» растет, и это предоставляет дополнительные возможности местным и региональным субъектам. При этом «горизонтальная европеизация» может происходить даже в тех случаях, когда институты ЕС не участвуют в этом напрямую.

---

[1] *Frenken K., Hoekman J.* (2006). Convergence in an enlarged Europe: the role of network cities. Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie, 97(3): 321–326.

[2] *Pflieger G.* (2014). The local politics of Europeanization: A study of French cities' approaches to participation in the CIVITAS program. European Urban and Regional Studies. 21(3), 331–344.

Города и регионы участвуют также в сетях краткосрочных проектов, которые значительно отличаются от таких форм, как города-побратимы и транснациональные сети городов, которые представляют собой долгосрочные формы взаимоотношений. Формально-правовые и долгосрочные отношения между муниципалитетами здесь вытесняются институциональными механизмами ограниченного срока действия. Проектные сети могут, хотя и не обязательно, перекрываться с парными связями городов и транснациональными сетями. Долгосрочные отношения могут быть использованы для стабилизации краткосрочных проектов, и наоборот. Устойчивая сеть городов-побратимов и членство в транснациональной сети городов, такой как Energie-Cités, обеспечивают отличную основу для поиска городов-партнеров, если это требуется для подачи заявки на проект. Членство в транснациональных сетях окупается для большинства городов, поскольку транснациональные городские сети не только инициируют проекты, но и осуществляют управление проектами.

Города в Германии и некоторых других более развитых стран Евросоюза рассматриваются как модель эффективности городского планирования для менее развитых муниципалитетов, прежде всего тех, которые расположены в странах Восточной Европы. В качестве примера выступает хорошо спланированная и управляемая городская инфраструктура — в частности, комплексная транспортная инфраструктура с пунктуальным и экологически чистым общественным транспортом, с пешеходными зонами и велосипедными дорожками, которые делают передвижение по городу очень комфортным. Но основное их преимущество — это длительный опыт городского планирования с привлечением общественности (участие жителей в круглых столах, партисипаторное бюджетирование и т.д.). Соответственно, менее развитые муниципалитеты, где в течение долгого времени принцип соучастия не был актуальной составляющей в политической повестке дня, «втягиваются» в эту деятельность за счет межмуниципального сетевого взаимодействия: успешные меры, применяемые в других, «более опытных» городах сети, адаптируются к новому контексту. В данном случае действует принцип «единства в многообразии»: с одной стороны, преследуется цель обеспечения согласованности в рамках реализации единых руководящих принципов Евросоюза; с другой стороны, уникальные характеристики европейских городов становятся предметом внимания при обмене опытом, создавая диалог на местном уровне для совместного преодоления возникающих вызовов.

В качестве примера можно привести реализацию «концепции устойчивой мобильности» (sustainable mobility concept). Сетевое взаимодействие европейских городов, от Португалии до Эстонии и от Греции до Норвегии, осуществляется на основе общих установленных стандартов, таких

как SUMP[1], признаваемых в качестве комплексных подходов к решению вопросов пространственного планирования, охраны окружающей среды, экономического развития, социальной политики, здравоохранения, безопасности на дорогах, устойчивых видов транспорта, пешеходных зон, и т.д.[2]. В ЕС разработан общий пакет руководящих принципов (Urban Mobility Package), в соответствии с которым поощряется обмен опытом и совместная работа национальных, региональных и местных органов власти: стимулируются платформы обмена знаниями, внедряются инновационные программы и обеспечивается финансовая поддержка проектам устойчивой мобильности[3].

«Горизонтальная европеизация» охватывает и такую область сотрудничества в сфере устойчивого развития, как управление климатом[4]. Создаются специализированные транснациональные сети, таких как Climate Alliance (Альянс по климату)[5], помогающие обмену опытом и трансферу лучших практик между участниками сети.

Отметим, однако, что трансфер передовых практик стал общим «заклинанием» и часто объявляется в тех случаях, когда не получается гармонизация интересов, он сталкивается с аналогичными вызовами. Хотя города-лидеры участвуют в национальных и транснациональных сетях и улучшают свои результаты благодаря обучению у своих «соратников» в стране и за рубежом, нет никакой гарантии, что отстающие тоже смогут усвоить передовые практики[6]. Это может быть обусловлено, во-первых, отсутствием возможностей у потенциальных последователей, в частности

---

[1] Sustainable Urban Mobility Plan (SUMP) — План устойчивой городской мобильности, являющийся основой или встраиваемый в существующую долгосрочную стратегию будущего развития городской территории.

[2] *Wallim W.* (2017). The Role of Efficient Transportation Systems in the Development of Walkable and Livable Cities. Willy Brandt School of Public Policy, University of Erfurt. Master Thesis.

[3] European Commission (2013). Annex 1: A Concept for Sustainable Urban Mobility Plans to the Communication from The Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: Together towards competitive and resource-efficient urban mobility. URL: http://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2013/EN/1-2013-913-EN-F1-1-ANNEX-1.Pdf

[4] *Kern K.* (2014). Climate governance in the European Union multilevel system: the role of cities. Multilevel environmental governance. Managing water and climate change in Europe and North America, 111–130.

[5] *Keiner M. & Kim A.* (2008). Transnational City Networks for Sustainability. European Planning Studies 15 (10): 1369–1395; *Kern K. & Bulkeley H.* (2009). Cities, Europeanization and Multi-level governance: governing climate change through transnational municipal networks. Journal of Common Market Studies, 47(2), 309–332.

[6] *Kern K. & Bulkeley H.* (2009). Cities, Europeanization and Multi-level governance: governing climate change through transnational municipal networks. Journal of Common Market Studies, 47(2), 309–332.

у небольших городов. Во-вторых, есть также свидетельства того, что распространение политики не всегда оказывается самонастраиваемым процессом, даже если существуют успешные модели и достаточные возможности, поскольку рациональной стратегией, в частности для сильных и доминирующих игроков, может быть неприменение тех или иных практик. Многие исследования, касающиеся переноса и распространения политики, показывают, что передача лучших практик зависит от конкретного контекста, т.е. даже успешные инновации не могут быстро распространяться, поскольку локальные эксперименты сталкиваются с проблемами при попытке перенести их в другие контексты.

Если Лондон, Роттердам, Мюнхен и Стокгольм могут быть признаны на международном уровне лидерами, других города и поселки в Великобритании, Нидерландах, Германии и Швеции таковыми не являются. То есть даже в ведущих странах очевиден разрыв между лидерами и «отстающими» муниципалитетами. Возможности местных и региональных органов власти не только значительно варьируются, но также представляется, что существует зависимость роста возможностей от предшествующего развития (development of capacities is path-dependent). Города и регионы, которые зарекомендовали себя в экологической политике и устойчивом развитии, как правило, становятся пионерами в политике управления климатом. Таким образом, неудивительно, что инновационные подходы к защите климата начали вводить наиболее активные города, такие как Лондон, Роттердам или Стокгольм. Традиционные инструменты политики, такие как субсидии, не могут решить эту проблему. Существующие различия могут стать еще более выраженными, если «города-пионеры» укрепят свои возможности за счет национального финансирования, в то время как остальным не хватит возможностей даже на простую подачу заявки на дополнительные ресурсы.

Сеть Cittaslow — движение «медленных городов»

Cittaslow — организованная сеть малых городов (с числом жителей не более 50 тыс.), которая стремится сфокусировать планы городского и регионального развития на первичном активе местной идентичности, на поддержании и сохранении уникальности каждого отдельного города. Инициаторами создания сети в 1999 г. были мэр города Греве-ин-Кьянти Паоло Сатурнини и мэры городов Орвьето (Стефано Чемикки), Бра (Франческа Гуида), Позитано (Доменико Марроне), а также основатель и президент движения Slow Food[1] Карло Петрини. Как подчеркивали основатели дви-

[1] Экологическая и культурная инициатива Slow Food («медленная еда») возникла в городе Бра в 1989 г. Она имела целью защиту местных продуктов, местной кухни и связанных с этим культурных особенностей от наступления международных сетей фастфуда, чис-

жения, необходимо было противостоять превращению городов в унифицированные урбанизированные территории, потерявшие «и идентичность, и душу»[1]. Таким образом, цель повышения качества жизни жителей города основана на возвращении к истокам и поиске тех особенностей, которые определяют «лицо» того или иного города. По мнению сторонников движения, активная защита традиционно сложившихся особенностей и жизненного уклада — единственный способ избежать превращения малых городов в «сообщества без лица».

Cittaslow идентифицирует себя как сетевая организация, состоящая только из малых городов, добровольно ставших участниками сети. Если в 2004 г. в сеть входили в основном итальянские малые города, то к 2014 г. это были уже более 140 городов из почти 20 стран, а в 2018 г. — 252 малых города из 30 стран и регионов (Приложение 1)[2].

В философии движения Cittaslow, администрирование которого имеет муниципальную основу, термин «медленный» (slow) подразумевает не прямой перевод, а понятную для Италии коннотацию: необходимость «уделить время качеству жизни» — т.е. не просто добиться высокого качества жизни, но и ощутить это качество, насладиться им. Основная идея состоит в том, что городу совершенно не обязательно гнаться за модными тенденциями в урбанистике, чтобы быть привлекательным местом для жизни. Это не означает сопротивление любым изменениям, а лишь требует более вдумчивого отношения к тому, какие изменения реально приведут к росту качества жизни в городе.

Шесть главных компонентов политики Cittaslow, которые хорошо характеризуют область общего целеполагания участников сети[3]:

1) *экологическая политика* (*environmental policies*):
   - защита качества воздуха, воды и почвы;

ло которых в итальянских городах стало угрожающе нарастать, привнося с собой чуждую для Италии культуру. В настоящее время это быстрорастущее международное движение. Словосочетание «слоуфуд» подразумевает ассоциацию не со скоростью поглощения пищи, а с местной традиционной едой высокого качества, с сохранением рецептов, характерных для конкретной местности, с общением во время разделения трапезы. Как отмечает К. Оноре, по своей сути, это движение «за все то, чего нет в «Макдоналдсе»: свежие, местные, сезонные продукты; рецепты, передаваемые из поколения в поколение; устойчивое фермерство; артизанские производства; приятный обед в кругу семьи и друзей» (*Honoré C.* (2004). In praise of slow. London: Orion Books).

[1] *Radstrom S.* (2014). A place-sustaining framework for local urban identity: An introduction and history of Cittaslow. Italian Journal of Planning Practice. Vol. 1. № 1. P. 91.

[2] Cittaslow International: International Network of Cities Where Living is Good, Official Site. URL: http://www.cittaslow.org/

[3] *Radstrom S.* (2014). A place-sustaining framework for local urban identity: An introduction and history of Cittaslow. Italian Journal of Planning Practice. Vol.1. № 1. P. 90–113.

- распространение современных практик утилизации отходов — включая компост и очистные установки для сточных вод;
- планы энергосбережения;
- запрет на использование генетически модифицированных растений в агрокультуре;
- контроль электромагнитного, шумового и светового загрязнения;
- принятие систем менеджмента качества окружающей среды (таких как EMAS и ECOLABEL).

2) *инфраструктурная политика* (*infrastructure policies*):
   - планы на улучшение и восстановление исторических центров и/или строений, имеющих культурную и историческую ценность;
   - планы по безопасности движения и трафику;
   - акцент на планы по развитию альтернативного транспорта — включая велодорожки, пешеходные зоны и общественный транспорт;
   - повышение доступности общественных мест и мест общественного интереса;
   - продвижение программ развития рекреации, социальных и семейных связей, поддержки нуждающихся;
   - качественные зеленые зоны и пешеходная доступность;
   - планы дистрибуции товаров местного производства и создание «коммерческих центров натуральных продуктов»;
   - поддержка гостеприимных и дружественных торговых площадок;
   - возрождение городской жизни — включая осовременивание и восстановление деградирующих районов.
3) *технологии и мощности для обеспечения качества городской жизни* (*technologies and facilities for urban quality*):
   - оснащение городов оптоволоконными кабелями и системами беспроводной связи;
   - внедрение систем мониторинга электромагнитных полей;
   - размещение мусорных контейнеров в соответствии с требованиями окружающей среды и ландшафта, соблюдение сроков вывоза мусора;
   - высадка автохтонных, дружественных к окружающей среде растений как в общественных местах, так и в частных владениях;
   - предоставление услуг жителям, в том числе электронных муниципальных услуг, разработка планов формирования социальной сети горожан на основе развития их умений как пользователей интернета;
   - планы контроля шума в особо шумных зонах;

- планирование цветовых решений;
- стимулирование дистанционной работы.

4) *охрана автохтонной продукции* (*safeguarding autochtonous production)*, которая сфокусирована на устойчивости местных традиционных производств и сохранении элементов локальной идентичности:
   - развитие органического фермерства;
   - сертификация качества ремесленной продукции, объектов и художественных промыслов;
   - программы сохранения ремесел и художественных промыслов, традиционных методов работы, исчезающих профессий;
   - использование органических и местных продуктов, сохранение местных традиций в ресторанах, школьных кафетериях и т.п.;
   - программы обучения принципам правильного питания и вкуса в школах (в сотрудничестве с движением Slow Food);
   - поддержка усилий Slow Food в сфере производства вина и гастрономии, нацеленных на сохранение специй и способов готовки, находящихся под угрозой исчезновения;
   - создание реестра типичных местных продуктов и поддержка их коммерциализации (обновление рынков и создание удобных площадок);
   - создание реестра городских деревьев и повышение ценности особенно больших или «исторических» деревьев;
   - продвижение и сохранение локальных культурных событий;
   - стимулирование «городских» и школьных садов с автохтонными культурами, выращенными традиционными методами.
5) *осведомленность* (*awareness*) — подразумевает общественное обучение и продвижение организации:
   - предоставление жителям информации о целях и задачах Cittaslow, предваряемой информацией о намерениях администрации города вступить в сеть Cittaslow;
   - программы вовлечения местных сообществ в «медленную» философию и реализацию проектов Cittaslow;
   - программы распространения активностей Cittaslow и Slow Food.
6) *гостеприимство* (*hospitality*) — нацелено на то, чтобы и жители, и гости города, входящего в сеть Cittaslow, чувствовали себя комфортно, «как дома»:
   - обучающие курсы по гостеприимству и общению с туристами;
   - использование международных знаков и указателей для туристов в историческом центре, развитие сопровождаемых гидами туристических маршрутов;
   - политика гостеприимства и планы по облегчению доступа гостей города к информации и услугам (оборудование парковок,

увеличение сроков работы государственных учреждений и т.п.), с особым акцентом на событийный календарь;
- разработка «медленных» маршрутов в городе (включая брошюры, веб-сайты, домашние страницы и т.п.);
- ознакомление туроператоров и владельцев магазинов с необходимостью прозрачной ценовой политики и размещения информации о ценах и тарифах.

По сути, сходные цели и политика могут «работать» и в случае более крупных городов, однако в малых городах, которые тесно связаны с окружающими их сельскими территориями, существует гораздо больше возможностей для сохранения традиций, локальных производств и ремесел, а также для тесного сетевого взаимодействия, основанного на соединении уникальных особенностей и сильных сторон городов-участников. Кооперация и ответственность признаны базовыми принципами организации, в которой сотрудничество не сводится к взаимодействию географически близких городов, а историческая уникальность и ярко выраженная специфика места являются ключевыми конкурентными преимуществами, продвигаемыми зонтичным брендом Cittaslow. Сеть оказывает поддержку руководителям городов, они совместно разрабатывают идеи и решения для каждого конкретного города. При этом принадлежность к сети Cittaslow создает дополнительный, и довольно мощный, маркетинговый эффект: положительное впечатление туристов от посещения одного из городов сети зачастую становится стимулом для посещения других «медленных городов» в разных странах[1].

Международный союз городов «Великий чайный путь»

Если в сети Cittaslow до сих пор нет ни одного российского города, то в ряде других международных союзов присутствуют и российские города. В качестве примера можно рассмотреть международный союз городов «Великий чайный путь», решение о создании которого было принято в 2012 г. Совместная декларация была подписана представителями 15 городов Китая, Монголии и России 18 июля 2012 г. в городе Эрлянь-Хото (автономный район Внутренняя Монголия). В союз входят китайские города провинций Фуцзянь, Цзянси, Хунань, Хубэй, Хэнань, Шаньси, Хэбэй и автономного района Внутренняя Монголия, ряд монгольских городов, в частности Дзамын-Уд и Улан-Батор, а также российские города, расположенные по линии от Улан-Удэ до Ирбита Свердловской области:

[1] *Knox P. L., Mayer H.,* (2006). Slow cities: sustainable places in a fast world. Journal of Urban Affairs. Vol. 28. № 4. P. 321–334.

Улан-Удэ, Бабушкин, Кяхта (Республика Бурятия), Кызыл (Республика Тыва), Абакан (Республика Хакассия), Бийск (Алтайский край), Красноярск, Ачинск, Енисейск, Канск (Красноярский край), Иркутск, Нижнеудинск (Иркутская область), Мариинск (Кемеровская область), Куйбышев, Колывань (Новосибирская область), Омск, Тара, Тюкалинск (Омская область), Томск, Нарым (Томская область), Тюмень, Ишим, Тобольск, Ялуторовск (Тюменская область). Таким образом, союз состоит из городов разных размеров, при этом значительная часть российских участников — малые города.

В уставе союза сказано, что посредством укрепления взаимодействия между правительствами городов, торговыми палатами и предприятиями в регионах союз будет прилагать усилия для распространения чайной культуры, способствовать процветанию и развитию городов, расположенных по Великому чайному пути, а также активизировать контакты и сотрудничество между этими городами. Предусмотрен ежегодный саммит мэров городов, входящих в союз, по вопросам Великого чайного пути и муниципального развития. Основная активность, однако, сконцентрирована вокруг развития туристического маршрута «Великий чайный путь»[1], в то время как остальные аспекты межмуниципального взаимодействия пока не получили такого серьезного развития, как в описанных выше глобальных сетях городов.

Таким образом, на целом ряде примеров видно, что сетевой механизм координации в условиях ограниченных собственных ресурсов городов играет значимую роль в достижении целей устойчивого развити. Он создает предпосылки для развития инфраструктуры и усиления межфирменного сотрудничества, для согласования интересов в экономической и социальной сфере, для стимулирования инвестиционных и туристических потоков, для реализации совместных проектов, обмена трудовыми ресурсами и компетенциями, трансфера лучших практик регулирования и муниципального управления между малыми городами.

Важно также отметить, что опыт зарубежных стран основан на попытке решения специфических проблем и противоречий, обусловленных спецификой их институциональной среды и характерных для современного состояния их экономики и социальной сферы. Если говорить

[1] *Максанова Л., Жалсараева Б. Р.* Д., *Кауров И. А.* Туристический маршрут «Великий чайный путь»: проблемы и перспективы развития // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2017. № 2. С. 40–47; *Ермакова Л. И.*, *Маринов М. Б.*, *Гурин М. В.* Великий чайный путь — важнейшие социально-исторические и культурные перспективы развития российско-китайских отношений в контексте «Экономического пояса шелкового пути» // Теория и практика общественного развития. 2015. № 24. С. 46–50.

о России, то следует учесть отличительные особенности нашей страны, связанные в первую очередь с наличием институциональных «провалов» и сильных диспропорций по уровню развития территорий[1]. В связи с этим далеко не все направления могут быть адаптированы применительно к малым городам нашей страны, хотя данный опыт может быть очень полезным.

[1] *Зубаревич Н. В.*, *Сафронов С. Г.* Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? // Общественные науки и современность. 2013. № 6. С. 15–26; *Нуреев Р. М.*, *Латов Ю. В.* Постсоветское институциональное развитие: в поисках выхода из колеи власти-собственности // Мир России. Социология. Этнология. 2015. Т. 24. № 2.

ГЛАВА 1.3
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОВЕДЕНИЮ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

После принятия Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года[1] во всех субъектах РФ были разработаны региональные стратегические документы, направленные на улучшение демографической ситуации. Эти документы учитывают специфику каждого региона (долю городского и сельского населения, тенденции естественного движения населения, сложившуюся модель семьи, обычаи и традиции), а также согласованные с реализуемыми мероприятиями приоритетные национальные проекты в сфере образования, здравоохранения, жилищной политики и сельского хозяйства[2]. Обоснованием стратегий являются демографические модели, отражающие процессы движения населения:

1) естественное движение (рождаемость, смертность, средняя продолжительность жизни и др.);
2) миграцию (внутренняя и внешняя миграция, отток и приток населения);
3) социальное движение (переход из одних социальных групп в другие).

Исследование показателей демографического развития

Каждый процесс движения населения характеризуется разветвленной системой показателей. Общие подходы к моделированию региональных демографических процессов рассмотрены в работе К. М. Кулакова[3].

---

[1] Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351. URL: http://base.garant.ru/191961/#ixzz3Y6YSef1j

[2] *Глушкова В. Г., Хорева В. Б.* Управление демографическим развитием России: региональный аспект // Региональные исследования. 2013. № 1 (39). С. 68–72.

[3] *Кулаков К. М.* Проблемы математического моделирования региональных демографических процессов // Известия Алтайского государственного университета. 2013. Т. 2. № 1(77). С. 75–79.

За рубежом публикуется ряд обзоров (Current Population Survey (CPS), Family and Fertility Surveys (FFS), General Social Survey (GSS), Demographic and Health Surveys (DHS), European Social Survey (ESS) и др.), отражающих через систему показателей как динамику и текущее состояние демографических процессов, так и прогнозы по основным демографическим показателям. Система основных показателей, используемых при моделировании демографических процессов за рубежом, не имеет существенных различий с российской.

При математическом моделировании демографических процессов наиболее часто применяются динамические, имитационные и регрессионные модели, описанные в работах отечественных ученых С. П. Капицы, Ю. М. Плотинского, С. Ю. Малкова, А. А. Саградова и др. Регрессионные модели, как правило, строятся на основе временных рядов с применением нелинейной функции тренда (логарифмической, экспоненциальной, степенной)[1].

На основе проведенного анализа можно выделить следующие методы, применяемые российскими исследователями при экономико-математическом моделировании демографических процессов в регионах:

- регрессионный анализ[2],
- корреляционный анализ[3],
- метод компонентов[4],

---

[1] *Кожухова В. Н.* Моделирование демографических показателей на основе эконометрических моделей с падающим логистическим трендом // Фундаментальные исследования. 2014. № 9. С. 1312–1315.

[2] *Бантикова О. И.* Моделирование демографической безопасности на основе порядковых моделей множественного выбора // Вестник Оренбургского гос. университета. 2012. № 13 (149). С. 32–37; *Кормановская И. Р.*, *Бернасовская Л. И.*, *Птицина Е. В.* Моделирование сценария демографического развития Новгородской области до 2030 года // Проблемы современной экономики. 2012. № 3. С. 224–228; *Коровкин А. Г.*, *Долгова И. Н.*, *Единак Е. А.*, *Королев И. Б.* Согласование спроса на рабочую силу и ее предложения на региональных рынках труда: опыт анализа и моделирования URL: http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=books/sa2012/18; *Ракачев В. Н.*, *Ракачева Я. В.*, *Халафян А. А.* Математическое моделирование демографических процессов на Кубани в 1920–1930-е гг. Краснодар, 2011. URL: http://wiki.kubsu.ru; *Чучкалова С. В.* Моделирование демографических процессов в Кировской области. Автореферат дис. канд. эконом. наук 08.00.13 — Математические и инструментальные методы экономики. Пермский гос. нац. исслед. университет, Пермь.2011. — 23 с. URL: http://www.psu.ru/psu2/files/0504/Chuchkalova_05_07_11.pdf

[3] *Берова Ф. Ж.* Региональные особенности демографических процессов в России: методологические аспекты исследования. Автореферат дис. докт. экономич. наук. Нальчик, 2011. URL: //http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-ekonomika/a130.php

[4] *Чучкалова С. В.* Моделирование демографических процессов в Кировской области. Автореферат дис. канд. эконом. наук 08.00.13 — Математические и инструментальные методы экономики. Пермский гос. нац. исслед. университет, Пермь. 2011. — 23 с. URL: http://www.psu.ru/psu2/files/0504/Chuchkalova_05_07_11.pdf

- кластерный анализ[1],
- модели трендов падающей логистической динамики[2].

С использованием регрессионного анализа смоделированы, например, численность населения, интегральный показатель качества жизни, миграция Кировской области; интегральный показатель демографической безопасности городов Оренбургской области; численность населения Кубани в 20–30-е гг. XX в.; динамика численности населения Новгородской области до 2030 г. Корреляционный анализ применен при определении связей между параметрами, с помощью которых описаны миграционные потоки и социально-экономическая ситуация субъектов РФ. Метод компонентов использован для прогнозирования половозрастной структуры населения Кировской области. Кластерный анализ — для классификации регионов РФ по интенсивности миграционных потоков, для классификации городов Оренбургской области по уровню демографической безопасности. С помощью моделей трендов падающей логистической динамики описано изменение коэффициентов смертности на примере США и Швейцарии. Исходные и моделируемые показатели приведены в табл. 1.

В качестве исходных для построения моделей в основном используются показатели двух групп:

1) показатели численности, естественного движения и миграции населения (численность населения, рождаемость, смертность, приток, отток и производные от них коэффициенты);
2) социально-экономические показатели (например, ВРП, заработная плата), как правило, в расчете на душу населения.

Первая группа используется прежде всего для моделирования динамики численности населения, вторая — для построения интегральных показателей качества жизни. Таким образом, часть моделей, основанных на первой группе показателей, не учитывают в явном виде социально-экономических факторов демографических процессов, другие же модели, основанные на второй группе показателей, либо создают интегральные показатели, которые могут быть использованы для объяснения причин демографических процессов и сравнительного анализа таких процессов по регионам, либо непосредственно моделируют демографические показатели на основе социально-экономических показателей.

---

[1] *Бантикова О. И.* Моделирование демографической безопасности на основе порядковых моделей множественного выбора // Вестник Оренбургского гос. университета. 2012. № 13 (149). С. 32–37; *Берова Ф. Ж.* Региональные особенности демографических процессов в России: методологические аспекты исследования. Автореферат дис. докт. экономич. наук. Нальчик, 2011. URL: //http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-ekonomika/a130.php

[2] *Кожухова В. Н.* Моделирование демографических показателей на основе эконометрических моделей с падающим логистическим трендом // Фундаментальные исследования. 2014. № 9. С. 1312–1315.

Таблица 1

Экономико-математические подходы к моделированию показателей демографического развития (по российским источникам)

№ п/п	Исходные показатели	Модели и методы, автор	Моделируемые показатели
1	Жилая площадь на душу населения, кв. м; величина прожиточного минимума, руб.; доля студентов высших учебных заведений, приходящаяся на одного жителя области; средняя начисленная заработная плата, руб.; стоимость коммунальных услуг, руб.; стоимость минимального набора продуктов, руб.; индекс промышленного производства, % к предыдущему году; выпуск валового регионального продукта на душу населения, тыс. руб.; количество безработных, %; расходы на здравоохранение на душу населения, руб.; число абортов на 1000 женщин; загрязняющие выбросы в атмосферу на душу населения, кг.; потребление крепких алкогольных напитков на душу населения, л; продажа пива на душу населения, л; численность врачей на 10 000 населения	Регрессионный анализ. Чучкалова С.В.[1]	Численность населения региона
2	ВРП на душу населения; величина прожиточного минимума или минимальный размер потребительской корзины (МПК); уровень безработицы; общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя	Регрессионный анализ Чучкалова С.В.[2]	Интегральный показатель качества жизни, миграция

[1] *Чучкалова С. В.* Моделирование демографических процессов в Кировской области. Автореферат дис. канд. эконом. наук 08.00.13 — Математические и инструментальные методы экономики. Пермский гос. нац. исслед. университет, Пермь. 2011. 23 с. URL: http://www.psu.ru/psu2/files/0504/Chuchkalova_05_07_11.pdf

[2] Там же.

Продолжение табл. 1

№ п/п	Исходные показатели	Модели и методы, автор	Моделируемые показатели
3	Половозрастная структура населения региона	Метод компонентов. Чучкалова С.В.[1]	Половозрастная структура населения
4	Общий коэффициент рождаемости на 1000 чел.; общий коэффициент смертности на 1000 чел.; коэффициент младенческой смертности на 1000, родившихся живыми; уровень брачности населения на 100 чел.; уровень разводимости населения на 1000 чел.; коэффициент миграционного прироста на 1000 чел.; удельный вес населения в трудоспособном возрасте, %; удельный вес населения старше трудоспособного возраста, %; показатель общей заболеваемости на 1000 чел.; болезни системы кровообращения на 1000 чел.; обеспеченность населения врачами на 10 000 чел.; обеспеченность населения средним медицинским персоналом на 10 000 чел.; обеспеченность населения больничными койками на 10 000 чел.; среднемесячная начисленная номинальная заработная плата работников, руб.; средний размер назначенных месячных пенсий, руб.; площадь жилищ, приходящаяся в среднем на одного жителя, кв. м; объем промышленной продукции на душу населения, руб.; инвестиции в основной капитал на душу населения, руб.; уровень официально зарегистрированной безработицы, %;	Модели множественного выбора (регрессионный, кластерный анализ). Бантикова О.И.[2]	Интегральный показатель демографической безопасности региона

[1] Там же.

[2] *Бантикова О. И.* Моделирование демографической безопасности на основе порядковых моделей множественного выбора // Вестник Оренбургского гос. университета. 2012. № 13 (149).С. 32–37.

Продолжение табл. 1

№ п/п	Исходные показатели	Модели и методы, автор	Моделируемые показатели
	число зарегистрированных преступлений, на 1000 чел.; численность лиц, состоящих на диспансерном учете по поводу наркомании, на 10 000 чел.; использование свежей воды, млн куб. м; выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников, тыс. т		
5	Общий коэффициент смертности — отношение числа умерших людей за год в стране к средней численности населения за год, ‰	Модели трендов падающей логистической динамики[1]: 1) модель Рамсея с константой; 2) трех- и четырехпараметрические модели Рамсея; 3) модель Ферхюльста; 4) модель Ричардса; 5) модели Гомпертца с левой и правой асимметрией. Кожухова В.Н.[2]	Общий коэффициент смертности — отношение числа умерших людей за год в стране к средней численности населения за год, %
6	Численность населения региона	Квадратичная, кубическая множественная регрессии; прогнозирование временными рядами по среднему проценту прироста населения посредством логистической кривой. Ракачев В.Н.[3]	Численность населения региона

[1] Оценивались параметры с помощью методов: а) конструирования обобщенных параметрических ARMA-моделей с использованием Z-преобразования для моделей 1–3, а также моделей циклической компоненты; б) численного решения МНК методом Левенберга–Марквардта для модели 4; в) алгоритма RPROP (из теории нейронных сетей) для моделей 5–7.

[2] *Кожухова В. Н.* Моделирование демографических показателей на основе эконометрических моделей с падающим логистическим трендом // Фундаментальные исследования. 2014. № 9. С. 1312–1315.

[3] *Ракачев В. Н., Ракачева Я. В., Халафян А. А.* Математическое моделирование демографических процессов на Кубани в 1920–1930-е гг. — Краснодар, 2011. URL: http://wiki.kubsu.ru

Окончание табл. 1

№ п/п	Исходные показатели	Модели и методы, автор	Моделируемые показатели
7	Рождаемость, смертность	Регрессионный анализ. Кормановская И. Р.[1]	Динамика численности населения региона
8	Инвестиции в основной капитал на душу населения; среднедушевые денежные доходы населения; численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума; потребительские расходы в среднем на душу населения; валовой региональный продукт на душу населения; численность населения; коэффициенты миграционного прироста; уровень безработицы; продолжительность поиска работы; плотность населения	Корреляционный анализ. Берова Ф. Ж.[2]	Показатели — см. графу 2
10	Коэффициенты миграционного прироста регионов	Кластерный анализ. Берова Ф. Ж.	Классификация регионов по интенсивности миграционных потоков
11	Число вакантных рабочих мест, миграция трудоспособного населения, среднегодовая численность населения, численность безработных	Регрессионный анализ Коровкин А. Г.[3]	Спрос (вакантные рабочие места) Предложение (потенциальные работники)

[1] *Кормановская И. Р., Бернасовская Л. И., Птицина Е. В.* Моделирование сценария демографического развития Новгородской области до 2030 года // Проблемы современной экономики. 2012. № 3. С. 224–228.

[2] *Берова Ф. Ж.* Региональные особенности демографических процессов в России: методологические аспекты исследования. Автореферат дис. докт. экономич. наук Нальчик, 2011. URL: //http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-ekonomika/a130.php

[3] *Коровкин А. Г., Долгова И. Н., Единак Е. А., Королев И. Б.* Согласование спроса на рабочую силу и ее предложения на региональных рынках труда: опыт анализа и моделирования. URL: http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=books/sa2012/18

На основе проведенного анализа можно выделить следующие методы, применяемые зарубежными исследователями при моделировании демографических процессов в регионах:

1) регрессионный анализ[1];
2) методы экстраполяции тренда[2];
3) методы авторегрессии проинтегрированного скользящего среднего (Auto-Regressive Integrated Moving Average — ARIMA)[3];
4) методы простых компонентов (Simple component methods)[4];
5) метод жилищных единиц (Housing-unit method)[5];
6) модели распределения использования земель (Land use allocation models)[6];

---

[1] *Fachin S., Venanzoni G.* (1992). IDEM: an Integrated Demographic and Economic Model of Italy. URL: https://www.iioa.org/conferences/14th/files/Fachiim.pdf; *Smith S., Sincich T.* Evaluating the forecast accuracy and bias of alternative population projections for states. International Journal of Forecasting, 8(3). P. 495–508; *Swanson D., Beck D.* (1994). A new short-term county population projection method. Journal of Economic and Social Measurement, № 20. P. 25–50; *Chi G., Voss P.* (2011). Small-area population forecasting: borrowing strength across space and time. Population, Space and Place, № 17(5). P. 505–520; *Chi G., Zhou X., Voss P.* (2011). Small-area population forecasting in an urban setting: a spatial regression approach. Journal of Population Research, №28 (2-3). P. 185–201.

[2] *Davis H. C.* (1995). Demographic Projection Techniques for Regions and Smaller Areas. Vancouver: University of British Columbia Press; *George M.,* Smith S, *Swanson D., Tayman J.* (2004). Population Projections / Siegel J and Swanson D (eds.) The Methods and Materials of Demography. New York: Elsevier. P. 561–601; *Harrier D., Egan-Robertson D.* Vintage (2008). Minor Civil Division household projection methodology: some salient points. Wisconsin: Demographic Services Centre; *Taylor J.* Anangu (2001). Population dynamics and future growth in Uluru-Kata Tjuta National Park. Discussion Paper 211/2001, Centre for Aboriginal Economic Policy Research, Australian National University, Canberra.

[3] *Abel G., Bijak J., Raymer J.* (2010). A comparison of official population projections with Bayesian time series forecasts for England and Wales. Working Paper № 7. United Kingdom: ESRC Centre for Population Change; *Makridakis S., Wheelwright S., Hyndman R.* (1998). Forecasting Methods and Applications. New York: Wiley; *Pflaumer P.* (1992). Forecasting US population totals with the Box-Jenkins approach. International Journal of Forecasting. № 8. P. 329–338; *Smith S., Sincich T.* (1992). Evaluating the forecast accuracy and bias of alternative population projections for states. International Journal of Forecasting. 8(3). P. 495–508.

[4] *Greenwood M., Hunt G.* (1991). Forecasting state and local population growth with limited data: the use of employment — migration relationships and trends in vital rates. Environment and Planning. № A 23(7). P. 987–1005.

[5] *Sykes D.* (2011). Short Methodology Paper — Victoria in Future Projections — September 2011. Department of Planning & Community Development, Melbourne.

[6] *Stimson R. J.*, *Bell M. J.*, *Corcoran J., Chhetri P., Pullar D. V.*, *Cooper J. A.*, *Tiebei L.* (2007). A Large Scale Urban Model to simulate and visualize growth in the Brisbane-South East Queensland region / Place and Purpose, The Capital, Bendigo, Victoria, (1–23); 30–31 May 2007; *Westervelt J., Bendorô T., Sexton J.* (2011). A technique for rapidly forecasting regional urban growth. Environment and Planning. № B 38. P. 61–81.

7) модель демографических когорт и модели компонентов демографических когорт (Shortcut cohort model and Cohort-component models)[1];
8) микросимуляция (Microsimulation)[2].

Методы 1–6 применяются для моделирования показателя населения, методы 7–8 — для моделирования показателей населения в разрезе возрастов. Исходные и моделируемые показатели приведены в табл. 2.

Таблица 2

Экономико-математические подходы к моделированию показателей демографического развития (по зарубежным источникам)

№ п/п	Исходные показатели	Модели и методы	Моделируемые показатели
1	Темп роста населения в течение предыдущих десяти лет; доля лиц, не меняющих место жительства (nonmovers); цена домов, время в пути до работы (commuting time to work), уровень безработицы, переменные, оценивающие природные красоты, и др.	Регрессионный анализ. Fachin[1] Модель Шмитта. Schmitt R.C.[2] Модель Свансона и Бека. Swanson D., Beck D.[3] Модель Чи и Воса. Chi G.,Voss P.[4]	Численность населения региона

[1] *Smith S., Shahidullah M.* (1995). An evaluation of population projection errors for census tracts. Journal of the American Statistical Association. № 90(429). P. 64–71; *Smith S., Tayman J.* (2003). An evaluation of population projections by age. Demography. № 40. P. 741–757; *Swanson D., Schlottmann A., Schmidt B.* (2010). Forecasting the population of census tracts by age and sex: an example of the Hamilton-Perry method in action. Population Research and Policy Review. №29 (1). P. 47–63.

[2] *Birkin M., Clarke M.* (2011). Spatial Microsimulation Models: A Review and a Glimpse into the Future / Stillwell J., Clarke M. (eds.) Population Dynamics and Projection Methods. Dordrecht: Springer. 193–208; *Gupta A., Harding A.* (2007). Introduction and overview / Gupta A., Harding A. (eds.) Modelling Our Future: Population Ageing, Health and Aged Care. Amsterdam: Elsevier, 1–40.

[3] *Fachin S., Venanzoni G.* IDEM: an Integrated Demographic and Economic Model of Italy. URL: https://www.iioa.org/conferences/14th/files/Fachiim.pdf

[4] *Schmitt R. C.* (1954). An application of multiple correlation to population forecasting. Land Economics. 30(3). P. 277–279.

[5] *Swanson D., Beck D.* (1994). A new short-term county population projection method. Journal of Economic and Social Measurement. 1994. № 20. P. 25–50.

[6] *Chi G., Voss P.* (2011). Small-area population forecasting: borrowing strength across space and time. Population, Space and Place. № 17(5), 505–520; *Chi G., Zhou X., Voss P.* (2011). Small-area population forecasting in an urban setting: a spatial regression approach. Journal of Population Research. № 28 (2–3), 185–201.

Продолжение табл. 2

№ п/п	Исходные показатели	Модели и методы	Моделируемые показатели
2	Численность населения	Методы экстраполяции тренда (Trend extrapolation) [OESR], Taylor[1] Harrier, Egan-Robinson[2], Davis[3], George[4]	Численность населения
3	Численность населения	Методы авторегрессии проинтегрированного скользящего среднего (Auto-Regressive Integrated Moving Average — ARIMA Makridakis[5], Smith and Sincich[6], Abel[7], Pflaumer[8]	Численность населения
4	Темпы роста занятости Естественный прирост на 1000 человек	Методы простых компонентов (Simple component methods) Greenwood, Hunt[9]	Чистая миграция населения
5	Число жилищных единиц	Метод жилищных единиц (Housing-unit method) Sykes[10]	Число жилищных единиц (прогнозное)

[1] *Taylor J. Anangu* (2001). Population dynamics and future growth in Uluru-Kata Tjuta National Park. Discussion Paper 211/2001, Centre for Aboriginal Economic Policy Research, Australian National University, Canberra.

[2] *Harrier D., Egan-Robertson D. Vintage* (2008). Minor Civil Division household projection methodology: some salient points. Wisconsin: Demographic Services Centre.

[3] *Davis H. C.* (1995). Demographic Projection Techniques for Regions and Smaller Areas. Vancouver: University of British Columbia Press.

[4] *George M., Smith S, Swanson D., Tayman J.* (2004). Population Projections / Siegel J and Swanson D (eds.) The Methods and Materials of Demography. New York: Elsevier, 561–601.

[5] *Makridakis S., Wheelwright S., Hyndman R.* (1998). Forecasting Methods and Applications. New York: Wiley.

[6] *Smith S., Sincich T.* (1992). Evaluating the forecast accuracy and bias of alternative population projections for states. International Journal of Forecasting, 8(3), 495–508.

[7] *Abel G., Bijak J., Raymer J.* (2010). A comparison of official population projections with Bayesian time series forecasts for England and Wales. Working Paper 7/2010. United Kingdom: ESRC Centre for Population Change.

[8] *Pflaumer P.* (1992). Forecasting US population totals with the Box-Jenkins approach. International Journal of Forecasting, № 8, 329–338.

[9] *Greenwood M., Hunt G.* (1991). Forecasting state and local population growth with limited data: the use of employment — migration relationships and trends in vital rates. Environment and Planning, № A 23(7), 987–1005.

[10] *Sykes D.* (2011). Short Methodology Paper — Victoria in Future Projections — September 2011. Department of Planning & Community Development, Melbourne.

Окончание табл. 2

№ п/п	Исходные показатели	Модели и методы	Моделируемые показатели
6	Количество жилищ на территории	Модели распределения использования земель (Land use allocation models) Stimson[1], Westervelt[2]	Количество жилищ на территории Население региона (территории)
7	Численность населения в разрезе возрастных групп	Модель демографических когорт и модели компонентов демографических когорт (Shortcut cohort model and Cohort-component models) Swanson[3], Smith, Shahidullah[4], Smith, Tayman[5]	Прогнозная численность населения в разрезе возрастных групп
8	Демографические показатели индивидов	Микросимуляция (Micro-simulation) Birkin, Clarke[6], Gupta, Harding[7]	Прогноз численности населения в разрезе возрастных групп

В зарубежных моделях в качестве исходных показателей наиболее часто используется численность населения. Используются и социально-экономические факторы, однако есть специфические нетипичные для российских моделей показатели, например доля лиц, не меняющих место жительства; цена домов; время в пути до работы; демографические показатели индивидов; число жилищных единиц. Наиболее часто за рубежом,

[1] *Stimson R. J., Bell M. J., Corcoran J., Chhetri P., Pullar D. V., Cooper J. A., Tiebei L.* (2007). A Large Scale Urban Model to simulate and visualize growth in the Brisbane-South East Queensland region / Place and Purpose, The Capital, Bendigo, Victoria, (1–23); 30–31 May 2007.

[2] *Westervelt J., Bendorô T., Sexton J.* (2011). A technique for rapidly forecasting regional urban growth. Environment and Planning, № B 38, 61–81.

[3] *Swanson D., Schlottmann A., Schmidt B.* (2010). Forecasting the population of census tracts by age and sex: an example of the Hamilton-Perry method in action. Population Research and Policy Review, № 29 (1), 47–63.

[4] *Smith S., Shahidullah M.* (1995). An evaluation of population projection errors for census tracts. Journal of the American Statistical Association, № 90(429). P. 64–71.

[5] *Smith S., Tayman J.* (2003). An evaluation of population projections by age. Demography, № 40, 741–757.

[6] *Birkin M., Clarke M.* (2011). Spatial Microsimulation Models: A Review and a Glimpse into the Future / Stillwell J., Clarke M. (eds.) Population Dynamics and Projection Methods. Dordrecht: Springer, 193–208.

[7] *Gupta A., Harding A.* (2007). Introduction and overview / Gupta A., Harding A. (eds.) Modelling Our Future: Population Ageing, Health and Aged Care. Amsterdam: Elsevier, 1–40.

как и в России, моделируется численность населения, при этом зарубежные исследователи также строят прогнозы и числа жилищных единиц.

В приводимых зарубежных исследованиях моделируется, как правило, один показатель, тогда как российские исследователи зачастую создают более универсальные модели. Развернутый обзор основных методов и моделей, используемых при прогнозировании демографических показателей за рубежом с оценкой их достоинств и недостатков, приведен в работе Т. А. Уилсона[1].

Анализ инвестиционного потенциала территорий

Экономико-математическое моделирование инвестиций в значительной степени направлено на изучение влияния отдельных факторов на инвестиционную привлекательность регионов с помощью эконометрического моделирования. Наиболее существенный вклад в этой области внес коллектив Института экономики РАН (Н. Н. Райская, Я. В. Сергиенко, А. А. Френкель и др.)[2]. Эконометрические модели используются в качестве инструмента в ряде диссертационных работ, посвященных изучению отдельных сторон инвестиционной сферы (О. В. Булгаков, Е. А., Гафарова, Н. А. Лаврова, М. А. Маракуева, Н. В. Овчинникова и др.). В частности, изучаются циклические колебания в движении инвестиций в капиталистических странах, зависимость индекса промышленного производства и среднедушевых показателей валового регионального продукта от инвестиций в основной капитал, значимость банковского кредитования в инвестиционном процессе предприятий и т.п.

Новая парадигма моделирования инвестиционных процессов, которая строится на индуктивном представлении производственной функции, предложена в диссертационной работе И. В. Елоховой[3].

Методологической базой системы поддержки принятия инвестиционных решений могут быть нечеткие модели, разработанные В. Г. Черновым[4].

---

[1] *Wilson T.* (2011). A Review of Sub-Regional Population Projection Methods. Queensland Centre for Population Research School of Geography, Planning and Environmental Management, The University of Queensland, December 2011.

[2] Рейтинг регионов по интегральному показателю инвестиционной привлекательности / под ред. Н. Н. Райской, Я. В. Сергиенко, А. А. Френкель // Вопросы статистики: науч.-информ. журн. 2009. № 1. С. 56–60.

[3] *Елохова И. В.* Концепция индуктивного представления производственных функций в задачах моделирования инвестиционных процессов. Диссертация доктора экон. наук: 08.00.13. Пермь, 2005. — 378 с.

[4] *Чернов В. Г.* Методология экономико-математического моделирования процесса инвестиционного анализа на основе нечетко-множественного подхода. 08.00.13 — Математические и инструментальные методы экономики. Автореферат дис. д-ра экон. наук.

Особое значение в контексте рассматриваемой проблематики имеют работы, в основе которых лежат балансовые модели исследования проблем обеспечения сбалансированности инвестиционной деятельности (А. О. Баранов, Г. Б. Сычев, Е. С. Турмачев). Существенную роль в осмыслении инвестиционных процессов в современных условиях играет анализ цикличности экономического развития, одним из главных параметров которой является инвестиционный процесс.

Современные отечественные исследования, касающиеся моделирования экономических циклов, в большей степени основаны на подходах зарубежных авторов, которые ориентированы на макроуровень развитой экономики (работы А. А. Акаева, С. Ю. Глазьева, Н. А. Лавровой, Г. И. Микерина, Ю. М. Плотинского, А. Б. Поманского, П. Н. Тесля и др.).

Несмотря на наличие весьма глубоких и обстоятельных научных работ в области теории и практики инвестиционного процесса, следует отметить, что до сих пор не создана единая концепция экономико-математического анализа и прогнозирования его развития, позволяющая разрабатывать эффективные управленческие решения на уровне региона. К методологическим вопросам, требующим детальной проработки применительно к российским и региональным особенностям, можно отнести:

- разработку математических моделей развития региональной экономики во взаимосвязи с инвестиционным процессом, исследование взаимосвязи макропоказателей региона на основе системы одновременных уравнений;
- адаптивное моделирование цикличности экономических показателей региона;
- обоснование и разработку моделей оценки инвестиционных потерь региона;
- разработку подходов к моделированию эффективности инвестиционных вложений[1].

Требует методологической разработки и проблема статистического учета и оценки эффективности предоставления инвестиционных налоговых льгот («налоговых инвестиций»), под которыми понимаются «предоставляемые группам налогоплательщиков с определенной целью

Иваново, 2007. URL: http://geum.ru/ec-aref/metodologiya-ekonomiko-matematicheskogo-modelirovaniya-protsessa-investitsionnogo-analiza-na-osnove-nechetko-mnozhestvenn.htm

[1] *Миролюбова А. А.* Методология моделирования инвестиционного процесса в реальном секторе экономики региона. Автореф. дис. докт. экон. наук. Иваново: Ивановский государственный химико-технологический университет, 2012. URL: http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-ekonomika/a112.php (дата обращения: 30.04.2015).

пониженные налоговые ставки или сужение налоговой базы, уменьшающие налоговые обязательства налогоплательщиков (налоговые льготы и преференции), либо более узко: одна из форм налоговой льготы, предоставляемой на условиях расходования высвобождающихся у налогоплательщиков средств в форме капитальных вложений (см. работы Малининой Т. А, Кутергиной Г. В. и Мингазиновой Е. Р. и др[1].). По данным налоговой отчетности, объем налоговых льгот в России достаточно быстро растет, причем льготы по налогу на прибыль составляют более 30% их общего объема, и растут они более быстрым темпом в сравнении с общей суммой предоставляемых налоговых льгот и преференций (как суммы льгот по налогам в целом — ежегодный прирост от 21 до 25%, так и по налогу на прибыль — прирост объема выпадающих доходов от 23 до 34%).

В России выстроена система статистических показателей, характеризующих инвестиции. Сведения по инвестициям в основной капитал разрабатываются по формам федерального статистического наблюдения:

- № П-2 — «Сведения об инвестициях» — ежеквартально,
- № П-2 (краткая) — «Сведения об инвестициях в основной капитал» — за первый и второй месяц квартала,
- приложение к форме № П-2 «Сведения об инвестиционной деятельности» — за год.

Кроме того, сведения по инвестициям в основной капитал содержатся в формах: № П-5(м) «Основные сведения о деятельности организации», № ПМ «Сведения об основных показателях деятельности малого предприятия», № ПМ (микро) «Сведения об основных показателях деятельности микропредприятия», № 1-ВЭС «Сведения о деятельности предприятия с участием иностранного капитала».

Объем инвестиций в основной капитал формируется по полному кругу хозяйствующих субъектов — по организациям, не относящимся к субъектам малого предпринимательства, малым и микропредприятиям, индивидуальным предпринимателям без образования юридического лица, физическим лицам, — на базе информации текущего статистического наблюдения и с учетом оценки объема инвестиций, не наблюдаемых прямыми статистическими методами.

Объем инвестиций в основной капитал за счет бюджетных средств определяется на основе информации об источнике финансирования ин-

---

[1] *Кутергина Г. В.*, *Мингазинова Е. Р.* Методики оценки и мониторинга эффективности налоговых льгот: подходы и проблемы // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2014. № 1. С. 84–99; *Малинина Т. А.* Оценка налоговых льгот и освобождений: зарубежный опыт и российская практика. М.: Ин-т Гайдара, 2010. — 212 с.

вестиций в основной капитал за счет бюджетных средств всех уровней, представленной респондентами в формах федерального статистического наблюдения: по крупным и средним организациям — № П-2 «Сведения об инвестициях в нефинансовые активы», по малым предприятиям — № ПМ «Сведения об основных показателях деятельности малого предприятия», по микропредприятиям — № МП (микро) «Сведения об основных показателях деятельности микропредприятия».

Имеющиеся на сегодня отечественные публикации по проблемам мониторинга налогового инвестирования направлены в основном на решение частных вопросов:

- обобщение практики применения и оценки эффективности налоговых льгот, их нормативно-правового регулирования в субъектах РФ[1];
- обоснование целесообразности введения новых или изменения порядка применения действующих налоговых льгот[2] и т.д.

Несмотря на значительное число научных публикаций, методических разработок регионального уровня, подход к налоговому льготированию как инвестиционному проекту находится в стадии формирования[3].

Существующая в России теория и практика мониторинга и оценки эффективности бюджетных инвестиций не отражают объемы налогового инвестирования, так как имеет ряд существенных недостатков:

- необязательность экономического обоснования налоговых инвестиций, отсутствие единых государственных и муниципальных методик оценки их эффективности на государственном и муниципальном уровнях;
- недостаточная увязка налоговых инвестиционных льгот и преференций со стратегическими целями и показателями социально-

---

[1] *Савина О. Н.* Барьеры в нормативном правовом обеспечении механизма предоставления и применения налоговых льгот и преференций в России // Международный бухгалтерский учет. 2013. № 19. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 18.11.2013).

[2] *Мандрощенко О. В.* Налоговая система и ее влияние на развитие инвестиционной деятельности // Международный бухгалтерский учет. 2012. № 45. С. 1–7.

[3] *Башкирова Н. Н.* Амортизационная политика как инструмент налогового стимулирования инновационной деятельности // Финансы и кредит. 2008. № 39. С. 47–55; *Гордеева О. В.* Принципы эффективного налогового регулирования // Налоги. 2012. № 1. С. 4–5; *Кутергина Г. В.*, *Мингазинова Е. Р.* Методики оценки и мониторинга эффективности налоговых льгот: подходы и проблемы // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2014. № 1. С. 84–99; *Титов В. В.*, *Жигульский Г. В.* Оценка влияния систем налогообложения на эффективность деятельности промышленного предприятия // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2013. № 4(175). С. 113–120.

экономического развития государства и его территорий, прежде всего с ростом ВВП, ВРП[1];

- игнорирование при оценке эффективности налогового инвестирования на практике и в теоретических работах мультипликативного эффекта налогового регулирования, отложенного характера влияния инвестиций;
- неточность оценки влияния налоговой инвестиции на показатели социально-экономического развития территории ввиду отсутствия соответствующей системы налогового и статистического учета.

Перечисленные проблемы с учетом масштабов налогового льготирования в России и ее регионах делают особенно актуальной разработку методологического обеспечения оценки и мониторинга эффективности налогового инвестирования в экономику, в частности за счет прибыли организаций[2].

Объемы инвестиций в основной капитал за счет бюджетных средств по малым и микропредприятиям определяются как сумма данных, полученных от респондентов, представивших отчеты по формам № ПМ и № МП (микро), без распространения на генеральную совокупность объектов статистического наблюдения. Для расчета прироста инвестиций в основной капитал без учета бюджетных средств в процентах к предыдущему году используются данные об индексах физического объема инвестиций в основной капитал без учета бюджетных средств, исчисленных в сопоставимых ценах. В качестве сопоставимых цен используются среднегодовые цены предыдущего года.

Анализ зарубежных исследований, посвященных теории рынка инвестиций и собственно инвестиционному моделированию, позволяет выделить два условных направления исследований.

Первое направление включает исследования, разрабатывающие общие положения экономической теории. В первую очередь это исследования экономического равновесия и экономического роста[3]. Сюда можно отнести фундаментальные труды крупнейших зарубежных экономистов — Л. Вальраса, Е. Домара, Н. Калдора, Дж. М. Кейнса, А. Маршалла, К. Р. Макконнелла, К. Маркса, Д. Медоуза, П. Самуэльсона, А. Смита, Р. Солоу, Т. Тевеса, С. Фишера, Дж. Р. Форрестера, Р. Харрода, Дж. Хикса,

---

[1] *Тюпакова Н. Н.* Формирование налогового механизма распределения добавленной стоимости: теория, методология, практика: монография. Краснодар: КубГАУ, 2012. — 345 с.

[2] *Кутергина Г. В.* Некоторые подходы к оценке эффективности налоговых инвестиций из прибыли // Методология управления инновационной деятельностью экономических систем: монография. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014. С. 185–205.

[3] *Миролюбова А. А.* Методология моделирования инвестиционного процесса в реальном секторе экономики региона. Автореф. дис. докт. экон. наук. Иваново: Ивановский государственный химико-технологический университет, 2012. URL: http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-ekonomika/a112.php

И. Шумпетера, заслуги которых простираются далеко за пределы теории рынка инвестиций, а также работы, имеющие существенное значение для теории и практики инвестиционной деятельности, — Г. Александера, Д. Бэйли, Дж. Гитмана, К. Дикенсона, У. Шарпа, Г. Мюрдаля. Существуют также работы, где инвестиции в страну рассматриваются как зависящие от качества ее институциональной среды[1].

В рамках второго направления осуществляется собственно экономико-математическое моделирование динамики инвестиций. Разработка и совершенствование методов экономико-математического анализа позволили таким ученым, как Р. Гудвин, М. Десаи, М. Калецкий, Н. Калдор, П. Самуэльсон, П. Скотт, Дж. Стиглиц, Э. Хансен, Дж. Хикс и др., создать формальный экономико-математический аппарат описания циклов рыночной экономики[2].

Обзор методик (методов) моделирования показателей

На основе проведенного анализа можно выделить следующие методики (методы), применяемые российскими исследователями при экономико-математическом моделировании показателей инвестиционной активности в регионах:

- корреляционно-регрессионный анализ — Ю. А. Жемчужникова[3], Г. А. Батищева[4], А. А. Миролюбова[5] и др.;
- оптимизационное моделирование — Е. С. Макрушина[6];
- адаптивные модели временных рядов с мультипликативным и аддитивным вхождением циклической составляющей и кластеризация — А. А. Миролюбова[7].

Корреляционно-регрессионный анализ применен при моделировании инвестиционной привлекательности муниципальных образований Оренбургской области; связей ВРП, стоимости основных фондов, миграции населения с инвестициями в основной капитал в Краснодарском крае;

---

[1] См., например: *Daude C. & and Stein E.* (2007). The Quality of Institutions and Foreign Direct Investment. Economics and Politics, 19(3), 317–334.

[2] *Миролюбова А. А.* Указ. соч.

[3] *Жемчужникова Ю. А.* Моделирование зависимостей между показателями, характеризующими инвестиционную привлекательность // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 9(91). С. 118–121.

[4] *Батищева Г. А.* Моделирование инвестиционных процессов // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. № 4–2. Т. 6. С. 54–59.

[5] *Миролюбова А. А.* Указ. соч.

[6] *Макрушина Е. С.* Моделирование бюджетной поддержки инвестиций промышленных предприятий региона. Автореф. дис. канд. экон. наук. М.: Государственный университет управления, 2007. — 22 с.

[7] *Миролюбова А. А.* Указ. соч.

моделировании инвестиций как *одного из факторов динамики ВРП российских регионов*. Оптимизационное моделирование использовано для решения задачи бюджетной поддержки инвестиционных проектов в регионе. *Адаптивные модели временных рядов* с мультипликативным и аддитивным вхождением циклической составляющей описывают с использованием кластерного анализа цикличность макропоказателей, связанных с инвестиционным процессом.

Российскими исследователями применяются разнообразные методы моделирования инвестиций, а сами инвестиции (в том числе их виды) выступают как в качестве моделируемых, так и в качестве факторных параметров в различных моделях. Исходные и моделируемые показатели приведены в табл. 3.

Таблица 3

Экономико-математические подходы к моделированию показателей. Блок «Инвестиции» (по российским источникам)

№ п/п	Исходные показатели	Модели и методы, автор	Моделируемые показатели
1	Инвестиционные затраты на основной и оборотный капитал, операционная прибыль по проекту, налогоемкость проекта; фондоемкость, затратоемкость, нормы линейной амортизации; длительность инвестиционного проекта; ставки налога на прибыль, коммерческого кредитования, дисконтирования денежных потоков предприятия и бюджета	Оптимизационное моделирование. Е.С. Макрушина[1]	Поступление в бюджет в связи с реализацией инвестиционного проекта
2	*Показатели инвестиционной активности:* объем инвестиций в основной капитал на душу населения, руб.; ввод в действие жилых домов на 1000 человек населения, кв. м. общей площади; объем промышленной продукции на душу населения, руб.; производство (реализация) скота и птицы, центнеров на душу населения	Регрессионно-корреляционный анализ. Ю. А. Жемчужникова[2]	Показатели, характеризующие инвестиционную активность, инвестиционный риск, инвестиционный потенциал

[1] *Макрушина Е. С.* Моделирование бюджетной поддержки инвестиций промышленных предприятий региона. Автореф. дис. канд. экон. наук. М.: Государственный университет управления, 2007. — 22 с.

[2] *Жемчужникова Ю. А.* Моделирование зависимостей между показателями, характеризующими инвестиционную привлекательность // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 9(91). С. 118–121.

Продолжение табл. 3

№ п/п	Исходные показатели	Модели и методы, автор	Моделируемые показатели
	Показатели инвестиционного риска: задолженность организаций по заработной плате, в % от общего фонда заработной платы; удельный вес убыточных предприятий и организаций, в % от общего числа предприятий; просроченная кредиторская задолженность предприятий, в % от общей задолженности. *Показатели инвестиционного потенциала:* уровень официально зарегистрированной безработицы, в %; доля населения в трудоспособном возрасте в общей численности населения, %; доля лиц моложе трудоспособного возраста в общей численности населения, %; среднегодовая численность работников в сельскохозяйственном производстве, чел.; среднегодовая численность работников в промышленности, чел.; число зарегистрированных иностранных рабочих на 1000 человек; сальдированный финансовый результат одного предприятия, руб.; уровень рентабельности реализованной продукции сельского хозяйства в сельхозорганизациях, %; уровень рентабельности реализованной продукции организаций промышленности, %; оборот розничной торговли на душу населения, руб.; объем платных услуг на душу населения, руб.		
3	Инвестиции в основной капитал	Регрессионный анализ. Г. А. Батищева[1]	ВРП, стоимость основных фондов, миграция населения
6	Государственные расходы, инвестиции, расходы на потребление, ставка рефинансирования ЦБ РФ	Корреляционно-регрессионный анализ. А.А. Миролюбова[2]	Валовой региональный продукт

[1] *Батищева Г. А.* Моделирование инвестиционных процессов // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. № 4–2. Т. 6. С. 54–59.

[2] *Миролюбова А. А.* Методология моделирования инвестиционного процесса в реальном секторе экономики региона. Автореф. дис. докт. экон. наук. Иваново: Ивановский государственный химико-технологический университет, 2012. URL: http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-ekonomika/a112.php (дата обращения: 30.04.2015).

Окончание табл. 3

№ п/п	Исходные показатели	Модели и методы, автор	Моделируемые показатели
7	Объем инвестиций в основной капитал (фактические данные) и др.	Адаптивные модели временных рядов. А. А. Миролюбова [1]	Объем инвестиций в основной капитал (прогнозные данные) и др.

На основе проведенного анализа можно выделить следующие методики (методы), применяемые зарубежными исследователями при экономико-математическом моделировании инвестиций в регионах:

- регрессионный анализ[2];
- динамическое моделирование[3];
- оптимизационное моделирование[4];
- теория производственных функций[5].

Регрессионный анализ применен при определении величины капитальных активов в регионе на основе модели гибкого акселератора (flexible accelerator). Динамическое моделирование использовано при описании регионального экономического роста на основе Кейнсианской модели для Китая, для отображения зависимостей между инфраструктурными инвестициями и региональным экономическим ростом для Японии, Южной Кореи и четырех стран АСЕАН (в исследовании использована производственная функция). *Оптимизационное моделирование* стало основой для описания распределения инвестиций между регионами на примере Греции, а также для описания распределения государственных инвестиций между регионами на примере Бельгийских железных дорог. Исходные и моделируемые показатели приведены в табл. 4.

---

[1] *Миролюбова А. А.* Указ. соч.

[2] *Alexiadis S., Felsenstein D.* (2012). The Flexible Accelerator Model and the 'Regionalization' of Capital Stock Estimates. Regional Science Inquiry Journal. Vol. IV. (1). P. 39–44.

[3] *Yanchuk S., Kristensen G., Sushko I.* (2003). Dynamical approach to complex regional economic growth based on Keynesian model for China. Chaos, Solitons and Fractals. 2003. № 18. P. 937–952; *Acharya S., Morichi Sh., Yoshida T.* (1999). Role of infrastructure investment in regional growth: a dynamic simulation approach. Journal of the Eastern Asia Society for Transportation Studies. September. Vol. 3. № 4.

[4] *Geraki M., Polyzos S., Krikeli O.* (2010). Public Investment Regional Allocation: Evaluation of Applicability of Existent Methodologies URL: http://www.prd.uth.gr/uploads/publications/2010/5f5ba1219a15be1ffbdbf54e85c025f1cfff8e8e.pdf; *Proost S., Zaporozhets V.* (2010). The Political Economy of Fixed Regional Investment Shares with an Illustration for Belgian Railway Investments. URL: https://lirias.kuleuven.be/bitstream/123456789/262397/1/DPS1005.pdf

[5] *Acharya S., Morichi Sh., Yoshida T.* (1999). Role of infrastructure investment in regional growth: a dynamic simulation approach. Journal of the Eastern Asia Society for Transportation Studies. September, 1999. Vol. 3. № 4.

Таблица 4

Экономико-математические подходы к моделированию показателей регионального развития. Блок «Инвестиции» (по зарубежным источникам)

№ п/п	Исходные показатели	Модели и методы	Моделируемые показатели
1	Прямые иностранные инвестиции	Динамическое моделирование S. Yanchuk[1]	Валовой региональный продукт
2	Весовые коэффициенты региона, сектора *j* региона *i*; доход региона *i* от сектора *j*; труд в регионе *i*; население региона; норма амортизации; уровень факторных инвестиций труда сектора *j* региона *i*; инвестиции в сектор *j* региона *i*; капитальные активы; ставка налога на доход; капитальные трансферты между регионами; доля сбережений государственного и частного секторов в регионе; доля инвестиций частного сектора в сектор *j* региона *i*; вклад технологических инноваций сектора *j* региона *i*	Оптимизационное моделирование M. Geraki[2]	Доход на душу населения, уровень занятости, общее благосостояние
3	Транспортные издержки внутри региона, транспортные издержки между регионами, национальные инфраструктурные инвестиции, национальные частные инвестиции, региональная доля в инвестициях, региональный миграционный коэффициент, темп роста инфраструктурных инвестиций	Динамическое моделирование, производственная функция. S. Acharya[3]	Валовой региональный продукт

[1] *Yanchuk S., Kristensen G., Sushko I.* (2003). Dynamical approach to complex regional economic growth based on Keynesian model for China. Chaos, Solitons and Fractals. 2003. № 18. P. 937–952.

[2] *Geraki M., Polyzos S., Krikeli O.* (2010). Public Investment Regional Allocation: Evaluation of Applicability of Existent Methodologies. URL: http://www.prd.uth.gr/uploads/publications/2010/5f5ba1219a15be1ffbdbf54e85c025f1cfff8e8e.pdf

[3] *Acharya S., Morichi Sh., Yoshida T.* (1999). Role of infrastructure investment in regional growth: a dynamic simulation approach. Journal of the Eastern Asia Society for Transportation Studies. September, 1999. Vol. 3. № 4.

Окончание табл. 4

№ п/п	Исходные показатели	Модели и методы	Моделируемые показатели
4	Среднегодовой ВРП региона, среднегодовой ВВП страны-инвестора, расстояние между столицей страны-инвестора и административным центром региона, агломерационный эффект (уровень ВРП региона, отнесенный к его площади); фактор природных ресурсов (объем производства добывающих отраслей к общему объему промышленного производства в регионе в среднем за 5 лет); коэффициент столичного региона; коэффициент неопределенности для иностранного инвестора; уровень населения с высшим образованием в общей численности населения	Гравитационная модель, регрессионный анализ. S. Ledyaeva[1]	Прямые иностранные инвестиции в регион
5	Цена капитальных активов в регионе, выпуск, инвестиции, производительность и издержки в строительстве	Регрессионный анализ. S. Alexiadis[2]	Капитальные активы в регионе
6	Государственные расходы, потребление, ставка подоходного налога, инвестиции	Оптимизационное моделирование. S. Proost[3]	Благосостояние региона

Для зарубежных исследователей, как и для российских, характерно разнообразие применяемых методов моделирования инвестиций и в основном сходный круг решаемых моделированием задач. Основными методами моделирования являются регрессионный анализ, оптимизационное моделирование, динамическое моделирование.

Исходные показатели моделей крайне многообразны и отражают, как правило, либо макроэкономические факторы инвестиций (цена капитала, налоги и т.д.), причем среди исходных показателей представлены и сами инвестиции, и их отдельные элементы; либо микроэкономические

[1] *Ledyaeva S., Linden M.* (2006). Testing for Foreign Direct Investment Gravity Model for Russian Regions. URL: http://epublications.uef.fi/pub/urn_isbn_952-458-782-3/urn_isbn_952-458-782-3.pdf

[2] *Alexiadis S., Felsenstein D.* (2012). The Flexible Accelerator Model and the 'Regionalization' of Capital Stock Estimates. Regional Science Inquiry Journal. Vol. IV. (1). P. 39–44.

[3] *Proost S., Zaporozhets V.* (2010). The Political Economy of Fixed Regional Investment Shares with an Illustration for Belgian Railway Investments. URL: https://lirias.kuleuven.be/bitstream/123456789/262397/1/DPS1005.pdf

факторы — затраты на основной и оборотный капитал, норма амортизации, ставка дисконтирования и т.д. Микроэкономический подход менее распространен.

Методы получения первичных данных

Международные и российские исследования показывают, что системное понимание динамики и факторов экономического развития возможно только в рамках исследований и мониторинга на государственном, региональном и местном уровнях[1]. Таким образом, количественные макроэкономические исследования, равно как и политические решения, должны быть основаны на обширном наборе показателей муниципального развития.

В научной литературе представлен ряд публикаций, посвященных проблеме анкетирования муниципальных образований с целью получения первичных данных для анализа. Среди зарубежных исследователей следует упомянуть социологов и философов, которые являлись разработчиками теоретико-методологических основ опроса. И. Хиттинка уделял большое значение формальной логике и целям вопросов для получения научно обоснованных ответов исследования[2]. М. Вебер разрабатывал эмпирические основы социальных действий, акцентируя внимание на построении вопросов и разработке социологических методов; Г. Шельски, Х. Клут, Г. Вурцбахер изучали возможности и границы опроса мнений с помощью формального интервью как средства изучения установок и поведения[3].

В современной отечественной науке исследования малых муниципальных образований актуализировались сравнительно недавно. Публикации по этой тематике немногочисленны. В качестве примера можно отметить работу по применению социологического и экспертного подхода для выявления неустойчивых городов с моноотраслевой специализацией[4]. Достоинством проведенного исследования, представленного в указанной работе, можно назвать учет мнений различных респондентов: бизнеса, чиновников, квалифицированных специалистов, населения.

Некоторые авторы использовали при исследовании социально-экономического пространства малых городов методику SWOT-анализа. Напри-

---

[1] *Leigh N. G.*, *Blakely E. J.* (2016). Planning local economic development: Theory and practice. Sage Publications.

[2] *Хинтикка И.* Вопрос о вопросах // Философия и логика. М., 1974. С. 303–304.

[3] *Лапин Н. И.* Эмпирическая социология в Западной Европе. М.: ГУ ВШЭ, 2004. С. 128–129.

[4] *Ускова Т. В.*, *Йогман Л. Г.* и др. Моногород: управление развитием. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012.

мер, Н. В. Ключенюк использовал SWOT-анализ при изучении комплекса показателей устойчивого роста экономики муниципалитетов и перспектив их развития[1].

Показатели, используемые для оценки социально-экономического развития муниципальных образований, можно разделить на три группы.

Статистические показатели. Источником таких показателей являются официальные публикации статистических организаций, а также органов власти различных уровней (в том числе и муниципальных). В России наиболее полная информация по статистическим показателям местного развития представлена в «Базе данных показателей муниципальных образований», размещенной на сайте Росстата, а также в ежегодно публикуемых сборниках «Формирование местного самоуправления в Российской Федерации». Кроме того, статистические показатели муниципалитетов размещаются на сайтах региональных статистических ведомств и на интернет-ресурсах администраций муниципальных образований.

Экспертные оценки применяются при изучении факторов социально-экономического развития муниципалитетов, статистика по которым не ведется или не публикуется в открытом доступе. Экспертные мнения являются одним из наиболее распространенных способов оценки показателей, не поддающихся непосредственному статистическому измерению и наблюдению (например, качества институциональной среды). Экспертные оценки могут быть представлены в количественной форме с помощью стандартизированной балльной шкалы, по которой эксперты выставляют оценки региону по тому или иному параметру. Известным примером использования экспертных оценок является методика исследования «Ведение бизнеса» Всемирного банка, в рамках которой в роли экспертов выступают юристы, которые оценивают сроки и издержки прохождения различных процедур в различных городах, связанных с предпринимательской деятельностью, на основе анализа нормативных актов и собственного опыта[2].

Опросы заинтересованных сторон (стейкхолдеров) могут выступать в роли заменителей экспертных оценок, так как тоже позволяют оценить показатели социально-экономического развития, не измеряемые в рамках муниципальной статистики. Представителям органов местного самоуправления, руководителям предприятий и инвесторам, работающим в изучаемом городе, предлагается оценить текущее положение дел в раз-

---

[1] *Ключенюк Н. В.* Управление процессом развития муниципалитетов на основе эффективного экономического механизма бизнес-планирования: Автореф. дис. к.э.н. Курск, 2010.

[2] Ведение бизнеса в России-2012. Совместная публикация Всемирного банка и Международной финансовой корпорации. М.: Алекс, 2012.

личных сферах жизни муниципального образования (экономике, социальной сфере, взаимоотношениях бизнеса и власти).

Для комплексной оценки социально-экономического положения муниципального образования можно сочетать все три типа показателей. Если для оценки базовых условий развития (например, обеспеченности региона ресурсами) достаточно использовать только данные статистики, то для оценки институциональной среды, инвестиционного климата и качества регулирования необходимо использовать экспертные оценки или опросы предпринимателей.

Важность использования экспертных и опросных показателей для оценки развития малых городов обусловлена также многочисленными несовершенствами российской системы муниципальной статистики, среди которых выделяют неразвитость правового поля сбора сведений, недостаточную доступность информации и неравномерность ее распределения, отсутствие у юридических и физических лиц возможности предоставлять данные муниципальным органам власти, низкую квалифицированность муниципальных служащих и т.д.[1].

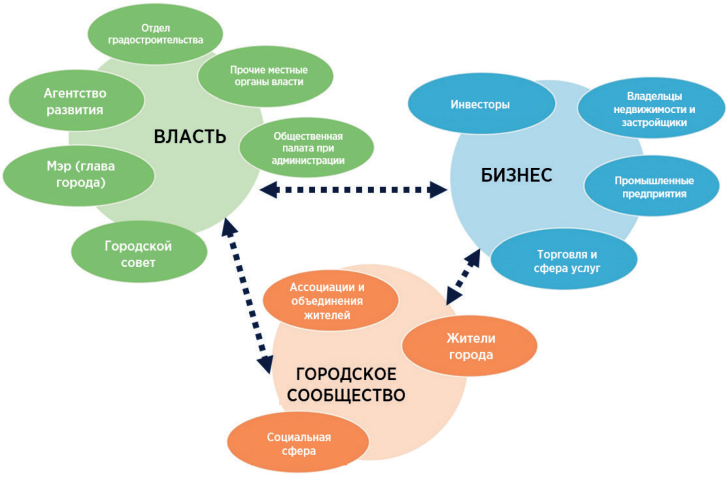


Рис. 1. Схема взаимосвязей заинтересованных сторон (стейкхолдеров) малого города
Источник: Downtown Public Spaces in Small and Medium-size Cities // The Federal Institute for Research on Building, Urban Affairs and Spatial Development (BBSR). URL: http://www.bbsr.bund.de/BBSR/EN/RP/ExWoSt/Studies/DowntownPublicSpaces/01_Start.html

[1] *Моляренко О. А.* Муниципальная статистика и проблемы сбора информации местной властью // Мир экономики и управления. 2014. Т. 14. №. 4. С. 125–139.

Важнейшим стартовым этапом любого эмпирического исследования, предполагающего сбор экспертных или опросных данных, является формирование выборки. В социологических исследованиях, проводимых в малых городах, могут принимать участие представители трех основных заинтересованных сторон (рис. 1) — власти, бизнеса и городского сообщества (населения городов).

В российской практике для социологического изучения социально-экономического развития муниципальных образований (в том числе малых городов) чаще всего используются опросы населения городов. В частности, во всех субъектах РФ такие опросы проводятся в соответствии с комплексом нормативно-правовых актов[1], которые институционально закрепили механизм регулярной экспертной оценки эффективности деятельности органов власти по наиболее важным аспектам: качество транспортного обслуживания и состояние автомобильных дорог, уровень удовлетворенности жилищно-коммунальными услугами.

Отдельные опросы населения малых городов посвящены конкретным социально-экономическим проблемам развития региона, что определяет специфику аудитории респондентов — выпускники образовательных организаций, трудовые мигранты, работники социальной сферы и т.д. Например, ставшее уже ежегодным исследование НИУ ВШЭ (Лаборатория экономико-социологических исследований), проводимое в форме опроса студентами университета в малых городах. Респондентами исследования являются выпускники школ и колледжей, выявляется их мотивация продолжить обучение по той или иной профессии и намерение вернуться в родные малые города после завершения обучения. Кроме того, есть темы, присущие жизни в малых городах, исследуемые из года в год (например, неформальная экономика, доступность финансовых услуг и пр.), а также которые отражают специфику конкретного города.

Еще одним примером специализированного опроса населения малых городов является исследование РАНХГиС (проводимое Институтом социального анализа и прогнозирования), ставящее своей целью проанализировать трудовую мобильность населения малых городов и ее потенциал для российского рынка труда. В качестве респондентов выступали трудовые мигранты из малых городов[2].

---

[1] Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления»; Постановление Правительства Российской Федерации от 17.12.2012 № 1317 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов».

[2] Трудовая мобильность населения малых городов России: текущие оценки и потенциал для российского рынка труда. Миграция и риски возникновения трудных жизненных ситуаций. Опрос трудовых мигрантов из малых городов. Портал социологических дан-

В ряде случаев в опросах принимают участие не только жители городов, но и представители бизнеса. В некоторых регионах России уже сложилась определенная практика изучения предпринимательских настроений в муниципальном разрезе. Индексы предпринимательских настроений служат рабочими инструментами изучения экономической конъюнктуры, оценки эффективности проводимой экономической политики и качества муниципального инвестиционного климата. В частности, в Тульской области опросы предпринимателей используются региональными властями для составления «Муниципального рейтинга состояния инвестиционного климата», характеризующего эффективность институциональных преобразований в сфере создания благоприятной среды ведения бизнеса[1]. В городе Чусовой, расположенном в Пермском крае, опрос предпринимателей проводится уже по инициативе местных властей[2]. Целью данного опроса является оценка условий ведения предпринимательской деятельности в городе и выявление основных барьеров для нее[3].

Еще одним примером подобных исследований предпринимательской активности в малых городах является исследование, проведенное в Пензенской области[4]. Фокусом исследования является изучение социальной адаптации населения в трансформируемой России. По результатам проведенной работы были выявлены блоки проблем, сдерживающих развитие предпринимательства в малых городах, в числе которых можно назвать бюрократические и финансовые проблемы, а также проблемы низкой платежеспособности предприятий (работа на основе взаимозачета) и проблемы безопасности (отсутствие развитой страховой системы, неэффективная судебная система, высокий криминогенный уровень).

ных РАНХиГС. URL: http://social.ranepa.ru/tsentry-i-instituty/institut-sotsialnogo-analiza-i-prognozirovaniya/issledovaniya/31-trudovaya-mobilnost-naseleniya-malykh-gorodov-rossii-tekushchie-otsenki-i-potentsial-dlya-rossijskogo-rynka-truda-migratsiya-i-riski-vozniknoveniya-trudnykh-zhiznennykh-situatsij-opros-trudovykh-migrantov-iz-malykh-gorodov; *Кошарная Г. Б.*, *Юртаев Н. А.*, *Рожкова Л. В.* Малое предпринимательство как способ социальной адаптации населения малых городов (на примере Пензенской области) // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2008. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/maloe-predprinimatelstvo-kak-sposob-sotsialnoy-adaptatsii-naseleniya-malyh-gorodov-na-primere-penzenskoy-oblasti (дата обращения: 06.11.2018).

[1] *Лаврухин Г. В.* О внедрении Муниципального инвестиционного стандарта в Тульской области // URL: http://russia-invest.ru/files/lavrukhin-g-v.pdf (дата обращения: 23.07.2017).

[2] Результаты опроса населения и предпринимателей города Чусового // URL: http://chusovoy.muncity.ru/ape/view/source/smallbusiness_index_statitstika-i-analitika_rezultaty-oprosa-naseleniya-i-predprinimatelej-goroda-chusovogo/

[3] *Моляренко О. А.* Муниципальная статистика и проблемы сбора информации местной властью // Мир экономики и управления. 2014. Т. 14. №. 4. С. 125–139.

[4] *Кошарная Г. Б.*, *Юртаев Н. А.*, *Рожкова Л. В.* Указ. соч.

К сожалению, такие исследования носят в российской практике единичный характер; единая общероссийская методика для анкетирования бизнес-сообщества в муниципальных образованиях до настоящего времени не сформирована. Между тем такая практика есть в зарубежных странах — в частности, в Индонезии публикуется исследование «Местное управление экономикой в Индонезии»[1]. В основе этого исследования находятся опросы предпринимателей в различных городах страны, а целью является изучение «качества регионального управления, которое сильно влияет на бизнес-климат в округах и муниципалитетах». В методику включены только показатели, которые находятся под непосредственным контролем региональных властей (например, сроки получения различных разрешений, местные налоги и качество инфраструктуры региона).

Наименее распространенными в российской практике являются опросные исследования, в которые вовлечены руководители городов и представители местных органов власти. Вместе с тем такие опросы могут способствовать задачам повышения прозрачности и подотчетности муниципальных властей[2], а также потенциально содействовать в выявлении основных трудностей, с которыми сталкиваются местные власти. Именно такое исследование может быть проведено на основе разработанной авторами исследования анкеты, представленной в Приложении 3.

Методология формирования взаимовыгодного сетевого взаимодействия малых городов и районных центров: обзор подходов российских авторов

В настоящее время представляется важной оценка возможности сотрудничества российских малых городов и районных центров и органов местного самоуправления на примере отдельных территориальных образований в контексте формирования и укрепления структур сетевого взаимодействия и поддержки территориального развития.

С. И. Кутовой утверждает, что инициатором построения взаимодействия между городами и прочими структурами территориального управления должно выступать государство. Среди путей улучшения ситуации с формированием сетевых форм взаимодействия малых городов и районных центров исследователь выдвигает самоограничения государства в отношениях с муниципалитетами, признание им автономности малых

[1] Local Economic Governance in Indonesia (2011). A Survey of Business Operators in 245 Districts / Municipalities in Indonesia. Jakarta: KPPOD.

[2] *Blair H.* (2000). Participation and accountability at the periphery: democratic local governance in six countries. World development. 28(1), 21–39.

городов во многих функциях[1]. Важную роль в этом контексте играет идея совещательной демократии, что предполагает значительную активность населения малых городов, объединенных в различные организации и ассоциации с целью контроля за муниципальной властью, осуществления местного самоуправления и сотрудничества с другими территориальными образованиями[2].

Н. Ю. Ерофеева[3] подчеркивает, что взаимодействие между малыми городами и районными центрами должно быть основано на самоуправляющихся сетевых структурах и направлено на обеспечение защиты и достижения общих интересов соседствующих территорий. Она приводит примеры, которые подтверждают, что у тех малых городов, где налажено взаимодействие с районными центрами и соседними территориями, действительно заметны изменения к лучшему в плане экономического развития, торговли и жизнеустройства граждан.

М. Л. Семенов, исследуя проблемы взаимодействия городов в области инновационной деятельности, приходит к выводу, что на уровне малых территориальных образований возможна и необходима реализация государственных инновационных программ, которые являются одним из основных механизмов национального и регионального развития на основе использования научно-технических разработок и современных технологий[4]. Отсутствие комплексной инновационно-инвестиционной программы развития страны, которая сочетала бы в себе инновационные решения на уровнях региона, района и малого города, а также содержала бы в себе максимально эффективное решение экономических и социальных проблем не только региона, но и отдельных, в большинстве своем малых, городов, не позволяет аккумулировать ресурсы на всех уровнях управления и препятствует результативной реализации программ развития регионов и городов[5].

А. С. Лобанова представила проблему необходимости обоснования развития социально-политического партнерства городов в контексте Дальневосточного региона, предложив схему взаимодействия районных городов

---

[1] *Кутовой С. И.* Взаимодействие городов как механизм развития регионального экономического пространства // Бизнес в законе. 2013. № 6. С. 302–306.

[2] Там же. С. 304.

[3] *Ерофеева Н. Ю.* От интеграции содержания к сетевому взаимодействию // Международное сотрудничество: интеграция образовательных пространств. Материалы III международной научно-практической конференции. 2016. С. 219–223.

[4] Социальное взаимодействие в современных условиях: различные аспекты исследования: коллективная монография / под ред. А. В. Кандауровой. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, кафедра социальной педагогики и социальной работы, 2017.

[5] Там же.

и областных центров[1], которая в целом может быть адаптирована к взаимодействию малых городов и районных центров.

Практика функционирования партнерских взаимодействий (социальных, политических, предпринимательских и т.д.) внутри районов и регионов подробно рассмотрена в статье С. В. Кузнецова[2]. Особое внимание исследователь уделяет вопросу взаимодействия соседних районов и городов в области предпринимательства и предлагает включить в схему взаимодействия помимо муниципальных органов власти еще и предпринимательские структуры. Включение предпринимательских и социальных сообществ в сеть взаимодействия малых городов представляется весьма полезным, так как позволяет учесть интересы бизнеса и общества при развитии малых городов в контексте их сетевого взаимодействия с районными центрами.

Процесс формирования предпосылок межрайонного партнерства в решении повседневных задач, которые пока плохо осознаются государством, но уже хорошо понятны обществу, исследует И. А. Евдокимов[3]. Рассматривая проблему с позиций социальной полезности и значимости для общественной жизни и развития, он справедливо отмечает, что развитие малых городов и любое их взаимодействие между собой или с другими структурами имеет приоритетом улучшение условий жизни жителей.

М. А. Петрова сконцентрировала внимание на проблеме выявления имеющихся в современном российском социуме условий для государственного управления межсекторным социальным партнерством и взаимодействием муниципальных образований[4]. Л. М. Семибратова и Н. В. Широкова рассматривают разные формы организации взаимодействия малых городов с позиции соорганизации ресурсов и их взаимовыгодного использования, особо отмечая при этом именно сетевое взаимодействие как одно из наиболее эффективных и взаимовыгодных[5].

О. Н. Болычев рассматривает пространственное сетевое развитие малых городов на основе взаимодействия, прежде всего предпринимательских

---

[1] *Лобанова А. С.* Малые города Дальневостоного края в социально-экономическом развитии территорий // Вестник Дальневосточного государственного экономического университета. 2016. № 5. С. 14–20.

[2] *Кузнецов С. В.* Механизмы координации при сетевом и межсетевом взаимодействии // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 7. С. 35–38.

[3] Социальное взаимодействие в современных условиях: различные аспекты исследования: коллективная монография / под ред. А. В. Кандауровой. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, кафедра социальной педагогики и социальной работы, 2017.

[4] Там же.

[5] *Семибратова Л. М.*, *Широкова Н. В.* Сетевое взаимодействие в условиях малого города // Народное образование. 2014. № 6. С. 64–68.

структур, и предлагает методику отбора городов для организации сетевого взаимодействия по отдельным направлениям предпринимательской деятельности. Он отмечает, что сетевые формы организации предпринимательства разных городов могут послужить первопричиной развития взаимодействия городов на уровне органов власти и по другим направлениям — политическим, социальным, инновационным[1]. Данная точка зрения может оказаться правильной для целого ряда регионов и территориальных образований, хотя современная российская институциональная среда пока скорее «настроена» на то, что инициатива формирования сетевого сотрудничества между малыми городами исходит от органов муниципального управления, а предпринимательские структуры должны выступать при этом партнерами органов власти по развитию сетевого взаимодействия. Сложившиеся подходы государственного управления в России основаны на постулате, что решения федеральных, региональных и местных органов управления имеют приоритетное значение в процессе формирования взаимодействия и ведут к более четким и системным действиям.

М. В. Усова и Т. П. Фокина уделяют особое внимание улучшению имиджа территории как производной от эффективности сетевых структур взаимодействия с другими территориями[2]. Имидж территории является весьма важной характеристикой в современном информационном обществе, определяющей многие аспекты территориального развития. В то же время их мнение совпадает с позицией И. А. Евдокимова и М. А. Петровой: они подчеркивают, что целевым ориентиром при формировании сетевых структур взаимодействия малых городов и районных центров должен быть не только имидж этих городов, но и в первую очередь социально-экономические условия жизни их населения.

Таким образом, в заключение можно отметить следующее.

Моделирование социально-экономических процессов малых городов основывается на показателях двух групп: 1) показатели численности, естественного движения и миграции населения (численность населения, рождаемость, смертность, приток, отток и производные от них коэффициенты); 2) социально-экономические показатели (например, ВРП, заработная плата), как правило, в расчете на душу населения. Первая группа используется для моделирования динамики численности населения, вторая — для построения интегральных показателей качества жизни. Часть моделей, основанных на первой группе показателей, не учитывают в явном

---

[1] *Болычев О. Н.* Пространственное развитие сетевых структур: методика отбора городов для построения сети взаимодействия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: естественные и медицинские науки. 2013, № 2. С. 156–166.

[2] *Усова М. В.*, *Фокина Т. П.* Современные социальные практики управления имиджем города в сетевом обществе // Вестник Поволжского института управления. 2014. № 4. С. 78–83.

виде социально-экономических факторов демографических процессов, другие же модели, основанные на второй группе показателей, либо создают интегральные показатели, которые могут быть использованы для объяснения причин демографических процессов и сравнительного анализа таких процессов по регионам, либо непосредственно моделируют демографические показатели на основе социально-экономических показателей.

Зарубежные исследователи наряду с широко распространенными универсальными методами (регрессионный анализ, корреляционный анализ), используют специфические методы моделирования, адаптированные под демографическую проблематику: модели распределения использования земель, модель демографических когорт, микросимуляция.

Важное значение имеет анализ инвестиционного процесса, при этом отсутствует единая концепция экономико-математического анализа и прогнозирования его развития, позволяющая разрабатывать эффективные управленческие решения на уровне региона. К методологическим вопросам, требующим детальной проработки применительно к российским и региональным особенностям, можно отнести: разработку математических моделей развития региональной экономики во взаимосвязи с инвестиционным процессом, исследование взаимосвязи макропоказателей региона на основе системы одновременных уравнений; адаптивное моделирование цикличности экономических показателей региона; обоснование и разработку моделей оценки инвестиционных потерь региона; разработку подходов к моделированию эффективности инвестиционных вложений. И в России, и за рубежом инвестиции чаще выступают в качестве факторного, а не результирующего показателя моделей. И российские, и зарубежные авторы чаще всего используют как моделируемый показатель валовой региональный продукт; в отдельных исследованиях моделируемыми показателями выступают прямые иностранные инвестиции, капитальные активы, уровень занятости и др.

Существующие в настоящее время статистические данные по малым городам являются неполными и охватывают не все существенные аспекты развития муниципалитетов. Представители органов местного самоуправления регулярно сталкиваются со многими факторами, как ограничивающими, так и стимулирующими развитие городов. Такая информация отсутствует в статистических сборниках и недоступна внешним экспертам. Поэтому в рамках исследования была разработана анкета для получения первичной информации от руководителей малых городов и представителей органов местной власти, с целью получить комплексную оценку текущего положения этих городов, факторов и перспектив их развития.

РАЗДЕЛ 2

МАЛЫЕ ГОРОДА РФ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

После представления теоретико-методологических основ нашего исследования охарактеризуем его объект — совокупность малых городов РФ в целом, а более детально — их параметры в трех субъектах РФ, выбранных для предметного эмпирического анализа межмуниципальных взаимодействий.

Россию можно назвать страной малых городов, что обусловлено рядом причин, в том числе природно-климатическими и географическими условиями, особенностями исторического, а также в значительной мере спецификой экономического развития страны. В соответствии с большинством методик и определений, к категории малые города относят города, в которых проживает до 50 тыс. человек. Этот критерий по-прежнему действует и в нашей стране. В соответствии с классификацией, представленной в прежнем Градостроительном кодексе РФ[1], к этой категории относится более 70% городов, из 1112 городов 788 являются малыми городами, в них проживает более 16% населения[2].

По данным Росстата, на начало 2018 г. в России было 542 города, попадающих под определение малых, с общей численностью жителей свыше 14 млн человек[3].

Анализируя роль и место малых городов в региональном развитии, необходимо понимать, что малые города являются системообразующими элементами региона, их трудовой, природно-климатический, ресурсный и производственный потенциал — основа устойчивого регионального развития[4].

---

[1] Градостроительный кодекс Российской Федерации. ФЗ от 07.05.1998.

[2] Социально-экономические показатели — 2015, 2016 годы. Регионы России // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/

[3] Приоритеты развития малых городов и исторических поселений. Форум малых городов России. Коломна. 17.01.2018.

[4] *Egziabher A. G.* (2014). Cities feeding people: an examination of urban agriculture in East Africa. Ottawa: IDRC. P. 85–104; *Mingaleva Z., Sheresheva M., Oborin M. and Gvarliani T.* (2017).

В настоящее время проблемы развития малых городов являются настолько важными и острыми, что трудно переоценить необходимость разработки конструктивных предложений для их сохранения и дальнейшего развития. Среди наиболее общих проблем малых городов необходимо отметить[1]:

- низкий уровень диверсификации, монозависимость;
- низкий технологический уровень большинства предприятий;
- изношенность основных фондов;
- ограниченный выбор для трудовой деятельности;
- высокий уровень безработицы;
- недостаток (отсутствие) квалифицированных кадров;
- демографические проблемы (отток молодежи, старение и убыль населения);
- инфраструктурные проблемы;
- низкий уровень культурной и образовательной сферы.

С точки зрения правовых основ деятельности малых российских городов ключевую роль играет Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[2]. Особое значение при этом имеет ст. 15 данного закона, которая определяет круг вопросов местного значения муниципального района. Так, согласно закону, к вопросам местного самоуправления малых городов можно отнести составление и рассмотрение бюджета, осуществление дорожной деятельности в отношении автомобильных дорог местного значения, организацию охраны общественного порядка на территории, организацию предоставления общедоступных и бесплатных — образования, медицинской помощи, социального обслуживания.

Однако многие нормы и правила, которые действуют в настоящее время на федеральном, региональном, муниципальном уровнях, не стимулируют устойчивое развитие, а зачастую выступают серьезными препятствиями для этого и соответственно требуют существенных изменений. В данном разделе представлен анализ ситуации в малых городах России и предложен ряд направлений улучшения ситуации, включая подходы к развитию взаимовыгодного сетевого взаимодействия малых городов.

Networking of small cities to gain sustainability. Entrepreneurship and Sustainability Issues, 5(1), 140–156; *Хорев А. И., Овчинникова Т. И.* Оценка динамики социально-экономического развития областей Центрально-Черноземного региона // Современные проблемы экономической теории: сб. ст. междунар. конф. Воронеж, 2003. Ч. IV. С. 883–892; *Орлова Е. А.* Малый город: феномен, понятие и подходы к исследованию // Избранные доклады 61-й университетской научно-технической конференции студентов и молодых ученых. 2015. С. 109–111.

[1] *Оборин М. С.*, *Шерешева М. Ю.* Специфика сетевых бизнес-моделей в туристско-рекреационной сфере // Управленец. № 4(68), 2017. С. 24–31.

[2] Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 03.04.2017) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

ГЛАВА 2.1
СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ И ТЕМПЫ ПРИРОСТА НАСЕЛЕНИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ

За последние годы изменения в пространственном и социально-экономическом развитии во многих регионах мира привели к возникновению новых вызовов. В частности, наблюдается подрыв традиционных функций небольших городов и рост объема экономических операций, которые осуществляются через региональную, национальную и международную экономику[1]. Однако это не означает снижения их значимости с точки зрения устойчивого развития территорий. Не только в Европе и Северной Америке, но и во многих других странах налицо стремление стимулировать развитие путем расширения инфраструктурных возможностей и связности городов разного размера[2].

Все чаще поднимается вопрос о сетевом взаимодействии малых населенных пунктов, позволяющем им приобрести и реализовать новые современные функции и повысить их роль в развитии территорий, на которых они расположены[3]. В рамках сетевой парадигмы города рассматриваются как самостоятельные акторы, «коллективные агенты» с собственной стратегией, которые находятся в постоянной конкурентной среде и в то же время могут создавать устойчивые сети взаимодействий для реализации совместных целей – например, осуществления крупных территориальных проектов[4].

---

[1] *Courtney P. & Errington A.* (2000). The role of small towns in the local economy and some implications for development policy. Local Economy, 15(4), 280–301.

[2] *Bagnasco A.* (Ed.) (2000). Cities in contemporary Europe. Cambridge University Press; Batty, M. (2008). The size, scale, and shape of cities. Science, 319 (5864), 769–771; *Potter R. & Unwin T.* The Geography of urban-rural interaction in developing countries: essays for Alan B. Mountjoy. L.: Routledge, 2017.

[3] *Courtney P. & Errington A.* (2000). The role of small towns in the local economy and some implications for development policy. Local Economy, 15(4), 280–301; *Healey P.* (2004). The treatment of space and place in the new strategic spatial planning in Europe. International Journal of Urban and Regional Research, 28(1), 45–67; *Mingaleva Z., Sheresheva M., Oborin M. & Gvarliani T.* (2017). Networking of small cities to gain sustainability. Entrepreneurship and Sustainability Issues, 5(1), 140–156.

[4] *Capello R.* (2000). The city network paradigm: measuring urban network externalities. Urban Studies, 37(11), 1925–1945; *Camagni R. & Capello R.* (2005). The City Network Paradigm: Theory and Empirical Evidence. Urban Dynamics and Growth: Advances in Urban Economics, 495–529.

В данной статье рассмотрены вопросы, касающиеся роли малых городов в региональном развитии, определения направлений стратегического развития и подходов к классификации стратегий малых городов.

Роль и место малых городов в развитии территорий

Для России, где порядка 70% от общего числа городов являются малыми, их значение для устойчивого экономического развития регионов трудно переоценить, однако в течение нескольких постсоветских десятилетий наблюдалась явное игнорирование их роли в региональной и национальной экономике. Как результат, большинство малых российских городов оказались в ситуации «выживания поодиночке», начал нарастать разрыв между ними и более крупными городами по уровню развития и качеству жизни населения[1]. Отток населения из малых городов обусловил устойчивую тенденцию к росту неоднородности в городской системе Российской Федерации, избыточному росту населения крупнейших городов и снижению населенности малых городов. Это подтверждают расчеты, которые показывают увеличение коэффициента Ципфа[2].

При этом многие урбанисты, на рекомендациях которых основывались действия российских властей в постсоветский период, выступали в поддержку либо идеи о формировании небольшого числа крупных агломераций, либо «адаптационной стратегии»[3], предполагающей адаптацию к меняющемуся расселению вместо сокращения территориальных неоднородностей. Согласно этой позиции, процесс угасания ряда малых поселений России и роста и развития других — это процесс естественный и рациональный.

На наш взгляд, данный подход является крайне дискуссионным и требует серьезного пересмотра. В зарубежной литературе также нарастает число работ с критикой неолиберального подхода к пространственному развитию[4], при котором оно должно определяться исключительно «неви-

---

[1] *Оборин М. С., Пахалов А. М., Шерешева М. Ю.* Эффективность стратегического планирования развития малых городов на основе сетевого механизма координации // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2017. № 4. С. 100–117; *Шерешева М. Ю., Оборин М. С., Костанян А. А.* Особенности оценки качества жизни населения малых городов // Ars administrandi. Искусство управления. 2017. Т. 9. № 2. С. 289–311.

[2] *Растворцева С. Н., Манаева И. В.* Анализ проявления закона Ципфа в городах России // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 46. С. 56–66.

[3] *Стехина С. Н.* Концептуальные основы теорий регионального развития и разработки территориальных стратегий // Terra Economicus. 2007. Т. 5. № 2–2. С. 269–273.

[4] Ряд авторов в этой связи говорят об устаревании «агрессивных неолиберальных моделей городского и регионального развития» [*Albrechts L.* (2015). Ingredients for a more radical strategic spatial planning. Environment and Planning B: Planning and Design, 42(3), 510–525].

димой рукой рынка» и экономической целесообразностью[1]. Целый ряд современных авторов указывают на то, что необходимо стратегическое планирование, которое обеспечивает «пространство совещательных возможностей»[2] — с открытым диалогом, в котором учитываются множество интересов и требований, мнений, конфликтов, ценностей, отношений власти. Акторы в этом пространстве обдумывают и осознают, кем они являются и к чему стремятся, и на этой основе способны сформулировать свою идентичность, традиции и ценности[3]. Стратегическое пространственное планирование такого рода предполагает, что в него вписано нормативное измерение[4] этического характера, для которого значимы ценности и специфические практики, рассматриваемые в конкретных политических, культурных, институциональных контекстах[5]. Как справедливо отмечает Л. Элбрехтс[6], без этого мы рискуем впасть в «пагубный релятивизм», где и так «все сойдет»[7].

Президент РФ В. В. Путин в рамках обращения с посланием к Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 г. призвал развернуть программу пространственного развития России и особо подчеркнул: «Важно, чтобы развитие городов стало движущей силой для всей страны. Активная, динамичная жизнь России с ее огромной территорией не может сосредоточиться в нескольких мегаполисах»[8]. По сути, это означает особое внимание к сбалансированной модели пространственного развития и управления российской экономикой, которая позволит, «с одной стороны, создавать каркас региональных (республиканских, областных, краевых, окружных) и территориальных (городских, районных) центров сосредоточения экономического роста, способных формировать и передавать сопредельным

---

[1] *Sager T.* (2013). Reviving Critical Planning Theory. New York: Routledge.

[2] *Forester J.* (2010). «Foreword» Making Strategies. In: Cerreta M., Concilio G. & Monno V. (Eds). Spatial Planning. Dordrecht, Springer, v–vii.

[3] *Albrechts L.* (2015). Ingredients for a more radical strategic spatial planning. Environment and Planning B: Planning and Design, 42(3), 510–525.

[4] План, политика или подход называются нормативными, когда они придают законность своему объекту (так называемый предписывающий план, политика, подход). При таком подходе пространственное планирование рассматривается как «деятельность, касающаяся выбора между хорошим и плохим, правильным и неправильным, с другими и для других, в отношении конкретных мест». *Campbell H. & Marshall R.* (2006). Towards justice in planning: A reappraisal. European Planning Studies, 14(2), p. 240.

[5] *Healey P.* (2010). Making Better Places: The Planning Project for the Twenty-first Century. Basingstoke, Hants: Palgrave Macmillan.

[6] *Albrechts L.* (2015). Ingredients for a more radical strategic spatial planning. Environment and Planning B: Planning and Design, 42(3), 510–525.

[7] *Metzger J.* (2012). Placing the stakes: the enactment of territorial stakeholders in planning processes. Environment and Planning, A 45, p. 793.

[8] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/

субъектам инновационные импульсы модернизации и развития экономики. С другой — управлять этими процессами, опираясь на рыночные институты, выводя на траекторию ускоренного и устойчивого развития глубинные и окраинные регионы и территории»[1].

Чтобы подойти к решению поставленных задач, необходима разработка единого комплексного подхода к устойчивому развитию малых городов на основе комбинирования их ресурсного потенциала и потенциала территорий, на которых эти города расположены. Для этого, в свою очередь, требуется понимание того, какие показатели деятельности региона и его городов могут быть выбраны в качестве мониторинговых для оценки уровня их развития, какие характеристики институциональной среды благоприятствуют устойчивому развитию экономики городов и территорий, что приводит к развитию межтерриториальных и межотраслевых барьеров. Кроме того, необходимо понимание стратегических задач, которые должны решать малые города, и освоение современного управленческого инструментария.

Небольшие города значительно различаются по количеству проживающих, по месту расположения, административной структуре, удаленности от других городов и населенных пунктов, экономическому развитию, социальной сфере, инфраструктуре, потенциалу развития, специализации, транспортным связям с другими городами и регионами. Все это определяет конкретные проблемы каждого малого города и перспективы его развития. Соответственно, стратегические решения должны, с одной стороны, учитывать специфику контекста, с другой — опираться на некую общую логику, позволяющую координировать действия администрации города и региона, а также взаимодействовать с другими городами и регионами в рамках общего стратегического направления развития страны.

Стратегии развития малых городов России: основные результаты анализа

Несмотря на то что что каждый малый город обладает своей историей, уникальным сочетанием человеческого фактора, ресурсов, расположения, происхождения, можно выделить некоторые общие черты развития малых городов в современное время.

В основу гипотез, проверяемых в данной работе, легла классификация стратегий развития малых городов В. Л. Глазычева. Для успешных малых городов это стратегии «Агломерация», «Сервисный центр», «Туристический потенциал», «Транспортный узел» — в противовес тем ма-

[1] *Татаркин А. И.* Формирование региональных институтов пространственного развития Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 6 (24). С. 42–43.

лым городам, где отсутствует стратегия развития и наблюдается сильная депопуляция[1].

Стратегию «Агломерация» реализуют те малые города, которые находятся вблизи мегаполисов (Москва и Санкт-Петербург), крупных городов-миллионников (Новосибирск, Екатеринбург, Нижний Новгород, Казань, Челябинск, Омск, Самара, Ростов-на-Дону, Уфа, Красноярск, Пермь, Воронеж, Волгоград), университетских городов (Екатеринбург, Самара, Новосибирск, Ростов-на-Дону, Нижний Новгород, Казань, Воронеж, Краснодар, Пермь, Омск, Челябинск, Ставрополь, Смоленск, Уфа, Хабаровск, Волгоград, Махачкала, Калининград, Рязань, Киров, Саратов, Ярославль, Курск, Мурманск, Якутск, Барнаул, Набережные Челны, Иркутск, Томск). Малые города являются частью агломерации, реализуя задачи спутников — в них удобно и дешево жить, а ездить на работу в центр, где есть рабочие места; рекреационные функции при деловом центре. Присоединение происходит как физически за счет застройки, так и транспортно — за счет создания радиальных и хордовых транспортных путей, связывающих центр агломерации с городами-спутниками.

Стратегия реализации туристического потенциала предполагает активное развитие бренда города как туристской дестинации, превращение города в туристический центр (Мышкин, Дмитров, Елабуга, Углич, Болгар, города «Золотого кольца» и т.д.).

Стратегия «Сервисный центр» аграрного района. Такие малые города встречаются на сельском юге России и в республиках Поволжья, где сохранилось сельское население. Это малые города, обслуживающие крупные агрокомплексы: небольшое предприятие по ремонту и обслуживанию, ремонтно-машиностроительный завод и т.д.

Стратегия «Транспортный узел». Малые города, как правило, не обладают потенциалом полноценного транспортного хаба, но могут работать своеобразным «клапаном», постоялым двором на транспортных дорогах с большим трафиком, предоставляющим гостиничные и дорожно-сервисные услуги для транзитных пассажиров. Это возможный сценарий развития для тех малых городов, которые расположены на транспортных путях между отдаленными крупными городами, или малых городов и поселений, находящихся недалеко от границы (Валдай, Торжок, Вышний Волочек, Себеж, Остров, Гдов, Сланцы, Кингисепп и т.д.).

Депопуляция происходит прежде всего в тех малых городах, преимущественно монопрофильных, которые держатся на остатках оборонной промышленности, бывших леспромхозах, горнодобывающих предприятиях при выработанных приисках. Для таких поселений характерны отток на-

---

[1] *Глазычев В. Л.* Урбанистика. М.: Европа, 2008; Персональный сайт В. В. Глазычева. URL: http://www.glazychev.ru/projects/2004_prostrazv/2004_docladprostrazv.htm (дата обращения: 27.05.2018)

селения в трудоспособном возрасте по причине отсутствия рабочих мест, старение населения, отрицательный естественный прирост.

При этом следует подчеркнуть, что далеко не все моногорода обречены столкнуться с депопуляцией. Так, города с нефтяным и энергетическим монопрофилем таких проблем не испытывают. Как показало исследование АНКОР, охватившее 40 моногородов (всего, по разным методикам, их 400–500), только 33% из них могут считаться депрессивными[1].

Целью нашей работы была поверка следующих гипотез о тенденциях развития российских малых городов:

- движение населения может быть одним из индикаторов «самочувствия» малого города. В тех малых городах, где была найдена и реализована успешная стратегия развития по одному из вышеперечисленных вариантов, имеет место прирост населения (относительный прирост);
- за последние 20 лет большинство малых городов России, как правило, определились со стратегией развития, в группе малых городов со схожей ресурсной базой уже реализован целый ряд «лучших практик», которые могут быть применены в других городах с аналогичными характеристиками и ресурсным потенциалом;
- в группе малых городов с особенной сильной депопуляцией нет возможностей для возрождения города ввиду экономической неэффективности поддержания старого производства и отсутствия иных ресурсов для удержания населения/привлечения туристов.

Единственным источником полноценной статистики по малым городам являются данные переписи населения, содержащие информацию о движении наличного населения между переписями и досчеты в промежуточные периоды.

Рассмотрим выборку из 747 малых городов и поселений городского типа, численность населения которых в 2017 г. не превышала 50 тыс. человек. По каждому из этих городов имеются данные о численности населения в 1989 и 2017 гг. Кроме того, есть данные о естественном приросте городского населения в среднем по стране за каждый год, что дает возможность оценить движение населения города в сравнении с общестрановой демографической тенденцией.

Рисунок 1 иллюстрирует темпы прироста населения малых городов за последние 28 лет в сравнении со средним естественным приростом (убылью) по городскому населению в –48% за тот же период.

Для анализа использовались данные портала «Мой город»[2] и статистика естественного прироста Росстата.

---

[1] https://ancor.ru/company/press/in_the_press/article/articleid/3159/

[2] http://www.mojgorod.ru

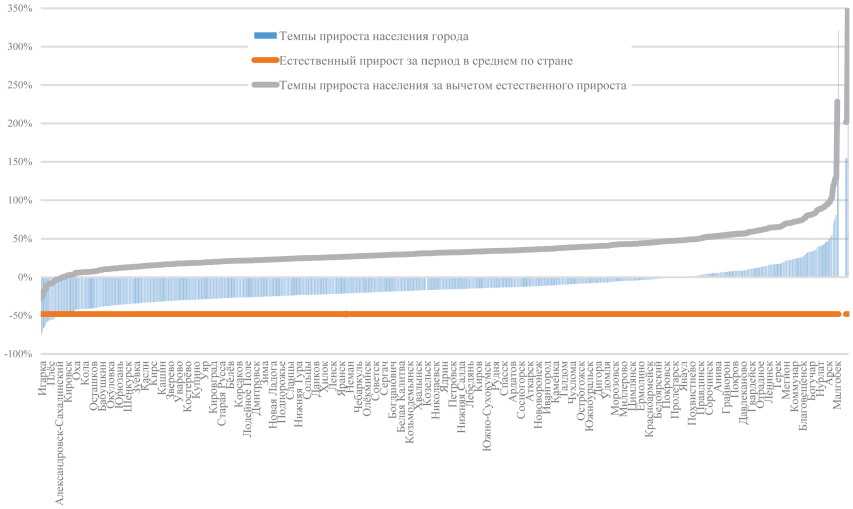


Рис. 1. Темпы роста населения малых городов России за период 1989–2017 гг.

Группы малых городов

Можно выделить несколько групп малых городов на основе данных об убыли населения.

В *группу малых городов с наибольшей депопуляцией* (убыль населения составила от 48 до 75% наличного населения 1989 г., т.е. ниже среднего показателя естественной убыли по городам за этот период) попали некоторые малые города Сахалинской, Амурской областей, Забайкальского края, Магаданской области, Чукотского АО, Пермского края, Республики Коми, а также Ивановской области.

Ниже дана краткая характеристика экономики малых городов, относящихся к данной группе (данные сайта «Мой город»): это леспромхозы, добывающие и горно-обогатительные предприятия, речные порты, пришедшие в упадок в постсоветское время.

- *Игарка (Красноярский край). Крупный порт, доступный для захода морских судов из Енисейского залива. Основные предприятия — лесокомбинат и рыбозавод.*
- *Артемовск (Красноярский край). ПО «Енисейзолото». Наряду с золотом добывают медь и серебро.*
- *Сусуман (Магаданская область). Горно-обогатительный комбинат (добыча золота). Месторождения золота, угля, серебра, олова, вольфрама, ртути.*

- *Билибино (Чукотский АО). Добыча золота, горно-обогатительный комбинат, Билибинская АТЭЦ. Месторождения россыпного и рудного золота, меди, вулканического туфа и стройматериалов.*
- *Певек (Чукотский АО). Горно-обогатительный комбинат, кислородный и ремонтно-механический заводы. Производство стройматериалов.*
- *Кизел (Пермский край). Центр Кизеловского угольного бассейна.*
- *Гремячинск (Пермский край). Добыча каменного угля. Завод «Автоспецоборудование», трикотажная фабрика (рис. 2).*

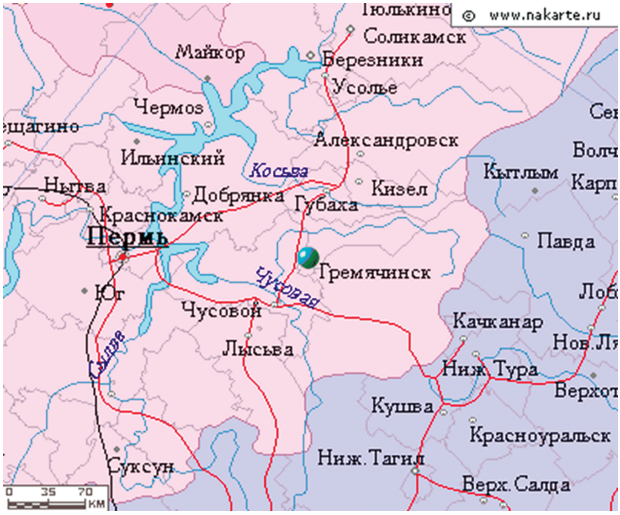


Рис. 2. Пермский край

- *Инта (Республика Коми). Добыча каменного угля (концерн «Интауголь»), ремонтно-механический, кирпичный заводы, деревообрабатывающий комбинат.*
- *Шиханы (Саратовская обл) (ЗАТО).*
- *Плес (Ивановская область).*
- *Юрьевец (Ивановская область). Льнопрядильная фабрика (основана в 1871 г.) и деревообрабатывающий комбинат.*
- *Балей (Забайкальский край). Крупный центр золотодобывающей промышленности (Балейское месторождение).*
- *Завитинск (Амурская область). Месторождения стекольных песков, огнеупорных глин.*
- *Томари (Сахалинская область). Заводы: целлюлозно-бумажный, лесотарный, шлакоблочный, пивоваренный. Мебельная фабрика. Леспромхоз.*

- *Невельск (Сахалинская область). Невельск — центр рыбной промышленности Сахалина.*
- *Северо-Курильск (Сахалинская область). Рыбный порт (база северного флота).*
- *Углегорск (Сахалинская область). Комплексный леспромхоз. Целлюлозно-бумажный завод.*
- *Шахтерск (Сахалинская область). Добыча угля, обогатительная фабрика.*
- *Александровск-Сахалинский (Сахалинская область). Центр каменноугольной промышленности Сахалина (рис. 3).*

Рис. 3. Сахалинская область

Группа малых городов со средними темпами прироста населения (90% всех малых городов выборки, темп прироста населения –48%+20% за 28 лет, что относительно среднего естественного прироста по всем городам с 1989

по 2017 г. составляет от 0 до 70% прироста) многочисленна, в нее входят города практически из всех регионов Российской Федерации. Ниже приведен полный список городов этой группы:

Беломорск, Николаевск-на-Амуре, Вуктыл, Тында, Кировск, Холмск, Ужур, Губаха, Ковдор, Курильск, Горбатов, Пучеж, Оха, Верхоянск, Себеж, Мончегорск, Петровск-Забайкальский, Гдов, Большой Камень, Макаров, Кола, Поронайск, Дудинка, Дмитриев, Оленегорск, Ясный, Кандалакша, Чермоз, Осташков, Тырныауз, Бологое, Волчанск, Удачный, Сортавала, Южа, Полярный, Бабушкин, Печора, Осинники, Райчихинск, Порхов, Бодайбо, Кемь, Демидов, Окуловка, Заволжск, Белый, Сенгилей, Катав-Ивановск, Опочка, Александровск, Нижние Серги, Юрюзань, Мураши, Заполярный, Сретенск, Сурск, Нелидово, Новоржев, Красноуральск, Шенкурск, Орлов, Пустошка, Карабаш, Котельнич, Заозерный, Весьегонск, Красный Холм, Зуевка, Сим, Кушва, Мезень, Озерск, Дальнереченск, Алзамай, Петушки, Касли, Усть-Катав, Гаврилов Посад, Невель, Добрянка, Михайлов, Спасск-Рязанский, Пласт, Кирс, Верхняя Тура, Нея, Салаир, Олонец, Кимовск, Свирск, Спасск-Дальний, Кашин, Красавино, Темников, Амурск, Нязепетровск, Усть-Кут, Торопец, Емва, Зверево, Новосокольники, Чекалин, Шимановск, Мантурово, Сковородино, Верхний Уфалей, Кологрив, Уварово, Малмыж, Дно, Киренск, Вичуга, Харовск, Бирюсинск, Дальнегорск, Костерево, Шумерля, Михайловск, Петухово, Советская Гавань, Медвежьегорск, Западная Двина, Шилка, Купино, Остров, Холм, Сегежа, Спас-Деменск, Бокситогорск, Струнино, Лахденпохья, Уяр, Бежецк, Сасово, Кулебаки, Вяземский, Малая Вишера, Закаменск, Любим, Кировград, Фурманов, Чердынь, Ирбит, Белозерск, Комсомольск, Козловка, Облучье, Старая Русса, Боготол, Карпинск, Нерехта, Железногорск-Илимский, Щигры, Асино, Шацк, Белев, Советск, Буй, Североуральск, Зея, Онега, Пыталово, Вышний Волочек, Корсаков, Миньяр, Томмот, Вятские Поляны, Ясногорск, Тавда, Пошехонье, Эртиль, Лодейное Поле, Кораблино, Макарьев, Судогда, Городовиковск, Кимры, Мещовск, Кувшиново, Дмитровск, Макушино, Далматово, Сосновка, Колпашево, Жердевка, Долинск, Туринск, Зима, Сердобск, Льгов, Катайск, Валдай, Спас-Клепики, Ахтубинск, Медногорск, Новая Ладога, Полярные Зори, Инза, Партизанск, Каргат, Алапаевск, Духовщина, Сафоново, Подпорожье, Питкяранта, Алатырь, Новая Ляля, Луза, Голицыно, Суджа, Андреаполь, Сланцы, Сорск, Новосиль, Приволжск, Собинка, Меленки, Наволоки, Малоархангельск, Нижняя Тура, Чкаловск, Невьянск, Велиж, Родники, Куса, Карталы, Новодвинск, Сольцы, Болохово, Суоярви, Алдан, Горнозаводск, Курлово, Лакинск, Нижнеудинск, Данков, Коркино, Байкальск, Аша, Новохоперск, Могоча, Верхняя Салда, Гусиноозерск, Хилок, Называевск, Среднеколымск, Галич, Ворсма, Болотное, Омутнинск, Белоусово, Ленск, Тайшет, Чусовой, Назарово, Белая Холуница, Микунь, Никольск, Новоаннинский, Яранск, Енисейск, Моршанск, Тулун, Данилов, Камбарка, Татарск, Котовск, Неман, Вытегра, Ка-

мышлов, Борзя, Мценск, Дятьково, Ряжск, Шумиха, Чебаркуль, Нижний Ломов, Барыш, Барабинск, Сокол, Навашино, Талица, Суворов, Олекминск, Солигалич, Суздаль, Углич, Звенигово, Сельцо, Кирсанов, Карачев, Советск, Починок, Северобайкальск, Вязники, Киреевск, Сясьстрой, Каргополь, Лабытнанги, Сергач, Няндома, Гурьевск, Яхрома, Лесозаводск, Дорогобуж, Гаврилов-Ям, Качканар, Богданович, Иланский, Ершов, Гороховец, Чудово, Туран, Бабаево, Светлогорск, Белая Калитва, Пудож, Калининск, Касимов, Калач, Краснознаменск, Боровск, Бакал, Козьмодемьянск, Усинск, Кыштым, Горняк, Калтан, Чулым, Уржум, Елизово, Хвалынск, Лагань, Первомайск, Красноуфимск, Нюрба, Чаплыгин, Сатка, Бикин, Козельск, Пикалево, Топки, Канаш, Ветлуга, Сосенский, Яровое, Рыльск, Николаевск, Юрьев-Польский, Калязин, Красный Кут, Ярцево, Печоры, Трубчевск, Камешково, Ядрин, Палласовка, Ивдель, Зубцов, Бутурлиновка, Тюкалинск, Слободской, Шарья, Петровск, Аркадак, Оханск, Новоульяновск, Карабаново, Мариинский Посад, Кондопога, Гай, Нижняя Салда, Бирюч, Сухиничи, Змеиногорск, Краснослободск, Абдулино, Надым, Красновишерск, Лебедянь, Чадан, Кириллов, Верхнеуральск, Нестеров, Сычевка, Болхов, Верхний Тагил, Киров, Мыски, Луга, Унеча, Задонск, Рошаль, Нытва, Севск, Южно-Сухокумск, Тейково, Реж, Фокино, Новомичуринск, Жуковка, Заволжье, Куйбышев, Рудня, Приморск, Лысково, Славгород, Липки, Очер, Зарайск, Белинский, Спасск, Кадников, Старица, Ростов, Ликино-Дулево, Куртамыш, Десногорск, Устюжна, Ардатов, Обоянь, Тайга, Березовский, Кондрово, Славск, Великий Устюг, Сураж, Сосногорск, Оса, Нерчинск, Старая Купавна, Вельск, Поворино, Таштагол, Исилькуль, Аткарск, Бородино, Дегтярск, Лихославль, Железноводск, Инсар, Щучье, Петров Вал, Нововоронеж, Котово, Абаза, Черепаново, Красный Сулин, Коряжма, Людиново, Ртищево, Ивангород, Нолинск, Урюпинск, Вихоревка, Городец, Рассказово, Дрезна, Ак-Довурак, Каменка, Богородск, Фролово, Волхов, Серафимович, Рузаевка, Любань, Новозыбков, Талдом, Озеры, Мышкин, Шахунья, Анадырь, Грязовец, Володарск, Скопин, Чухлома, Верея, Калачинск, Еманжелинск, Мирный, Мосальск, Тогучин, Слюдянка, Острогожск, Приозерск, Руза, Хотьково, Ливны, Урень, Черняховск, Торжок, Южноуральск, Верещагино, Высоковск, Бугуруслан, Ипатово, Переславль-Залесский, Конаково, Ковылкино, Дигора, Карасук, Сухой Лог, Ельня, Шарыпово, Никольск, Богородицк, Семенов, Удомля, Заринск, Луховицы, Тотьма, Кудымкар, Константиновск, Новый Оскол, Курчатов, Морозовск, Кингисепп, Жирновск, Алейск, Чернушка, Агидель, Камень-на-Оби, Костомукша, Миллерово, Медынь, Алагир, Шебекино, Мариинск, Усолье, Шелехов, Зерноград, Цимлянск, Багратионовск, Саяногорск, Усмань, Нефтегорск, Плавск, Новоузенск, Октябрьск, Ермолино, Стрежевой, Кольчугино, Павловск, Советск, Верхотурье, Красноармейск, Бобров, Красноармейск, Дивногорск, Карачаевск, Отрадный, Семикаракорск, Пестово, Дедовск, Харабали, Белоярский, Грязи, Злынка, Пионерский, Усть-Лабинск, Почеп, Радужный, Теберда, По-

кровск, Можайск, Лермонтов, Светлоград, Донецк, Валуйки, Истра, Стародуб, Пролетарск, Заречный, Маркс, Кедровый, Юхнов, Нариманов, Агрыз, Куровское, Янаул, Пугачев, Котельниково, Светогорск, Заводоуковск, Городище, Гагарин, Зеленокумск, Похвистнево, Полесск, Тутаев, Адыгейск, Короча, Саянск, Жиздра, Болгар, Правдинск, Мглин, Рыбное, Светлый, Дубовка, Суровикино, Усть-Джегута, Волгореченск, Сорочинск, Малоярославец, Гусев, Алексеевка, Шатура, Мамоново, Фатеж, Новоалександровск, Анива, Калач-на-Дону, Таруса, Кинель, Белокуриха, Приморско-Ахтарск, Камызяк, Протвино, Грайворон, Киржач, Урай, Перевоз, Сольвычегодск, Венев, Тара, Можга, Покров, Ялуторовск, Пущино, Азнакаево, Нарткала, Гулькевичи, Тетюши, Кизилюрт, Давлеканово, Шагонар, Моздок, Кяхта, Баймак, Кировск, Заинск, Лосино-Петровский, Гвардейск, Приморск, Электроугли, Бавлы, Арамиль, Нефтекумск, Кохма, Благодарный, Отрадное, Майский, Мензелинск, Беслан, Княгинино, Волоколамск, Лукоянов, Звенигород, Ленинск, Кодинск, Учалы, Изобильный, Апшеронск, Тосно, Черноголовка, Кореновск, Терек, Обь, Новокубанск, Шлиссельбург, Каменногорск, Волосово.

Группа малых городов с *высокими темпами прироста населения* (темпы прироста населения +20+50%, или +70+100% относительно среднего естественного прироста населения городов за 1989–2017 гг.) составляет около 6% всех малых городов. Это следующие города: *Хадыженск, Лаишево, Мегион, Среднеуральск, Кизляр, Дюртюли, Высоцк, Нарьян-Мар, Менделеевск, Темрюк, Коммунар, Семилуки, Балтийск, Буинск, Тарко-Сале, Апрелевка, Электрогорск, Вилюйск, Благовещенск, Никольское, Краснослободск, Абинск, Пыть-Ях, Ладушкин, Сосновоборск, Бирск, Богучар, Мамадыш, Аксай, Дагестанские Огни, Балабаново, Чегем, Бронницы, Советский, Нурлат, Муравленко, Новопавловск, Цивильск, Аргун, Зеленоградск, Ардон, Кувандык, Арск, Югорск, Салехард.*

Анализ показывает, что можно объединить города этой группы в несколько категорий:

- промышленные центры аграрных областей (Краснодарского, Ставропольского краев, Ростовской, Воронежской областей, Республики Дагестан, Кабардино-Балкарской Республики и т.д.);
- малые города, обслуживающие предприятия газовой и нефтяной отраслей (ХМАО, ЯНАО, Республика Башкортостан);
- малые города Калининградской области, развивающие туристическую составляющую экономики;
- города-спутники Москвы и Санкт-Петербурга.

Так, в г. Хадыженск (Краснодарский край) расположены машиностроительный завод и лесокомбинат, в его окрестностях размещены добыча нефти, лесоразработки (рис. 4); в г. Темрюк (Краснодарский край) действует ОАО «Темрюкский морской торговый порт»; гг. Абинск (Краснодарский край) и Новопавловск (Ставропольский край) — центры сель-

скохозяйственного района с промышленностью, ориентированной на переработку местного сельскохозяйственного сырья; г. Аксай (Ростовская область) — промышленный город-спутник Ростова-на-Дону; в г. Семилуки (Воронежская область) расположены предприятия черной металлургии ОАО «Латненский огнеупорный завод», ОАО «Семилукский огнеупорный завод»; в г. Богучар (Воронежская область) действуют предприятия пищевой промышленности, производство стройматериалов.

Рис. 4. Краснодарский край

В республиках Северного Кавказа к городам с высокими темпами прироста населения относятся г. Кизляр (Республика Дагестан), в котором работает Кизлярский электромеханический завод; г. Дагестанские Огни (Республика Дагестан), где расположен стекольный завод «Дагестанские Огни»; г. Ардон (Республика Северная Осетия—Алания), где есть ремонтно-механический завод и производство стройматериалов; г. Чегем (Кабардино-Балкарская Республика) — город-спутник Нальчика; г. Аргун (Чеченская Республика) — промышленный пригород Грозного. Отметим, однако, что демографическая ситуация на Северном Кавказе напрямую связана с национальным составом населения: национальные традиции большинства населяющих этот регион народов способствуют высоким показателям естественного прироста населения[1], поэтому необходимо при анализе делать поправку на действие этого фактора.

[1] *Савельев А. В.* Демографическая ситуация на Северном Кавказе // Наука вчера, сегодня, завтра: сб. ст. по матер. VII междунар. науч.-практ. конф. № 7(7). Новосибирск: СибАК, 2013.

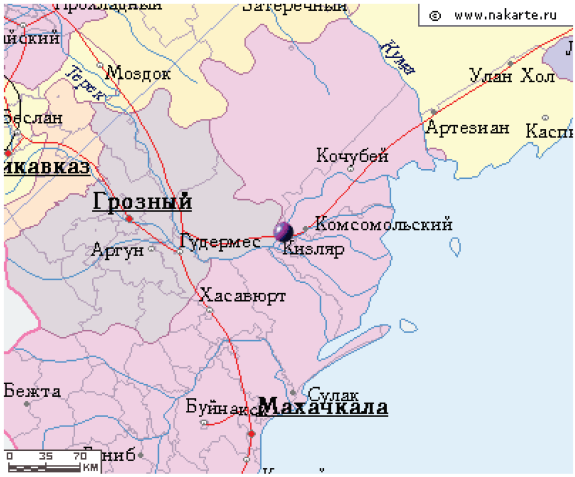


Рис. 5. Республика Дагестан

Относительно городов с высокими темпами прироста населения в Ненецком АО, Республике Башкортостан (рис. 6) и Республике Татарстан (рис. 7) необходимо учитывать тот факт, что в данном регионе действуют предприятия нефтегазовой отрасли. Так, в г. Нарьян-Мар (Ненецкий АО) помимо обслуживания морского порта и речной пристани важно присутствие ОАО «Ненецкая нефтяная компания» и наличие газопровода от Василковского месторождения, в г. Дюртюли (Республика Башкортостан) —

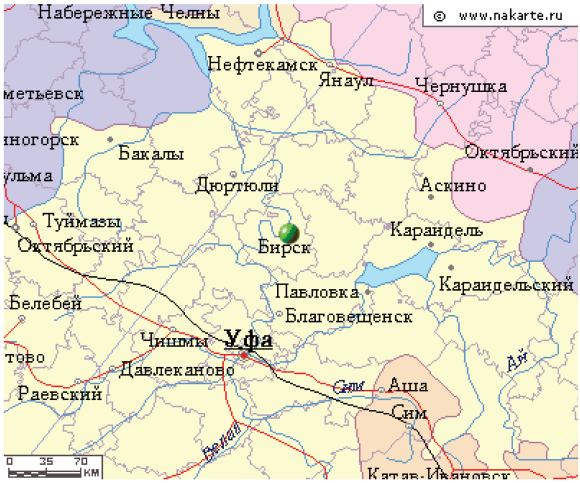


Рис. 6. Республика Башкортостан

НГДУ «Чекмагушнефть» и ОАО «Башнефть»; г. Нурлат (Республика Татарстан) развивается в первую очередь благодаря «нефтяному фактору» (АО «Татнефть», нефтебаза). То же самое можно сказать о г. Советский (ХМАО, предприятия нефтедобывающей и деревообрабатывающей промышленности) и г. Вилюйск (Республика Саха (Якутия), административный центр, газодобывающее производство).

В то же время в этих регионах есть и примеры достаточно хороших результатов вне влияния «нефтяного» фактора. В г. Благовещенск (Республика Башкортостан) работает ОАО «Благовещенский арматурный завод», в г. Бирск (Республика Башкортостан), как и в г. Цивильск (Чувашская Республика), опорой служат предприятия пищевой и легкой промышленности, кирпичный и авторемонтный заводы.

Диверсифицированное развитие является основой хороших показателей целого ряда малых городов Республики Татарстан: г. Менделеевск (АО «Химзавод имени Л. Я. Карпова», Новоменделеевский химзавод, СП «Менде-Россия», Завод «Автокам-Тойма», другие предприятия), г. Мамадыш (пристань, промышленный парк «Вятка»), г. Буинск (электромеханический завод, предприятия пищевой промышленности).

Примером достаточно хорошо диверсифицированного развития является г. Кувандык (Оренбургская область) — центр сельскохозяйственного региона, есть также цветная металлургия, станкостроительная и инструментальная промышленность.

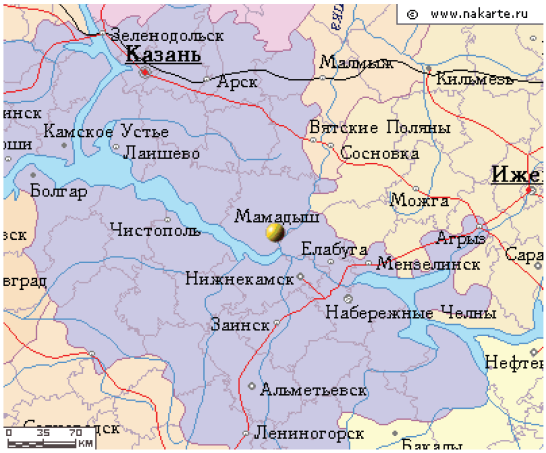


Рис. 7. Республика Татарстан

При промышленной специализации все же более частым является наличие одного крупного предприятия, максимум двух: г. Балабаново (Калужская область) — спичечный завод «Гигант», г. Сосновоборск (Крас-

ноярский край) — ОАО «Красноярский завод автомобильных прицепов», г. Среднеуральск (Свердловская область) —Североуральская ГРЭС, г. Коммунар (Ленинградская область) — ОАО «Санкт-Петербургский картонно-полиграфический комбинат», г. Никольское (Ленинградская область) — химический, машиностроительный заводы, г. Краснослободск (Волгоградская область) — город-спутник, заводы: судостроительно-судоремонтный, рыбный.

Можно отметить и более специфичные варианты специализации городов, находящихся в этой группе, например, г. Зеленоградск (Калининградская область, приморский и бальнеогрязевой курорт) или г. Салехард (ЯНАО) — административный центр ЯНАО, где расположены филиалы государственных университетов.

Выделенная при анализе группа малых городов *с очень высокими темпами прироста населения* (+50+180% прироста населения, или +100+230% прироста населения относительно среднего естественного прироста населения городов за 1989–2017 гг.) малочисленна, в нее входят всего 10 городов: *Югорск, Покачи, Лангепас, Строитель, Лянтор, Пыть-Ях, Мегион, Малгобек, Губкинский, Карабулак*.

В каждом из случаев очень высокого темпа прироста населения — особые экономические условия развития данного малого города. Лангепас, Лянтор, Покачи, Пыть-Ях, Мегион, Югорск (ХМАО) возникли на месте вахтовых поселков нефтяников и в настоящее время обслуживают нефтедобывающие и газовые производства «Лангепаснефтегаз», «Покачевнефть», «Тюменьтрансгаз», «Югорскстройгаз» (транспортировка газа) и т.д. (рис. 8).

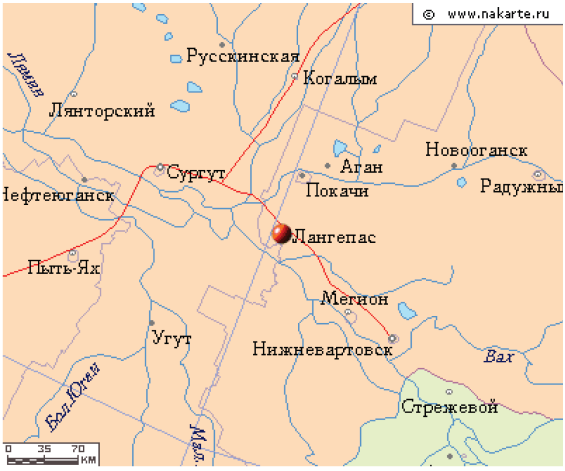


Рис. 8. Ханты-Мансийский АО

Градообразующим предприятием гг. Муравленко, Губкинского и Тарко-Сале (ЯНАО) является ОАО «Роснефть-Пурнефтегаз» (рис. 9).

Рис. 9. Пурпе, ЯНАО

Город Малгобек (Ингушетия) является центром района нефтепромыслов, в нем работает газоперерабатывающий завод, есть также производство стройматериалов. Опорой развития г. Карабулак (Ингушетия) являются химическая и нефтехимическая промышленность. Здесь сходятся в одной точке и «нефтегазовый фактор», и фактор демографический специфики Северного Кавказа, о котором сказано выше.

Как показало проведенное исследование, все три гипотезы подтверждаются. В то же время гипотеза о том, что в группе малых городов с особенно сильной депопуляцией нет возможностей для возрождения города ввиду экономической неэффективности поддержания старого производства и отсутствия иных ресурсов для удержания населения/привлечения туристов, будучи подтверждена, не касается большинства существующих в стране малых городов. С учетом общей естественной убыли городского населения страны с 1989 по 2017 г. можно утверждать, что особенно глубокая депопуляция коснулась лишь 2% малых городов России. Это преимущественно моногорода Дальнего Востока, Сахалинской области и Магаданского края, поддержка градообразующего производства которых ныне экономически неэффективна, однако общая стратегия руководства страны, нацеленная на опережающее развитие дальневосточных регионов России, дает даже этим городам шанс на выживание и постепенное встраивание в новую систему территориального развития.

Подавляющее число малых городов (98%) показывают темп убыли населения ниже средней естественной убыли по всем городам России, что го-

ворит об их адаптационных возможностях, несмотря на их малый размер, отсутствие значительных ресурсов, крупного промышленного производства, государственной поддержки.

Основными стратегиями развития малых городов РФ являются «Агломерация», «Сервисный центр аграрного края», «Туристическая карта». Стратегия «Транспортный узел» практически нигде не реализована, хотя этим потенциалом обладают многие малые города, расположенные на транспортных путях между отдаленными крупными городами или находящиеся недалеко от границы.

По-прежнему самые высокие темпы роста демонстрируют малые города нефтяных и газодобывающих регионов, возникшие на базе поселений нефтяников, что, как показывает история, не является ни лучшей практикой, ни основой устойчивого развития для малого города.

Одним из направлений дальнейших исследований может быть уточнение классификации стратегий развития малых городов РФ. В частности, целесообразно более тщательно проанализировать стратегии малых городов, входящих в самую большую группу, с целью более точного определения различий в стратегических подходах. Интересным направлением может быть также кросс-культурное сравнение стратегий малых городов в России и зарубежных странах, прежде всего в странах Европы и странах БРИКС.

В целом исследование подтверждает необходимость выработки методологии формирования сетевого взаимодействия малых городов, создания системы норм и правил, способствующих комбинированию их ресурсов и компетенций в рамках сетевого взаимодействия для достижения общей цели. Целесообразно смоделировать структуру факторов, оказывающих непосредственное влияние на устойчивое развитие территорий, и прогнозировать дальнейшее развитие сети малых городов и райцентров Российской Федерации в рамках новой парадигмы пространственного планирования, способствующей достижению целей устойчивого развития.

ГЛАВА 2.2
МАЛЫЕ И СРЕДНИЕ ГОРОДА РОССИИ

Малые и средние города (далее для краткости — МСГ) составляют неотъемлемую часть системы расселения населения любой страны. Занимая промежуточное место между сельскими поселениями и крупными городами, МСГ играют важную роль в процессах урбанизации, помогая сельским жителям адаптироваться к городскому образу жизни. Их динамика — рост или снижение числа самих городов и численности их населения — является следствием общих процессов урбанизации, начавшихся со времени появления первых городов на заре человеческой истории.

Малые и средние города в системе расселения РФ

В современной географии процесс урбанизации описывается как стадиальный, подчиняющийся достаточно определенной закономерности[1]. В рамках первой, доиндустриальной стадии рост численности сельского населения опережает рост численности городского. С началом индустриального развития, во второй стадии, напротив, начинается опережающий рост численности горожан, в то время как рост сельского населения замедляется. На третьей стадии сельское население сокращается, а города растут за счет миграции из сельской местности. Четвертая стадия характеризуется ростом городов, в первую очередь — крупных, которые разрастаются до мегаполисов, а МСГ сокращаются и по числу, и по численности их жителей. На пятой стадии начинает происходить дезурбанизация — население переезжает из перенаселенных мегаполисов в МСГ, которые привлекают жителей более благоприятными условиями жизни[2].

Приведенная последовательность стадий урбанизации тесно связана с уровнем развития экономики страны, что позволяет не только корректно оценивать состояние урбанизации, но также и строить качествен-

---

[1] *Gibbs J.* (1963). The evolution of population concentration. Economic Geography, 39 (2), 119–129.

[2] *Berry B.* The counter-urbanization process: urban America since (1970). Urban Affairs Annual Reviews, 1976, (11), 17–30; *Richardson H. W.* (1980). Polarization reversal in developing countries. Papers in Regional Science, 45 (1), 67–85; *Fielding A. J.* (1950). Migration and Urbanization in Western Europe since. Geographical Journal, 155 (1), 60–69.

ные прогнозы динамики не только городского и сельского населения, но также и МСГ как подсистемы системы расселения. Более того, поскольку для больших стран их отдельные регионы могут находиться на разных уровнях экономического развития в плане индустриализации, эта логика позволяет также понять и отличия таких регионов с точки зрения их систем расселения.

Уровни экономического развития и характер отраслевой структуры регионов России отличаются большим разнообразием, однако анализ показывает, что во всех них происходит (а в большинстве уже произошло) «стягивание» экономической активности в «региональные столицы» и другие крупные города[1]. Как отмечают *В. Лексин и В. Карачаровский, «*в «региональных столицах» проживает около трети населения страны, но во многих субъектах РФ их доля в населении своего региона существенно выше. Например, в Новосибирской области «столица» поглощает 53% областного населения, в Камчатской — 55, в Томской — 47, в Калининградской — 45, в Республике Удмуртия — 40%[2]. Соответственно, МСГ утрачивают население, в первую очередь — экономически активное, что во многом ограничивает потенциал их развития.

Единообразие процессов сверхконцентрации экономического и социального потенциалов страны практически во всех ее регионах, отмеченное В. Лексиным и В. Карачаровским, оказывается слабо связанным с различиями в уровнях экономического развития и индустриализации этих регионов.

Наиболее вероятное объяснение этого явления — специфический характер урбанизации, осуществлявшейся в период существования СССР: «Урбанизация в СССР была результатом не органического, а вынужденного, навязанного развития, ее экономическая база развивалась как нерыночная на протяжении 70 лет. Население наших городов практически полностью состояло из наемных рабочих и служащих, действовавших в рамках командной экономики»[3]. «Урбанизация была лишь побочным продуктом расширения инфраструктуры ресурсодобычи, возведения предприятий по переработке, обогащению и перегрузке сырья; следствием развертывания систем транспорта и энергетики, нуждавшихся в селитьбе для раз-

---

[1] *Лексин В., Карачаровский В.* Причины и последствия сверхконцентрации экономического и социального потенциалов России в ее крупнейших городах // Российский экономический журнал. 2007. № 1–2. С. 26–46; *Коломак Е. А.* Пространственная концентрация экономической активности в России // Пространственная экономика. 2014. № 4. С. 82–99.

[2] *Лексин В., Карачаровский В.* Причины и последствия сверхконцентрации экономического и социального потенциалов России в ее крупнейших городах // Российский экономический журнал. 2007. № 1–2. С. 28.

[3] *Пчелинцев О.* Социально-экономический кризис в пространственном измерении // Общественные науки и современность. 1993. № 2. С. 30–37.

мещения трудовых ресурсов»[1]. Искусственность советской урбанизации отмечается и многими другими исследователями[2]. Как следствие, вопросы качества городской среды, благоустройства, комфортности проживания и т.п. — все то, что при прочих равных определяет привлекательность города, — оказывалось на втором плане. МСГ и поселки городского типа, массово возникавшие в период индустриализации СССР, часто застраивались бараками, предназначенными лишь для сна после работы. Исключение составляли только «региональные столицы», в которых, в силу концентрации в них властно-административных функций, создавались более комфортные условия проживания, а переезд в них из других населенных пунктов сдерживался административными методами — разрешительным характером «прописки».

Снятие этих ограничений с началом рыночных преобразований в совокупности с выявившейся массовой неконкурентоспособностью предприятий, созданных для работы в нерыночной среде, приведшей к их остановке, и обусловило то, что именно «региональные столицы» и крупные города стали расти, принимая экономически активных мигрантов из населенных пунктов других типов (табл. 1).

Как видно из табл. 1, доля жителей МСГ в РФ на начало 2017 г. составляла несколько более 18% населения страны и чуть более четверти ее городского населения. Для сравнения, в Европе в МСГ и очень малых городах (very small towns) проживает более трети всего населения, причем число МСГ составляет 8414, а очень малых — более 69 тыс.[3].

Таблица 1

Динамика структуры городского населения в РФ (2012–2017 гг.)

Показатель	01.01.2012	01.01.2017
Численность городского населения, тыс. чел.	98 113,2	102 044,4
Доля городского населения, %	68,6	69,5
Количество малых и средних городов	935	942
Численность населения малых и средних городов, тыс. чел.	27 082,9	26 704,8
Доля малых и средних городов в общем числе городов, %	85,0	84,7

[1] *Меерович М. Г.* Уникальность урбанизации в СССР: искусственное формирование систем расселения // Проект Байкал. 2015. № 45. С. 161.

[2] См., например: *Вишневский А. Г.* Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. С. 432; *Пивоваров Ю. Л.* Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. 2001. № 6. С. 101–113.

[3] ESPON on the Road Project. Hidden potential of Small and Medium Sized Towns. URL: https://www.rtpi.org.uk/media/1093623/Western%20Europe%20briefing_TOWN.pdf (дата обращения: 27.10.2018).

Окончание табл. 1

Показатель	01.01.2012	01.01.2017
Доля населения малых и средних городов в общей численности населения страны, %	18,9	18,2
Доля населения малых и средних городов в общей численности городского населения, %	27,6	26,2

Источник: данные Росстата.

Важно подчеркнуть, что исследования показывают *экономическую неэффективность сверхконцентрации*. Согласно анализу, проведенному Е. А. Коломак, «пространственный ресурс роста экономической эффективности в России связан скорее с изменениями структуры городской системы. Одним из результатов анализа стал вывод о положительном влиянии разнообразия городской системы на уровень общей региональной продуктивности. Крупные городские центры имеют возможность обмениваться ресурсами развития с малыми и средними городами, снижать негативные эффекты конкуренции, окружающие территории, в свою очередь, используют положительные импульсы развития городской экономики. Концентрация же ресурсов в одном центре негативно сказывается на экономическом развитии региона, лишая преимуществ маневра в размещении различных производств и гибкости в использовании экономик разного размера»[1].

Современная система расселения РФ стала объектом фундаментального исследования В. Я. Любовного[2], который очертил также и варианты ее эволюции, подчеркивая непродуктивность унифицированного подхода к разным типам городов, в том числе МСГ. Волны и стадии этой эволюции проанализированы Т. Г. Нефедовой и А. И. Трейвишем[3], О. В. Бондарская и Т. А. Бондарская специально рассмотрели место малых городов с отечественной системе расселения[4], подчеркнув несоответствие восприятия

---

[1] *Коломак Е. А.* Ресурс урбанизации в России // Пространственная экономика. 2015. № 4. С. 59–74.

[2] *Любовный В. Я.* Города России: альтернативы развития и управления. М.: Экон-информ, 2013.

[3] *Нефедова Т. Г.*, *Трейвиш А. И.* Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // Региональные исследования. 2010. № 2. С. 42–56; *Нефедова Т. Г.*, *Покровский Н. Е.*, *Трейвиш А. И.* Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 60–69; *Нефедова Т. Г.*, *Трейвиш А. И.* Перестройка расселения в современной России: урбанизация или дезурбанизация? // Региональные исследования. 2017. № 2 (56). С. 12–23.

[4] *Бондарская О. В.*, *Бондарская Т. А.* Место малого города в пространственно-иерархической системе «Центр—периферия» // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9. № 8. С. 11–17.

властными структурами малых городов как «пережитков советского наследия», и их потенциала в переходе к устойчивому развитию.

Проведенные исследования малых городов в системе расселения позволили выявить их различные классификации. Так, И. Н. Кодина выделяет такие типы малых городов, как промышленные микроцентры, города — спутники крупных индустриальных центров, центры сельской округи, мемориально-реликтовые города, рекреационные центры, а также транспортные узлы[1]. В. И. Ильин предлагает функциональную классификацию малых населенных пунктов, «которая, во-первых, стремится к полноте охвата всего спектра, во-вторых, включает не только малые города, как чаще всего делается в литературе, но и все населенные пункты»[2]. Он выделяет следующие типы: сельские поселения; поселения — форпосты Российской империи, трансформировавшиеся к XX в. либо в обычные сельские поселения или малые города, либо в закрытые военные городки; малые индустриальные поселения, выраставшие вокруг какого-либо предприятия; ресурсные поселения, отличающиеся от предыдущего типа тем, что создавались в связи с освоением какого-либо месторождения полезных ископаемых; инфраструктурные центры, выполняющие функцию предоставления социальных и административных услуг жителям окружающих мельчайших поселений; вахтовые поселения; рекреационные зоны, включающие санаторно-курортные населенные пункты, рекреационные зоны спортивного типа, туристические достопримечательности и дачные населенные пункты.

Эти классификации весьма полезны для диагностики проблем МСГ, для выяснения потенциала взаимодействий малых городов с их окружением, выявления потенциальных партнеров и конкурентов и т.п. Не менее значимо, однако, и понимание более общих причин возникновения и продолжения существования проблем, с которыми сталкиваются МСГ. Как отмечает А. В. Подсвирова, «реформы, проводимые в России уже более двадцати лет, не создали для малых городов достаточных условий для их развития ни в направлении формирования собственной экономической основы, в частности развития муниципальной собственности, муниципальных предприятий и муниципального хозяйства в целом; ни в направлении стимулирования их внутренних ресурсов, а именно поддержки развития малого предпринимательства; ни в направлении оживления возможностей, интересов и удовлетворения по-

---

[1] *Кодина И. Н.* Малый город: определение границ и типология // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI. Вып. 4. № 51–52. С. 56–59.

[2] *Ильин В. И.* Трансформация поселенческой структуры России // Многоликая современность (с. 257–276) / отв. ред. Р. Г. Браславский, А. В. Малинов. СПб.: Интерсоцис, 2014. С. 263.

требностей самого населения малых городов, особенно молодых горожан»[1].

В приведенной цитате верно подмечены основные ограничения на развитие малых городов, обусловливающие их современное состояние. Формированию собственной экономической базы препятствует бюджетная система страны, централизующая налоговые и иные бюджетные доходы и делающая бюджеты подавляющего большинства муниципальных образований изначально дефицитными, не оставляющая в распоряжении городов средств на развитие. Стимулированию внутренних ресурсов МСГ, раскрытию человеческого потенциала предпринимателей мешает низкое качество институциональной среды хозяйствования: индекс качества регулирования (Regulatory quality index) составил в 2016 г. отрицательную величину –0,42; его среднее значение за период 1996–2016 гг. было –0,35, с минимумом –0,58 в 2000 г. и максимумом –0,12 в 2004 г.[2], после проведения достаточно масштабных административных реформ. Соответственно, отечественные малые города не имеют тех «предпринимательских экосистем», которые играют важнейшую роль в других странах в процессах развития и роста качества жизни в МСГ[3]. Самостоятельные действия жителей МСГ, направленные на улучшение качества городской среды, затрудняет низкий уровень их доходов, обусловливающий крайне незначительные размеры среднего класса, что, в свою очередь, «замыкается» на низкое качество институциональной среды экономики.

После краткой характеристики места МСГ в системе расселения РФ обратимся к описанию непосредственного объекта исследования — малых городов трех субъектов РФ: Владимирской и Тульской областей и Пермского края.

Малые города Владимирской и Тульской областей и Пермского края

Охарактеризуем вначале Владимирскую и Тульской области и Пермский край (далее для краткости — регионы) в целом. В табл. 2 представлены данные по динамике численности их населения.

---

[1] *Подсвирова А. В.* Малые города России: специфика и факторы формирования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 4. С. 54.

[2] См.: The Worldwide Governance Indicators (WGI) project. URL: http://info.worldbank.org/governance/wgi/#home (дата обращения: 26.10.2018).

[3] *Roundy P. T.* (2017). «Small town» entrepreneurial ecosystems: Implications for developed and emerging economies. Journal of Entrepreneurship in Emerging Economies. 9 (3), 238–262.

Таблица 2

Численность населения регионов (оценка на 1 января), тыс. чел.

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	Среднегодовой темп роста	Изменение 2017 к 2011 (абсолютное значение)
Пермский край									
Все население	2635,8	2631,1	2634,5	2636,2	2637	2634,4	2632,1	–0,01%	–3,7
Население средних и крупных городов	1512	1518,8	1530,2	1540,4	1548,3	1550,2	1666,6	0,50%	+154,6
Население малых городов	463,9	451,2	448,3	445,4	443,5	441,8	326,9	–0,97%	–137,0
Сельское население	659,9	661,1	656	650,4	645,2	642,4	638,6	–0,54%	–21,3
Тульская область									
Все население	1553,9	1544,5	1532,4	1521,5	1513,6	1506,4	1506,4	–0,62%	–54,5
Население средних и крупных городов	872,1	867,4	859	853,5	849,2	845,7	898,8	–0,61%	+26,7
Население малых городов	361,6	352,5	348,1	312,5	281,8	279,9	222,1	–4,99%	–139,5
Сельское население	320,2	324,6	325,3	355,5	382,6	380,8	378,5	3,53%	+58,3
Владимирская область									
Все население	1444,6	1431,9	1421,7	1413,3	1405,6	1397,2	1389,6	–0,67%	–55,0
Население средних и крупных городов	729,5	724,4	722,2	720,8	720,5	720	771,4	–0,26%	+41,9
Население малых городов	391,9	386,7	381,6	377	373,2	369	313,3	–1,20%	–78,6
Сельское население	323,2	320,8	317,9	315,5	311,9	308,2	304,9	–0,95%	–18,3

Источник: Социально-экономические показатели — 2015, 2016 годы. Регионы России // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2018 года. Федеральная служба государственной статистики (РОССТАТ). М., 2018.

Из табл. 2 видно, что население всех регионов сокращается, в то время как число жителей крупных и средних городов, напротив, растет, причем наибольший прирост имеет место в Пермском крае. Это вполне соответствует тенденции, выявленной В. Лексиным и В. Карачаровским, упоминавшейся выше.

Как городское, так и сельское население регионов постепенно стареет, что соответствует общей тенденции в РФ (табл. 3).

Таблица 3

Медианный возраст населения по субъектам Российской Федерации

Субъект РФ	Городское население			Сельское население		
	1989	2002	2010	1989	2002	2010
Владимирская область	34,3	39,5	40,6	38,6	42,2	42,6
Тульская область	37,4	41,5	42,1	43	42,8	42,8
Пермский край	32,4	36,3	37,2	31,5	35,9	37,8

Источник: данные переписей населения.

По своему социально-экономическому положению изучаемые регионы не являются ни явными лидерами, ни отстающими, о чем свидетельствует динамика их рейтингов (табл. 4).

Таблица 4

Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ

Субъекты РФ	Интегральный рейтинг по итогам года			Место субъекта РФ по итогам года				
	2014	2015	2016	2017	2014	2015	2016	2017
Владимирская область	45006	44,298	43846	43,170	35	39	40	43
Тульская область	51762	52,025	50652	47,090	23	23	25	31
Пермский край	57201	57,946	56236	55,338	13	12	15	14

Источник: Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ по итогам 2014 года // РИА Новости. URL: https://ria.ru/infografika/20150616/1061393359.html; Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2016 года // РИА Рейтинг. URL: vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions_2017.pdf; Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ // РИА Рейтинг: официальный сайт. URL: http://www. riarating.ru/ (дата обращения: 12.06.2017); Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ по итогам 2017 года // РИА Рейтинг. URL: http://riarating.ru/infografika/20180523/630091878.html

В то же время динамика соотношения денежных доходов населения регионов и величины прожиточного минимума отстает от среднерос-

сийского соотношения (табл. 5–6). Наибольшее отставание наблюдается во Владимирской области, наименьшее — в Тульской области.

Таблица 5

Соотношение денежных доходов населения и величины прожиточного минимума в целом по России и по субъектам РФ (в %)

	2015	2016	2017
Российская Федерация	**314,1**	**312,9**	**312,0**
Владимирская область	254,0	246,7	253,5
Тульская область	293,8	300,5	299,4
Пермский край	337,0	296,2	288,9

Источник: Неравенство и бедность. Официальная статистика // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/# (дата обращения: 23.05.2018).

Таблица 6

Данные о величине прожиточного минимума во Владимирской, Тульской областях и Пермском крае в 1-м квартале 2017 г. (руб.)

	Прожиточный минимум на душу населения	Прожиточный минимум для пенсионеров	Прожиточный минимум для трудоспособного населения	Прожиточный минимум для детей
Владимирская область	9266	7806	10 070	9242
Тульская область	9219	7897	9897	9033
Пермский край	9619	7889	10 278	9839

Источник: Социально-экономические показатели — 2015, 2016 годы. Регионы России // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/

Что же касается динамики самой заработной платы, то ее параметры в регионах таковы (табл. 7).

Таблица 7

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата (руб.) и реальная заработная плата (в % к предыдущему году)

Годы	Владимирская область		Тульская область		Пермский край	
	Номинальная з/п	Реальная з/п	Номинальная з/п	Реальная з/п	Номинальная з/п	Реальная з/п
2005	6067	112,3	6412	108,8	7749	111,8

Окончание табл. 7

годы	Владимирская область		Тульская область		Пермский край	
	Номинальная з/п	Реальная з/п	Номинальная з/п	Реальная з/п	Номинальная з/п	Реальная з/п
2006	7435	111,1	7851	112,6	9516	111,4
2007	9688	119,0	10 137	116,8	11 856	112,4
2008	12 126	108,5	12 994	108,2	14 774	105,4
2009	13 131	96,6	14 338	97,6	15 228	91,9
2010	14 484	103,6	15 641	101,1	17 438	106,8
2011	16 314	103,2	17 225	101,3	18 773	98,6
2012	18 343	107,1	20 121	110,6	21 821	109,6
2013	20 927	106,3	23 030	106,9	24 716	105,5
2014	22 581	98,4	25 873	103,6	27 102	102,3
2015	23 877	91,0	27 555	91,3	28 528	92,0
2016	25 780	98,6	29 080	99,7	30 713	99,0

Источник: Социально-экономические показатели — 2015, 2016, 2017 годы. Регионы России // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/

В табл. 8 приведены данные по динамике среднедушевых доходов в регионах. Хотя эта динамика имеет везде явно позитивный характер, налицо отставание Владимирской области.

Таблица 8

Динамика среднедушевых денежных доходов населения во Владимирской, Тульской областях и Пермском крае (руб.)

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	Место в РФ в 2017 г.
Российская Федерация	**23221,1**	**25928,2**	**27767**	**30467**	**30738**	**31477**	
Центральный федеральный округ	**30017,6**	**33466,6**	**34970**	**38768**	**39470**	**40594**	**1**
Владимирская область	16228,7	18796,4	20569	23729	22988	24003	57
Тульская область	19339,8	20903,1	23040	26290	27726	27853	34
Приволжский федеральный округ	**19679,9**	**21863,9**	**24020**	**26287**	**25729**	**25971**	**6**

Окончание табл. 8

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	Место в РФ в 2017 г.
Пермский край	23328,8	26054,3	28315	32043	28726	28823	28

Источник: Социально-экономические показатели — 2015, 2016 годы. Регионы России // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/; Социально-экономические показатели — 2017 г. Регионы России // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm

Тем не менее именно во Владимирской области снизилась доля граждан с доходами ниже прожиточного минимума (в 2017 г. по сравнению с 2016 г.), в то время как в Тульской области она не изменилась, а в Пермском крае даже несколько увеличилась (табл. 9).

Таблица 9

Динамика численности населения в регионах с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (в % от общей численности)

Годы	Российская Федерация*	Владимирская область	Тульская область	Пермский край
2005	17,8	29,5	17,4	16,9
2006	15,2	25,5	14,8	14,1
2007	13,3	23,1	14,5	13,5
2008	13,4	19,9	13,1	14,0
2009	13,0	19,5	12,5	14,2
2010	12,5	17,3	11,0	13,2
2011	12,7	17,5	10,9	14,4
2012	10,7	15,0	9,5	12,2
2013	10,8	13,5	9,7	11,4
2014	11,2	13,5	9,8	12,0
2015	13,3	14,1	10,6	12,6
2016**	13,3	14,3	10,0	14,9
2017***	13,2	13,6	10,0	15,1

* Без учета данных по Республике Крым и г. Севастополю.

** Данные уточнены в связи с уточнением ряда показателей по расчету денежных доходов и расходов и итогами выборочного наблюдения доходов и участия в социальных программах.

*** Уточненные предварительные данные.

Источник: Социально-экономические показатели — 2015, 2016 годы. Регионы России // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/; Показатели для мониторинга оценки эффективности деятельности субъектов Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/pok-monitor/pok-monitor.html

Величины и динамика доходов населения в регионах находят свое отражение в структуре потребительских расходов домашних хозяйств (табл. 10).

Таблица 10

Доля продуктов питания в структуре потребительских расходов домашних хозяйств (%)

	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Российская Федерация	36,1	32,9	32,6	31,4	31,2	31,9	35,4	35,5
Владимирская область	46,2	36,6	35,3	36,0	36,2	36,6	38,2	38,0
Тульская область	48,2	40,5	38,2	39,1	34,6	34,2	38,9	36,3
Пермский край	31,4	31,2	29,0	29,2	30,6	30,8	34,4	34,7

Источник: Социально-экономические показатели — 2015, 2016, 2017 годы. Регионы России // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/

В целом эта доля, являющаяся косвенным индикатором масштабов бедности, относительно близка к среднероссийской, однако выше ее во Владимирской и Тульской области и ниже — в Пермском крае.

Уровень безработицы в регионах несколько выше, чем в федеральных округах, к которым они относятся (табл. 11), однако эти отличия не превышают 2 п.п.

Таблица 11

Уровень безработицы (по методологии МОТ), (по состоянию на 15 августа 2018 г.), в %

	2014*	2015	2016	2017
Российская Федерация	**5,2**	**5,6**	**5,5**	**5,2**
Центральный федеральный округ	**3,1**	**3,5**	**3,5**	**3,2**
Владимирская область	4,3	5,6	5,6	4,8
Тульская область	4,1	4,1	4,1	3,9
Приволжский федеральный округ	**4,5**	**4,8**	**4,8**	**4,7**
Пермский край	5,8	6,3	5,8	6,1

* Данные за 2014 г. по Российской Федерации и Южному федеральному округу рассчитаны без учета сведений по Республике Крым и г. Севастополю.

Источник: Показатели для мониторинга оценки эффективности деятельности субъектов Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/pok-monitor/pok-monitor.html

Сводные бюджеты регионов в 2017 г. имели дефицитный характер, причем наибольший дефицит (около 7 % от расходной части) был в Тульской области (табл. 12).

Таблица 12

Структура местных бюджетов регионов

Субъект	Местный бюджет на 2017 г., млн руб.		
	доходы	расходы	дефицит(–) профицит(+)
Владимирская область	**28 422**	**29 324**	**–901**
- муниципальные районы	12 926	13 135	–209
- городские округа	11 224	11 813	–589
- городские поселения	2645	2779	–134
- сельские поселения	1628	1597	31
Тульская область	**40 176**	**43 389**	**–3 214**
- муниципальные районы	15 583	16 924	–1341
- городские округа	18 975	20 454	–1479
- городские поселения	3148	3507	–359
- сельские поселения	2469	2504	–34
Пермский край	**66 671**	**67 651**	**–980**
- муниципальные районы	27 116	27 342	–226
- городские округа	33 664	34 300	–636
- городские поселения	2204	2279	–75
- сельские поселения	3687	3730	–43

Источник: Официальный сайт Администрации Тульской области. URL: https://tularegion.ru; Официальный сайт Администрации Владимирской области. URL: http://avo.ru; Официальный сайт Администрации Пермского края. URL: http://www.permkrai.ru (дата доступа: 14.06.2017).

С точки зрения инновационной активности регионы характеризуются следующими данными (табл. 13–16).

Таблица 13

Динамика объема производства инновационных продуктов (млн руб.)

	2006	2010	2013	2014	2015	2016	2016 г. к 2006 г. %
Российская Федерация	777 458,1	1243 712,5	3 507 866,0	3 579 923,8	3 843 428,7	4 364 321,7	561,3
Центральный федеральный округ	**149 890,1**	**290 757,6**	**1 164 102,4**	**1 091 170,3**	**1 491 536,1**	**167 7915,6**	**1119,4**

Окончание табл. 13

	2006	2010	2013	2014	2015	2016	2016 г. к 2006 г. %
Владимирская область	7047,5	4958,0	24 829,9	22 782,1	2 7015,3	21 262,5	301,7
Тульская область	2631,0	8395,6	35 378,7	41 881,3	63 110,9	66 102,3	2512,4
Приволжский федеральный округ	**377 920,3**	**545 954,9**	**1 128 642,7**	**1 179 545,3**	**1 198 881,4**	**1 418 303,8**	**375,3**
Пермский край	67 276,4	65 316,7	186 904,1	10 9015,4	96 344,7	193 848,0	288,1

Источник: Социально-экономические показатели — 2017 г. Регионы России // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm

Таблица 14

Динамика объема инновационных продуктов от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг (в %)

	2006	2010	2013	2014	2015	2016
Российская Федерация	**4,7**	**4,8**	**9,2**	**8,7**	**8,4**	**8,5**
Центральный федеральный округ	**3,7**	**4,3**	**11,4**	**9,6**	**12,8**	**11,6**
Владимирская область	7,3	2,3	9,4	8,3	9,6	5,8
Тульская область	1,5	3,4	9,6	9,7	12,4	11,2
Приволжский федеральный округ	**11,3**	**10,2**	**14,2**	**13,8**	**13,0**	**14,1**
Пермский край	20,9	10,9	16,7	9,4	7,7	15,5

Источник: Социально-экономические показатели — 2017 г. Регионы России // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm

Таблица 15

Динамика инновационной активности организаций регионов (удельный вес организаций, осуществлявших технологические, организационные, маркетинговые инновации, в общем числе обследованных организаций, в %)

	2006	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Российская Федерация	**9,9**	**9,5**	**10,4**	**10,3**	**10,1**	**9,9**	**9,3**	**8,4**
Центральный федеральный округ	**10,4**	**8,6**	**10,2**	**10,9**	**10,7**	**10,9**	**10,9**	**10,3**
Владимирская область	16,4	9,5	10,8	12,8	10,7	12,6	11,2	10,4
Тульская область	13,6	10,5	11,0	13,1	12,9	13,4	12,9	10,9

Окончание табл. 15

	2006	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Приволжский федеральный округ	**11,4**	**12,3**	**12,7**	**11,9**	**11,7**	**11,4**	**10,6**	**9,4**
Пермский край	26,1	21,3	13,6	14,1	11,4	11,1	10,5	7,9

Источник: Социально-экономические показатели — 2017 г. Регионы России // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm

Таблица 16

Динамика изменения затрат на технологические инновации (млн руб.)

	2006	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2016 г. к 2006 г. %
Российская Федерация	**211 392,7**	**400 803,8**	**733 816,0**	**904 560,8**	**1 112 429,2**	**1211 897,1**	**1203 638,1**	**1 284 590,3**	**607**
Центральный федеральный округ	**48 751,2**	**103 963,0**	**275 677,1**	**304 871,5**	**305 199,2**	**377 883,3**	**411 465,9**	**528 154,7**	**1083**
Владимирская область	1333,9	2613,1	3314,9	3849,9	4720,8	5906,6	9978,7	6734,6	505
Тульская область	3882,1	5308,3	4447,4	8510,6	9520,9	10 000,1	11 509,7	17 399,2	448
Приволжский федеральный округ	**66 026,2**	**79 303,3**	**165 199,9**	**244 103,7**	**284 845,9**	**331 308,2**	**300 124,5**	**258 847,1**	**392**
Пермский край	8061,4	9552,9	17 033,5	22 762,0	37 873,7	58 731,1	45 924,5	35 657,3	442

Источник: Социально-экономические показатели — 2017 г. Регионы России // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm

Обращает на себя внимание неустойчивость объемов выпуска инновационной продукции и инновационной активности предприятий и организаций, как по годам, так и по отношению к показателям соответствующих федеральных округов. Это явные свидетельства того, что инновации не стали еще широко распространенным видом деятельности организаций, общим трендом их производственной активности.

Таблица 17

Удельный вес городов и поселений с численностью населения менее 100 тыс. человек в основных социально-экономических показателях регионов

Наименование показателя	Владимирская область			Тульская область			Пермский край		
	2011	2013	2015	2011	2013	2015	2011	2013	2015
Численность населения (оценка на 1 января 2016 г.)	57,8	56,5	55,9	59,3	59,4	54,2	56,1	55,4	54,9

Окончание табл. 17

Наименование показателя	Владимирская область			Тульская область			Пермский край		
	2011	2013	2015	2011	2013	2015	2011	2013	2015
Среднегодовая численность работников организаций*	43,5	42,1	57,6	45,2	43,5	39,4	47,3	46,1	45,1
Наличие основных фондов организаций** (на конец года)	42,5	42,6	42	29,8	31,2	33,2	59	51,4	51,5
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам деятельности*:									
— добыча полезных ископаемых	н/д	н/д	97,3	98,5	58	40,9	91,2	90,5	89,6
— обрабатывающие производства	54,3	56	57,2	31,1	34,3	29,4	15,9	16,1	18,3
— производство и распределение электроэнергии, газа и воды	24	21,7	21,5	31,6	36,7	48,3	41,4	45,8	44,2
Объем работ, выполненных по виду деятельности «Строительство»*	31,3	37,8	35,1	40	40,1	26,5	38	35,5	17,7
Ввод в действие общей площади жилых домов	64,3	51,7	54,3	43,3	45,1	39,8	44,6	46,7	50,1
Оборот розничной торговли*	31,1	32,5	38,7	32,7	30,4	34,2	14,4	27,6	28,7
Инвестиции в основной капитал*	55,5	47,9	53	65,6	49,2	38,2	24,2	30	28,1

* Не включены субъекты малого бизнеса.

Источник: Официальный сайт Администрации Тульской области. URL: https://tularegion.ru; Официальный сайт Администрации Владимирской области. URL: http://avo.ru; Официальный сайт Администрации Пермского края. URL: http://www.permkrai.ru (дата доступа: 14.06.2017).

Производственную сферу малых и средних городов регионов характеризуют данные, представленные в табл. 17.

К сожалению, деятельность малого бизнеса, — а именно он, как известно, часто локализован в МСГ, — в данных, предоставляемых администрациями регионов, не отражается, что, безусловно, дает искаженную картину экономики МСГ.

Параметры социально-культурной сферы регионов отражаются в табл. 18.

Таблица 18

Распределение муниципальных организаций по типам муниципальных образований на 1 января 2017 г.

Субъект	Число муниципальных образований	Образование	Культура	Спорт	Туризм
Владимирская область	127	892	240	64	31
— муниципальные районы	16	581	67	17	6
— городские округа	5	310	49	29	22
— городские поселения	26	1	40	16	2
— сельские поселения	80	-	84	2	1
Тульская область	103	775	172	39	19
— муниципальные районы	19	445	59	9	2
— городские округа	7	298	43	22	16
— городские поселения	23	16	32	8	1
— сельские поселения	54	16	38	-	-
Пермский край	337	1579	613	112	42
— муниципальные районы	40	979	148	30	6
— городские округа	8	520	96	51	30
— городские поселения	29	19	57	25	4
— сельские поселения	260	61	312	6	2

Источник: Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/ (дата доступа: 14.06.2017).

Получение гражданами услуг организаций социально-культурной сферы отражено в табл. 19–21.

Таблица 19

Численность зрителей театров на 1000 человек населения

	2005	2010	2012	2013	2014	2015	2016	Место в РФ 2016 г.	2016 г. к 2005 г. в %
Российская Федерация	**195**	**217**	**237**	**249**	**255**	**261**	**265**		**135,9**
Центральный федеральный округ	**228**	**262**	**298**	**311**	**317**	**319**	**334**	**2**	**146,49**
Владимирская область	101	115	115	121	117	136	144	67	142,57
Тульская область	194	209	226	249	254	242	168	53	86,60
Приволжский федеральный округ	**188**	**210**	**228**	**234**	**234**	**243**	**244**	**4**	**129,79**
Пермский край	217	262	316	306	316	334	328	7	151,15

Источник: Социально-экономические показатели — 2017 г. Регионы России // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm

Таблица 20

Посещения музеев на 1000 человек населения

	2005	2010	2012	2013	2014	2015	2016	Место в РФ 2016 г.	2016 г. к 2005 г. в %
Российская Федерация	**527**	**567**	**629**	**668**	**703**	**813**	**842**		**159,8**
Центральный федеральный округ	**617**	**647**	**760**	**823**	**883**	**1111**	**1140**	**2**	**184,8**
Владимирская область	1105	1376	1103	1178	1232	1487	1104	11	99,9
Тульская область	574	608	661	742	868	980	1074	12	187,1
Приволжский федеральный округ	**281**	**332**	**374**	**400**	**436**	**484**	**558**	**4**	**198,6**
Пермский край	268	403	363	364	365	401	415	46	154,9

Источник: Социально-экономические показатели — 2017 г. Регионы России // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm

Таблица 21

Общедоступные библиотеки

	2005	2010	2012	2013	2014	2015	2016	Место в РФ 2016 г.	2016 г. к 2005 г. в %
Библиотечный фонд на 1000 человек населения [1] (на конец года; экземпляров)									
Российская Федерация	**6820**	**6459**	**6027**	**5921**	**5838**	**5727**	**5663**		**83,04**
Центральный федеральный округ	**7347**	**6934**	**6632**	**6521**	**6351**	**6024**	**5915**	**3**	**80,51**
Владимирская область	6953	6989	6991	7009	7063	6904	6731	31	96,81
Тульская область	6958	6143	5261	4863	4598	4644	4571	66	65,69
Приволжский федеральный округ	**7162**	**6844**	**6390**	**6270**	**6372**	**6246**	**6182**	**2**	**86,32**
Пермский край	5799	5093	4493	4397	4361	4217	4248	69	73,25
Численность пользователей общедоступных библиотек[1], тыс. человек									
Российская Федерация	**58088**	**55971**	**52212**	**51383**	**51542**	**51992**	**51460**	**-**	**88,59**
Центральный федеральный округ	**14488**	**14225**	**13521**	**13248**	**12788**	**12448**	**12237**	**-**	**84,46**
Владимирская область	610	580	564	552	547	546	535	-	87,70
Тульская область	712	595	499	447	429	534	528	-	74,16
Приволжский федеральный округ	**14011**	**13365**	**12385**	**12166**	**12380**	**12222**	**12157**	**-**	**86,77**
Пермский край	1105	1012	923	911	901	872	871	-	78,82

[1] Расчет осуществлен на основе данных Минкультуры России.

Источник: Социально-экономические показатели — 2017 г. Регионы России // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm

Как видно из этих таблиц, во Владимирской области и Пермском крае растет посещаемость театров, в Тульской области и Пермском крае увеличивается интерес к музеям, и во всех регионах, в полном соответствии

с мировыми тенденциями в связи с распространением интернета снижается использование библиотек.

Обратимся теперь к характеристикам конкретных малых городов, расположенных в регионах.

По данным на 1 января 2018 г. из общего количества населения, проживающего в городах, в малых городах проживают: во Владимирской области — 29,91%, в Тульской — 20,8%, в Пермском крае — 17,17% (табл. 22). Как видно, доля жителей малых городов близка к средней по стране (26,2 %, см. табл. 1) во Владимирской области и существенно ниже ее в двух других субъектах РФ.

Таблица 22

Группировка малых городов Владимирской, Тульской областей и Пермского края по численности постоянного населения на 1 января 2018 г.

Показатели	Всего малых городов	Доля жителей малых городов от общего населения городов	До 3 тыс. жителей	От 3 до 4,9 тыс. жителей	От 5 до 9,9 тыс. жителей	От 10 до 19,9 тыс. жителей	От 20 до 49,9 тыс. жителей
Владимирская область (всего 23 города с населением 1 023 291 человек)							
Число малых городов	18		–	–	3	12	3
Численность населения, чел.	306 032	29,91%	–	–	23 826	176 576	108 420
Тульская область (всего 19 городов с населением 1 058 869 человек)							
Число малых городов	13		1	–	3	5	4
Численность населения, чел.	220 349	20,8%	914	–	24 989	76 447	118 655
Пермский край (всего 25 городов с населением 1 874 557 человек)							
Число малых городов	18		–	2	3	6	7
Численность населения, чел.	321 889	17,17%	–	8134	22 142	106 844	184 764

Источник: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2018 года // Федеральная служба государственной статистики (РОССТАТ). М., 2018.

Динамика численности населения малых городов в изучаемых субъектах РФ представлена в табл. 23 (см. также Приложение 4).

Таблица 23

Малые города Владимирской, Тульской областей и Пермского края

Малые города Владимирской области	Численность населения на 1 января. 2015	Численность населения на 1 января 2018	Малые города Тульской области	Численность населения на 01 января. 2015	Численность населения на 1 января 2018	Малые города Пермского края	Численность населения на 1 января 2015	Численность населения на 1 января 2018
Курлово	6 348	5992	Чекалин	964	914	Чермоз	3597	3457
Костерево	8 641	8216	Советск	7347	7405	Чердынь	4674	4677
Суздаль	9 978	9618	Липки	9011	8541	Усолье	5979	6323
Судогда	10 794	10 442	Болохово	9144	9043	Оханск	7096	7087
Камешково	12 722	12 496	Белев	13 448	13 180	Гремячинск	9430	8732
Гороховец	13 233	12 799	Венев	14 198	14 191	Горнозаводск	11 575	11 375
Струнино	13 829	13 094	Плавск	15 992	15 920	Александровск	13 353	12 562
Петушки	13 915	14 330	Ясногорск	15 872	15 706	Очер	14 091	14 226
Карабаново	14 923	14 876	Суворов	17 829	17 450	Красновишерск	15 733	15 355
Меленки	14 302	13 789	Киреевск	24 911	25 741	Кизел	16 642	14 883
Лакинск	14 895	14 330	Кимовск	26 591	25 951	Нытва	18 878	18 608
Покров	17 762	17 025	Богородицк	31 363	31 135	Губаха	21 160	19 831
ЗАТО Радужный	18 369	18 471	Ефремов	36 773	35 158	Оса	21 201	21 061
Собинка	18 510	17 799				Верещагино	22 328	21 969
Юрьев-Польский	19 031	18 433				Кудымкар	30 739	31 370
Киржач	27 788	26 676				Чернушка	32 687	32 909
Вязники	37 846	35 865				Добрянка	33 291	32 676
Кольчугино	44 125	43 089				Чусовой	45 719	44 779
Всего 18 городов			Всего 13 городов			Всего 18 городов		

Источник: Социально-экономические показатели — 2015, 2016 гг. Регионы России // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2018 года. Федеральная служба государственной статистики (РОССТАТ). М., 2018.

Итак, мы видим, что как отобранные для анализа регионы являются в определенном смысле типичными для России, так и находящиеся на их территории малые города охватывают практически весь спектр типов малых городов как в плане своей истории (от исторических, древних, до «соцгородов»), так и в плане функциональных характеристик. Это означает, что анализ взаимодействий муниципальных образований, проведенный на столь разнообразном «материале», в принципе может иметь достаточно общий характер, а методики его проведения могут достаточно легко быть распространены на новые регионы.

Анализ результатов анкетирования представителей администрации малых городов Тульской и Владимирской областей по вопросам проблем и перспектив городского развития

В 2017–2018 гг. Центром исследования сетевой экономики экономического факультета МГУ было проведено анкетирование представителей администрации МГ Владимирской и Тульской областей[1].

Представителям местных властей были заданы вопросы о видении текущих проблем их муниципальных образований, перспективах развития города, потенциале и возможных рисках, связях с другими муниципалитетами. Анкета содержала вопросы, касающиеся наиболее острых проблем в реальном секторе экономики, демографической ситуации и рынка труда, уровня внутрирегиональной мобильности, проблем социальной сферы и здравоохранения, проблем местных органов самоуправления, отношения населения к институту сити-менеджеров. Представителей местных властей просили обозначить потенциальные области для улучшения, ресурсы, составляющие основу экономической базы города, конкурентные преимущества города по сравнению с другими городами, приоритетные направления развития и т.д.

Ответы респондентов в целом схожи, поскольку схожи сами Тульская и Владимирская области, участвующие в опросе (по своей территориальной близости и близости к Москве, наличию схожих ресурсов и т.д.). Различия в ответах отчасти связаны с субъективными представлениями представителей администрации по поводу состояния и перспектив города, не всегда правильным пониманием вопросов анкеты и иногда — желанием не раскрывать какую-то информацию (например, в части структуры бюджета МГ).

[1] Грант РНФ № 17-18-01324 «Устойчивое развитие экономики территорий на основе сетевого взаимодействия малых городов и районных центров».

Проблемы реального сектора

В качестве наиболее остро стоящих проблем реального сектора экономики чаще всего упоминаются низкая инвестиционная активность, закрытие предприятий и постоянный рост тарифов на энергоснабжение (см. рис. 10). Далее, практически с одинаковой частотой — неразвитость малого бизнеса, технологическая отсталость промышленных предприятий и высокий уровень износа основных фондов, зависимость от градообразующего предприятия и отсутствие точек роста инновационной экономики. Проблема закрытия ряда предприятий отмечается в городах Владимирской области (Суздаль, Петушки, Лакинск, Киржач, Кольчугино, Карабаново). Для городов Тульской области эта проблема в целом нехарактерна.

В отношении ситуации на рынке труда и демографической ситуации практически везде отмечается миграция молодежи в более крупные города и естественная убыль населения. Чуть реже — дефицит квалифицированных кадров. Наименее остро стоит проблема недостатка мест приложения труда и рост безработицы, а также проблема адаптации рабочих мест под неквалифицированный труд нелегальных мигрантов. При этом большинство МГ уровень внутрирегиональной мобильности полагают средним. Те же МГ, где отмечен высокий уровень внутрирегиональной мобильности, указывают, что до 30% населения работают в Москве или Владимире.

Рис. 10. Наиболее острые проблемы малого города
(число ответов при возможности множественного выбора)

Проблемы социальной сферы

По степени выраженности проблем социальной сферы в числе самых важных — необходимость модернизации и реконструкции ЖКХ, низкий уровень развития инфраструктурных объектов и в ряде МГ — низкий уровень доступа к услугам здравоохранения (там, где низкий уровень укомплектованности штата врачами). Далее по степени важности — низкий уровень доступа к услугам коммунального хозяйства, проблемы развития транспортной сети. Низкий уровень доступа к услугам образования и услугам досуга ранжируются как наименее острые.

Укомплектованность штата медицинских организаций врачами действительно достаточно сильно варьируется: от 90 до 40%. Ни в одной анкете не отмечалась полная укомплектованность врачами и прочим медицинским персоналом.

Проблемы местного самоуправления

В числе проблем местного самоуправления называют недостаточную эффективность системы муниципального управления, недостаточную квалификацию муниципальных служащих (по причине низкой заработной платы), зависимость органов местного самоуправления от вышестоящих органов государственной власти, недостаточную бюджетную обеспеченность.

Относительно текущей структуры доходов и расходов бюджетов города лишь несколько МГ привели реальные цифры соотношения собственных доходов/безвозмездных поступлений. Как правило, в ответах просто перечислена структура доходов бюджетов в соответствии с Бюджетным кодексом и Бюджетной классификацией. Там, где структура доходов приводится, соотношение собственных доходов/безвозмездных поступлений сильно варьируется: от 92 и 8% соответственно в г. Киржач, до обратной пропорции 8 и 92% в г. Камешково.

Ресурсы малых городов

В качестве ресурсов, которые являются основой экономической базы города, ряд городов приводят природные и историко-культурные, другие МГ — материально-технические и трудовые, дополнительно отмечается «город является существующим транспортным узлом», «благоприятное экономико-географическое положение», удачная логистика или «высокий уровень транспортной доступности», «производственно-промышленный» (т.е. материально-технический) потенциал, а также «потенциал малого бизнеса».

Практически никто из администраций МГ не отметил в качестве ресурсов финансовые (кроме г. Петушки, г. Лакинск), нематериальные (наличие интеллектуальной собственности, имиджа и репутации) (кроме г. Кольчугино), управленческие (кроме ЗАТО «Радужный», г. Собинка, г. Суздаль), политические (кроме г. Лакинска), научные или налоговые (кроме г. Струнино и г. Петушки, г. Костерево, г. Киржач). Видимо, последние ассоциируются с наличием налоговой базы, обеспечивающей собственные доходы местных бюджетов.

Состояние отраслей экономики

В части инвентаризации состояния отраслей экономики в число деградирующих, с тенденцией постоянного снижения их доли в структуре экономики попали здравоохранение, жилищно-коммунальное хозяйство, сельское хозяйство. Деградацию промышленности отмечают в Костереве, Петушках, социальной сферы в г. Гусь-Хрустальный, ЖКХ и бытовое обслуживание населения в г. Струнино. В целом по Владимирской области больше МГ, где отмечается катастрофическое состояние какой-либо из областей экономики; в Тульской области таких МГ практически нет.

К катализаторам развития территории в разных вариантах отнесены промышленность, сельское хозяйство (Юрьев-Польский, Лакинск), торговля и общественное питание, транспорт (перевозки), связь, культура, образование.

В нескольких городах представление администрации о темпах роста отраслей довольно оптимистичное — Плавск, Кимовск, Богородицк, Ефремов (все — Тульская область), Лакинск (Владимирская область). Администрации МГ Владимирской области в целом воспринимают состояние отраслей своей экономики менее радужно, зачастую отмечая даже полное отсутствие отраслей сельского хозяйства, науки или логистики.

Перспективы и угрозы для развития города

Преобладающее большинство МГ Тульской и Владимирской областей видят перспективы в развитии туризма, отмечая наличие уже существующего транспортного узла, рекреационные и историко-культурные ресурсы. Это неудивительно, принимая во внимание богатую историю МГ этих областей, их близость ко многим федеральным и региональным трассам.

Те МГ, которые отметили наличие материально-технической базы и трудовых ресурсов, видят возможности для размещения новых предприятий.

В части угроз называют миграцию населения, преимущественно молодежи в крупные города в поисках более высокого заработка и комфортных условий жизни. Возникающий дефицит квалифицированных кадров является проблемой для потенциальных инвесторов. При этом отмечается, что активное население города, представители которого вынуждены уезжать на работу в другие регионы, может рассматриваться и в качестве свободных трудовых ресурсов.

Лишь несколько малых городов обозначили свой экономический уклад как моноотраслевой (Струнино, Киржач, Карабаново, Гороховец, Советск), что не совпадает с правительственной классификацией монопрофильных муниципальных образований. Согласно этой классификации, к моногородам с наиболее сложной экономической ситуацией относятся Камешково и Курлово Владимирской области, к моногородам с рисками ухудшения экономической ситуации относятся Меленки и Гороховец Владимирской области, а также Ефремов Тульской области; к моногородам со стабильной экономической ситуацией — Кольчугино и Вязники Владимирской области.

Приоритетные направления развития города

Исходя из текущей социально-экономической ситуации, выделяются следующие приоритетные направления развития малых городов (см. рис. 11).

Рис. 11. Приоритетные направления развития города (число ответов при возможности множественного выбора)

Чаще всего в качестве приоритетов развития города указывалось улучшение инвестиционного климата и развитие туристской сферы, с одной

стороны, и реорганизация и модернизация ЖКХ и развитие социальной сферы — с другой. Первые два направления должны обеспечить рост производства, вторые — повысить уровень жизни населения.

В качестве прочих приоритетов также называлось получение статуса территории опережающего развития. Ожидаемые налоговые преференции ТОР должны привлечь на территорию новые производства с последующим созданием новых рабочих мест.

Среди отраслей реального сектора, развитие которых наиболее важно, называются научная деятельность, обрабатывающее производство (в основном пищевая промышленность) и развитие сферы услуг. Во многих МГ Владимирской и Тульской областей отрасли сельского хозяйства развиваются с умеренными темпами, пусть и не оказывая существенного влияния на развитие других отраслей экономики. Соответственно, администрации этих МГ видят перспективы именно в переработке исходного сырья для пищевой и традиционной текстильной продукции, в том числе соседних областей, развитии аграрного сектора.

На вопрос о катализаторах развития города при возможности выбора до пяти опций с большим отрывом выделяются меры по привлечению инвестиций и увеличению поступлений от налогов и сборов в местный бюджет (собственных доходов бюджета) (рис. 12). Далее идут меры по активизации деятельности малого и среднего бизнеса, развитие социаль-

Рис. 12. Катализаторы развития малого города
(число ответов при возможности множественного выбора)

ной инфраструктуры, развитие туристической базы и другие. Меньший вес придается мерам, связанным с кооперацией и связями с соседними территориями. Надо отметить, что примеров кооперации МГ с ближайшими территориями, как то: совместных проектов, программ в производственной, культурной и образовательной деятельности, практически нет, почти во всех анкетах раздел с вопросами о кооперации с другими муниципалитетами остался пустым, кооперация если и упоминается, то в контексте общих культурных мероприятий.

Перспективы развития малого бизнеса

В заключение приведем список направлений развития малого бизнеса, упомянутых в анкетах. По мнению представителей администрации малых городов, перспективы у малого бизнеса есть в таких отраслях, как:

- производство мебели;
- в сфере услуг разного профиля и общественного питания;
- сфера жилищно-бытового обслуживания населения;
- текстильное производство;
- пищевое производство;
- социальная сфера;
- туризм, гостиничные услуги;
- сельское хозяйство.

В целом отмечается, что субъекты малого предпринимательства являются одним из самых перспективных и активно развивающихся секторов. В некоторых городах малым бизнесом заняты свыше 15% активного населения.

ГЛАВА 2.3
ОЦЕНКА УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В МАЛЫХ ГОРОДАХ РОССИИ

Обеспечение достойного уровня жизни граждан страны является важнейшей задачей государства. В Конституции РФ указано: «Российская Федерация — это социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»[1]. Развитие творческого и интеллектуального потенциала человека является ключевым условием развития и социально-экономического роста.

Экономическая стабильность общества и направления основных преобразований в нашей стране в значительной мере зависят от степени решения проблемы повышения уровня жизни населения. Данные задачи требуют от государства принятия эффективных управленческих решений, разработки действенных социально-экономических механизмов, направленных на повышение уровня жизни населения и поиск точек роста и резервов, способствующих решению этой задачи на уровне муниципальных и административно-территориальных единиц.

Проблемы уровня жизни и его повышения рассматривались многими поколениями зарубежных и отечественных ученых-экономистов, в работах которых представлен довольно широкий спектр суждений о содержании этой категории, факторах, показателях, их динамике и трансформации. Основы теоретической и методологической разработки данной проблемы представлены в фундаментальных исследованиях Дж. Гэлбрейта[2], К. Маркса[3], А. Маршалла[4], А. Пигу[5], П. Самуэльсона[6], А. Сена[7], Л. Эр-

---

[1] Конституция Российской Федерации (официальный текст, новая редакция).

[2] *Гелбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. М.: АСТ, 2004.

[3] *Маркс К.* Заработная плата, цена и прибыль. М.: Прогресс, 1980.

[4] *Маршалл А.* Принципы экономической науки. Т. 1–3. М., 1993.

[5] *Пигу А. С.* Экономическая теория благосостояния. Серия Экономическая мысль Запада. М.: Прогресс, 1985.

[6] *Самуэльсон П., Нордхаух В.* Экономика=Economics. 18-е изд. М.: Вильямс. 2006.

[7] *Сен А. К.* Свобода, единогласие и права. Вехи экономической мысли. Том 4. Экономика благосостояния и общественный выбор / под общ. ред. А. П. Заостровцева. СПб.: Экономическая школа. 2004.

харда[1] и др. В работах зарубежных экономистов предложены различные национальные модели уровня жизни, инструменты, показатели их оценки и методы регулирования[2].

В исследование вопросов теории и практики уровня жизни населения значительный вклад внесли работы отечественных ученых, таких как Е. Г. Анимица[3], В. Н. Бобков[4], Н. В. Зубаревич[5], Л. С. Ржаницына[6] и др. Работы В. Ф. Майера[7], Н. И. Бузлякова[8], В. М. Жеребина[9], Н. М. Римашевской[10], В. М. Рутгайзера[11] и ряда других российских авторов были посвящены исследованию как самого понятия «уровень жизни», так и совокупности показателей и проблем его повышения. Значительный вклад в теоретическую и практическую разработку проблемы уровня жизни внесли результаты исследования Всероссийского центра уровня жизни, проведенного под руководством В. Н. Бобкова[12].

---

[1] *Эрхард Л.* Благосостояние для всех. Людвиг Эрхард. М.: Начала-Пресс, 1991.

[2] *Кейнс Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег // In: The General Theory of Employment, Interest and Money. Palgrav, Macmillan, 1936; *Фишер С.* Покупательная сила денег. The Purchasing Power of Money (1911). М.: Дело, 2001; *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2008.

[3] *Анимица Е. Г.*, *Медведева И. А.*, *Сухих В. А.* Малые и средние города: научно-теоретические аспекты исследования. Екатеринбург-Пермь. 2003; *Анимица Е. Г.*, *Новикова Н. В.*, *Сухих В. А.* Качество жизни как комплексный показатель социального развития региона // Журнал экономической теории. 2009. № 1. С. 14–35.

[4] *Бобков В. Н., Масловский-Мстиславский П. С.* Качество жизни: концепция и измерение. М.: ВЦУЖ, 1998; *Бобков В. Н.* Уровень социального неравенства. Экономист. 2006. № 3. С. 58–67.

[5] *Зубаревич Н. В.* Региональное развитие и региональная политика в России // ЭКО. 2014. № 4; *Зубаревич Н. В.*, *Горина Е. А.* Социальные расходы в России: федеральный и региональные бюджеты. М., 2015; *Зубаревич Н. В.* Неравенство доходов населения: пространственная проекция. Pro et contra // Журнал российской внутренней и внешней политики. 2013. № 6 (61). Ноябрь-декабрь.

[6] *Ржаницына Л. С.* Модель социальной политики в новых экономических условиях (основные принципы) // Журнал НЭА. 2015. № 2 (26). С. 254–259.

[7] *Майер В.*Ф Планирование социального развития и повышения уровня жизни народа. М.: Изд-во МГУ, 1998.

[8] *Бузляков Н. И.* Методы планирования повышения уровня жизни. М.: Экономика, 1969.

[9] *Жеребин В. М.*, *Романов А. Н.* Уровень жизни населения. Основные категории, характеристики и методы оценки. М.: ЮНИТИ-Дана, 2002.

[10] *Римашевская Н. М.* Региональные особенности уровня и качества жизни. Монография. ИСЭПН РАН. М.: М-Студио, 2012.

[11] Стоимость жизни и ее измерение / под ред. В. М. Рутгайзера, С. П. Шпилько. М.: Финансы и статистика, 1991.

[12] *Бобков В. Н.*, *Литвинов В. А.*, *Гулюгина А. А.* Аналитический доклад по результатам мониторинга за период октябрь-декабрь 2003 // Мониторинг доходов и уровня жизни населе-

Важно подчеркнуть, что проблема повышения уровня жизни является одной из ключевых задач, стоящих как перед отечественной наукой, так и перед практикой, поскольку от ее решения зависит социально-экономическая и политическая стабильность страны.

В современной отечественной научной литературе отсутствует однозначное определение категории «уровень жизни». Разнообразие точек зрения свидетельствует о сложности и значимости этого понятия. В соответствии с позицией ряда исследователей уровень жизни определяется с точки зрения производства, т.е. исходным пунктом является взаимозависимость между уровнем жизни и общественным производством. В этом случае уровень жизни рассматривается как количество потребляемых материальных, культурных, бытовых и социальных благ и степень удовлетворения потребностей в них в соответствии с уровнем развития производительных сил. Характеристика уровня потребления населения, потребности людей, их развитие и степень их удовлетворения (изменение доходов, расходов и потребления населением благ и услуг) выступают основным элементом, определяющим уровень жизни, который выражается в количестве и в качестве потребляемых человеком благ и услуг. Данный подход получил в научной литературе название «узкий». При изучении уровня жизни в узком смысле в большинстве случаев речь идет о материальных и важнейших духовных потребностях.

Более широкое толкование понятия «уровень жизни» предполагает характеристику уровня жизни через призму социально-экономических условий, обеспечивающих удовлетворение материальных и духовных потребностей, включая среду обитания, безопасность, состояние здоровья и другие возможности для удовлетворения потребностей.

При этом следует отметить, что потребности характеризуются кумулятивным характером роста, т.е. появление новых потребностей не приводит к исчезновению старых, при этом формирование потребностей происходит как под влиянием субъективных факторов (вкусы, наклонности, предпочтения, привычки), но и объективных, таких как экономические, социально-психологические и организационные. Перечень потребностей варьируется в зависимости от классификации, выбранной исследователями. Иерархия потребностей Маслоу[1] является ориентиром для одних, другие опираются на более широкий спектр, включающий не только материальные, но и другие потребности. Безусловно, характеристика уровня

ния. 2004. № 3. С. 5–16; *Бобков В. Н.*, *Гулюгина А. А.* Аналитический доклад по результатам мониторинга за период октябрь-декабрь 2010 года // Уровень жизни населения регионов России. 2011. № 4. С. 54–65; *Бобков В. Н.*, *Гулюгина А. А.* Мониторинг доходов и уровня жизни населения России // Уровень жизни населения регионов России. 2011. № 4. С. 5–51.

[1] *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2008.

жизни с точки зрения удовлетворения потребностей не вызывает возражений. Вместе с тем возможности и условия их удовлетворения не принимаются во внимание. Формирование новой системы производства, способной быстро переориентироваться и адаптироваться к новым условиям, позволило увеличить объем производства, расширить ассортимент массовой продукции и создать условия для появления новых видов благ. Потребности в продуктах питания, в предметах быта, обеспечивающих комфортную жизнь, в условиях массового производства удовлетворяются быстрее, и происходит переход на новый уровень, предполагающий удовлетворение потребности в знаниях, реализацию духовных потребностей, творческую реализацию. Формируются потребности, обеспечивающие переход на более высокий уровень пирамиды Маслоу.

Вместе с тем в настоящее время структура потребления приобретает особую значимость, оказывая существенное воздействие на рост производства, и в этом смысле категория «уровень жизни» расширяется. В подходах к содержанию понятия «уровень жизни» наметились изменения, сместился акцент от количественных, материальных характеристик в сторону качественных, при этом данное понятие часто используется наряду с понятием «качество жизни» (quality of life)[1].

Следует отметить, что дифференциация в структуре потребления находится в тесной зависимости от уровня доходов, в то же время эта зависимость не является линейной. Рост экономических возможностей человека может не приводить к соответствующему росту потребления, поскольку вкусы потребителей способны изменяться медленнее, чем уровень их доходов, и изменение вкусов может привести, напротив, к добровольному ограничению определенных видов потребления, в группах с высокими доходами существуют свои предпочтения[2]. На фоне роста уровня доходов происходит уменьшение доли продуктов питания в структуре потребления, что свидетельствует о повышении уровня благосостояния населения. Основные изменения в модели потреблении можно оценить, используя информацию о доходах, расходах и потреблении, публикуемую Росстатом.

В настоящее время сложился подход, при котором изначально уровень жизни рассматривается как с точки зрения характеристики уровня потребления и степени удовлетворения потребностей, так и с точки зрения уровня человеческого развития (состояние здоровья и возможности населения для удовлетворения потребностей) и условий жизнедеятель-

---

[1] *Portney K. E.* (2013). Taking sustainable cities seriously: Economic development, the environment, and quality of life in American cities. MIT Press; Węziak-Białowolska, D. (2016). Quality of life in cities — Empirical evidence in comparative European perspective. Cities, 58, 87–96.

[2] *Радаев В. В.* Экономическая социология. 2-е изд. М.: ГУ ВШЭ, 2008.

ности населения (состояние среды обитания и безопасности населения)[1]. Представляется, что определения, имеющие интегрированный характер[2], наиболее полно отражают современные условия и дают возможность категорию «уровень жизни» рассматривать объемно и комплексно. Мы будем придерживаться данного подхода и рассматривать уровень жизни как сложную многогранную категорию, зависящую от целого ряда факторов, включая состав и величину потребностей общества, возможности удовлетворения этих потребностей, политическое, экономическое и социальное положение в стране, эффективность национальной экономики, уровень научно-технического прогресса, культуры, образования населения и др.

Как показывает анализ российской и зарубежной научной литературы, в настоящее время основные методологические и методические положения в области изучения и измерения уровня жизни населения на макроуровне сформированы[3].

Существенная роль в исследовании уровня жизни в нашей стране принадлежит социологическим исследованиям, которые проводят Росстат и различные исследовательские организации[4], в том числе ежегодные мониторинги социально-экономического положения населения на региональном уровне[5].

Вместе с тем, поскольку в экономической литературе отсутствует единый подход к определению категории «уровень жизни населения», то нет единства и по вопросу системы показателей. Выбор интегрального показателя, характеризующего уровень жизни, является достаточно сложной задачей, он должен отражать взаимозависимость и многомерность многочисленных факторов, включая не только личный доход, но и природно-климатические, экологические условия, возможность получения образо-

---

[1] Политика доходов и качество жизни населения / под ред. Н. А. Горелова. СПб.: Питер, 2003. С.75.

[2] См., например: *Гурьев В. И.* Основы социальной статистики. М.: Финансы и статистика, 1991. С. 67; *Елисеева И. И.* Социальная статистика. М.: Финансы и статистика, 2007. С. 34; *Жеребин В. М.*, *Романов А. Н.* Уровень жизни населения. М.: 2003. С. 36–41.

[3] *Бабинцев В. П.*, *Заливанский Б. В.*, *Самохвалова Е. В.*, *Шаповал Ж. А.* Оценка эффективности регионального управления на основе показателей качества жизни населения // Регионология. 2010. № 4. С. 63–72; *Farazmand A.* (Ed.). (2017). Global Encyclopedia of Public Administration, Public Policy, and Governance. Switzerland, Springer; *Popova D., Pishnyak A.* (2017). Measuring individual material well-being using multidimensional indices: an application using the Gender and Generation Survey for Russia. Social Indicators Research, 125(3).

[4] Независимый институт социальной политики, Левада-Центр и др.

[5] *Овчарова Л. Н.*, *Бирюкова С. С.*, *Селезнева Е. В.* Население России в 2016 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. Итоги года. М.: НИУ ВШЭ, 2017.

вания, доступность здравоохранения, обеспеченность инфраструктурой, коммунальными услугами и т.д.[1].

Для оценки уровня жизни населения в международной статистике Статистической комиссией ООН[2] было рекомендовано применять подгруппы показателей, характеризующих количество и качество потребляемых жизненных благ, в том числе:

- демографические характеристики населения (рождаемость, смертность, заболеваемость, продолжительность жизни и т.д.);
- доходы (реальные и номинальные), расходы и сбережения населения;
- показатели условий труда, занятости и безработицы;
- показатель стоимости жизни;
- потребительские цены и потребление продовольственных товаров и услуг;
- обеспеченность населения жильем и предметами длительного пользования;
- показатели свободного времени;
- показатели социального обеспечения;
- показатели доступности образования, здравоохранения, культуры, физкультуры и спорта, туризма и отдыха.

В России уровень жизни населения оценивается системой количественных и качественных показателей. Среди них: общий объем потребляемых благ и услуг; среднедушевые и реальные доходы населения; уровень дифференциации населения по доходам; численность малоимущего населения, доходы которого ниже уровня прожиточного минимума; уровень пенсионного обеспечения; социальные выплаты; накопленное имущество и денежные сбережения; условия труда и отдыха; уровень занятости и др.[3].

Усложнение процессов потребления и модификация структуры потребностей приводят к тому, что потребители стараются повысить удовлетворенность условиями и качеством жизни. Многие показатели качества жизни количественно измерить весьма затруднительно. Тем не менее можно сопоставить отдельные индикаторы качества жизни в разные периоды. Качество жизни зависит от социальных, культурно-историче-

---

[1] Социальный атлас российских регионов / под ред. Н. В. Зубаревич // Мониторинг кризиса и посткризисного развития регионов России. Бюджеты регионов в 2015 г. URL: http://www.socpol.ru/atlas/overviews/social_sphere/kris.shtml

[2] Международная организация труда: официальный сайт. URL: http://www.ilo.org/moscow/lang--en/index.htm

[3] *Крыжановская А. Г.* Теоретические подходы к определению качества жизни населения // Финансы, денежное обращение и кредит. 2009. № 5. С. 273–276.

ских факторов, природных и экологических условий, производственных и других факторов.

При оценке уровня жизни ведущая роль принадлежит доходам населения, поскольку уровень доходов позволяет человеку вести определенный образ жизни, который воспринимается как стандарт материального благосостояния. Кроме того, доходная обеспеченность формирует и структуру потребления. Так, в ряде исследований было выявлено наличие серьезных изменений в структуре потребления всех групп населения за последние 10 лет[1]. Кроме того, исследования показывают, что нынешний экономический кризис в Российской Федерации в условиях санкций характеризуется значительным падением реальных доходов населения и ростом уровня бедности за последние годы, а также дефицитом финансовых и институциональных возможностей государства, что привело к значительному снижению уровня и качества жизни граждан[2].

Исследование уровня жизни населения на территориальном уровне целесообразно проводить с помощью системы частных индикаторов, характеризующих в динамике отдельные стороны уровня жизни, и в зависимости от целей исследования они могут быть агрегированы по различным критериям. В данном исследовании мы ограничимся группой показателей доходов (среднедушевые доходы населения, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, средний размер пенсий, структура доходов, соотношение с величиной прожиточного минимума доходов, пенсий, заработной платы, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума и др.), позволяющих оценить достигнутый уровень материального обеспечения граждан, в соответствии с которым формируется их потребительское поведение.

Проблемы малых городов занимают особое место в социально-экономической политике нашей страны. Особенно остро они проявились на фоне мирового экономического кризиса, и в настоящее время в условиях санкций обозначились наиболее проблемные зоны, присущие исключительно этим территориальным образованиям. Среди наиболее сложных и серьезных проблем малых городов, требующих нетривиального решения, в первую очередь следует отметить низкую финансовую обеспеченность муниципалитетов, практическое отсутствие свободных рабочих мест

---

[1] *Андрущак Г., Ивантер А., Косарева Н., Овчарова Л., Пономаренко А., Федеев В., Ясин Е.* Социальные итоги трансформации, или Двадцать лет спустя // Вопросы экономики. 2011. № 8. С. 77–96; *Овчарова Л. Н.*, *Бирюкова С. С.*, *Селезнева Е. В.* Население России в 2016 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. Итоги года. М.: НИУ ВШЭ, 2017.

[2] Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения: 2015 г. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации / под ред. Т. М. Малевой, 2017.

и значительный отток трудоспособного населения, особенно молодого, и, как следствие, нарушение демографического баланса, низкий уровень городской и пригородной инфраструктуры и ряд других. Соответственно, все эти факторы негативно отражаются на уровне жизни населения данных муниципальных образований и приводят к его значительному снижению, подрывая социальную и экономическую стабильность как отдельных регионов, так и страны в целом. Ряд наиболее острых социально-экономических проблем, с которыми сталкивается большинство малых городов, являются общими и носят системный характер. Их решение находится за рамками данных муниципальных образований и требует активного участия федеральных и региональных органов власти. Данные проблемы нуждаются в теоретическом осмыслении, глубоком анализе и разработке соответствующей стратегии развития и поддержки этих населенных пунктов, что обусловливает актуальность данного исследования.

Следует отметить, что сохраняющееся значительное межрегиональное неравенство по показателям уровня и качества жизни населения субъектов РФ оказывает негативное влияние на социально-экономические показатели России в целом. Ряд социальных индикаторов уровня и качества жизни населения имеют огромные межрегиональные разрывы. Уровень социально-экономического неравенства населения в стране, рассчитанный по децильному коэффициенту фондов, остается очень высоким. Значительные различия отмечаются в регионах по показателю уровня абсолютной бедности — численности населения, имеющего доходы ниже уровня прожиточного минимума, и др.[1].

Оценка малых городов Пермского края, Тульской и Владимирской областей по основным показателям уровня жизни населения

В рассматриваемых субъектах РФ преобладают малые города с численностью от 10 тыс. до 20 тыс. человек. Численность населения малых городов (см. табл. 24) в указанных субъектах Российской Федерации по оценке на 1 января 2016 г. составляет:

- во Владимирской области 30,3%, т.е. практически треть всего населения;
- в Тульской области 20,7% — пятая часть населения;
- в Пермском крае 17,4%, что составляет чуть более среднего уровня по стране.

[1] *Бобков В. Н.*, *Гулюгина А. А.*, *Зленко Е. Г.*, *Одинцова Е. В.* Сравнительные характеристики индикаторов качества и уровня жизни в российских регионах: субъекты, федеральные округа, Арктика // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 1(203). С. 63.

Таблица 24

Группировка малых городов Владимирской, Тульской областей и Пермского края по численности постоянного населения в 2016 г. (тыс. чел.)

Показатели	Всего малых городов	До 3 тыс. жителей	От 3 до 4,9 тыс. жителей	От 5 до 9,9 тыс. жителей	От 10 до 19,9 тыс. жителей	От 20 до 49,9 тыс. жителей
Владимирская область (всего 23 города с населением 1 033 277 человек)						
Число малых городов	18	–	–	3	12	3
Численность населения, чел.	313 340	–	–	24 578	180 342	108 420
Тульская область (всего 19 городов с населением 1 067 802 человека)						
Число малых городов	13	1	–	3	5	4
Численность населения, чел.	222 083	965	–	25 541	76 922	118 655
Пермский край (всего 25 городов с населением 1 873 003 человека)						
Число малых городов	18	–	2	3	6	7
Численность населения, чел.	326 896	–	8252	22 416	89 450	206 778

Источник: составлено авторами на основании данных: Социально-экономические показатели — 2015, 2016 годы. Регионы России // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/

Принимая во внимание, что в большинстве случаев малые города являются районными центрами, концентрируя вокруг себя значительное количество сельских поселений, можно с уверенностью утверждать, что их социально-экономическая роль в регионах значительна[1].

[1] *Лаппо Г. Н.*, *Полян П. М.* Результаты урбанизации в России к концу XX века // Мир России. Социология. Этнология, 1999. Т. 8. № 4. С. 35–46; *Барамзин С. В.* Методика оценки социально-экономического развития сельских поселений // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 9(144). С. 43–46; *Шерешева М. Ю.*, *Оборин М. С.*, *Шимук О. В.* Анализ международного опыта диверсификации сельской экономики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3. Экономика. Экология. 2017. № 3. С. 209–223.

Таблица 25

Малые города Владимирской, Тульской областей и Пермского края

Малые города Владимирской области	Численность населения по данным на 01.01.2015	Малые города Тульской области	Численность населения по данным на 01.01.2015	Малые города Пермского края	Численность населения по данным на 01.01.2015
Курлово	6 348	Чекалин	964	Чермоз	3597
Костерево	8 641	Советск	7 347	Чердынь	4674
Суздаль	9 978	Липки	9 011	Усолье	5979
Судогда	10 794	Болохово	9 144	Оханск	7096
Камешково	12 722	Белев	13 448	Гремячинск	9430
Гороховец	13 233	Венев	14 198	Горнозаводск	11 575
Струнино	13 829	Плавск	15 992	Александровск	13 353
Петушки	13 915	Ясногорск	15 872	Очер	14 091
Карабаново	14 923	Суворов	17 829	Красновишерск	15 733
Меленки	14 302	Киреевск	24 911	Кизел	16 642
Лакинск	14 895	Кимовск	26 591	Нытва	18 878
Покров	17 762	Богородицк	31 363	Губаха	21 160
ЗАТО Радужный	18 369	Ефремов	36 773	Оса	21 201
Собинка	18 510			Верещагино	22 328
Юрьев-Польский	19 031			Кудымкар	30 739
Киржач	27 788			Чернушка	32 687
Вязники	37 846			Добрянка	33 291
Кольчугино	44 125			Чусовой	45 719
Всего 18 городов		Всего 13 городов		Всего 18 городов	

Источник: Социально-экономические показатели — 2015, 2016 годы. Регионы России // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/

Малые города существенно различаются по численности (табл. 25), так, например, г. Чекалин — самый маленький город в Тульской области — насчитывает менее одной тысячи жителей, в то время как в городах Ефремове, Богородицке, Кимовске соответственно проживает более 20 тыс. жителей. Аналогичная ситуация и во Владимирской области, так, в Курлове, Костереве, Суздале насчитывается менее 10 тыс. жителей, а в Кольчугине и Вязниках около 40 тыс. Дифференциация малых городов по численности заметна и в Пермском крае. Мы не случайно придаем такое значение показателю численности, поскольку данный показатель оказывает прямо или косвенно существенное влияние практически на все социально-экономические показатели региона[1].

В качестве методов оценки социально-экономического развития субъектов РФ используются системы региональных мониторингов. Рейтинговым агентством «РИА Рейтинг» в 2017 г. был составлен «Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ: итоги 2016 года»[2] на основе ключевых показателей регионального развития, который позволяет оценить позицию того или иного субъекта РФ и определить диспропорции в уровне регионального развития. При построении данного рейтинга были использованы объективные показатели официальной статистики, полученные на сайтах Росстата, Минфина РФ и Федерального казначейства.

В работе над рейтингом использовался комплексный анализ социально-экономической ситуации в субъектах РФ, выборочная информация из которого представлена в табл. 26.

Таблица 26

Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ

Место субъекта РФ по итогам 2016 г.	Субъекты РФ	Интегральный рейтинг, итоги 2016 г.	Место субъекта РФ по итогам 2015 г.	Место субъекта РФ по итогам 2014 г.
15	Пермский край	56,236	12	13
25	Тульская область	50,652	23	23
40	Владимирская область	43,846	39	35

Источник: Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2016 года. URL: http://www. riarating.ru/ (дата обращения: 08.10.2018).

[1] *Зубаревич Н. В.*, *Горина Е. А.* Социальные расходы в России: федеральный и региональные бюджеты. М., 2015.

[2] Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2016 года. URL: http://www. riarating.ru (дата обращения: 08.10.2018).

В процессе работы был проведен сравнительный анализ регионов по широкому кругу показателей, характеризующих различные аспекты социально-экономического развития, на основе которого впоследствии был сделан расчет агрегированного показателя, который позволил определить позицию того или иного субъекта РФ среди других регионов.

Следует отметить, что по итогам рейтинга за 2016 г. Пермский край занимает достаточно высокие позиции по сравнению с Владимирской и Тульской областями. Тем не менее этот регион несколько ухудшил свои результаты по сравнению с рейтингами 2014–2015 гг., опустившись на три позиции вниз. Тульская область также несколько снизила достаточно устойчивые результаты предыдущих двух лет и находится в данном рейтинге на десять ступеней ниже Пермского края. Владимирская область находится ближе к середине рейтинга, отставая от Пермского края на 25 пунктов; при этом, уменьшив свои позиции на четыре пункта в 2015 г., она снизила свой уровень еще на одну позицию в 2016 г.

Актуальность данного рейтинга определяется необходимостью повышения информационной прозрачности субъектов РФ, а также потребностью в получении информации о реальном положении дел в регионах и диспропорциях регионального развития со стороны органов власти федерального уровня, органов власти местного самоуправления, бизнеса[1].

Наряду с этим следует отметить, что в рамках субъектов РФ в той или иной форме осуществляется собственная оценка по ряду социально-экономических показателей, в соответствии с которой проводится рейтинг муниципальных образований. Так, в Пермском крае «Деловая Россия» и «Инвест-аудит» в 2015 г. провели исследование по ряду показателей, в том числе таких, как численность населения, уровень безработицы, потребность в работниках, среднемесячная заработная плата, и ряду других. Это позволило оценить и проранжировать социально-экономическое развитие муниципальных образований края. Следует отметить, что из 18 муниципальных образований, районные центры которых являются малыми городами, в первую десятку вошли лишь три муниципальных района — это Усольский, Добрянский и Чернушинский, а также Осинский муниципальный район, в котором довольно высокие показатели по средней заработной плате (она составляет более 26 тыс. руб.) и уровню занятости населения, что связано с высоким уровнем собственного производства. Наиболее слабые социально-экономические показатели отмечены в Чердынском (15,25 балла), Кизеловском (17,25 балла) и Кудымкарском

[1] *Медведева И. А.* Тенденции и стратегия социально-экономического развития малых и средних городов региона (на примере Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа). Екатеринбург, 2004.

(20,0 баллов) районах[1]. Эти районные центры соответственно и заняли последние места в рейтинге (табл. 27).

Таблица 27

Рейтинг муниципальных районов Пермского края на 31 декабря 2015 г. (районные центры, малые города)

Муниципальные районы	Общий балл по СЭ	Общий бал по Р	Общий балл, итог
Чернушинский	38,75	37,5	76,25
Усольский	33,5	42,5	76
Осинский	31,0	40,0	71
Нытвенский	35,5	35,0	70,5
Очерский	29,75	37,5	67,25
Губаха ГО	37,0	27,5	64,5
Кудымкар	31,25	30,0	61,25
Верещагинский	31,5	22,5	58,0
Чусовской	34,75	22,5	57,25
Горнозаводский	28,5	25,0	53,5
Гремячинский	23,75	12,5	36,75
Александровский	27,25	7,5	34,75
Красновишерский	17,5	15,0	32,5
Кизеловский	17,25	10,0	27,25
Чердынский	15,25	10,0	25,25
Кудымкарский	20,0	5,0	25,0

Источник: Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. URL: http://www. riarating.ru/ (дата обращения: 12.09.2018).

В 2018 г. аналитиками аудиторской компании «Инвест-аудит» был проведен очередной рейтинг городских округов и муниципальных районов Пермского края по уровню социально-экономического развития и уровню развития рынка недвижимости по состоянию на 31 декабря 2017 г. Как уже было сказано выше, данное исследование проводилось в Пермском крае уже не первый раз и позволило на основе статистических данных более детально исследовать, как живет и развивается регион. Результаты рейтинга позволяют более точно определить

[1] Социальный атлас российских регионов / под ред. Зубаревич Н. В. // Мониторинг кризиса и посткризисного развития регионов России. Бюджеты регионов в 2015 г. URL: http://www.socpol.ru/atlas/overviews/social_sphere/kris.shtml

ориентиры для оценки инвестиционной привлекательности территорий Пермского края.

В данном рейтинге мы рассмотрим только социально-экономические факторы развития муниципальных образований Пермского края (табл. 28):

— среднемесячную начисленную заработную плату работников организаций (за январь-ноябрь 2017 г.);
— уровень безработицы по состоянию на декабрь 2017 г.;
— удельную заявленную работодателями потребность в работниках (в расчете на 1000 человек).

Таблица 28

Социально-экономические факторы развития муниципальных образований Пермского края

Муниципальные образования (МР и ГО)	Среднемесячная начисленная з/п, руб.	Уровень безработицы, %	Удельная заявленная потребность в работниках, отн. ед.	Общий балл по СЭ
Чермоз (Ильинский)	24 428,70	2,17	4,78	25,5
Чердынский	23 622,50	3,76	1,45	14,5
Усольский	47 281,00	1,40	70,68	32,0
Оханский	20 306,70	2,53	2,79	19,0
Гремячинский	29 001,20	2,19	0,71	20,0
Горнозаводский	30 795,90	2,14	4,75	31,5
Александровский	25 293,60	2,75	1,80	24,0
Очерский	28 712,60	2,65	2,76	24,0
Красновишерский	25 692,10	6,15	10,37	19,5
Кизеловский	24 117,70	3,35	3,46	17,5
Нытвенский	26 397,20	2,55	1,64	28,0
Губаха	28 678,50	1,15	5,84	39,0
Осинский	31 612,70	2,28	4,31	31,5
Верещагинский	26 205,10	0,91	0,92	39,0
Кудымкар	26 380,50	2,10	1,38	31,5
Чернушинский	31 710,00	1,11	4,32	41.5
Добрянский	39 417,00	1,88	11,55	42,0
Чусовской	26 905,90	1,63	3,60	38,0

Источник: Рейтинг городских округов и муниципальных районов Пермского края по уровню социально-экономического развития и уровню развития рынка недвижимости по состоянию на 31 декабря 2017 г.

На основании расчета социально-экономических показателей по муниципальным образованиям вычислялся общий балл по данному направлению. Из 18 муниципальных образований, районные центры которых являются малыми городами, в состав 10 первых муниципальных образований данного рейтинга вошел город Кудымкар, а также Добрянский и Чернушинский муниципальные районы. На нижних строчках рейтинга оказались Чердынский, Кизеловский и Гремячинский муниципальные районы.

Основной целью составления подобных рейтингов является получение более полной информации о снижении уровня жизни населения того или иного муниципального образования и выявление социальных рисков для их устранения.

Значительные различия в уровне развития муниципальных образований отмечаются и в Тульской области. В 2016 г. удельный вес собственных доходов местных бюджетов в муниципальных образованиях Тульской области отличался друг от друга более чем 6 раз. Если в Киреевском районе удельный вес собственных доходов местного бюджета составлял всего 14,3%, то в муниципальном образовании город Тула достигал отметки 90,6%[1].

В 12 муниципальных образованиях Тульской области удельный вес собственных доходов местных бюджетов не превышал 45%: Арсеньевский район — 41,1%, Белевский район — 32,2%, Богородицкий район — 33,8%, Воловский район — 35,1%, Каменский — 44,6%, Кимовский район — 32,1%, Киреевский район — 14,3%, Одоевский район — 38,8%, Теплo-Огаревский район — 43,2%, Узловский район — 28,9%, Чернский район — 28,8%, город Донской — 38,5%.

В шести муниципальных образованиях доля налоговых и неналоговых доходов бюджетов муниципальных образований (за исключением поступлений налоговых доходов по дополнительным нормативам отчислений) в общем объеме собственных доходов бюджетов муниципальных образований (без учета субвенций) выше среднего показателя по Тульской области, равного 63,6% (Алексин — 88,1%, Ефремов — 75,5%, Новомосковск — 80,0%, Славный — 70,4%, Тула — 90,6%, Щекинский район — 82,7%).

Рейтинговым агентством «РИА Рейтинг» был составлен ежегодный рейтинг российских регионов по качеству жизни за 2017 г., в сравнении с 2016 г. При составлении рейтинга учитывались 72 различных показателя, собранных в 11 тематических групп, которые характеризуют качество жизни в субъектах РФ: уровень доходов, занятость, жилищные условия,

[1] Тульская область в цифрах 2017. Краткий статистический сборник // Федеральная служба государственной статистики, Туластат. Тула, 2018.

безопасность проживания, уровень экономического развития, обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, демографическая ситуация и др. В материалах рейтинга использовались данные из официальных источников: Росстата, Минфина России, Минздрава России, Центробанка РФ и др. Следует отметить, что в данном рейтинге было зафиксировано существенное улучшение показателей Тульской области, которая сумела перебраться с 23-го на 17-е место (табл. 29).

Таблица 29

Рейтинг российских регионов по качеству жизни-2017

Субъект РФ	Балл в рейтинге 2017 г.	Позиция в рейтинге 2017 г.	Позиция в рейтинге 2016 г.
Тульская область	53,20	17	23
Владимирская область	47,34	32	34
Пермский край	45,26	44	41

Источник: Рейтинг российских регионов по качеству жизни. URL: http://www. riarating.ru/ (дата обращения: 08.10.2018).

Владимирская область, находящаяся несколько ниже по уровню, также незначительно улучшила свои результаты на две позиции. Пермский край, наоборот, ухудшил свои показатели, опустившись на три позиции вниз по сравнению с 2016 г.

Проанализируем динамику основных индикаторов уровня жизни населения в рассматриваемых нами субъектах Российской Федерации в сравнении с малыми городами.

Одним из индикаторов достойного труда, рекомендуемых Международной организацией труда (МОТ)[1] из перечня показателей, является неравенство в распределении доходов — коэффициент фондов (децильный коэффициент). В Российской Федерации данный показатель очень высокий на протяжении целого ряда лет, что негативно отражается на социальной напряженности в стране, представляя угрозу общественной стабильности.

В этой связи особый интерес представляют вопросы изучения динамики децильного коэффициента фондов, подтверждающего дифференциацию населения России по доходам, а также особенности решения данной проблемы в рассматриваемых нами российских регионах (см. табл. 30). Вместе с тем, по мнению ряда независимых экспертов, данные Федераль-

[1] Международная организация труда: официальный сайт. URL: http://www.ilo.org/moscow/lang--en/index.htm

ной службы государственной статистики, касающиеся величины децильного коэффициента, являются существенно заниженными[1].

Таблица 30

Динамика дифференциации доходов населения во Владимирской, Тульской областях и Пермском крае в сравнении с данными по России в целом (децильный коэффициент фондов) (раз)

Субъект РФ	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
РФ*	16,7	16,6	16,6	16,6	16,2	16,4	16,3	16,0	15,7	15,5	15,3*
Владимирская область	9,5	10,3	10,4	11,1	11,1	11,8	12,0	11,4	10,9	10,4	10,6*
Тульская область	10,0	11,2	11,5	11,9	12,0	12,9	12,7	12,2	11,5	11,5	11,5*
Пермский край	18,5	18,2	18,0	17,8	17,3	17,5	17,7	17,3	17,0	15,5	15,0*

* Предварительные данные.

Источник: Социально-экономические показатели — 2015, 2016 годы. Регионы России // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/

Исходя из данных, представленных в табл. 30, можно сделать вывод, что такая высокая дифференциация в распределении доходов граждан на протяжении последнего десятилетия является одной из существенных проблем современного российского общества, поскольку величину децильного коэффициента, равную 10, принято считать критическим уровнем, а показатели по Российской Федерации превосходят этот критический уровень более чем в полтора раза. Однако следует учитывать, что социально-экономическая дифференциация присуща всем без исключения странам с большим числом регионов, где доходы населения и уровень экономического развития отличаются друг от друга в разы, и полностью преодолеть разницу в уровне их социально-экономического развития невозможно. Вместе с тем стремиться к снижению степени социального расслоения общества необходимо.

Анализ динамики дифференциации доходов в представленных субъектах РФ свидетельствует о более низком уровне коэффициента фондов во Владимирской и Тульской областях за весь период с 2007 по 2017 г., по сравнению с показателями коэффициента фондов по Российской Федерации в целом. Тем не менее начиная с 2007 г. в данных субъектах РФ на-

[1] *Зубаревич Н. В.* Неравенство доходов населения: пространственная проекция // Pro et contra. Журнал российской внутренней и внешней политики. 2013. № 6 (61). Ноябрь-декабрь.

блюдалась устойчивая тенденция незначительного роста данного показателя вплоть до 2013 г. включительно по Владимирской области и до 2012 г. — по Тульской области. Затем последовало некоторое снижение данного коэффициента, которое продолжается в течение последних 3–4 лет. Что касается Пермского края, то следует отметить более высокие цифры коэффициента фондов по сравнению с данными по России в целом, что, на наш взгляд, объясняется тем, что Пермский край является более стабильным промышленным регионом с высокой покупательной способностью. Тенденция роста данного показателя в Пермском крае была менее выражена по сравнению с Владимирской и Тульской областями и продолжалась всего три года, после чего началось незначительное снижение, вплоть до 2017 г. включительно. Тем не менее, несмотря на некоторое улучшение ситуации в последние годы, в целом кардинальных изменений в динамике не последовало, и снижение коэффициента продолжается очень медленными темпами.

Изучение уровня оплаты труда и его дифференциации является одним из наиболее важных вопросов, поскольку заработная плата нередко выступает основным, а иногда и единственным источником дохода малоимущих граждан (табл. 31).

Таблица 31

Динамика основных индикаторов уровня жизни населения Пермского края, Владимирской и Тульской областей

Показатели	2013	2014	2015	2016	2017
Пермский край					
Номинальная начисленная заработная плата, руб.	24 715,5	27 102,3	28 527,9	30 651,2	32 438,1*
ПМ в среднем на душу населения, руб.	7199	8096	9510	9591	9978
Соотношение номинальной начисленной заработной платы с величиной ПМ в среднем на душу населения, %	343,3	334,8	299,9	319,6	325,1
Региональный МРОТ, руб.	5205,0	5554,0	5965,0	10 251	10 804
Соотношение номинальной начисленной заработной платы с региональным МРОТ, %	474,9	488,0	428,0	299,0	300,2
Владимирская область					
Номинальная начисленная заработная плата, руб.	20 927	22 581	23 871	25 134,7	26 974,9

Окончание табл. 31

Показатели	2013	2014	2015	2016	2017
ПМ в среднем на душу населения, руб.	6920	7770	9344	9269	9467
Соотношение номинальной начисленной заработной платы с ПМ в среднем на душу населения, %	279,0	267,8	235,5	249,9	262,0
Региональный МРОТ, руб.	5205,0	5554,0	5965,0	7500	7800
Соотношение номинальной начисленной заработной платы с региональным МРОТ, %	402,0	406,6	400,2	335,1	345,8
Тульская область					
Номинальная начисленная заработная плата, руб.	23 030,0	25 872,6	27 554,5	29 401,5	31 636,9
Региональный МРОТ, руб.	5205,0	5554,0	5965,0	6204,0 по 30.06. 7500,0 — с 01.07.	7800
Соотношение номинальной начисленной заработной платы с региональным МРОТ, %	442,5	465,8	461,9	473,9 по 30.06. 392,0 — с 01.07.	405,6
Прожиточный минимум в среднем на душу населения, руб.	6528	7368	8949	9129	9303
Соотношение номинальной начисленной заработной платы с ПМ в среднем на душу населения, %	318,0	317,1	297,9	322,1	340,1

* По данным оперативной отчетности.

Источник: Социально-экономические показатели — 2016 год. Срочная информация по актуальным вопросам. Регионы России // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/

Анализ динамики среднемесячной номинальной начисленной заработной платы за последние пять лет показывает, что во всех трех регионах отмечается устойчивый рост данного показателя. Тем не менее темпы роста реальной заработной платы населения этих регионов оказались недостаточными в связи с инфляционными процессами в стране, вызванными кризисными явлениями в экономике.

Реальное содержание денежных доходов населения выбранных нами субъектов РФ отражает их соотношение с величиной прожиточного минимума (ПМ). Соотношение номинальной начисленной заработной платы

с прожиточным минимумом в среднем на душу населения в Пермском крае в период с 2013 по 2017 г. в целом снизилось незначительно с 3,43 до 3,25 раза, достигнув своего минимума в 2015 г. — чуть менее 3 раз. Во Владимирской области также произошло снижение данного показателя с 2,79 до 2,62 раза. При этом во Владимирской области самый низкий уровень номинальной начисленной заработной платы среди представленных регионов. В отличие от Пермского края и Владимирской области, в Тульской области данное соотношение выросло, но тоже крайне незначительно с 3,18 до 3,4 раза. Наряду с этим необходимо отметить заметную внутрирегиональную дифференциацию номинальной заработной платы (табл. 32).

Например, во Владимирской области, несмотря на устойчивую динамику роста среднемесячной номинальной заработной платы, отмечаются значительные колебания данного показателя в 2015 г. от 17,9 тыс. руб. до 24,4 тыс. руб. по муниципальным образованиям. В Меленковском и Муромском муниципальных образованиях среднемесячная номинальная начисленная заработная плата не достигает среднего размера по Владимирской области. Аналогичная ситуация складывается и в Тульской области, и в Пермском крае.

Таблица 32

Дифференциация заработной платы в малых городах Владимирской области

Показатели	2011	2012	2013	2014	2015
Владимирская область					
Город Камешково (722 12 чел.)					
Номинальная начисленная заработная плата, руб.	12 818,1	15 508,9	18 300,7	22 601,4	24 357,9
Соотношение с региональным МРОТ, %	296,0	358,1	351,6	406,9	408,3
Муромский муниципальный район (031 16 чел.)					
Номинальная начисленная заработная плата, руб.	10 978,3	12 197,8	14 604,1	17 012,9	17 926,4
Соотношение с региональным МРОТ, %	253,5	281,7	280,6	306,3	300,5
Меленковский муниципальный район (677 33 чел.)					
Номинальная начисленная заработная плата, руб.	12 582,9	14 894,4	17 002,4	18 585,5	19 795,0
Соотношение с региональным МРОТ, %	290,6	344,0	326,7	334,6	331,9
Пермский край					
Чердынский муниципальный район (22 393 чел.)					
Номинальная начисленная заработная плата, руб.			20 312,3	21 454,7	22 770,6

Окончание табл. 32

Показатели	2011	2012	2013	2014	2015
Соотношение с региональным МРОТ, %			390,2	386,3	381,7
Александровский муниципальный район (353 29 чел.)					
Номинальная начисленная заработная плата, руб.	18 781,2	19 313,5	20 622,6	21 746,1	22 622,9
Соотношение с региональным МРОТ, %	407,3	418,9	396,2	391,5	379,3
Город Кудымкар (739 30 чел.)					
Номинальная начисленная заработная плата, руб.	16 286,7	19 524,0	22 888,8	25 209,8	25 253,6
Соотношение с региональным МРОТ, %	353,2	423,4	428,2	453,9	423,4
Тульская область					
Город Венев (**14 198 чел.**)					
Номинальная начисленная заработная плата, руб.			20 354,4	24 200,7	25 652,1
Соотношение с региональным МРОТ, %			391,1	435,7	429,6
Город Белев (13 448 чел.)					
Номинальная начисленная заработная плата, руб.			17845,0	20745,0	21896,6
Соотношение с региональным МРОТ, %			342,8	373,5	367,1
Одоевский муниципальный район					
Номинальная начисленная заработная плата, руб.			16 346,1	19 224,2	20 127,5
Соотношение с региональным МРОТ, %			314,0	346,1	337,4

Источник: Социально-экономические показатели — 2016 год. Срочная информация по актуальным вопросам. Регионы России // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/

В отличие от крупных городов, таких как Владимир, Тула и Пермь, где показатели величины номинальной начисленной заработной платы почти в полтора раза превышают средние значения по региону[1], соотношение номинальной начисленной заработной платы и регионального МРОТ в малых городах и районных центрах является сопоставимым с аналогичным показателем по субъекту РФ в целом, здесь нет значительного контраста. Тем не менее дифференциация показателя присутствует во всех трех субъектах РФ.

[1] Социально-экономические показатели — 2016 год. Срочная информация по актуальным вопросам Регионы России // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/

Таблица 33

Динамика среднедушевых денежных доходов населения во Владимирской, Тульской областях и Пермском крае (руб.)

	2013	2014	2015	2016	2017
Российская Федерация	25 928,2	27 766,6	30 466,6	30 747,0	31 477,4*
Центральный ФО	33 466,6	34 970,0	38 767,0	39 371,0	40 594,0*
Владимирская область	18 796,4	20 569,3	23 729,23	22 865,8	24 002,5*
Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с ПМ, %	271,6	264,7	254,0	246,7	253,5
Тульская область	20 903,1	23 040,0	26 289,90	27 432,4	27 853,3*
Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с ПМ, %	320,2	312,7	293,7	300,5	299,4
Приволжский ФО	21 863,9	24 020	26 287	25 708	25 971*
Пермский край	26 054,3	28 315,5	32 042,6	28 404,9	28 822,7*
Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с ПМ, %	361,9	349,8	337,0	297,0	289,0

* Предварительные данные.

Источник: Среднедушевые денежные доходы населения по Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/ (дата обращения: 14.05.2018).

Анализ динамики среднедушевых денежных доходов населения (табл. 33) показывает, что наибольшие денежные доходы на душу населения отмечаются в Центральном федеральном округе, занимающем первое место по величине среднедушевых денежных доходов населения среди федеральных округов РФ. Это федеральный округ с самой высокой стоимостью жизни.

Следует отметить, что Владимирская область имеет достаточно низкие показатели величины среднедушевых денежных доходов населения. В Тульской области показатели среднедушевых денежных доходов населения несколько выше. По состоянию на 2017 г., Приволжский федеральный округ находится на 6-м месте среди федеральных округов Российской Федерации по данному показателю. Пермский край, входящий в него, имеет более высокую величину среднедушевых денежных до-

ходов населения по сравнению со средними показателями Приволжского федерального округа, а также существенно превосходит среднедушевые показатели Владимирской и Тульской областей[1]. Это объясняется тем, что Пермский край является более стабильным промышленным регионом с высокой покупательной способностью населения.

Необходимо подчеркнуть, что меры социальной защиты и социальной поддержки населения прежде всего направлены на повышение уровня жизни малообеспеченных слоев и нетрудоспособных членов общества. По сравнению со средним размером начисленной заработной платы в период с 2013 по 2017 г. средний размер пенсии составлял немногим более 30%. В 2015 г. он был на уровне 35,3%, т.е. заметного роста данного соотношения за весь означенный период времени практически не произошло (см. табл. 34).

Таблица 34

Динамика среднего размера пенсий во Владимирской, Тульской областях и Пермском крае (руб.). Реальный размер назначенных пенсий (%)

Субъекты РФ	2013	2014	2015	2016	2017
Российская Федерация	9153,6 103,3%	10029,7 103,3%	10 888,7 97,5%	12 080,9 101,1%	13 304,0 103,6%
Владимирская область	9874,2 102,3%	10 685,6 95,5%	11 870,9 103,3%	17 207,2* 12207,2 138,3%* 98,1%	13 093,2 74,6%* 105,1%
Тульская область	9803,9 102,4%	10 688,3 97,0%	11 874,8 98,4%	17 247,8* 138,0%	13 152,7 105,1%
Пермский край	9882,0 103,7%	10 744,9 98,5%	11 942,2 101,0%	17 323,1* 139,0%	13 250,3 75,3%

* С учетом единой выплаты (ЕВ) — 5000 руб.

Источник: Социально-экономические показатели — 2017, 2018 годы. Регионы России // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/

Анализируя данные о среднем размере пенсий во Владимирской, Тульской областях и Пермском крае в период с 2013 по 2017 г., можно сделать вывод, что его динамика имела устойчивый рост на протяжении всего означенного периода времени, но недостаточный, так как в условиях сохраняющейся инфляции реальный уровень пенсионного обеспечения не отвечает современным требованиям. Все три субъекта Российской Федерации имеют приблизительно одинаковый уровень средних размеров пенсион-

[1] Социально-экономические показатели — 2017, 2018 годы. Регионы России // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/

ного обеспечения населения, который находится чуть выше уровня средних размеров по Российской Федерации в целом. В соответствии с законодательством минимальный уровень пенсионного обеспечения граждан устанавливается не ниже регионального прожиточного минимума для пенсионеров. Причем в случае, если размер пенсии в совокупности с другими выплатами у неработающего пенсионера будет ниже величины прожиточного минимума в регионе, ему устанавливается социальная доплата к пенсии. Институт прожиточного минимума был установлен Правительством РФ в качестве критерия бедности населения[1]. Граждане РФ, получающие доход ниже этой величины в субъекте РФ, признаются малоимущими людьми, живущими за чертой бедности, и имеют право на получение государственной социальной помощи.

Таблица 35

Динамика численности населения в регионах с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (в % от общей численности)

Годы	Российская Федерация	Владимирская область	Тульская область	Пермский край
2007	13,3	23,1	14,5	13,5
2008	13,4	19,9	13,1	14,0
2009	13,0	19,5	12,5	14,2
2010	12,5	17,3	11,0	13,2
2011	12,7	17,5	10,9	14,4
2012	10,7	15,0	9,5	12,2
2013	10,8	13,5	9,7	11,4
2014	11,2	13,5	9,8	12,0
2015	13,3	14,1	10,6	12,6
2016	13,3	14,3	10,0	14,9
2017	13,2*	13,6*	10,0*	15,1*

* Предварительные данные.

Источник: Социально-экономические показатели — 2017, 2018 годы. Регионы России // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/

На основании анализа динамики численности населения с доходами ниже величины прожиточного минимума (табл. 35) можно сделать вывод, что в целом по Российской Федерации за истекший 10-летний период не произошло существенного снижения общей численности насе-

[1] Уровень и профиль бедности в России: от 1990-х годов до наших дней. М.: НИУ ВШЭ, 2014.

ления с доходами ниже величины прожиточного минимума. Численность малоимущего населения в Российской Федерации оставалась практически без изменения, за исключением 2012 и 2013 гг., когда величина данного показателя снизилась почти на 20% и составила 10,7 и 10,8% соответственно.

Во Владимирской области, где данный показатель в 2007 г. был выше по сравнению с другими регионами почти в полтора раза, снижение численности малоимущего населения произошло с 23,1 до 13,6%, т.е. практически на 40%.

По Тульской области снижение численности малоимущего населения составило около 30% — с 14,5 до 10,0%. Минимальная численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в Тульской области была также в 2012 –2013 гг.

В Пермском крае все эти годы происходило незначительное снижение данного показателя, но начиная с 2016 г. произошло его повышение, которое привело к увеличению численности малоимущего населения по итогу за весь период времени. Экономическая нестабильность последних лет повлекла рост численности малоимущего населения в Пермском крае, что не могло не сказаться на снижении уровня жизни граждан.

Социально-экономические возможности муниципальных образований находятся в тесной зависимости от бюджетной обеспеченности регионов. В этой связи необходимо отметить, что в Российской Федерации разрыв между субъектами РФ по уровню собственной бюджетной обеспеченности является крайне высоким (в 2014 г. он составлял 15,3 раза). Максимальный уровень бюджетной обеспеченности регионов до распределения дотаций из федерального бюджета в расчете на одного жителя был зафиксирован в Москве и составлял 2,585, а минимальный уровень — в Республике Ингушетия — 0,169[1].

На 2017 г. критерий выравнивания бюджетной обеспеченности муниципальных районов и городских округов Владимирской области составлял 8856 руб. на одного жителя, т.е. с ростом 108% к уровню 2016 г. Минимальный уровень бюджетной обеспеченности городских поселений — 3706 руб. на одного жителя с ростом 110% к уровню 2016 г., сельских поселений — 3076 руб. на одного жителя с ростом 110% к уровню 2016 г.

Несмотря на сложность данной проблемы, в субъектах идет работа по выравниванию бюджетов муниципальных образований, в частности в Тульской области в Закон «О межбюджетных отношениях между органами государственной власти Тульской области и органами местного са-

[1] Срочная информация по актуальным вопросам // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/

моуправления муниципальных образований Тульской области»[1] были внесены изменения, устанавливающие единый норматив отчислений от налога на имущество организаций бюджетам городских округов в размере 5%. Данное решение позволяет создать условия для повышения доходной части и выравнивания бюджетов муниципальных образований, а также создать стимулы для городских округов в работе с имущественным комплексом. Кроме этого, внесены изменения в закон Тульской области по расчету и предоставлению дотаций, эти изменения касаются распределения дотации из бюджета муниципального района, сформированной за счет субвенций из бюджета области, что позволит существенно сократить разрыв между наиболее и наименее обеспеченными муниципальными образованиями. В итоге в Тульской области практически отсутствуют муниципальные образования, в которых дефицит бюджета и предельный объем муниципального долга превышают уровень, установленный бюджетным законодательством, а разрыв в уровне бюджетной обеспеченности между пятью наиболее и пятью наименее обеспеченными муниципальными образованиями в 2017 г. составляет 1,7 раза (до выравнивания разрыв составлял 5,1 раза)[2].

Основными показателями потребительского поведения населения являются показатели структуры потребительских расходов. В структуре потребительских расходов наиболее важные экономические показатели — расходы на покупку продуктов питания. Чем больше денежных средств тратится на покупку продуктов питания в структуре потребительских расходов, тем ниже уровень жизни населения, и наоборот.

Следует подчеркнуть, что в странах с развитой рыночной экономикой на современном этапе существенно изменились структура и уровень потребления, что позволило им повысить свой человеческий капитал для перехода к высокоэффективному производству.

Так, в большинстве развитых стран мира доля расходов на питание составляет в среднем 10–15% (Люксембург — 8,6%, Нидерланды — 10,0%, Великобритания — 11,0%, Дания 11,5%, Австрия, Норвегия, Швейцария — 11,8%) всех потребительских расходов[3]. Российская Федерация в 2016 г. с показателем доли расходов на продукты питания 32% находилась на 32-м месте рейтинга, в котором участвовало 40 европейских государств.

---

[1] Об утверждении плана мероприятий по повышению мобильности граждан Российской Федерации на 2014–2018 гг.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.04.2014 № 663-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 18 (часть IV). Ст. 2262.

[2] Тульская область в цифрах 2017. Краткий статистический сборник // Федеральная служба государственной статистики, Туластат. Тула. 2018.

[3] Рейтинг стран Европы по доле расходов семей на продукты питания. РИА Рейтинг. 2016.

По сравнению с аналогичным рейтингом 2014 г. наша страна ухудшила свой результат, опустившись на три позиции с 29-го места.

В табл. 36 показана доля продуктов питания в структуре потребительских расходов домашних хозяйств по Российской Федерации в целом в сравнении с Владимирской, Тульской областями и Пермским краем, представленная Росстатом. Из нее видно, что структура потребительских расходов домашних хозяйств Российской Федерации в целом и выбранных нами регионов свидетельствует о наличии высокой доли расходов на продукты питания. Она почти в четыре раза превышает уровень развитых европейских стран, что говорит о достаточно низком уровне жизни граждан в данных субъектах Российской Федерации. Следует отметить, что доля затрат на продукты питания в разрезе субъектов РФ в немалой степени зависит от уровня благосостояния региона, а также от уровня цен на продукты питания и исторически сложившихся традиций быта в том или ином регионе.

Таблица 36

Доля продуктов питания в структуре потребительских расходов домашних хозяйств (%)

	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Российская Федерация	36,1	32,9	32,6	31,4	31,2	31,9	35,3	35,5
Владимирская область	46,2	36,6	35,3	36,0	36,2	36,6	38,1	38,0
Тульская область	48,2	40,6	38,2	39,1	34,7	34,1	38,8	36,3
Пермский край	31,4	31,2	29,0	29,2	30,7	30,8	34,4	34,7

Источник: Социально-экономические показатели — 2016, 2017 годы. Срочная информация по актуальным вопросам. Регионы России // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/

По данным Пермьстата, потребление основных продуктов питания Пермского края за 2017 г. не соответствует медицинским нормам. Жители края чрезмерно потребляют такие продукты, как яйца и хлеб, и недостаточно активно — фрукты, мясо и молоко. Согласно статистике Пермьстата, потребность населения края в основных продуктах питания удовлетворяется как за счет собственного производства, так и за счет ввоза с других территорий. Ежегодно на среднестатистического жителя Пермского края приходится 63 кг мясопродуктов (86,3% от рекомендуемых норм), 230 кг молока и молочных продуктов (70,8% от нормы), 61 кг картофеля (67,8% от нормы) и 101 кг овощей (72,1%). Фруктов потребляется всего 56 кг на человека в год, что составляет 56% от рекомендуемых медицинских норм.

В то же время жители Пермского края потребляют 269 кг яиц (103,5% от нормы), хлеба и хлебопродуктов — 115 кг в год (119,8% от нормы). Следовательно, потребление яиц, хлеба и продуктов переработки зерна в Пермском крае превышает рациональную норму потребления.

Увеличение потребительского спроса населения является одним из главных факторов роста российской экономики, однако в 2015 г. на фоне усугубления макроэкономических проблем потребительский спрос снизился, перестав быть стимулятором экономического роста. В результате повышения уровня инфляции и девальвации рубля в стране произошло обесценение заработных плат и пенсий российских граждан, рост безработицы, которые продолжились и в 2016 г. По данным Агентства Bloomberg[1], приводящего статистические данные Центробанка за сентябрь 2016 г., в России происходило падение розничных продаж, а также доходов населения на уровне 7% в ежегодном исчислении.

Индекс физического объема оборотов розничной торговли сократился в большинстве регионов РФ. Этот процесс затронул Тульскую (93,8%) и Владимирскую (89,1%) области, но в большей степени — Пермский край (86,7%). Что является косвенным свидетельством снижения уровня жизни населения.

В 2017 г. ситуация изменилась. При продолжающемся падении доходов населения, потребление стало возрастать, что было связано, на наш взгляд, преимущественно с банковским кредитованием, поскольку задолженность граждан по банковским кредитам в 2017 г. выросла на 1,01 трлн руб., в том числе по потребительским кредитам — на 0,56 трлн руб.[2].

Существенным социально-экономическим фактором является занятость населения, поскольку доходы в первую очередь формируются за счет заработной платы. В настоящее время решение всех вопросов по обеспечению занятости и по снижению напряженности на рынке труда малых городов легло на российские регионы и их бюджеты. Мероприятия по поддержанию рынка труда малых городов, организуемые органами службы занятости, на наш взгляд, способствуют некоторому снижению безработицы и сдерживанию социальной напряженности, но в большинстве своем носят временный, эпизодический характер и не могут постоянно поддерживать занятость населения. Для сохранения и развития трудового потенциала необходимо создание постоянных рабочих мест, в том

---

[1] Средний класс в России жив и неплохо себя чувствует // Народный общественно-политический интернет-журнал PolitRussia. URL: http://politrussia.com/society/srednyi-klass-v-837/

[2] Долги россиян перед банками превысили 12 трлн рублей // Ведомости от 31.01.2018. URL: vedomosti.ru›finance/articles/2018/01/31...12-trln

числе за счет использования возможностей, заложенных в программах социально-экономического развития как субъектов, так и муниципальных образований.

Определенную положительную роль в деле повышения занятости населения сыграли временные и общественные работы как форма поддержки занятости населения, несмотря на то что они фактически являются одной из форм скрытой безработицы[1]. В данном случае речь идет не только о тех, кто не состоит на учете в службах занятости, но и о тех, кто работает неполный рабочий день или находится в отпуске без сохранения содержания, что является серьезной проблемой, так как снижается фактический уровень безработицы. Так, по данным Росстата, во втором квартале 2018 г. насчитывалось 972 тыс. человек — скрытые безработные, из них:

— в простое — 142,6 тыс. человек;
— на неполном рабочем времени по инициативе работодателя — 52,6 тыс. человек;
— по соглашению с работодателем, т.е. в отпуске без сохранения содержания — 778 тыс. человек[2].

Вместе с тем, на наш взгляд, использование населения городов на общественных работах, направленных на предотвращение безработицы путем сохранения неэффективных рабочих мест низкой квалификации, низкого качества и с оплатой труда на уровне прожиточного минимума, приводит к тому, что в депрессивных регионах фактически воспроизводится следующее поколение людей с крайне низким уровнем запросов, т.е. происходит процесс деградации человеческого капитала. Сохранение рабочих мест такого уровня является значительным тормозом повышения эффективности российской экономики и способствует росту социальной напряженности в регионах.

Например, в органах занятости населения Тульской области на 01.01.2017 в качестве ищущих работу зарегистрированы 6,6 тыс. человек, из них безработных — 5,9 тыс. человек (на 01.12.2016 безработных было — 5,5 тыс. человек)[3].

Уровень регистрируемой безработицы по области на 01.01.2017 составил 0,73% от численности экономически активного населения. Наименьший уровень безработицы на 01.01.2017 зарегистрирован в городском округе Тула — 0,44%, Дубенском районе — 0,5%, Щекинском районе — 0,56%. Самый высокий уровень безработицы отмечен в Каменском рай-

---

[1] *Зубаревич Н. В.* Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М., 2010.

[2] Газета «Версия» 14.10.2018. № 39 (664).

[3] Тульская область в цифрах 2017. Краткий статистический сборник // Федеральная служба государственной статистики, Туластат. Тула. 2018.

оне — 2,9%, Тепло-Огаревском районе — 1,77%, Арсеньевском районе — 1,83%, Ефремовском районе — 1,78%.

По Владимирской области уровень безработицы на сегодняшний день составляет 1,1%. В то же время по ряду муниципальных районов он значительно выше. Так, в Селивановском районе — 2,5%, Гороховецком и Судогодском — 2,2%, Камешковском — 2,1%, г. Радужный — 2%, Киржачском и Меленковском районах — 1,8%, в Юрьев-Польском районе — 1,6%. Кроме этого, коэффициент напряженности, т.е. соотношение незанятых и вакансий, в Вязниковском и Селивановском районах (он равен — 2) почти в три раза выше среднего коэффициента по Владимирской области (0,7)[1].

Однако данные территориальных органов Федеральной службы государственной статистики не в полной мере отражают реальную ситуацию на рынке труда, поскольку оценка ведется на основании соотношения численности трудоспособного населения к численности тех, кто встал на учет и получил статус безработного. В то время как оценка уровня безработицы по методике Международной организации труда предполагает проведение анонимных опросов.

Проблема занятости, чрезвычайно остро обозначившаяся в малых и моногородах, обусловила необходимость особого внимания к проблеме регулирования трудовых ресурсов. Стратегическое планирование занятости трудовых ресурсов — одно из ключевых направлений политики не только поддержки жителей проблемных городов, но и региональной политики страны в целом.

В малых и моногородах рынок труда практически отсутствует, и трудоспособные жители ограничены в выборе места работы в своем городе. В этой ситуации важным фактором становится уровень мобильности населения, хотя она имеет двоякий характер. В частности, по данным Росстата, за последние годы удаленные и экологически неблагополучные малые индустриальные города покинул каждый 16-й взрослый житель, а с другой стороны, по различным данным, доля неготового к переезду населения крайне высока и колеблется от 30 до 40%. Наряду с этим следует отметить, что изменился характер миграции, ее поток в основном идет не из сел в города, а из малых городов в крупные[2].

Результаты оценки объективных статистических показателей уровня жизни населения в рассмотренных выше регионах за десятилетний период

---

[1] Владимирская область в цифрах 2017. Краткий статистический сборник // Федеральная служба государственной статистики, Владимирстат. Владимир, 2018.

[2] *Сулягина Ю. О.* Приоритеты государственной политики в сфере трудовой миграции на современном этапе развития России // Социальная политика и социология. 2013. № 3–1. С. 127–137.

показывают, что дифференциация в доходах населения несколько сократилась благодаря масштабной перераспределительной политике государства.

Наряду с этим отмечается заметная внутрирегиональная дифференциация номинальной заработной платы. Несмотря на устойчивую динамику роста данного показателя во Владимирской области, Тульской области и Пермском крае, сохраняются его значительные колебания.

Показатель соотношения номинальной заработной платы к региональному МРОТ в крупных городах, как показал анализ тех изученных регионов, более чем в полтора раза превышает аналогичный показатель малых городов и районных центров. В то же время в отличие от крупных городов соотношение номинальной начисленной заработной платы и регионального МРОТ в малых городах и районных центрах является более сопоставимым с аналогичным показателем по субъекту РФ в целом. Дифференциация показателя присутствует во всех трех субъектах РФ, но уровень ее значительно ниже.

Структура потребительских расходов домашних хозяйств исследуемых нами регионов свидетельствует о наличии высокой доли расходов на продукты питания, практически более чем в четыре раза превышающей уровень развитых стран Европы, что говорит о достаточно низком уровне жизни граждан в этих субъектах Российской Федерации.

Средний размер пенсий в 2013–2017 гг., как показывают результаты исследования, остается на достаточно низком уровне по сравнению со средним размером начисленной заработной платы, составляя немногим более 30%. Заметного роста данного соотношения за весь означенный период времени практически не произошло ни в одном из трех субъектов Российской Федерации.

На основании результатов исследования, представленных в данной главе, мы можем сформулировать ряд выводов, направленных на совершенствование политики государства с целью повышения уровня жизни как на уровне субъектов Российской Федерации, так и на уровне муниципальных образований. От успешного решения данной задачи зависит в первую очередь социальная и экономическая стабильность страны в целом.

Во-первых, выдвигается задача перехода к устойчивому развитию, сокращение дифференциации регионов и в этой связи совершенствование бюджетно-налоговой политики государства, использующего функцию перераспределения ресурсов и доходов для снижения уровня дифференциации, а также снижения бедности населения.

Во-вторых, наиболее актуальным для повышения уровня жизни в малых городах является формирование их внутреннего экономического пространства, создание условий для привлечения инвестиций и развития малого предпринимательства, несмотря на ряд чрезвычайно сложных

и острых проблем, лежащих за пределами влияния этих муниципальных образований, имеющих значительный потенциал для самостоятельных действий.

В-третьих, с целью более активного вовлечения в решение проблемы занятости в малых городах и районных центрах, особенно молодежи, необходимо направить усилия на формирование в них новой экономической и интеллектуальной среды.

В-четвертых, необходимо усиление принципа адресности на уровне местного самоуправления при предоставлении мер социальной поддержки отдельным малообеспеченным категориям граждан с целью повышения их социальной защищенности.

Решение задачи повышения уровня жизни на региональном и муниципальном уровнях носит системный характер и в первую очередь зависит от формирования механизмов поддержки этих территорий на федеральном уровне, включая методологическое сопровождение и развитие институтов.

ГЛАВА 2.4
ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ

После вступления в силу Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[1] в РФ появилось значительное количество небольших поселений, в том числе малых городов, неспособных из-за отсутствия соответствующих финансовых средств решать закрепленные за ними вопросы местного значения. Всего к вопросам местного значения было отнесено 39 позиций (на конец 2016 г.). Невольно возникает вопрос: может быть, тот объем расходных полномочий, который в настоящее время вменяется малым городам, является непосильным для их бюджетов и нуждается в пересмотре?

Чтобы вывести экономику малых городов из продолжительного застоя, требуется поиск драйверов, которые стали бы основой подъема и долгосрочного бездотационного развития данных муниципальных образований. С нашей точки зрения, такими драйверами являются, в частности, резкое повышение финансово-бюджетной обеспеченности и более эффективное управление муниципальной собственностью малых городов.

Устойчивое социально-экономическое развитие малых городов возможно лишь в том случае, если их бюджетные полномочия будут подкреплены полноценной финансовой поддержкой не только со стороны федерального Центра и субъектов РФ, но и за счет собственных ресурсов. О необходимости быстрого наращивания собственного экономического потенциала муниципальных образований говорится и в Указе Президента РФ В. В. Путина, определяющем государственную политику регионального развития нашей страны до 2025 г.

Финансово-бюджетная обеспеченность малых городов

Экономическую основу собственной финансово-бюджетной обеспеченности местного самоуправления в России составляют средства мест-

---

[1] Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Справочная правовая система]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 20.05.2017).

ных бюджетов, находящееся в муниципальной собственности имущество, а также имущественные права муниципальных образований. В соответствии с бюджетным законодательством местный (муниципальный) бюджет малого города формируется за счет:

— собственных местных налогов (налога на имущество физических лиц, земельного налога), торгового сбора, а также поступлений от реализации (использования) муниципального имущества и различных неналоговых доходов;
— отчислений от регулирующих региональных и федеральных налоговых доходов (налога на прибыль, налога на доходы физических лиц, НДС и др.),
— федеральных и региональных трансфертов (безвозмездных выплат) в виде дотаций, субсидий, субвенций;
— иных форм финансовой поддержки (частных пожертвований, услуг и т.п.).

Следует обратить внимание, что во многих развитых странах налоги на имущество являются основным источником доходов местных бюджетов: во Франции они формируют 51% доходов, в США — 71%, в Великобритании, Ирландии и Австрии муниципалитеты в полном объеме финансируются за счет имущественных налогов. При этом в большинстве стран налог рассчитывается исходя из рыночной стоимости налогооблагаемого объекта недвижимости.

При существующей в настоящее время в России системе имущественных налогов (налога на имущество физических лиц и земельного налога) их доля в местных (муниципальных) бюджетах составляет около 20%[1]. Поэтому привычным методом формирования бюджетов подавляющего большинства малых городов на протяжении многих лет являются дотации, а также субсидии и субвенции из федерального и региональных бюджетов.

Все малые города в зависимости от их экономического потенциала и возможности формировать бюджет за счет собственных налогов (доходов) и отчислений от регулирующих региональных и федеральных налоговых доходов или заимствовать для этого средства федерального и региональных бюджетов в виде трансфертов можно разделить на следующие типы: города-доноры, самодостаточные города, города-реципиенты, депрессивные города.

---

[1] Например, имущественные налоги составляют 18,8% в доходах бюджета малого города Суворов Суворовского муниципального района Тульской области на 2015 г. и плановый период 2016–2017 гг. См.: Суворовский район: официальный сайт муниципального образования. URL: https://suvorov.tularegion.ru/documents/?SECTION=7251 (дата обращения: 20.06.2017).

Города-доноры — это муниципальные образования, у которых доходы бюджета, формируемые за счет собственных источников, превышают их бюджетные расходы. Отметим, что данное определение дает косвенное представление о достаточно высоком (по российским стандартам) социально-экономическом потенциале города.

Характерная особенность самодостаточных городов — сбалансированность доходной и расходной частей бюджета, достигаемая за счет собственного экономического потенциала и финансовых источников. Основное содержание данного понятия заключается в устойчивом бездотационном социально-экономическом развитии города. Объективным основанием для такого развития следует считать наличие достаточного экономического потенциала и иных факторов (производственных, финансовых, геополитических), связанных с историческими особенностями и традициями малых городов.

Городами-реципиентами являются города, у которых экономический потенциал и собственные доходы не обеспечивают исполнение их расходных бюджетных полномочий. Данное определение характеризует бюджетное положение этих поселений как фактических получателей денежных средств из вышестоящих бюджетов. По расчетам ряда специалистов, в 2015 г. в России около 80–90% малых городов можно было отнести к городам-реципиентам[1].

Понятием *депрессивные города* обозначается стадия развития малых городов, когда на конкретной территории складывается ситуация, которая (по сравнению с предшествующими годами) характеризуется резким спадом производства, потерей малым городом инвестиционной привлекательности, высокой безработицей, снижением уровня жизни населения, выражающемся в существенном отставании доходов от величины прожиточного минимума. По данным уполномоченного по правам человека в РФ Т. Н. Москальковой, в 2016 г. в России население с денежными доходами ниже прожиточного минимума проживало преимущественно в сельской местности (38%) и в малых городах (35,8%)[2].

Косвенным фактором, как правило, сопутствующим депрессивному состоянию, является чрезвычайно сложная демографическая ситуация — высокая смертность и низкая рождаемость населения. Если данное состояние экономики принимает устойчивый характер и сопровождается постоянным ухудшением основных социально-экономических показателей,

[1] Малые города России. Социально-экономическое поведение домохозяйств, ценностные установки и психологическое состояние населения в 1999 г. М.: Московский общественный научный фонд, 2000.

[2] Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год // Российская газета. 17.05.2017. Федеральный выпуск № 7270 (104). URL: https://rg.ru/2017/05/17/doklad-dok.html (дата обращения: 15.06.2017).

то оно переходит в стадию кризиса. На этой стадии малый город уже не может самостоятельно преодолеть тяжелую социально-экономическую ситуацию и нуждается во внешней помощи, в первую очередь со стороны федеральных и региональных органов государственной власти[1].

Рассмотрим более подробно роль собственных имущественных налогов малых городов в формировании их бюджетов. Основу собственных налоговых доходов малых городов составляют налог на имущество физических лиц и земельный налог. В настоящее время налоговое законодательство России содержит две самостоятельные главы, регулирующие данные налоги.

Налогообложение земельных отношений регулируется главой 31 «Земельный налог» Налогового кодекса (НК РФ), а сам налог рассчитывается исходя из кадастровой стоимости земли. Налогоплательщиками в данном случае являются юридические и физические лица, обладающие земельными участками на праве собственности, постоянного (бессрочного) пользования, пожизненного наследуемого владения. Арендаторы земельных участков и лица, имеющие земельные участки на праве безвозмездного срочного пользования, не являются плательщиками земельного налога[2].

В малых городах земельный налог устанавливается на основании положений НК РФ нормативными правовыми актами представительных органов власти этих городов и обязателен к уплате на всей их территории. Предельные ставки земельного налога установлены НК РФ в диапазоне от 0,3 до 1,5% от кадастровой стоимости земельного участка.

НК РФ допускает установление ставок местного земельного налога. Так, решением Собрания депутатов районного центра г. Алексин Тульской области «О земельном налоге» (в ред. от 20.11.2015 № 11)[3] были установлены следующие ставки земельного налога от кадастровой стоимости земельного участка:

— 0,3% в отношении земель сельскохозяйственного назначения или земель в составе зон сельскохозяйственного использования в населенных пунктах и используемых для сельскохозяйственного производства;
— 0,3% в отношении земельных участков, занятых домами индивидуальной жилой застройки или приобретенных (предоставленных) для индивидуального жилищного строительства;

---

[1] *Шерешева М. Ю.*, *Оборин М. С.*, *Костанян А. А.* Особенности оценки качества жизни населения малых городов // Ars administrandi. Искусство управления. 2017. № 2. С. 289–311.

[2] *Сысоев А. П.* Системная модернизация налогообложения имущества физических лиц // Экономика и предпринимательство. 2016. № 7 (72). С. 62–68.

[3] Земельный налог. Алексин 2016 // Налоговая.ру [Сайт]. URL: https://nalogius.ru/tulskaya-oblast/nalog-na-zemlu/2016/aleksin (дата обращения: 20.06.2017).

— 0,3% в отношении земельных участков, приобретенных (предоставленных) для ведения личного подсобного хозяйства, садоводства, дачного хозяйства, огородничества или животноводства;
— 0,3% в отношении земельных участков, занятых объектами инженерной инфраструктуры жилищно-коммунального комплекса;
— 0,7% в отношении земельных участков, занятых административно-управленческими и общественными объектами;
— 1% в отношении земельных участков, расположенных под гаражами;
— 1,5% в отношении прочих земельных участков[1].

Налоговые льготы в виде полного освобождения от уплаты земельного налога в соответствии с федеральным законодательством предоставляются:
— религиозным организациям;
— общероссийским общественным организациям инвалидов;
— организациям народных художественных промыслов;
— физическим лицам, относящимся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ;
— резидентам особых экономических зон;
— собственникам территорий опережающего социально-экономического развития и ряду других субъектов имущественных отношений.

Одним из важных шагов, направленных на модернизацию отечественной системы налогообложения имущества физических лиц, стало принятие Федерального закона от 04.10.2014 № 284 «О внесении изменений в статьи 12 и 85 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и признании утратившим силу Закона Российской Федерации «О налогах на имущество физических лиц»[2]. В соответствии с ним с 1 января 2015 г. в десятый раздел НК РФ была введена новая, 32-я глава «О налогах на имущество физических лиц», заменившая ранее действовавший одноименный Закон РФ от 09.12.1991 № 2003-1.

Налогом на имущество физических лиц облагаются находящиеся в собственности граждан жилые дома, квартиры, комнаты, дачи, гаражи, другие строения, помещения и сооружения. С 2015 г. налоговая база в отношении жилого дома, квартиры и комнаты стала рассчитываться как их кадастровая стоимость, уменьшенная на величину кадастровой

[1] Земельный налог. Алексин 2016 // Налоговая.ру [Сайт]. URL: https://nalogius.ru/tulskaya-oblast/nalog-na-zemlu/2016/aleksin (дата обращения: 20.06.2017).

[2] Федеральный закон от 04.10.2014 № 284 «О внесении изменений в статьи 12 и 85 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и признании утратившим силу Закона Российской Федерации «О налогах на имущество физических лиц» // КонсультантПлюс [Справочная правовая система]. URL: https://giod.consultant.ru/page.aspx?3653312 (дата обращения: 15.06.2017).

стоимости общей площади этих объектов, на 50, 20 и 10 квадратных метров соответственно.

Если имущество, подлежащее налогообложению, находится в общей совместной собственности нескольких физических лиц, то все они несут равную ответственность по исполнению налогового обязательства. При этом плательщиком налога на имущество может быть одно из этих лиц, определяемое по договоренности между данными физическими лицами. В случае нахождения имущества в общей долевой собственности нескольких граждан налогоплательщиком в отношении указанного имущества признается каждый из этих граждан в соответствии с его долей в имуществе[1].

Согласно НК РФ, право на льготы по уплате налога на имущество (вплоть до полного освобождения от его уплаты) имеют 15 категорий физических лиц. Среди них: Герои Советского Союза и Герои РФ; участники Великой Отечественной войны; инвалиды I и II групп; военнослужащие; участники ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС; пенсионеры; физические лица, осуществляющие профессиональную творческую деятельность, и др. Помимо федеральных льгот органам местного самоуправления малых городов и других муниципальных образований предоставляется право устанавливать собственные дополнительные льготы по уплате налога на имущество физических лиц. Данные льготы предоставляются в отношении объекта налогообложения, находящегося в собственности налогоплательщика и не используемого им в предпринимательской деятельности. Физические лица, имеющие право на льготы по налогу на имущество, должны самостоятельно предоставить необходимые документы в соответствующие налоговые органы. Следует обратить внимание, что в случае введения органами местного самоуправления на территории малого города налоговых льгот сверх установленных НК РФ дотации из бюджетов субъектов РФ и муниципальных районов уменьшаются на сумму излишне предоставленных льгот.

Как известно, до 1 января 2015 г. налогооблагаемой базой для исчисления налога на имущество граждан в РФ являлась суммарная инвентаризационная (восстановительная) стоимость, под которой понимается сумма инвентаризационных стоимостей имущества, признаваемого объектом налогообложения и расположенного на территории представительного органа местного самоуправления, устанавливающего ставки по данному налогу. В соответствии с НК РФ данная стоимость может использоваться малыми городами отдельных субъектов РФ для расчета налогооблагаемой базы на имущество наряду с кадастровой стоимостью до 1 января 2020 г.

---

[1] *Сысоев А. П.* Системная модернизация налогообложения имущества физических лиц // Экономика и предпринимательство. 2016. № 7 (72). С. 62–68.

При определении суммарной инвентаризационной стоимости учитывается износ жилой недвижимости, динамика изменения цен на строительную продукцию, работы, услуги и другие составляющие данной стоимости. Таким образом, суммарная инвентаризационная стоимость квартиры, дома, дачи и т.д. зависит от года постройки (амортизации), площади помещения, стоимости строительных материалов и рабочей силы по состоянию на момент оценки и год постройки. Суммарная инвентаризационная стоимость имущества может с годами падать, оставаться неизменной или расти в зависимости от уровня цен, зарплаты, инфляции, спроса и предложения. Однако следует заметить, что в данном вопросе порой складывается довольно парадоксальная ситуация: реальное положение с оценкой жилых объектов исходя из инвентаризационной стоимости (в первую очередь жилой недвижимости в ряде малых городах санаторно-курортных и туристических зон) таково, что их стоимость, несмотря даже на значительный износ, год от года только растет.

С 1 января 2015 г. в соответствии с главой 32 «Налог на имущество физических лиц» НК РФ 28 пилотных регионов России перешли на исчисление налога на имущество исходя из кадастровой стоимости. Среди них: Москва, Московская, Владимирская, Нижегородская, Новосибирская, Самарская области, Забайкальский край, Республики Бурятия, Башкортостан, Татарстан, Ханты-Мансийский автономный округ и другие субъекты РФ. Через год, с 1 января 2016 г., на расчет налога на имущество по кадастровой стоимости перешел еще 21 субъект РФ: Санкт-Петербург, Ленинградская, Воронежская, Калининградская, Омская, Тульская, Челябинская области, Камчатский и Ставропольский края, Чеченская и Чувашская Республики. В 2017 г. стали платить налог на имущество по новой системе жители Краснодарского и Хабаровского краев.

Что касается остальных 34 субъектов РФ, на территории которых пока не определен общий порядок расчета налоговой базы исходя из кадастровой стоимости, налоговой базой для исчисления налога на имущество физических лиц до 1 января 2020 г. может оставаться суммарная инвентаризационная стоимость, исчисленная с учетом коэффициента-дефлятора на основании данных, представленных в налоговые органы[1]. А с 1 января 2020 г. в соответствии с ФЗ № 284[2] определение налоговой базы по налогу на имущество физических лиц на основе суммарной инвен-

[1] *Сысоев А. П.* Системная модернизация налогообложения имущества физических лиц // Экономика и предпринимательство. 2016. № 7 (72). С. 62–68.

[2] Федеральный закон от 04.10.2014 № 284 «О внесении изменений в статьи 12 и 85 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и признании утратившим силу Закона Российской Федерации «О налогах на имущество физических лиц». Ст. 5. П. 3.

таризационной стоимости прекращается, так как все регионы РФ должны будут перейти к этому времени на расчет данной базы на основе кадастровой стоимости.

Межбюджетные трансферты

Значительную часть финансово-бюджетного потенциала малых городов составляют межбюджетные трансферты из бюджетов субъектов РФ. В соответствии с бюджетным законодательством РФ межбюджетные трансферты из бюджетов субъектов РФ бюджетам малых городов могут предоставляться в форме дотаций, субсидий, субвенций, иных межбюджетных трансфертов.

Дотации субъектов РФ на выравнивание бюджетной обеспеченности малых городов предназначаются для повышения финансовых возможностей малых городов по осуществлению органами местного самоуправления полномочий по решению вопросов местного значения, исходя из численности их жителей и (или) бюджетной обеспеченности. Общий объем дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности малых городов вычисляется исходя из необходимости достижения минимального уровня расчетной бюджетной обеспеченности данных городов, который определяется соответствующим субъектом РФ в порядке, установленном Правительством России.

В соответствии с Федеральным законом от 30.12.2008 № 318 в целях расширения стимулов по укреплению доходной базы местных бюджетов с 1 января 2009 г. всем муниципальным образованиям было разрешено устанавливать трансфертозамещающие нормативы отчислений от налога на доходы физических лиц (НДФЛ) взамен дотации, рассчитываемой на душу населения. Данные изменения были внесены в главу 16 «Межбюджетные трансферты» БК РФ.

Таким образом, в соответствии с БК РФ при составлении и утверждении бюджета субъекта РФ по согласованию с представительными органами муниципальных образований дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности малых городов и других муниципальных образований могут быть полностью или частично заменены дополнительными (дифференцированными) нормативами отчислений в бюджеты этих муниципальных образований от НДФЛ.

Порядок расчета и установления заменяющих дотации дополнительных (дифференцированных) нормативов отчислений от налога на доходы физических лиц в бюджеты малых городов утверждается законом субъекта РФ в соответствии с требованиями БК РФ. При этом особое внимание следует обратить на два принципиально важных момента использования института трансфертозамещения, требующих от муниципальных служа-

щих малых городов хорошего знания экономического потенциала своего города и высокого уровня личной ответственности перед его населением.

Во-первых, средства, полученные малым городом по дополнительному (дифференцированному) нормативу отчислений от НДФЛ сверх объема расчетной дотации, изъятию в бюджет субъекта РФ и (или) учету при последующем распределении межбюджетных трансфертов местным бюджетам не подлежат.

Во-вторых, потери бюджета малого города в связи с получением средств по дополнительному (дифференцированному) нормативу отчислений от НДФЛ в объеме ниже расчетной дотации компенсации из бюджета субъекта РФ учету при последующем распределении межбюджетных трансфертов местным бюджетам также не подлежат.

Согласно БК РФ, субсидиями бюджетам малых городов из бюджета субъекта РФ являются межбюджетные трансферты, предоставляемые бюджетам данных муниципальных образований в целях софинансирования расходных обязательств, возникающих при выполнении полномочий по вопросам местного значения. Цели и условия предоставления и расходования субсидий местным бюджетам малых городов из бюджета субъекта РФ, критерии отбора малых городов для их получения определяются законами субъекта РФ и (или) нормативными правовыми актами высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ[1].

Под субвенциями малым городам из бюджета субъекта РФ понимаются межбюджетные трансферты, предоставляемые бюджетам малых городов при выполнении государственных полномочий (функций) Российской Федерации, субъектов РФ, переданных для осуществления органам местного самоуправления малых городов[2].

Помимо рассмотренных выше региональных трансфертов дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности малых городов могут предоставляться также из бюджетов муниципальных районов, в состав которых входят эти малые города[3]. Объем и распределение данных дотаций утверждаются решением представительного органа муниципального района о бюджете района на очередной финансовый год и плановый период. Так, общий объем дотаций и других межбюджетных трансфертов, предоставленных Щекинским муниципальным районом Тульской области бюджетам муниципальных образований своих городских и сельских поселений, составил в 2013 г. 85 871,1 тыс. руб., в 2014 г. 73 404,2 тыс. руб., в 2015 г. 80 640,6 тыс. руб.[4]. Обязательным условием выделения данных

[1] Бюджетный Кодекс РФ, ст. 139.

[2] Бюджетный Кодекс РФ, ст. 140.

[3] Бюджетный Кодекс РФ, ст. 142.1.

[4] Распоряжение Правительства Тульской области от 28.04.2016 № 309-р «Об утверждении перечня муниципальных образований Тульской области — получателей иных межбюд-

средств являлось выполнение муниципальными образованиями поселений требований бюджетного и налогового законодательства Российской Федерации, Тульской области, нормативно-правовых актов Щекинского района и муниципальных образований поселений.

Проверки исполнения местных бюджетов всех малых городов — получателей межбюджетных трансфертов из федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ и муниципальных районов вправе проводить Счетная палата РФ, Федеральная служба финансово-бюджетного надзора, контрольный орган, созданный законодательным (представительным) органом субъекта РФ, финансовые или иные органы исполнительной власти субъектов РФ и муниципальных районов.

Муниципальная собственность

Муниципальная собственность — это публичная, но не государственная собственность, характеризующая местный (на уровне муниципальных образований) уровень экономической системы страны и коллективное присвоение, осуществляемое от имени этих образований органами местного самоуправления. Наравне с другими формами собственности данная собственность признается и защищается государством.

Законодательную основу муниципальной собственности составляют Конституция РФ, Федеральный закон от 06.10.2003 № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления» и целый ряд других федеральных законов, законодательные и нормативные правовые акты субъектов РФ, а также решения местных органов самоуправления.

Остановимся более подробно на муниципальной собственности малых городов. В ее состав, помимо средств местного бюджета, входят: имущество органов местного самоуправления; муниципальные земли и другие природные ресурсы; муниципальный жилищный фонд и нежилые помещения; муниципальные предприятия и организации (в том числе финансово-кредитные); муниципальные учреждения здравоохранения, образования, культуры, физической культуры и спорта; муниципальные внебюджетные фонды и другое движимое и недвижимое имущество.

Владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью осуществляют органы местного самоуправления малых городов, ко-

---

жетных трансфертов из бюджета Тульской области, источником финансового обеспечения которых являются иные межбюджетные трансферты из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации, на выплату денежных поощрений лучшим муниципальным учреждениям культуры, находящимся на территории сельских поселений Тульской области, и их работникам» // Консорциум Кодекс [Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации]. URL: http://docs.cntd.ru/document/438883927 (дата обращения: 20.06.2017).

торые могут передавать объекты собственности во временное или постоянное пользование юридическим и физическим лицам, федеральным и региональным органам государственной власти, представителям местного самоуправления других муниципальных образований. Органы местного самоуправления вправе также создавать муниципальные унитарные предприятия и организации, участвовать в качестве одной из сторон в формировании хозяйственных и культурных межмуниципальных объединений. Главной задачей владения, пользования и распоряжения муниципальной собственностью является рост экономического потенциала малых городов на основе повышения эффективности управления муниципальной собственностью. Это включает в себя:

- увеличение поступлений доходов в местные бюджеты на основе повышения эффективности управления муниципальной собственностью;
- более активное использование механизмов муниципально-частного партнерства (в первую очередь концессионных соглашений) в сфере жилищно-коммунального хозяйства, ремонта ветхого жилья, водо- и газообеспечения и т.д.;
- внедрение современных форм распоряжения имуществом (залог, внесение имущественных прав в уставный капитал, доверительное управление, предоставление в аренду комплексного объекта, состоящего из земельного участка и связанных с ним зданий и сооружений, приватизацию);
- оптимизацию количества объектов муниципальной собственности;
- создание и использование прогрессивных информационных систем, обеспечивающих контроль и полноту информации об объектах муниципальной собственности.

Несмотря на принятый за последние годы значительный блок законодательных актов, направленных на совершенствование различных вопросов местного самоуправления, и накопленный опыт управления муниципальной собственностью, в России все еще сохраняется немало негативных тенденций, препятствующих раскрытию экономического потенциала муниципальной собственности малых городов. Среди них можно выделить:

- слабость социально ориентированного присвоения населением результатов ее использования (о чем свидетельствует наличие в малых городах значительного числа работающих граждан, находящихся за чертой бедности);
- небольшой объем средств, получаемых местными бюджетами малых городов от использования муниципальной собственности;
- недостаточно отлаженный правовой механизм управления данной собственностью, проявляющийся, с одной стороны, в крупных налоговых наказаниях отдельных физических и юридических

лиц, а с другой стороны, в неэффективном использовании огромных земельных и иных ресурсов, находящихся в муниципальной собственности;

— по-прежнему встречающиеся случаи незаконных операций с муниципальной собственностью, таких как ее теневое и криминальное, в том числе коррупционное, присвоение.

Дополнительные возможности повышения экономического потенциала малых городов

Одним из главных условий успешной финансово-бюджетной политики малых городов является эффективное налоговое администрирование. Под налоговым администрированием понимают деятельность уполномоченных органов власти и управления, направленную на исполнение федерального и регионального законодательства, постановлений органов местного самоуправления, а также международных положений в области налогообложения, в целях обеспечения эффективного функционирования налоговой системы и налогового контроля.

По утверждению специалистов Федеральной налоговой службы (ФНС), в настоящее время на территории малых городов России имеются десятки тысяч незарегистрированных земельных участков и жилых помещений (домов, дач, комнат, квартир, гаражей, хозяйственных построек и т.д.) либо собственники которых неизвестны. В некоторых малых городах различные нарушения, связанные с уплатой земельного налога и налогообложением имущества физических лиц, допускает около половины населения.

Мы считаем, что совместными усилиями территориальных налоговых органов, сотрудников региональных управлений Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестра) и местных администраций можно значительно поднять уровень налогового контроля и найти за счет этого дополнительные внутренние ресурсы для пополнения бюджетов малых городов. А данные ресурсы есть. Об этом свидетельствуют многочисленные факты о скрываемых или «потерянных» земельных участках и имуществе физических лиц.

За годы, прошедшие с момента принятия ФЗ № 131, в России существенно увеличилось число муниципальных образований. Если в 2003 г. их было 11 136, то на 1 июня 2015 г., по данным Минюста РФ, в стране насчитывалось 22 820 муниципальных образований, из них: 18 563 сельских поселения, определенная часть которых входит в число малых городов, и 1628 городских поселений, к которым также относятся и малые города[1].

[1] Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/ (дата обращения: 20.05.2017).

При этом финансово самодостаточными из всех муниципальных образований являются менее 10%. В основном это административные центры (столицы) субъектов РФ и крупные города, располагающие хорошей налогооблагаемой базой. При этом в ряде городских и сельских поселений собственных бюджетных средств едва хватает на выплату заработной платы муниципальным служащим. Общее исполнение бюджетов поселениями трех регионов РФ за 2016 г. показано в табл. 37.

Таблица 37

Местные бюджеты городских и сельских поселений в 2016 г. (млн руб.)

Субъекты РФ	Городские поселения			Сельские поселения		
	доходы	расходы	дефицит	доходы	расходы	дефицит
Владимирская область	1 899	2 042	143	1 369	1 427	58
Тульская область	1 496	1 554	58	797	816	19
Пермский край	5 507	5 892	385	2 510	2 298	212

Источник: Федеральная служба государственной статистики [Официальный сайт]. URL: http://www.gks.ru/ (дата обращения: 20.05.2017).

В настоящее время подавляющее большинство муниципальных образований России выживает за счет трансфертов из федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ. Это свидетельствует о несовершенстве распределения доходных источников, которое не соответствует реальному учету расходных полномочий. Во многом из-за этого в последнее время все явственнее стала проявляться тенденция к укрупнению малых городов за счет упразднения (ликвидации) сельских поселений или объединения (преобразования) нескольких близлежащих городских и сельских поселений в одно муниципальное образование. Это не противоречит федеральному законодательству о местном самоуправлении и значительно сокращает расходы на содержание местных чиновников. Объединение (преобразование) городских и сельских поселений происходит в соответствии с ФЗ № 131 и законодательством соответствующего субъекта РФ, по инициативе населения и (или) органов местного самоуправления объединяющихся территорий, федеральных или региональных органов государственной власти.

Сторонники реорганизации ряда малых городов путем их укрупнения приводят следующие доводы:

1) современные средства коммуникации, транспорт позволяют значительно увеличить расстояния, на которых сохраняется возможность поддерживать оперативную связь между администрацией муниципальных образований и их населением. Одним из принци-

пиальных отличий сегодняшней экономики от экономики предыдущего века является цифровизация многих процессов. Теперь, чтобы сообщить местному руководству об имеющихся проблемах, не нужно многие часы просиживать «у парадного подъезда». Любую информацию в муниципальные органы власти можно оперативно сообщить, а при необходимости получить через интернет и мобильную связь;

2) в настоящее время необходимый комплекс отвечающих современным техническим требованиям предприятий (транспортных, банно-прачечных, дорожно-ремонтных, жилищно-ремонтных, информационных и т.д.), а также социальных организаций, служб (детсадов, школ и средних специальных учебных заведений, учреждений здравоохранения, культурных и развлекательных центров и т.п.) может эффективно функционировать лишь при определенном минимуме обслуживаемого населения; нередко этот минимум значительно превышает численность жителей малых городских и сельских поселений;
3) в чрезвычайно сложных условиях, в которых сегодня находится отечественная экономика, обеспечить постоянной работой людей и платить им достойную зарплату могут лишь предприятия и организации достаточно крупных муниципальных образований (особенно это относится к социальной сфере).

Соответственно, на основе этих аргументов единственной перспективой развития межмуниципальных хозяйственных связей малых городов предлагают считать более тесное взаимодействие их экономических потенциалов в рамках единых хозяйственных агломераций (промышленных, аграрных, строительных и т.д.).

В ряде случаев приведенные аргументы могут являться обоснованными. В составе агломераций малые города могут получить доступ к инновационным, производственным, материальным, финансовым, трудовым и т.п. ресурсам соседних муниципальных образований и частных компаний. Появляется возможность сформировать из экономически разрозненных муниципальных образований единую сеть взаимодействующих между собой хозяйствующих субъектов малых городов.

Однако в каждом конкретном случае целесообразно оценивать преимущества и недостатки такой реорганизации, в том числе с точки зрения устойчивого развития территории в целом.

Если говорить о повышении экономического потенциала малых городов за счет расширения межмуниципальных хозяйственных связей, то следует признать, что сотрудничество такого рода, даже между соседними муниципальными образованиями, развивается очень медленно. Одной из причин является отсутствие адаптированных к действующему за-

конодательству технологий создания межмуниципальных хозяйственных объединений. Например, не ясно, какая организационно-правовая форма подходит организуемым субъектам, создаваемым разными муниципальными образованиями; кто, куда и какие должен платить налоги; как будут распределяться доходы; должен ли стоять во главе данного объединения представитель одного из муниципальных образований — партнеров или необходимо создание коллегиального органа (и как могут при этом распределяться полномочия). Много нерешенных проблем, препятствующих межмуниципальному сотрудничеству малых городов, связано также с расходованием и целевым использованием бюджетных средств.

ГЛАВА 2.5

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ЭКОНОМИКИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ РАЗВИТИЯ В МАЛЫХ ГОРОДАХ И СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

Сельские территории играют важную роль в масштабах национальной экономики, в том числе в экономике России. В сельской местности сосредоточен значительный ресурсный потенциал, рациональное использование которого будет способствовать экономическому росту. Однако одной из основных проблем сельских территорий как в России, так и за рубежом является неравномерность их социально-экономического развития, которая выражается в том, что одни регионы демонстрируют устойчивый рост, в то время как другие находятся в состоянии рецессии. В этой связи на государственном уровне был разработан ряд программ, направленных на регулирование политики сельского развития, а также содержащих меры, направленные на улучшение устойчивости в агарном секторе и в экономике сельских территорий.

Так, в 2010 г. в РФ была утверждена «Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года», в которой подчеркивается, что создание условий для устойчивого развития является одной из наиболее важных стратегических целей на государственном уровне, что в конечном итоге позволит обеспечить продовольственную безопасность и конкурентоспособность российской сельскохозяйственной продукции, сформировать эффективно функционирующий рынок сельскохозяйственного сырья и продовольствия, улучшить уровень и качество жизни в сельской местности, а также сократить существующий разрыв между городом и селом. При этом под *устойчивым развитием сельских территорий* понимается их стабильное социально-экономическое развитие, увеличение объема производства сельскохозяйственной продукции, повышение эффективности сельского хозяйства, достижение полной занятости сельского населения и повышение уровня его жизни, рациональное использование земель[1].

---

[1] ФЗ «О развитии сельского хозяйства» (с изменениями на 29.07.2018). URL: http://docs.cntd.ru/document/902021785

Особую важность роли сельского хозяйства в устойчивом развитии придает то, что оно может стимулировать экономический рост, способствовать сокращению бедности, а также обеспечивать экологическую устойчивость. Подтверждением этому служит теория многофункционального сельского хозяйства, в основе которой лежит расширение набора функций, которые выполняет данная отрасль. Отличительной особенностью вышеобозначенной теории является то, что сельскохозяйственная деятельность помимо своих традиционных функций — производства продовольствия, а также ресурсного обеспечения других отраслей, специализирующихся на пищевой и непищевой промышленной переработке сельскохозяйственного сырья, выполняет ряд следующих социально значимых функций: экономическую — создание хозяйственной деятельности в процессе производства, обмена, потребления сельскохозяйственной продукции, трудо-ресурсную, которая выражается в том, сельское хозяйство обеспечивает занятость и доходы сельского населения, экологическую — способствует сохранению исторически сложившегося ландшафта и традиционной культуры сельских территорий[1]. Таким образом, многофункциональное сельское хозяйство предполагает диверсификацию экономики в сельской местности.

Между диверсификацией экономики и устойчивым экономическим ростом существует прямая взаимосвязь, что характерно как для развитых стран, так и для стран с переходной экономикой[2]. В ранее упоминаемой Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г. также подчеркивается, что диверсификация сельской экономики является одним из основных направлений повышения устойчивости развития сельских территорий[3]. Диверсификация способна снизить уязвимость к влиянию экономических кризисов, так как в ее основе лежит расширение разнообразия видов деятельности и развитие новых производств, которые чаще всего не связаны друг с другом. Рассмотрим более подробно концептуальные основы диверсификации в экономике и обозначим ее особенности в аграрном секторе, а также в экономике сельских территорий.

---

[1] OECD, Multifunctionality: toward an analytical framework, OECD Publications. 2001. 157 p.

[2] *Abouchakra R., Moujaes C. N.*, *Najjar M. R.* and *Shediac R.* (2008). Economic Diversification: The Road to Sustainable Development. Booz Allen Hamilton. P. 16.

[3] Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://rg.ru/2010/12/14/sx-territorii-site-dok.html

Сравнение теоретических подходов к диверсификации и ее особенности в аграрном секторе и в экономике сельских территорий

Понятие «диверсификация» широко применяется в экономической литературе. В переводе с позднелатинского термин «diversification» означает изменение, которое отражает разнообразие явления[1].

В экономической литературе проблема диверсификации в экономике нашла отражение в работах многих как зарубежных, так и отечественных исследователей, однако все авторы предлагают рассматривать диверсификацию с разных позиций, что обуславливает многообразие ее трактовок в разных работах. Остановимся более подробно на рассмотрении определения диверсификации применительно к экономике сельских территорий и к агарному сектору экономики.

В ряде работ отечественных ученых (Л. С. Корбут, О. Д. Кононова, О. В. Иконниковой, Н. В. Зыковой, Б.М. Лямина) можно встретить устоявшийся термин «диверсификация сельской экономики». Возможные определения этого понятия даны в табл. 38.

Таблица 38

Походы к определению диверсификации сельской экономики

Определение диверсификации сельской экономики	Источник
«...развитие несельскохозяйственных видов деятельности, услуг и на этой основе расширение занятости и доходов сельского населения».	Корбут Л. С. Развитие малого несельскохозяйственного бизнеса на селе[2]
«...выход за пределы традиционных сельскохозяйственных видов деятельности».	Кононов О. Д., Иконникова О. В., Зыкова Н. В. Диверсификация сельской экономики: проблемы и перспективы[3]
«...это переход ресурсов (человеческих, земельных, финансовых) в новые виды сельскохозяйственной и несельскохозяйственной деятельности, где их использование наиболее эффективно и способствует осуществлению расширенного воспроизводства».	Лямин Б. М. Диверсификация сельской экономики муниципальных районов Ленинградской области[4]

[1] От от лат. diversus — разный, facio — делаю.

[2] *Корбут Л. С.* Развитие малого несельскохозяйственного бизнеса на селе // Никоновские чтения. 2007. № 12. С. 467–469. С. 467.

[3] *Кононов О. Д., Иконникова О. В., Зыкова Н. В.* Диверсификация сельской экономики: проблемы и перспективы // Российское предпринимательство. 2011. № 11(2). С. 151–155. С. 151.

[4] *Лямин Б. М.* Диверсификация сельской экономики муниципальных районов Ленинградской области // Российский электронный научный журнал. 2017. № 2 (24). С. 45–54. С. 46. URL: http://journal.bsau.ru/archive/renj_2_2017.pdf (дата обращения: 15.01.2018).

Особенность позиции вышеобозначенных авторов состоит в том, что они обращают особое внимание на возможность расширения разнообразия отдельного вида ресурсов, в данном случае — трудовых ресурсов, и определяют диверсификацию через изменение характера трудовой деятельности в сельской местности, которая преимущественно становится несельскохозяйственной, т.е. не связанной с производством сельскохозяйственного сырья и продукции.

Другими исследователями диверсификация рассматривается с иной позиции — применительно к основной отрасли экономики сельских территорий — сельскому хозяйству. Например, в работе Р. Лона диверсификация обозначает переход от производства низкодоходных сельскохозяйственных культур к высокоценным рыночно ориентированным культурам[1] — т.е. переход к производству более дорогостоящих продуктов, которые приносят больший доход.

В данном случае под диверсификацией понимается расширение разнообразия отдельных видов производственной деятельности, которые являются более экономически эффективными, в отраслях сельского хозяйства — растениеводство и животноводство.

Наконец, следует отметить еще один подход к определению диверсификации, согласно которому она рассматривается как расширение направлений деятельности отдельных хозяйственных единиц — фермерских хозяйств, по природе своей данная деятельность является несельскохозяйственной, а по своему характеру — предпринимательской[2]. В некоторых работах подчеркивается, что диверсификация будет способствовать увеличению источников доходов и добавленной стоимости фермы[3].

Здесь диверсификация выступает в качестве инструмента повышения экономической эффективности деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей — домохозяйств.

Проведенный анализ также позволил нам выделить ряд особенностей диверсификации в экономике сельских территорий и в отраслях сельского хозяйства: во-первых, изменение характера производственной деятельно-

---

[1] *Lone R. A.* (2013). Agricultural diversification towards high value commodities in South Asia. 2(4), 688–694.

[2] Briefing European Parliamentary Research Service. Farm diversification in the EU. European Parliament. URL: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2016/581978/EPRS BRI(2016)581978 EN.pdf (дата обращения: 10.12.2017); Farming diversification in England: statistics. DEFRA, Farm diversification in England: results from the farm. Business survey, 2007/2008, 31 January 2008. URL: https://statistics.defra.gov.uk/esg/statnot/Divers09.pdf (дата обращения: 15.12.2017).

[3] *Sutherland L.-A., Toma L., Barnes A. P., & Matthews K. B.* (2016). Agri-environmental diversification: linking environmental, forestry and renewable energy engagement on Scottish farms. Journal of Rural Studies, 47, 10–20.

сти в сельской местности — преобладание несельскохозяйственных видов экономической деятельности в структуре производства, во-вторых, развитие новых видов деятельности внутри сельскохозяйственных отраслей — растениеводства и животноводства, причем таких, которые связаны с производством более высокорентабельных сельскохозяйственных культур, наконец, расширение возможных взаимодействий между сельским хозяйством и отраслями, специализирующимися на переработке сельскохозяйственного сырья.

Результатом процесса диверсификации является структурная трансформация экономики сельских территорий и сближение их с экономикой городов, в особенности малых.

Состав отраслевой структуры экономики сельских территорий и малых городов

Экономика сельских территорий, как и экономика малых городов, является частью региональной, а также национальной экономики и представлена совокупностью отраслей и видов производственной деятельности, связанных с использованием сельскохозяйственных ресурсов.

Основными в экономике сельских территорий являются сельскохозяйственные отрасли — растениеводство и животноводство. Однако в сельской местности все большее распространение получает развитие несельскохозяйственных видов экономической деятельности, которые специализируются на переработке сельскохозяйственного сырья, его хранении, транспортировке, а также связанные с оказанием различных услуг, основанных на использовании сельскохозяйственных ресурсов.

Следует отметить, что в ряде работ для отражения совокупности разнообразных видов деятельности в сельской местности используется термин «сельская несельскохозяйственная экономика» (rural nonfarm economy — RNFE)[1], который употребляется для обозначения быстрорастущих секторов услуг и мелкомасштабных видов деятельности. Возможными видами подобного рода деятельности являются обрабатывающая промышленность, строительство, торговля, инфраструктура, услуги и др.

Схематично совокупность отраслей, связанных с производством сельскохозяйственного сырья, его переработкой и реализацией, представлена на рис. 13.

[1] *Haggblade S., Hazell P. B., Reardon, T.* (2007). Transforming the rural non-farm economy: Opportunities and threats in the developing world. Johns Hop kins University Press, 2007.

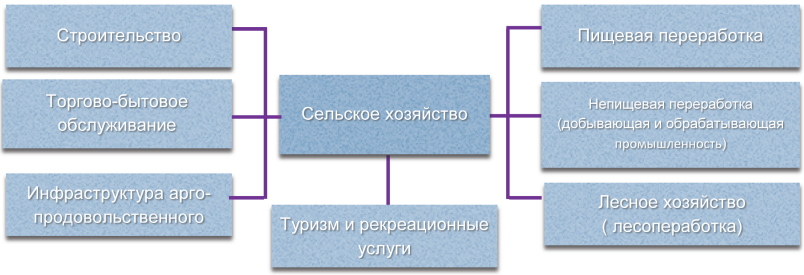


Рис. 13. Состав отраслей экономики в сельской местности и в малых городах

Следует отметить, что в сельской местности сельское хозяйство играет большую роль и является более развитым, чем в малых городах (в данном случае диверсификацию можно осуществлять внутри одной отрасли). Тем не менее видовой состав отраслей экономики в сельской местности максимально приближен к экономике малых городов.

Для малых городов более значимыми будут отрасли, связанные с переработкой сельскохозяйственного сырья и производством различных благ (продовольственных товаров или услуг), в силу того, что численность населения в малых городах выше, чем в сельской местности. Кроме того, многие малые города являются центрами притяжения туристических потоков, что также влияет на специфику производства в них.

Система элементов процесса диверсификации экономики

Для разработки управленческих решений по выстраиванию возможных взаимодействий между сельскими территориями и малыми городами нами предлагается ввести систему элементов диверсификации. Данная система включает в себя уровни, виды, стратегии и направления.

В качестве первого из обозначенных выше элементов диверсификации рассмотрим уровни, на которых возможно ее проведение. В одном из исследований Мирового банка[1] подчеркивается, что вопросы диверсификации можно рассматривать на следующих уровнях: ферм (сельских домохозяйств), региональном, секторальном (отраслевом) и межотраслевом. С опорой на вышеобозначенную классификацию мы предлагаем выделять такие уровни, как межотраслевой, внутриотраслевой и уровень отдельных субъектов хозяйствования, т.е. предприятий и домохозяйств, которые территориально могут быть расположены как в сельской местности, так и в малых городах.

[1] World Bank (1992). Trends in agricultural diversification: regional perspectives / ed. by *Barghouti Sh., Garbus L.* and *Umali D.* Technical paper, No. 180, 1992. P. 6.

Следующим элементом диверсификации являются ее виды. В зависимости от специфики отраслей, между которыми возможно расширение взаимодействий, могут быть выделены два возможных вида диверсификации – вертикальная и горизонтальная.

При этом вертикальная предполагает развитие дополнительных отраслей или стадий переработки наряду с основным производством. Вертикальная диверсификация предполагает углубление сопряженности между отраслями, производящими сельскохозяйственное сырье, и отраслями, специализирующимися на его дальнейшей переработке, хранении и реализации. В качестве ее примера можно рассмотреть производство зерна и развитие отраслей птицеводства и свиноводства в масштабах деятельности одного предприятия. При этом территориально часть производства может располагаться в сельской местности, а часть — в малом городе.

Горизонтальная диверсификация основана на расширении номенклатуры продукции за счет создания нового продукта, однако в пределах основной специализации. Примером горизонтальной диверсификации может являться дифференциация сельскохозяйственной продукции в зависимости от предпочтений потребителей, например, производство козьего или овечьего молока и продукции из них или производство продукции с различными вкусовыми свойствами и качественными характеристиками. Также горизонтальная диверсификация может проявляться в расширении каналов или рынков сбыта продукции.

Важными элементами процесса диверсификации являются ее стратегии и направления. В зависимости от характера связей между отраслями экономики могут быть выделены две основные стратегии диверсификации: связанного типа и несвязанного типа. Так, стратегия диверсификации связанного типа имеет место в том случае, если наряду с продукцией растениеводства (в масштабах предприятия или домохозяйства) производится продукция животноводства: в силу того, что обе отрасли относятся к сельскому хозяйству, между ними существует непосредственная взаимосвязь.

Особенностью стратегии несвязанного типа является то, что она предполагает проникновение в другие отрасли и сферы, являющиеся более выгодными с финансовой точки зрения, при этом она не требует координации с основными отраслями. В качестве примера в данном случае можно привести развитие наряду с традиционными отраслями сельского хозяйства — растениеводством и животноводством — сферы услуг в сельской местности (особенно туристических — например, агротуризма).

Наконец, последним элементом процесса диверсификации, который мы предлагаем выделять, являются ее направления. Можно выделить две группы направлений диверсификации — развитие сельскохозяйственных и развитие несельскохозяйственных видов деятельности. Развитие

сельскохозяйственных видов деятельности связано с расширением разнообразия видов продукции в отраслях растениеводства и животноводства — при этом как традиционных ее видов, так и новых видов продукции, пользующихся большим спросом и приносящих больший доход.

Распространение несельскохозяйственной деятельности связано в первую очередь с развитием переработки сельскохозяйственной продукции; лесопереработки и лесозаготовки; обрабатывающих производств; различных видов услуг в дополнение к производству сельскохозяйственной продукции; развитием различных видов туризма, в том числе аграрного туризма, гастрономического, экологического и др.

Таким образом, нами были обозначены основные элементы процесса диверсификации — уровни, виды, стратегии и направления. Мы полагаем, что выделенные элементы следует рассматривать комплексно, так как все они имеют отношение к процессу диверсификации.

Определение точек роста и целевых ориентиров для выстраивания взаимодействий между малыми городами и сельскими территориями с целью повышения устойчивости

Согласно программам сельского развития стран ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития) диверсификация сельской экономики способствует увеличению возможных взаимодействий между экономикой сельских территорий и городов, при этом она должна быть основана на взаимодополняемости их активов[1].

Для выявления и усиления взаимодействий между малыми городами и сельскими территориями и определения возможных направлений диверсификации их экономик необходимо осуществлять поиск возможных точек роста, а также определить стратегические ориентиры для повышения устойчивости.

В качестве возможных точек роста могут быть рассмотрены:

- ресурсный потенциал малого города;
- внедрение инновационных технологий;
- разработка комплексных государственных программ, направленных на создание совместных стратегий развития малых городов и сельских территорий;
- поиск новых потребительских ниш и развитие нишевых видов продукции.

[1] OECD (2015), New Rural Policy: Linking up for growth. Background Document, National Prosperity through Modern Rural Policy Conference, Memphis, USA; OECD, (2013), OECD Rural Policy Reviews: Rural-Urban Partnerships: An Integrated Approach to Economic Development, OECD Publications, Paris.

Одной из основных точек роста является ресурсный потенциал малых городов.

Ресурсный потенциал каждого малого города имеет свои конкурентные преимущества, среди которых можно отметить наличие объектов культурно-исторического наследия и благоприятную экологическую обстановку; выгодное местоположение, например, близость некоторых малых городов к столице или близость к федеральной трассе, что может способствовать как привлечению дополнительных туристических потоков, так и расширять возможности для взаимодействия с другими муниципальными образованиями. В ряде малых городов к конкурентным преимуществам можно отнести диверсифицированную экономику (структуру производства) и наличие предприятий различной специализации, особенно занимающихся переработкой.

Таблица 39

Типология малых городов Пермского края, Владимирской и Тульской областей в зависимости от особенностей ресурсного потенциала

	Малые города с диверсифицированным производством	Малые города — центры туризма (культурно-исторические и рекреационные центры)	Малые города с моноотраслевой экономикой
Владимирская область	Юрьев-Польский, Киржач, Судогда, Покров, Кольчугино	Суздаль, Юрьев-Польский, Гороховец, Покров	Курлово, Костерово, Карабаново, Гороховец, Вязники, Камешково
Тульская область	Богородицк, Кимовск, Венев, Киреевск, Суворов, Ясногорск	Белев, Венев, Плавск	Алексин, Ефремов, Болохово, Плавск
Пермский край	Чермоз, Усолье, Оханск	Чердынь, Чермоз, Усть-Качка, Добрянка, Краснокамск	Горнозаводск, Нытва, Губаха, Чусовой, Чердынь, Кизел

В зависимости от особенностей ресурсного потенциала могут быть выделены такие типы малых городов, как моногород с промышленной специализацией; малые города с диверсифицированным производством; культурно-исторические центры; рекреационные центры с благоприятными экологическими условиями[1].

[1] *Шерешева М. Ю.*, *Оборин М. С.*, *Шимук О. В.* Разработка направлений диверсификации сельской экономики в регионах России с учетом потенциала малых городов // Вестник Пермского университета. Экономика. 2017. Т. 12, № 4. С. 632–648.

Так, при условии, что экономика малого города является диверсифицированной (т.е. многоотраслевой) и в нем расположены предприятия различной отраслевой специализации, основой для углубления взаимодействия между малым городом и сельскими территориями может выступать создание совместных производств. В данном случае возможно развитие направлений (диверсификации), предполагающих как расширение сельскохозяйственных, так и несельскохозяйственных видов экономической деятельности. При этом возможно внедрение вертикальной диверсификации, основанной на расширении межотраслевых связей, а также горизонтальной диверсификации, предполагающей увеличение разнообразия ассортимента производимой продукции.

Отметим, что если в малом городе осуществляется переработка и реализация продукции, то в сельской местности целесообразно осуществлять производство различных видов сельскохозяйственного сырья в отраслях растениеводства и животноводства, которое в дальнейшем используется в других отраслях промышленности. Кроме того, на сельских территориях могут быть расположены объекты, относящиеся к инфраструктуре агропромышленного комплекса (АПК), например, зернохранилища.

Особое внимание также следует уделять развитию малых форм хозяйствования: крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей, так как именно они являются основными товаропроизводителями продукции сельского хозяйства.

В том случае, если малый город представляет собой местный центр туризма, обладает богатым культурно-историческим наследием и имеет благоприятное местоположение (расположен вблизи крупных автомагистралей), в качестве основы для его взаимодействия с сельскими территориями можно рассматривать создание совместной индустрии туризма, что также будет способствовать объединению городских и сельских сообществ.

Данный случай предполагает реализацию стратегии диверсификации несвязанного типа (т.е. развитие не связанных между собой отраслей экономики) и соответственно развитие направления несельскохозяйственных видов экономической деятельности, в первую очередь сферы услуг в сельской местности.

В связи с тем, что в большинстве малых городов находятся объекты культурно-исторического наследия, развиты местные народные промыслы и ремесла, следует расширять набор возможных туристических направлений. Возможными видами могут стать развитие аграрного, экологического, гастрономического, паломнического, событийного и других видов туризма[1]. При этом важно определить особенности и предпочтения це-

[1] *Шерешева М. Ю.*, *Оборин М. С.*, *Шимук О. В.* Разработка направлений диверсификации сельской экономики в регионах России с учетом потенциала малых городов // Вестник Пермского университета. Экономика. 2017. Т. 12, № 4. С. 632–648.

левых аудиторий. Например, среди жителей мегаполисов и крупных городов особой популярностью пользуются аграрный, гастрономический, экологический туризм, среди молодежи — событийный, среди туристов старших возрастных категорий — паломнический и санаторно-курортный.

Производство и реализация сувенирной продукции, организация совместных ярмарок и фестивалей как в сельской местности, так и в малых городах создадут дополнительные возможности для занятости сельского населения и позволят увеличить их доходы.

Следует отметить, что в наименее благоприятном социально-экономическом положении чаще всего находятся малые города, экономика которых имеет моноотраслевую направленность, основная часть производства сконцентрирована на единственном градообразующем предприятии, на котором также занята большая часть местного населения. Такие малые города могут быть охарактеризованы как депрессивные. В данном случае необходимо осуществлять преобразование экономики города в нескольких направлениях: развитие перерабатывающих производств, развитие туристических услуг, а также создание благоприятных условий для развития малых форм хозяйствования (мелкого бизнеса).

Помимо характеристики конкурентных преимуществ ресурсного потенциала малых городов и определения возможных направлений для совместного взаимодействия интересным также представляется изучение опыта по разработке и реализации проектов сельского развития в выбранных регионах. Проекты, направленные на диверсификацию экономики в сельской местности, сгруппированные по различным направлениям, представлены в табл. 40.

Таблица 40

Проекты, направленные на диверсификацию экономики в сельской местности

Название проекта	Инновационное сельское хозяйство (сельскохозяйственное производство, фермерство)	Брендинг сельских территорий и сельский туризм	Сельские усадьбы
Тульская область	Ферма «Лесные сады», экопарк «Ясно Поле»	«Сила села»	Музей-заповедник И. С. Тургенева «Бежин луг», музей-усадьба А. Т. Болотова «Дворяниново», усадьба «Богучарово», усадьба «Малое Пирогово», усадьба «Якшино», усадьба «Поленово»

Окончание табл. 40

Название проекта	Инновационное сельское хозяйство (сельскохозяйственное производство, фермерство)	Брендинг сельских территорий и сельский туризм	Сельские усадьбы
Владимирская область	«Царская дичь», производство мяса утки	Агрокультурный туристический комплекс «Богдарня», агрохутор «Казачий курень»	
Пермский край	Строительство овощехранилища на базе сельскохозяйственного потребительского сбытового кооператива (СПСПК) «Колос»	Проекты по развитию туристического потенциала Оханского района («Оханна. Туризм и отдых с удовольствием!», открытый фестиваль «Бур Сур» (Кудымкарский район)	

Источник: Развитие села.рф: официальный сайт. URL: http://ruraldevelopment.ru/

Так, можно заметить, что в Тульской области широкое распространение получила практика развития сельского туризма и сельских усадеб. В качестве примеров можно привести: историко-культурный и природный музей-заповедник И. С. Тургенева «Бежин луг», музей-усадьбу А. Т. Болотова «Дворяниново», усадьбы «Богучарово», «Малое Пирогово», «Якшино», «Поленово» и др. К проектам по инновационному сельскому хозяйству относится ферма «Лесные сады», производство в которой основано на принципах органического земледелия и агролесоводства, все это предназначено для производства органических продуктов питания.

Во Владимирской области наиболее диверсифицированной, на наш взгляд, является деятельность агрокультурного туристического комплекса «Богдарня», которая включает в себя как развитие сельскохозяйственных видов деятельности — производство фермерских продуктов, так и несельскохозяйственных — агротуризм и оказание иных видов разнообразных услуг. Интересным представляется проект под названием «Царская дичь», особенностью которого является углубление технологий глубокой переработки продукции и создание новых продуктовых ниш на рынке мяса.

Для Пермского края в большей степени характерно развитие крестьянских (фермерских) хозяйств (К(Ф)Х) различной специализации — растениеводство и животноводство, а также организация производства в форме сельскохозяйственных потребительских сбытовых кооперативов (СПСПК). В регионе также реализуется ряд проектов по развитию туризма в сельской местности и брендинга сельских территорий в районе малых городов Оханск и Кудымкар.

Продолжим определение и характеристику возможных точек роста. В качестве следующей значимой точки роста мы предлагаем рассматривать активное внедрение *инновационных технологий* (инноваций).

В настоящее время инновации используются практически во всех отраслях экономики и видах производственной деятельности, не являются исключением и отрасли аграрного сектора. Напротив, все большее распространение получает развитие «цифрового сельского хозяйства», «точного земледелия», основанного на автоматизации технологических процессов в отраслях растениеводства и животноводства.

Инновационные технологии будут способствовать диверсификации как в отраслях сельского хозяйства, так и в смежных отраслях, имеющих отношение к аграрному сектору — в первую очередь в перерабатывающих, создавая дополнительные возможности для увеличения глубины переработки продукции, следствием чего является расширение ее ассортимента. Так, отходы от переработки сырья могут быть впоследствии не утилизированы, а использованы для производства вторичной продукции (новых видов сырья), биотоплива, технических веществ, удобрений, растительных волокон, строительных материалов.

На наш взгляд, использование инновационных технологий в производстве, расположенном в сельской местности, а также в малых городах, позволит сократить издержки производства, увеличить производительность в отраслях.

Следует отметить, что инновации — основа диверсификации деятельности, связанной с производством альтернативных источников энергии в сельской местности, например, ветровой, водной, солнечной энергии[1].

Кроме того, инновации могут быть использованы для улучшения качества оказываемых услуг между жителями сел и городов. Так, развитие системы навигации (геолокации) позволит ускорить процесс взаимодействия поставщиков сельскохозяйственной продукции с ее потребителями. Также новые технологии могут быть использованы для увеличения объемов продажи сельскохозяйственной продукции, например, посредством создания и активного использования интернет-сайтов для размещения заказов и взаимодействия с потребителями, проживающими как в малых, так и в крупных городах и мегаполисах.

Важную роль при углублении взаимодействий между малыми городами и сельскими территориями играет государство, которое проводит политику регулирования, а также выступает основным источником финансирования различных проектов и мероприятий. Поэтому мы предлагаем в качестве еще одной возможной точки роста рассматривать разработку комплекс-

[1] OECD (2015). New Rural Policy: Linking up for growth. Background Document, National Prosperity through Modern Rural Policy Conference, Memphis, USA.

ных государственных программ, направленных на создание совместных стратегий развития малых городов и сельских территорий, а также предполагающих привлечение дополнительных инвестиций и расширение возможных источников финансирования.

Интересным в данном случае представляется опыт стран ЕС, в которых наряду с государством существуют различные структурные подразделения, отвечающие за финансовое обеспечение политики сельского развития, например финансово-инвестиционные компании или специально созданные фонды: Европейский сельскохозяйственный фонд гарантии, который осуществляет выплаты фермерам и поддержку экспорта, государственные закупки излишков продукции, а также Европейский сельскохозяйственный фонд сельского развития.

В связи с опорой на международный опыт экономического развития следует отметить, что в России также следует создавать более разветвленную систему источников финансирования, внедрять практику создания специальных фондов сельского развития и фондов развития малых городов на районном (муниципальном) уровне, также возможно внедрение практики привлечения венчурного инвестирования.

Наконец, к точкам роста можно отнести поиск новых потребительских ниш и развитие в малых городах и сельской местности производства нишевых видов продукции.

В отраслях аграрного сектора — растениеводстве и животноводстве, которые, как ранее упоминалось, являются основными в экономике сельских территорий, специфика диверсификации определяется фактором спроса на определенные виды сельскохозяйственного сырья и продовольствия.

Спрос на продукцию, производимую в сельском хозяйстве и связанных с ним отраслях, является неэластичным, так как данные виды продукции чаще всего представляют собой товары первой необходимости, их потребление практически не изменяется с ростом цен или с увеличением реальных доходов населения. В периоды экономических кризисов, когда социально-экономическая ситуация обостряется, снижается потребление отдельных категорий продовольственных товаров, являющихся более дорогостоящими, что обусловлено сокращением экономической доступности продовольствия. Так, во время рецессий снижается потребление мясо-молочной продукции, так как она является более дорогостоящей, в то время как увеличивается потребление хлеба, круп, картофеля, овощей. Поэтому прежде чем диверсифицировать производство, необходимо выявить предпочтения определенных категорий потребителей, в противном случае можно столкнуться с проблемой перепроизводства, что негативно скажется на товаропроизводителях.

При выборе направления диверсификации производства необходимо занимать «свободные» потребительские ниши и ориентироваться на опре-

деленные категории потребителей, учитывая уровень их доходов. В этой связи наиболее перспективным направлением представляется развитие тех видов продукции, которые пользуются устойчивым спросом как на внутреннем, так и на мировом рынке. Так, в последнее время все более популярной становится продукция органического сельского хозяйства, фермерская продукция, особенно нетрадиционные ее виды, например, козье или овечье молоко, нетрадиционные виды мяса и птицы.

Основными потребителями нишевых видов продукции в основном являются жители мегаполисов и крупных городов. А ее производство чаще всего территориально расположено в сельской местности или в малых городах в связи с тем, что в них более благоприятная экологическая обстановка.

Перспективными направлениями в сельском хозяйстве, развитие которых также можно осуществлять не только в сельской местности, но и в малых городах, являются тепличное овощеводство, производство плодово-ягодной продукции, семеноводство, производство лекарственных растений и сырья для изготовления растительных волокон.

Кроме того, следует учитывать ситуацию на мировом рынке сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия и развивать производство новых видов культур (и продукции), пользующихся высоким спросом на мировом рынке и являющихся более рентабельными: кукурузы, дурума (пшеница твердых сортов), чечевицы. К нишевой культуре на мировом рынке можно также отнести хлопчатник.

Помимо поиска обозначенных выше точек роста необходимо также разрабатывать стратегические ориентиры для повышения устойчивости в малых городах и сельских территориях.

В качестве одного из основных стратегических ориентиров мы предлагаем выделить расширение возможных видов связей между малыми городами и сельскими территориями, а именно: экономических, что выражается в создании новых совместных производств или в выстраивании эффективных взаимодействий между мелкими товаропроизводителями сельскохозяйственной продукции, проживающими как в сельской местности, так и в малых городах, а также между ее переработчиками и торговыми сетями; демографических связей, последние выражаются в миграции сельского населения в малые города с целью поиска рабочих мест; экологических, предполагающих создание совместных предприятий по сохранению окружающей среды; наконец, институциональных связей, которые выражаются в развитии партнерских отношений государственного и частного сектора, представленного крестьянскими (фермерскими) хозяйствами (К(Ф)Х), индивидуальными предпринимателями, занимающимися производством сельскохозяйственной продукции, личными подсобными хозяйствами населения (ЛПХ).

Важным ориентиром является создание эффективных цепочек создания стоимости в сельскохозяйственных отраслях. Как известно, как в странах с переходной экономикой, так и в урбанизированных странах в общей цепочке создания стоимости на долю производств и услуг, связанных с сельским хозяйством, приходится более 30% ВВП. Кроме того, к стратегическим ориентирам также следует отнести повышение конкурентоспособности товаропроизводителей сельскохозяйственной продукции, чье производство является мелкомасштабным — ИП и К(Ф)Х. Территориально их деятельность может быть расположена как в сельской местности, так и в малых городах.

Таким образом, можно убедиться в том, что интеграция между малыми городами и сельскими территориями и поиск общих точек для усиления взаимодействий позволят определить вектор развития региона и будут способствовать улучшению социально-экономической обстановки на районном (муниципальном), региональном и общероссийском уровнях.

ГЛАВА 2.6
ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КЛИМАТ МАЛЫХ ГОРОДОВ

Устойчивое развитие малых городов невозможно без привлечения инвестиций в развитие экономики и социальной сферы. Однако необходимым условием для привлечения инвестиций является формирование благоприятного инвестиционного климата, включающего в себя комфортную институциональную среду, развитую инфраструктуру и иные факторы, значимые для инвесторов. В этой части монографии на основе обзора литературы и данных, полученных в ходе эмпирических исследований в нескольких российских регионах, будут проанализированы основные факторы, влияющие на состояние инвестиционного климата малых городов, и предложены некоторые направления повышения их инвестиционной привлекательности.

Инвестиции в структуре факторов устойчивого развития малых городов

В современной экономической литературе в контексте факторов устойчивого развития все чаще упоминаются инвестиции[1]. Для территориальных единиц (стран, регионов и городов) привлечение внешних инвестиций создает сразу несколько дополнительных предпосылок для перехода к устойчивому развитию[2]. В частности, международные исследования показывают, что прямые иностранные инвестиции стимулируют энергоэффективность и развитие возобновляемых источников энергии (ВИЭ)[3], внедрение новых технологий[4], создание новых рабочих мест и повыше-

---

[1] *Schmidt-Traub G., Shah A.* (2015). Investment needs to achieve the Sustainable Development Goals. Paris and New York: Sustainable Development Solutions Network.

[2] *Narula K.* (2012). 'Sustainable Investing'via the FDI route for sustainable development. Procedia-Social and Behavioral Sciences, 37, 15–30.

[3] *Doytch N., Narayan S.* (2016). Does FDI influence renewable energy consumption? An analysis of sectoral FDI impact on renewable and non-renewable industrial energy consumption. Energy Economics, 54, 291–301.

[4] *Sinani E., Meyer K. E.* (2004). Spillovers of technology transfer from FDI: the case of Estonia. Journal of comparative economics, 32(3), 445–466.

ние уровня жизни населения[1], повышение социальной ответственности бизнеса[2]. Все перечисленные позитивные эффекты от привлечения инвестиций способствуют переходу к устойчивому развитию территорий, на которых реализуются инвестиционные проекты. Важность инвестиций для устойчивого развития доказывается также тем, что индикаторы инвестиционной активности используются для расчета различных рейтингов и индикаторов устойчивого развития — например, Рейтинга устойчивого развития городов РФ[3], составляемого агентством SGM.

Кроме того, существует набор территориальных факторов, оказывающих влияние как на устойчивое развитие, так на и привлечение инвестиций. В частности, речь идет об институциональной среде. В различных исследованиях показана значимость развитых институтов как для перехода к устойчивому развитию[4], так и для привлечения инвесторов[5]. Общая схема взаимосвязи инвестиций и устойчивого развития в контексте развития территорий представлена на рис. 14.

Рис. 14. Взаимосвязь привлечения инвестиций и устойчивого развития территорий
Источник: составлено авторами.

[1] *Karlsson S., Lundin N., Sjöholm F., He P.* (2007). FDI and Job Creation in China (No. 723). IFN Working Paper.

[2] *Nyuur R. B., Ofori D. F., Debrah Y. A.* (2016). The impact of FDI inflow on domestic firms' uptake of CSR activities: The moderating effects of host institutions. Thunderbird International Business Review, 58(2), 147–159.

[3] Рейтинг устойчивого развития городов РФ / SGM. URL: http://www.agencysgm.com/projects/sostavlenie-reytinga-gorodov-rossii-v-oblasti-ustoychivogo-razvitiya (дата обращения: 10.10.2018).

[4] *Lehtonen M.* (2004). The environmental-social interface of sustainable development: capabilities, social capital, institutions. Ecological economics, 49(2), 199–214.

[5] *Du J., Lu Y., Tao Z.* (2008). Economic institutions and FDI location choice: Evidence from US multinationals in China. Journal of comparative Economics, 36(3), 412–429.

Уровень инвестиционной активности в границах конкретного территориального образования (страны, региона или города) находится под влиянием различных специфических территориальных факторов, формирующих в совокупности инвестиционный климат территории.

Исследования, проведенные в последние десять лет[1], показали значительную дифференциацию российских регионов по объемам привлекаемых инвестиций и качеству инвестиционного климата. Вместе с тем распределение инвестиций внутри регионов (между муниципальными образованиями) практически не изучалось, хотя имеющиеся статистические данные позволяют предположить существенные различия в уровне инвестиционной привлекательности городов, расположенных в границах одного региона.

В частности, статистические данные по Владимирской области (табл. 41) показывают, что более 50% инвестиций в основной капитал приходится на областной центр, что является достаточно типичной ситуацией и для других регионов России[2]. Вместе с тем в числе 10 муниципальных образований Владимирской области, лидирующих по абсолютным объемам инвестиционной активности, присутствует также четыре малых города (до 50 тыс. человек) и даже два поселка городского типа (с населением менее 10 тыс. человек). Это позволяет предположить, что «эффект размера» является не единственным фактором, оказывающим влияние на распределение инвестиций внутри региона, и даже малые города способны привлекать значительные объемы инвестиций.

Таблица 41

Инвестиции в основной капитал (ИОК) в городских округах и городских поселениях Владимирской области: региональные лидеры 2017 г.

Место по ИОК	Название	Статус	Население	ИОК, млн руб.	Доля в ИОК региона
1	город Владимир	городской округ	357	21 396,31	54,0%
2	город Муром	городской округ	109,8	3870,002	9,8%

[1] *Leonard C. S., Nazarov Z., & Vakulenko E. S.* (2016). The impact of sub-national institutions: Recentralization and regional growth in the Russian Federation (2001–2008). Economics of Transition, 24(3), 421–446; *Пахалов А. М.* Институциональное проектирование как инструмент улучшения инвестиционного климата //Российское предпринимательство. 2016. Т. 17. № 18.

[2] *Оборин М. С.*, *Шерешева М. Ю.*, *Пахалов А. М.* Институциональная среда как фактор формирования инвестиционного климата малых городов России // Ars Administrandi. 2017. Т. 9. № 3.

Окончание табл. 41

Место по ИОК	Название	Статус	Население	ИОК, млн руб.	Доля в ИОК региона
3	город Гусь-Хрустальный	городской округ	55,4	3603,02	9,1%
4	город Ковров	городской округ	138,5	2902,567	7,3%
5	поселок Вольгинский	городское поселение	5,9	1354,159	3,4%
6	город Камешково	городское поселение	12,7	891,144	2,2%
7	город Покров	городское поселение	17,3	785,782	2,0%
8	город Кольчугино	городское поселение	43,5	548,422	1,4%
9	поселок Мелехово	городское поселение	6,9	471,745	1,2%
10	город Юрьев-Польский	городское поселение	18,6	394,992	1,0%

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата[1].

В случае Владимирской области высокая инвестиционная активность в небольших по размеру муниципальных образованиях определяется различными факторами: например, в Покрове и Юрьеве-Польском функционируют крупные предприятия с участием иностранного капитала (кондитерская фабрика Mondelez и молочный комбинат PepsiCo), в Вольгинском — формируется фармацевтический кластер, в Камешкове — создается индустриальный парк. Однако в ряде других случаев причины инвестиционной привлекательности малых городов не столь очевидны, что обуславливает необходимость более пристального изучения их инвестиционного климата.

Особенности оценки инвестиционного климата малых городов

В России существует много рейтингов городов, причем составляются они по самым разным темам — от комфортности условий для жизни[2]

[1] Инвестиции в основной капитал, осуществляемые организациями, находящимися на территории муниципального образования (без субъектов малого предпринимательства) / База данных показателей муниципальной статистики. URL: http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst17/DBInet.cgi (дата обращения: 10.10.2018).

[2] Рейтинг 250 крупнейших городов России 2017 года / Domofond.ru. URL: https://www.domofond.ru/city-ratings (дата обращения: 10.10.2018).

до устойчивого развития[1] и качества инвестиционного климата[2]. Общей особенностью всех этих рейтингов является включение в них только крупных городов, реже — средних и крупных городов. Для ограничения выборки авторы рейтингов используют два подхода: в первом из них определяется минимальная численность населения (например, 100 тыс. человек в рейтинге устойчивого развития SGM) для попадания города в рейтинг, во втором — задается количество городов в выборке (например, 250 крупнейших по населению городов в рейтинге комфортности городов портала Domofond.ru).

Нетрудно понять, что при каждом из двух описанных выше подходов к формированию выборки городских рейтингов в них не включаются малые города. В результате информация об инвестиционном климате малых городов оказывается практически недоступной, а инвесторы, планирующие реализацию проектов в небольших городах, вынуждены судить об их инвестиционном потенциале на основе весьма ограниченной информации, предоставляемой региональными институтами развития или самими муниципалитетами. Во многих случаях такая информация предоставляется с задержкой и не в полном объеме[3].

В зарубежной практике, где муниципальная статистика является более полной, у исследователей есть возможность проводить масштабные количественные исследования факторов и драйверов экономического развития и инвестиционной привлекательности малых городов. Например, в 2006 г. американские авторы разработали меры повышения экономической жизнеспособности малых городов[4] на основе количественного анализа выборки из 267 поселений. Авторы выделили успешные и неуспешные малые и средние города США на основе прогностической модели с использованием прокси-переменных ресурсов, промышленности, исторического тренда развития и качества жизни.

В российской практике единственной возможностью получить адекватные и сопоставимые оценки качества инвестиционного климата в малых городах является сбор первичных данных на основе опросов, глубинных интервью и других методов, предполагающих получение ин-

---

[1] Рейтинг устойчивого развития городов РФ / SGM. URL: http://www.agencysgm.com/projects/sostavlenie-reytinga-gorodov-rossii-v-oblasti-ustoychivogo-razvitiya (дата обращения: 10.10.2018).

[2] Doing Business in Russia 2012 / World Bank. URL: http://www.doingbusiness.org/en/reports/subnational-reports/russia (дата обращения: 10.10.2018).

[3] *Оборин М. С.*, *Шерешева М. Ю.*, *Пахалов А. М.* Институциональная среда как фактор формирования инвестиционного климата малых городов России //Ars Administrandi. 2017. Т. 9. № 3.

[4] *Erickcek G. A., McKinney H.* (2006). «Small Cities Blues:» Looking for Growth Factors in Small and Medium-Sized Cities. Economic Development Quarterly, 20(3), 232–258.

формации от инвесторов и предпринимателей, ведущих бизнес на их территории[1].

В 2012–2014 гг. во всех регионах России был реализован проект по внедрению «Стандарта деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации по обеспечению благоприятного инвестиционного климата»[2] («Регионального инвестиционного стандарта»), призванного сформировать в каждом субъекте РФ комфортные условия для инвесторов и предпринимателей. Несмотря на то что данный проект позволил добиться определенных улучшений в инвестиционном климате ряда регионов страны[3], результативность внедрения «Регионального инвестиционного стандарта» существенно ограничена тем, что он предусматривал институциональные изменения исключительно на региональном уровне — без сопутствующих изменений на уровне муниципальном. В результате часть проблем с раскрытием потенциала «Регионального инвестиционного стандарта» оказалась связана с институциональной инерцией в малых городах и муниципальных районах, а также с недостатком мотивации и компетенций властей муниципального уровня[4].

В 2015-2017 гг. авторами было проведено эмпирическое исследование, нацеленное на выявление инвестиционных барьеров в девяти регионах России: Владимирской области, Калининградской области, Калужской области, Ленинградской области, Липецкой области, Магаданской области, Псковской области, Томской области и Республике Татарстан. В ходе исследования было проведено 12 интервью с инвесторами (1–2 интервью в каждом регионе) и девять интервью с представителями органов власти (одно интервью в каждом регионе). Дополнительно в 2017 г. было проведено анкетирование администраций малых городов Владимирской области. Таким образом, в ходе исследования были изучены мнения всех трех ключевых групп заинтересованных сторон, вовлеченных в региональные инвестиционные процессы (рис. 15).

---

[1] *Ershova N.* (2017). Investment climate in Russia and challenges for foreign business: The case of Japanese companies. Journal of Eurasian studies, 8(2), 151–160.

[2] Региональный инвестиционный стандарт / АСИ. URL: https://asi.ru/investclimate/standard (дата обращения: 15.10.2018).

[3] *Никитин А. С.* Инвестиционный рейтинг как инструмент стимулирования эффективности управления развитием регионов России //Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 6. С. 192–221.

[4] *Оборин М. С.*, *Шерешева М. Ю.*, *Пахалов А. М.* Институциональная среда как фактор формирования инвестиционного климата малых городов России //Ars Administrandi. 2017. Т. 9. № 3.

Рис. 15. Взаимодействие заинтересованных сторон (стейкхолдеров) в региональных инвестиционных процессах
Источник: составлено авторами.

Инвестиционный климат малых городов России: точка зрения инвесторов

В ходе интервью предпринимателям и инвесторам, ведущим бизнес в выбранных регионах, были заданы вопросы о сложностях при реализации инвестиционных проектов и возможных институциональных механизмов преодоления данных сложностей. Ответы, встречавшиеся в интервью, представлены в табл. 42.

Как видно из табл. 42, наибольшие сложности у инвесторов (41,7% интервью) связаны с налоговой нагрузкой и проверками налоговых органов, и половина предлагаемых институциональных изменений связана именно с реформированием налогового законодательства. Если налоговая система не является объектом изменений в рамках «Регионального инвестиционного стандарта», то вторая существенная проблема, отмеченная инвесторами, — низкая защищенность инвестиций — должна решаться в рамках реализации одного из важнейших компонентов данного документа, которым является принятие нормативно-правового акта о защите прав инвесторов. Однако результаты интервью свидетельствуют о том, что на практике это происходит не везде: более трети инвесторов не чувствуют себя защищенными и предъявляют спрос на усиление защиты своих прав и результатов инвестиционных вложений.

Таблица 42

Результаты контент-анализа вопроса о сложностях в процессе реализации инвестиционных проектов и возможностях их решения (интервью с инвесторами)

Коды сложностей в процессе реализации проектов	Кол-во интервью с упоминанием кода (всего 12)	Доля интервью с упоминанием кода, %
Сложности при реализации инвестиционного проекта		
Налоговая нагрузка и проверки	5	41,70
Низкая защищенность инвестиций	5	41,70
Плохая работа муниципальных властей	3	25,00
Административные барьеры	3	25,00
Инфраструктурные проблемы	2	16,70
Сложности с экспортными поставками	1	8,30
Отсутствие сложностей	1	8,30
Предлагаемые институциональные изменения		
Реформирование налогового законодательства	6	50,00
Создание зон особых преимуществ (ОЭЗ и др.)	3	25,00
Улучшение муниципальной институциональной среды	2	16,70
Усиление защиты бизнеса	5	41,70
Прочие решения	2	16,70

Источник: составлено автором на основе расчетов в пакете QDA Miner.

Третья по значимости проблема, с которой сталкиваются инвесторы в российских регионах, связана с работой муниципальных властей. Интересно, что в интервью эта проблема называется так же часто, как и традиционно «болезненная» для российской экономики тема административных барьеров[1], что свидетельствует о важности изучения и преодоления ограничений, возникающих при реализации инвестиционных проектов именно на муниципальном уровне.

Часть этих ограничений носит инфраструктурный характер и связана с типичной для многих малых городов проблемой неразвитости или из-

[1] *Аузан А. А.*, *Крючкова П. В.* Административные барьеры в экономике: задачи деблокирования // Вопросы экономики. 2001. № 5. С. 73–88.

ношенности инфраструктуры[1]. Несмотря на то что инвестиционные площадки в малых городах и сельских территориях более доступны по цене, размещение на них производственных мощностей сопряжено с дополнительными расходами на строительство или модернизацию объектов городской инфраструктуры, а также со слабыми возможностями местных властей решить эти проблемы. Инвестор, реализующий проект в одном из регионов, рассказывает о такой ситуации: *«Мы планировали открыть цех в городе, выгодно расположенном с логистической точки зрения. Буквально пара часов езды от Москвы, рядом прекрасная магистраль. Но оказалось, что все сети в городе изношены, энергетических мощностей не хватает, резерв очистных сооружений на исходе... Власти города развели руками. Нам строить самим новые линии, тянуть трубы? Нет, на это просто не хватило денег»*.

Одним из распространенных решений инфраструктурных проблем инвесторов в малых городах является создание индустриальных парков[2]. Однако на практике это часто оказывается лишь формальным решением, о чем также свидетельствуют выдержки из интервью инвесторов: *«Нам предложили (для размещения производства) площадку в индустриальном парке. Красивое название — «индустриальный парк», да? А что это такое на самом деле? Это полузаброшенный завод, градообразующий в советское время. Система теплоснабжения на территории разрушена, котельная в простое пятый год. Кто с этим должен разбираться? Резиденты? Но их в таком парке просто нет и не будет!»*

Отдельный блок ограничений, препятствующих инвестиционным проектам в малых городах, связан с качеством институциональной среды — в частности, речь идет о несовершенстве муниципального законодательства и недостаточных возможностях муниципальных властей содействовать реализации инвестиционных проектов[3]. Иногда с подобными проблемами помогают справиться региональные власти, у которых есть формальные и неформальные рычаги влияния на муниципальные власти, что отмечает в интервью один из респондентов: *«Если все делать строго по закону — тогда будет долго и трудно. Если получится завести контакты*

---

[1] *Verbyla M. E., Oakley S. M., & Mihelcic J. R.* (2013). Wastewater infrastructure for small cities in an urbanizing world: integrating protection of human health and the environment with resource recovery and food security. Environmental science & technology, 47(8), 3598–3605.

[2] *Иогман Л. Г.*, *Гусаков М. А.* Индустриальные парки как инструмент реализации стратегии регионального развития // Экономика региона. 2007. №. 4. С. 85–94.

[3] *Бондарская О. В.* Институциональные факторы совершенствования инструментария социально-экономического развития малых городов // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 10 (056); *Оборин М. С.*, *Шерешева М. Ю.*, *Пахалов А. М.* Институциональная среда как фактор формирования инвестиционного климата малых городов России //Ars Administrandi. 2017. Т. 9. № 3.

в областной администрации — тогда быстрее и легче. Просто объяснят чиновникам на местах, что не нужно вставлять палки в колеса».

Таким образом, некоторые недостатки инвестиционного климата малых городов потенциально могут быть преодолены усилиями региональных администраций, способных выступать в роли координаторов и гарантов проводимых изменений. Их точка зрения на инвестиционный климат малых городов также изучалось в ходе проведенного исследования.

Инвестиционный климат малых городов России: точка зрения региональных властей

В одном из вопросов интервью представителям региональных властей было предложено назвать трудности, возникшие в процессе внедрения «Регионального инвестиционного стандарта». Результаты анализа проведенных интервью представлены в табл. 43.

Таблица 43

Результаты контент-анализа вопроса об основных барьерах внедрения «Регионального инвестиционного стандарта» (интервью с представителями органов власти)

Коды проблем с внедрением «Стандарта»	Кол-во интервью с упоминанием кода (всего 9)	Доля интервью с упоминанием кода, %
Нехватка нужных для привлечения инвесторов элементов	5	55,60
Специфика региона	4	44,40
Проблемы на муниципальном уровне	4	44,40
Нехватка компетенций и мотивации чиновников	3	33,30
Нет сложностей	3	33,30

Источник: составлено автором на основе расчетов в пакете QDA Miner.

Третьим значимым, по мнению властей регионов (4 из 9 интервью, 44,4%), барьером для внедрения «Стандарта» является то, что качество и возможности для улучшения инвестиционного климата серьезно дифференцированы внутри региона между муниципальными образованиями. При этом «Региональный инвестиционный стандарт» включает в себя только институциональные реформы регионального уровня, не предполагая сопутствующих изменений институтов муниципального уровня. Представители региональных властей, как и инвесторы, отметили нехватку компетенций и опыта работы муниципальных властей. В частности, один из собеседников из числа представителей власти отмечает: *«На местах*

часто банально не хватает опыта и компетенций работы с инвесторами. Мы это хорошо понимаем, поэтому стараемся брать на областной уровень некоторые вопросы». Аналогичную точку зрения высказывает заместитель главы еще одного региона: *«Мы вполне успешно справились с внедрением инвестиционного стандарта, что подтверждают оценки экспертов и высокие места в рейтинге АСИ. Однако для нас сразу стало очевидным, что одним стандартом ограничиться нельзя, потому что он предусматривает меры только регионального уровня, а ведь инвесторы приходят в конкретные города и районы. Поэтому мы практически сразу начали работу по улучшению инвестиционного климата и на муниципальном уровне»*.

Есть понимание важности улучшения инвестиционного климата и у самих представителей муниципальных органов власти. В частности, анкетирование представителей администраций 18 малых городов Владимирской области дало следующие результаты:

- 14 из 18 администраций малых городов Владимирской области отметили низкую инвестиционную активность в числе трех наиболее острых экономических проблем;
- 15 из 18 администраций малых городов Владимирской области назвали улучшение инвестиционного климата в числе трех приоритетов развития;
- в трех городах не видят проблем с инвестиционной активностью, но хотят улучшать инвестиционный климат;
- в двух городах признают проблемы с инвестиционной активностью, но улучшать инвестиционный климат не хотят.

Руководители ряда регионов России предпринимают конкретные меры по преодолению институциональной инерции на муниципальном уровне. В частности, в Ленинградской области сразу же после завершения процесса внедрения «Регионального инвестиционного стандарта» стартовал проект по внедрению «Муниципального инвестиционного стандарта»[1].

С 2015 г. «Муниципальные инвестиционные стандарты» начали внедряться сразу в нескольких российских регионах, при этом конкретное содержание таких документов не регламентировалось на федеральном уровне и в значительной степени варьировалось между регионами. Однако все компоненты стандартов деятельности муниципальных властей по улучшению инвестиционного климата можно разделить на две категории: информационные (нацеленные на повышение прозрачности муниципальных властей) и институциональные (нацеленные на внедрение новых правил взаимодействия муниципальных властей с инвесторами). Обе эти категории нацелены на решение актуальных проблем инвестиционного

[1] Муниципальный инвестиционный стандарт / Ленинградская область. URL: http://econ.lenobl.ru/budget/invest/mstandart (дата обращения: 15.10.2018).

климата малых городов: как показывают исследования, низкая информационная открытость является такой же значимой проблемой для малых городов[1], как и недостаточно развитые институты.

В табл. 44 приведена классификация положений инвестиционных стандартов трех регионов: Ленинградской области — как пилотного региона по внедрению данного документа, а также двух базовых регионов данного исследования — Тульской области и Пермского края. Во Владимирской области «Муниципальный инвестиционный стандарт» не внедряется, поэтому данный регион в таблице не представлен.

Таблица 44

Содержание «муниципальных инвестиционных стандартов» Ленинградской, Тульской областей и Пермского края

Компонент «Муниципального инвестиционного стандарта»	Ленинградская область	Тульская область	Пермский край
Информационные компоненты стандарта			
Инвестиционное послание главы муниципального образования	нет	да	да
Инвестиционный паспорт муниципального образования	да	нет	нет
Обновляемый план создания инфраструктуры	нет	да	да
Обновляемый перечень инвестиционных предложений	нет	да	нет
Создание интернет-ресурса об инвестиционной деятельности и предпринимательстве	нет	да	да
Наличие канала прямой связи инвесторов с главой администрации муниципального образования	нет	да	да
Институциональные компоненты стандарта			
Регламент сопровождения инвестиционных проектов по принципу «одного окна»	да	да	да
Наличие муниципальных документов территориального планирования	да	нет	нет
Утверждение органами местного самоуправления инвестиционной стратегии	нет	нет	да
Наличие специализированной организации по привлечению инвестиций и работе с инвесторами	нет	нет	да

[1] *Feeney M. K., Brown A.* (2017). Are small cities online? Content, ranking, and variation of US municipal websites. Government Information Quarterly, 34(1), 62–74.

Окончание табл. 44

Компонент «муниципального инвестиционного стандарта»	Ленинградская область	Тульская область	Пермский край
Институты и инфраструктура поддержки малого и среднего бизнеса	да	нет	нет
Институт инвестиционного уполномоченного	нет	да	нет
Принятие комплекса нормативных актов, устанавливающих основные направления инвестиционной деятельности	нет	да	нет
Внедрение оценки регулирующего воздействия проектов муниципальных нормативных актов, регулирующих вопросы предпринимательской деятельности	нет	да	да
Наличие коллегиального совещательного органа по улучшению инвестиционного климата	да	да	да
Создание инфраструктурных площадок для размещения производственных и иных объектов инвесторов	да	нет	да
Создание механизмов профессиональной подготовки и переподготовки по специальностям, соответствующим инвестиционной стратегии	нет	нет	да
Создание системы обучения и повышения квалификации муниципальных служащих, ответственных за привлечение инвестиций	да	да	да
Подписание соглашения о сотрудничестве с региональным институтом развития	да	нет	нет
Всего	*8 компонентов*	*11 компонентов*	*12 компонентов*

Источник: составлено авторами на основе сайтов региональных администраций, региональных инвестиционных порталов.

Основные направления улучшения инвестиционного климата малых городов

Анализ мирового опыта и лучших российских практик позволяет выделить семь возможностей для привлечения инвестиций в малые города:

1. Дальнейшее развитие системы обмена лучшими практиками привлечения инвестиций на основе «Муниципальных инвестиционных стандартов», но с обязательным созданием системы мониторинга осуществляемых изменений.
2. Создание особых территориальных преимуществ для инвесторов. Для привлечения инвестиций в малых городах могут быть созданы особые институциональные условия, например налоговые льготы

или режим особой экономической зоны. Для многих инвесторов наличие готовой производственной площадки со всеми необходимыми коммуникациями и удобными подъездными путями становится решающим фактором в процессе выбора региона для реализации инвестиционного проекта.

3. Строительство инфраструктурных объектов. В малых городах могут успешно функционировать объекты энергетической, транспортно-сервисной и телекоммуникационной инфраструктуры, ориентированные на обслуживание крупных географических районов. В качестве примера проектов в этих направлениях можно привести электростанции, предприятия по ремонту и обслуживанию железнодорожных составов, а также дата-центры интернет-компаний.
4. Стимулирование инвестиционной активности малого бизнеса. Малым городам, в которых возникают объективные сложности с привлечением крупных инвесторов (в частности, это относится к моногородам), следует обратить особое внимание на развитие малого и среднего бизнеса с помощью создания бизнес-инкубаторов и технопарков.
5. Создание территориальных кластеров. Такие кластеры могут быть сформированы вокруг успешно функционирующего предприятия. Если на какой-либо территории удастся создать реально функционирующий кластер (т.е. комплекс взаимосвязанных и взаимодополняющих компаний), то можно будет ожидать чрезвычайно позитивных результатов как для муниципального образования, так и для региона в целом.

ГЛАВА 2.7
АНАЛИЗ СТРАТЕГИЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ КАК ФАКТОРА РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ

Развитие малых городов в качестве дополнительных опорных точек для реализации преимуществ территориальной специализации требует внимания со стороны государства, которое в этом процессе должно возлагать на себя обязательства по планированию, разработке и обеспечению мер, направленных на достижение указанных целей. Основными элементами системы государственного стратегического планирования данной системы являются стратегии и программы развития, которые консолидируют в себе весь процесс разработки стратегических мероприятий. И если первые отвечают за стратегические ориентиры, то программы определяют пути их достижения[1].

На сегодняшний день в условиях развития в России инновационного типа управления ведущую роль приобретает программно-целевой метод.

Программно-целевой метод управления — способ решения крупных и сложных проблем посредством разработки и проведения системы мер, ориентированных на цели, достижение которых обеспечивает решение возникших проблем. Ядром программно-целевого метода является переход от совокупности системно организованных целей и задач решения проблемы к системе программных действий, мероприятий по достижению промежуточных целей, ведущих к ослаблению или снятию проблемы. Результатом реализации программно-целевого подхода является целевая программа.

Программа — это комплекс мероприятий, направленных на достижение заданных конечных результатов и решение конкретных научно-технических, экономических, социальных проблем. Обычно она представляет собой проектный и адресный документ, увязывающий действия разных

---

[1] *Правдюк В. Н.* Концепция стратегического планирования как инструмент экономического развития муниципального образования. Транспортное дело России. 2009. С. 50–54.

организаций и лиц-соисполнителей независимо от их ведомственной подчиненности по срокам выполнения этапов работ и выделяемых ресурсов»[1].

Особую актуальность программно-целевой метод с конца 1990-х — начала 2000-х гг. приобретает на уровне местного самоуправления, где органы власти и управления оказываются наиболее приближенными к имеющимся ресурсам, а потому, как представляется, имеют о них большее знание и могут более грамотно ими распорядиться.

Стоит отметить, что по Указу Президента Российской Федерации В. В. Путина от 30.06.2016 № 306 в стране был образован Совет при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам, задачами которого являются:

- подготовка предложений Президенту по приоритетным направлениям;
- определение ключевых параметров для формирования перечня приоритетных проектов и программ;
- координация деятельности органов власти и организаций при рассмотрении вопросов, связанных с реализацией приоритетных проектов и программ;
- анализ и оценка реализации приоритетных проектов и программ, организация мониторинга достижения целей, приоритетных направлений и показателей по основным направлениям стратегического развития Российской Федерации.

Это обуславливает актуальность рассмотрения государственных стратегий и программ как инструмента, который может серьезно воздействовать на основные детерминанты социально-экономического развития малых городов и прилегающих к ним территорий.

Зарубежная и российская практика реализации и оценки государственных программ

В зарубежной практике реализация и оценка государственных программ содержат следующие обязательные принципы:

- за счет четкого и жесткого разделения ответственности за реализацию программы повышается контроль над расходами бюджетных ресурсов;
- существуют конкретные индикаторы, которые позволяют провести анализ государственной программы;
- внешние эксперты проводят анализ программы на осуществимость.

---

[1] *Слинкова О. К.*, *Скачков Р. А.* Практика использования программно-целевого метода в управлении экономикой России // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. URL: http://www.science-education.ru/

Наиболее эффективно государственные программы реализуются в Австралии, Франции, Южной Корее, Канаде, США, при этом следует отметить отсутствие единого для всех стран подхода к оценке эффективности реализации госпрограмм.

Так, в США до недавних пор применялась модель PART (Program Assesment Rating Tool)[1]. Главным достоинством данной модели являлось то, что с помощью нее можно провести интегральный анализ показателей, исследуя все ключевые элементы программы, начиная от ее подготовки и заканчивая финальной оценкой ее результатов.

В Австралии индикаторы совершенствуются и конкретизируются из года в год, что позволяет лучше управлять государственными средствами, которые идут на госпрограмму. Оценка результатов реализации программы осуществляется при помощи постоянного и систематического мониторинга показателей и промежуточных результатов исполняемой программы[2].

Во Франции существует персональная ответсвенность за результаты проведения госпрограммы. Каждый исполнитель сам разбивает бюджет программы на более мелкие части, за каждую из которых несет ответственность сотрудник среднего звена. Стремление отвественных за реализацию программы работать эффективнее обеспечивается продуманной системой стимулов, включая отрицательные (специально предусмотренные санкции). Также законодательно урегулирован вопрос о бюджете, который содержит конкретный набор индикаторов, помогающих оценить эффективность государственной программы[3].

Представляет интерес и опыт Южной Кореи, где оценка государственных программ производится путем систематического сбора и анализа данных с последующей подготовкой отчета на базе проведенного анализа[4]. Основным минусом данного подхода является то, что он очень затратен и требует большого количества времени.

В качестве одного из ярких примеров успешной реализации государственной программы следует выделить программу стран Европейского союза Leader. Она реализовывалась с небольшими перерывами с 1991 по 2006 г., общий объем финансирования составил более 5 млрд евро. Цель данной программы заключалась в том, чтобы обеспечить диверсификацию экономики сельских районов, создание рабочих мест и повышение уровня

---

[1] *Khan A., Hildreth W. B.* (2002). Budget Theory in the Public Sector. L.: Quorum books, 203.

[2] *Beer A., Maude A.* (2002) Local and Regional Economic Development Agencies in Australia. School of Geography, Population and Environmental Management, Flinders University.

[3] *Barilari A., Bouvier M.* (2010). La LOLF et la nouvelle gouvernance financière de L'Etat. 3-e èd. P.: LGDJ.

[4] *Stebek E. N.* (2013). Overview of Country Experience in Land Rights and Developmental Statehood: South Korea, Taiwan, China and Singapor. Mizan Law Review, 7 (2).

жизни на сельских территориях с численностью населения от 10 до 100 тыс. человек за счет поддержки кооперации местных инициативных групп (LAG). На законодательном уровне за ними закреплялась возможность участия в социально-экономической жизни территорий и управления государственными и частными фондами. Для достижения цели было обеспечено объединение местных ресурсов с помощью инновационных технологий, а также развитие института местных сообществ.

В ходе реализации данная программа продемонстрировала, что кооперация местных сообществ имеет большое значение для стимулирования устойчивого развития, поскольку они за счет своей гибкости смогли добиться эффективной комбинации доступных людских и финансовых ресурсов из государственного, частного и общественных секторов.

В российской практике в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 02.08.2010 № 588 «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации» государственной программой является документ стратегического планирования, содержащий комплекс планируемых мероприятий, взаимоувязанных по задачам, срокам осуществления, исполнителям и ресурсам, и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Расширение государственных обязательств по обеспечению устойчивого развития регионов требует решить проблему качественного улучшения различных видов государственных программ, реализуемых в Российской Федерации[1]. Ряд исследователей[2] считают, что госпрограммы выступают эффективным инструментом бюджетного планирования и прогнозирования. М. П. Афанасьев и Н. Н. Шаш доказывают, что комплексная оценка эффективности госпрограмм позволяет определить эффективность реализации государственной политики в приоритетных сферах[3].

В данном контексте наиболее интересны для изучения подходы к оценке государственных программ. В ст. 55 Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Россий-

---

[1] *Евдокимов Н., Галанина К.* Государственные программы как инструмент региональной социально-экономической политики. URL: http://www.bagsurb.ru/about/journal/Part%203_articles.pdf

[2] *Маркова А. А.* Государственные программы как инструмент бюджетного планирования и прогнозирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2013. С. 137–144; *Токунова Г. Ф.* Стратегическое планирование развития малых городов. Дис. канд. экон. наук.: 08.00.05: Волгоград, 2004. — 157 с.

[3] *Афанасьев М. П.*, *Шаш Н. Н.* Инструментарий оценки эффективности бюджетных программ // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 3. С. 48–69.

ской Федерации, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 02.08.2010 № 588, указано, что методика оценки эффективности государственной программы должна представлять собой алгоритм оценки фактической эффективности реализации государственной программы и быть основана на оценке результативности государственной программы с учетом объема ресурсов, направленных на ее реализацию. Стоит отметить, что методология оценки государственных программ рассматривается в тексте данного документа не так глубоко, как вопросы их планирования и разработки. Так, методика оценки эффективности государственной программы должна учитывать необходимость проведения оценок:

1) степени реализации ведомственных целевых программ и основных мероприятий (достижения ожидаемых непосредственных результатов их реализации);
2) степени достижения показателей (индикаторов) подпрограмм и государственной программы в целом;
3) степени соответствия запланированному уровню затрат и эффективности использования средств федерального бюджета;
4) ряда других показателей, учитывающих отраслевую специфику государственной программы.

Основными индикаторами для оценки выступают целевые показатели, составленные на этапе планирования государственных программ посредством экспертных оценок и прогнозных значений. Результатом оценочной деятельности является подготовка годового отчета о ходе и реализации госпрограммы. Наиболее подробно этапы реализации данной методики рассмотрены российскими учеными Н. А. Садовниковой и Е. Н. Клочковой[1].

Вопросы методологии оценки и анализа госпрограмм затронуты также в работах Д. В. Дементьева, О. П. Кузнецовой, А. И. Мастерова, Е. А. Юмаева[2]. Они считают, что инструменты оценки государственных программ позволяют найти ответы на следующие вопросы: каких целей достигают государственные программы, насколько результаты реализации той или иной государственной программы применимы к стратегии развития реги-

---

[1] *Садовникова Н. А.*, *Клочкова Е. Н.* Методологические подходы к оценке государственных программ // Теория и практика общественного развития. 2014. № 7. С. 93–97; *Садовникова Н. А.*, *Клочкова Е. Н.* Система показателей эффективности проектов по реализации основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации в сфере ИКТ // Статистика и экономика. 2011. № 6. С. 163–168.

[2] *Дементьев Д. В.* Областной программный бюджет: необходимость и результативность // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2015. № 8 (368). С. 29–38; *Кузнецова О. П.*, *Юмаев Е. А.* Стратегические планы субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и их реализация // Омский научный вестник. 2015. № 4 (141). С. 248–251; *Мастеров А. И.* Совершенствование государственных программ как условие повышения эффективности программно-целевого бюджетирования в России // Экономика. Налоги. Право. 2016. № 5. С. 99–104.

она; что нужно изменить в государственной программе, чтобы обеспечить ее выполнение; как нужно скорректировать бюджетные расходы, чтобы программа стала наиболее эффективной.

Другой методологический подход к оценке эффективности реализации государственных программ предложил директор Департамента бюджетной политики Минфина России И. А. Соколов. Он рассматривает оценку эффективности государственных программ сквозь призму бюджетных механизмов и описывает трехуровневую систему анализа, которая состоит из оценки программных или непрограммных расходов, проектов и видов расходов. Данный подход позволяет выявить зоны неэффективного управления государственными финансами и на этой основе сформировать рекомендации по их преодолению[1].

Подытоживая вышесказанное, можно отметить, что, несмотря на наличие методологического подхода к анализу и оценке государственных программ, закрепленного на уровне федерального законодательства, данный документ не определяет единого подхода на всех уровнях анализа и оценки, ограничиваясь общими направлениями для анализа. Этим в первую очередь обусловлено отсутствие интегрированной системы оценки и анализа эффективности реализации государственных программ. Интерес со стороны научного сообщества к данной проблеме стимулирует поиск универсальных методов и подходов, однако масштаб проблемного поля сильно затрудняет разработку унифицированного подхода.

Вопрос развития малых городов в ранний постсоветский период был оставлен без внимания. Так, была разработана научная концепция развития малых городов нашей страны. Впоследствии она была оформлена в Федеральную программу «Социально-экономическое развитие малых городов Российской Федерации на период 2015–2020 гг.»[2], которая принята в 2014 г. Государственной Думой как закон и подписана Президентом России. В этой программе намечены основные направления социально-экономического развития малых городов России до 2020 г., определяются научно-методические, экономические, организационные, правовые и другие составляющие, которые должны обеспечить поэтапную ее реализацию как на общегосударственном, так и региональном уровнях.

Однако стоит отметить, что реализация Федеральной программы развития малых городов по состоянию на 2017 г. отстает от предусмотренных планом мероприятий по различным причинам, наиболее значимыми из которых являются:

---

[1] *Соколов И. А.* Доклад «Методологические подходы к оценке эффективности бюджетных расходов, в том числе государственных программ» // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. № 2 (20). 2014. С. 7–10.

[2] Федеральная программа «Социально-экономическое развитие малых городов Российской Федерации на период 2015–2020 годов».

— отсутствие или недостаточное финансирование со стороны государственных органов, что обусловлено общим недостатком финансовых ресурсов в стране;
— кризисные явления в экономике страны, тем более что в регионах кризисные явления, как правило, проявляются более значительно, чем в мегаполисах и крупных городах;
— обострение социальных проблем, что связано с отсутствием должного социального обслуживания, централизацией и концентрацией в региональных центрах образовательных, медицинских и социальных учреждений при их сокращении в малых городах, что ограничивает возможности населения малых городов пользоваться социальными услугами;
— рост безработицы в регионах, сокращение числа рабочих мест в сельской местности, негативная демографическая ситуация, связанная со старением населения и оттоком молодых кадров.

Уже сегодня Программа развития малых городов нуждается в определенной коррекции, предложении новых подходов, а также в изыскании источников финансирования ее мероприятий.

Подходы к анализу эффективности, обеспеченности и сбалансированности программ развития муниципальных образований

Применение программно-целевого метода на уровне местного самоуправления предусмотрено Федеральным законом № 131-ФЗ[1]. При этом указанный закон предусматривает несколько видов программ: программы комплексного социально-экономического развития муниципального образования (п. 6 ч. 1 ст. 17), программы комплексного развития систем коммунальной инфраструктуры, программы комплексного развития транспортной инфраструктуры, программы комплексного развития социальной инфраструктуры (п. 6.1 ч. 1 ст. 17), которые можно объединить общим термином «программы развития муниципального образования» (п. 3 ч. 3 ст. 28, п. 4 ч. 10 ст. 35), и муниципальные программы (п. 8.2 ч. 1 ст. 17). Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, свыше 6 тыс. муниципальных образований разработали и приняли программы развития[2].

[1] Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Справочная правовая система]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 20.05.2017).

[2] Нормативные правовые акты муниципальных образований // Официальный сайт «Нормативные правовые акты Российской Федерации. Министерство юстиции Российской Федерации». URL: http://zakon.scli.ru (дата обращения: 06.04.2015).

Несмотря на широкую распространенность данного вида правового акта на муниципальном уровне в действующем федеральном законодательстве, легальное определение термина «программа развития муниципального образования» не закреплено. Вместе с тем второй вид программ — муниципальные программы — определен в п. 35 ст. 3 относительно нового Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Попытка урегулирования данного правового пробела осуществляется самими муниципальными образованиями в рамках муниципального правотворчества. Например, в Пермском муниципальном районе Пермского края дефиниция «программа развития» определена в Порядке принятия планов и программ развития Пермского муниципального района, утверждения отчетов об их исполнении как комплексная система целевых ориентиров и планируемые эффективные пути и средства достижения указанных ориентиров, развернутые во времени комплексы ресурсообеспеченных мероприятий, направленных на обеспечение взаимосвязанного и взаимообусловленного развития всех подсистем Пермского муниципального района, целью которых является выбор и реализация оптимального направления развития района[1]. Согласно Методическим рекомендациям по разработке программы комплексного социально-экономического развития муниципального образования Пермского края, утвержденным распоряжением Правительства Пермского края от 14.03.2011 № 42-рп, программа комплексного социально-экономического развития муниципального образования является документом, определяющим систему целевых ориентиров деятельности органов местного самоуправления муниципального образования по приоритетным направлениям социально-экономического развития муниципального образования, а также включающим систему взаимосвязанных и сбалансированных между собой по содержанию, срокам и ресурсам мероприятий по достижению целевых ориентиров[2].

Исходя из данных определений, ключевым звеном программы развития является ориентир. Данный ориентир носит строго целевой характер, а потому его можно и нужно анализировать. Традиционно анализу подвергаются три характеристики программы развития: эффективность, обеспеченность и сбалансированность.

---

[1] Об утверждении Порядка принятия планов и программ развития Пермского муниципального района, утверждения отчетов об их исполнении: Решение Земского собрания Пермского муниципального района № 439 от 29.04.2014 // «Бюллетень муниципального образования «Пермский муниципальный район». № 10. 30.04.2014.

[2] Методические рекомендации по разработке программы комплексного социально-экономического развития муниципального образования Пермского края: Распоряжение Правительства Пермского края № 42-рп от 14.03.2011 // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс] / ЗАО «ТелекомПлюс». Пермь, 2011 (дата обращения: 15.04.2015).

Под *эффективностью* понимают относительный показатель, устанавливающий связь полученных результатов с затратами и позволяющий определить, оправданны ли расходы или нет[1]. Наука о муниципальном управлении различает два типа методик оценки эффективности программ развития муниципальных образований.

Первый подход объединяет методики оценки, разработанные органами государственной власти для целей регулирования распределения и перераспределения средств, направляемых в муниципальные образования из региональных бюджетов. Интегральные показатели таких методик рассчитываются на базе частных индикаторов уровня финансового состояния, уровня экономического развития, уровня социального развития муниципальных районов. Таким образом, эффективность программ развития муниципальных образований охватывает, как правило, лишь два измерения: экономическая эффективность и социальная эффективность. В то же время в условиях непрерывного усложнения и развития общественных отношений следует обратить внимание и на другие эффекты программ (например, экологическая эффективность, инновационная эффективность и др.).

Второй подход служит для целей оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления в части реализации комплексных программ социально-экономического развития муниципальных образований. Интегральные показатели таких методик рассчитываются на базе частных индикаторов, характеризующих уровень реализации стратегических целей, приоритетов и задач, сформулированных в программах[2].

На практике также нередко встречается методический подход к оценке эффективности, основанный на оценке степени достижения целей программы — сопоставления целевых индикаторов с фактическими показателями реализации программы. В таком случае эффективность отождествляется с результативностью.

Опыт применения вышеназванных подходов на примере отдельных муниципальных образований Российской Федерации представлен в табл. 45. Данные табл. 45 демонстрируют, что встречается промежуточная и обобщающая оценка эффективности программ развития муниципальных образований. Первая из них проводится на стадии реализации программ (как правило, ежегодно), вторая — по завершении выполнения программы.

---

[1] *Хасанов Р. Н.* Проблемы оценки эффективности целевых программ на стадии их отбора и реализации // Проблемы современной экономики: материалы междунар. науч. конф. (г. Челябинск, декабрь 2011 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2011. С. 45–48.

[2] *Псарев В. И.*, *Псарева Т. В.*, *Сушенцева Н. В.*, *Гончаров И. А.* Методика формирования и анализа комплексных программ социально-экономического развития муниципальных образований / под общ. ред. В. И. Псарева, Н. В. Сушенцевой. Новосибирск, 2010.

Таблица 45

Показатели оценки эффективности муниципальных программ [1, 2]

№ п/п	Муниципальное образование	Нормативный документ	Показатели эффективности программы		Периодичность оценки
			Частные	Интегральные	
1	Александровское сельское поселение Александровского района Томской обл.	Решение Совета сельского поселения от 10.07.2013 № 68-13-13-п	22 показателя (экономика, социальная сфера)	Среднее значение выполнения всех показателей программы, %	Ежегодно и по завершении выполнения программы
2	Город Барнаул Алтайского края	Решение Барнаульской городской Думы от 14.12.2012 № 13	35 показателей по блокам: уровень и качество жизни населения; уровень экономического роста; эффективность муниципального управления	-	Ежегодно и по завершении выполнения программы
3	Город Ессентуки Ставропольского края	Решение Совета города Ессентуки от 31.08.2011 № 86	19 целевых индикаторов: экономика, социальная сфера	-	Ежегодно и по завершении выполнения программы
4	Онерский наслег Усть-Алданского улуса (р-на) Республики Саха (Якутия)	Программа Республики Саха (Якутия) на 2007–2011 гг.	65 показателей по 8 блокам[1]. Отдельно оценивается объем инвестиций по 12 отраслям	4 интегральных показателя эффективности инвестиций[2]	Периодичность не установлена
5	Асиновский район Томской области	Решение Думы Асиновского района от 18.04.2008 № 275	102 целевых показателя по 11 направлениям, 3 приоритетных по развитию: человеческого, экономического потенциалов территории; эффективность использования природных ресурсов; эффективность работы ОМСУ	Приоритеты — в качестве интегральных показателей	Срок не установлен

[1] Население и труд; уровень жизни населения и соцсфера; предприятия и организации; промышленность; сельское хозяйство; строительство; транспорт и связь; потребительский рынок и услуги.

[2] Традиционные показатели эффективности инвестиций: чистый дисконтированный доход; индекс доходности; внутренняя норма рентабельности; срок окупаемости.

Нужно отметить существование двух основных способов исследования показателей эффективности программы:

1) в целях оперативного мониторинга предусматривается автономное исследование различных статистических показателей, которые количественно отражают те или иные параметры системы, иногда дополняется расчетом нескольких индексов, включающих не более 3–5 первичных индикаторов;
2) применение метода индикативной оценки, суть которого заключается в сопоставлении фактических, ожидаемых и пороговых значений социально-экономических показателей с использованием большого числа индикаторов (представление в виде вектора)[1].

Постановлением Правительства РФ от 02.08.2010 № 588[2] был утвержден Порядок разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации. Согласно ему, а также Методическим указаниям по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации, утвержденным Приказом Минэкономразвития России от 20.11.2013 № 690, методика оценки эффективности государственной программы предусматривает проведение оценки:

1) достижения целей и решения задач подпрограмм и государственной программы в целом;
2) степени соответствия запланированному уровню затрат и эффективности использования средств федерального бюджета;
3) ведомственных целевых программ и основных мероприятий (достижения ожидаемых непосредственных результатов их реализации).

Обязательным условием эффективности программы является успешное (полное) выполнение запланированных на период ее реализации целевых индикаторов, а также мероприятий программы в установленные сроки. При оценке эффективности программы используются два вида критериев — экономические и социальные. Критерии экономической эффективности учитывают вклад программы в экономическое развитие РФ в целом, влияние ее результатов на различные сферы экономики. Критерии социальной эффективности отражают вклад реализации программы в социальное развитие, показатели которого не могут быть выражены в стоимостной оценке.

---

[1] *Сидоров А. А.*, *Силич М. П.* Методические подходы к оценке социально-экономического развития муниципальных образований // Известия Томского политехнического университета. 2008. Т. 313. № 6. С. 38–44.

[2] Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 02.08.2010 № 588 // «Собрание законодательства РФ». 09.08.2010. № 32. Ст. 4329.

На этапе разработки программы ответственным исполнителем проводится оценка планируемой эффективности, для чего им обосновываются количественные показатели или дается качественное описание связи динамики значений показателей (индикаторов) реализации государственной программы с динамикой уровня развития соответствующей сферы социально-экономического развития или обеспечения национальной безопасности Российской Федерации[1].

В процессе реализации программы оценка ее эффективности осуществляется путем сопоставления фактически достигнутых значений показателей с их плановыми значениями, в том числе и относительно затрат на реализацию программы. Проводится также сравнение фактических сроков реализации мероприятий программы с запланированными, а также сравнение фактически полученных результатов с ожидаемыми. В случае выявления отклонений фактических результатов в отчетном году от запланированных выявляются их причины и принимаются соответствующие решения: о сокращении на очередной финансовый год и плановый период бюджетных ассигнований на ее реализацию или о досрочном прекращении реализации отдельных мероприятий или государственной программы в целом начиная с очередного финансового года.

Таким образом, если при оценке эффективности проектов решающее значение имеет доходность вкладываемых в их реализацию средств, то при оценке программ — результативность, т.е. степень достижения поставленных целей программы, отраженных совокупностью ее целевых индикаторов. Такие подходы представляются достаточно универсальными[2].

Для муниципального уровня в современной России единые требования по оценке программ не выработаны, в связи с чем в муниципальных образованиях имеют место собственные муниципальные правовые акты, построенные по аналогии с вышеназванными федеральными документами[3].

Для муниципальных образований Пермского края единые требования по оценке программ были выработаны лишь в 2014 г. в Модельном му-

---

[1] *Морозов С. И.* Методический подход к оценке эффективности региональных инновационных программ // Проблемы современной экономики. 2012. № 3(43). С. 118–127.

[2] Там же.

[3] Например, Постановление администрации Пермского муниципального района от 08.07.2013 № 1905 «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности муниципальных программ Пермского муниципального района», Постановление главы городского округа Котельники Московской области от 02.07.2014 № 606-ПГ «Об утверждении порядка разработки, реализации и оценки эффективности муниципальных программ», Постановление администрации города Красноярска от 03.03.2015 № 105 «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности муниципальных программ Пермского муниципального района» и др.

ниципальном правовом акте об утверждении порядка разработки, реализации и оценки эффективности муниципальных программ (утверждены приказом Министерства территориального развития от 29.05.2014 № СЭД-53-03.15-49)[1]. Документ рекомендован главам муниципальных районов и городских округов Пермского края для использования при подготовке муниципальных правовых актов.

Предметом правового регулирования указанных актов являются муниципальные программы, а не программы развития муниципальных образований. Набор муниципальных программ не может заменить программу развития. Но муниципальные программы могут входить в состав программы развития, при этом они должны иметь подчиненное значение, а способы достижения заявленных в них целей, а также результаты реализации не противоречить стратегическим целям программы развития. Следовательно, методики оценки эффективности муниципальных программ могут в совокупности представлять методику оценки эффективности программы развития муниципального образования.

В отдельных случаях методики оценки эффективности программ развития муниципального образования рекомендуются органами государственной власти субъектов РФ. Например, постановление Правительства Забайкальского края от 05.03.2014 № 101 о проведении комплексной оценки органов местного самоуправления муниципальных районов[2]. Это способствует формированию единой методики оценки программ муниципальных образований, расположенных в границах одного субъекта Российской Федерации.

Переходя к исследованию подходов к анализу обеспеченности программ развития муниципальных образований, следует отметить, что обеспеченность программы может быть описана как величина, характеризующая достаточность ресурсов для реализации запланированных мероприятий. Анализ обеспеченности программ развития муниципальных образований осуществляется в рамках анализа качества подготовки программы, т.е. по времени осуществления данная оценка является предва-

---

[1] Об утверждении модельного муниципального правового акта «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности муниципальных программ муниципального образования». Приказ Министерства территориального развития Пермского края № СЭД-53-03.15-49 от 29 мая 2014 // Бюллетень законов Пермского края, правовых актов губернатора Пермского края, Правительства Пермского края, исполнительных органов государственной власти Пермского края. № 22. 09.06.2014.

[2] О некоторых вопросах проведения комплексной оценки органов местного самоуправления муниципальных районов (городских округов) Забайкальского края: Постановление Правительства Забайкальского края от 05.03.2014 № 101. URL: http://xn--h1aeecdbgb5k.xn--80aaaac8algcbgbck3fl0q.xn--p1ai/documents/normativno_pravovye_akty/28489.html (дата обращения: 15.04.2015).

рительной[1]. Это связано с тем, что сама по себе ресурсная обеспеченность любой программы на сегодняшний день в России воспринимается как базовый методологический принцип ее разработки и реализации[2]. Анализ обеспеченности программ является, таким образом, залогом утверждения программы и возможности ее реализации на практике.

В то же время Федеральным законом от 28.06.2014 № 183-ФЗ «О внесении изменений в статьи 179 и 184 Бюджетного кодекса Российской Федерации»[3] устанавливается обязательность перехода на программный принцип составления бюджетов субъектов Российской Федерации. Вопрос составления бюджетов муниципальных образований на основе муниципальных программ отнесен к полномочиям субъекта Российской Федерации. Положения новых пунктов ст. 184 Бюджетного кодекса Российской Федерации применяются к правоотношениям, возникающим при составлении и исполнении бюджетов субъектов Российской Федерации и бюджетов муниципальных образований, начиная с бюджетов на 2016 г. и на плановый период 2017 и 2018 гг. При этом обязательность перехода на составление местных бюджетов на основе муниципальных программ устанавливается только при условии составления и утверждения местного бюджета сроком на три года (очередной финансовый год и плановый период)[4]. Для подготовки правовой документации в данной области правоотношений используются Методические рекомендации по составлению и исполнению бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов на основе государственных (муниципальных) программ, подготовленные Министерством финансов Российской Федерации[5].

Таким образом, финансовое обеспечение реализации муниципальных программ в части расходных обязательств муниципального образования будет осуществляться за счет бюджетных ассигнований муниципального образования.

---

[1] Семинар «Оценка программ» // Фонд «Институт экономики города». URL: www.urbaneconomics.ru/download.php?dl_id=98 (дата обращения: 07.04.2015).

[2] *Бабушкина А. С.* Региональные целевые программы социально-экономического развития: механизм разработки и реализации // Материалы VII Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум 2015». URL: http://www.scienceforum.ru/2015/808/8334 (дата обращения: 07.04.2015).

[3] О внесении изменений в статьи 179 и 184.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 № 183-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 30.06.2014. № 26 (часть I). Ст. 3389.

[4] Там же.

[5] О Методических рекомендациях по составлению и исполнению бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов на основе государственных (муниципальных) программ: Письмо Минфина России от 30.09.2014 № 09-05-05/48843 // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс] / ЗАО «ТелекомПлюс». Пермь, 2011 (дата обращения: 15.04.2015).

Сбалансированность программы означает соответствие (равновесие) затраченных на реализацию программы развития расходов полученному доходу (результату). На практике оценке сбалансированности подвергается не сама программа развития муниципального образования, а мероприятия, осуществляемые в рамках такой программы, которые в совокупность призваны стимулировать развитие муниципального образования по траектории, обозначенной в программе. Можно выделить два подхода к оценке сбалансированности развития муниципального образования. Первый подход предполагает построение системы индикаторов, каждый из которых характеризует отдельные аспекты развития. При этом в рамках общей системы показателей чаще всего выделяются следующие подсистемы: экономические, экологические, социальные и институциональные индикаторы. Второй подход — формирование агрегированного (интегрального) показателя, отражающего степень сбалансированности развития региона или страны[1].

В рамках первого подхода, ориентирующегося на разработку системы индикаторов, Д. А. Барабаш выделяет несколько вариантов структуры и показывает, что российский опыт также дает примеры комбинирования этих структур:

1) «тема/проблема-индикатор», когда определенной проблеме соответствует свой индикатор, обычно выделяются три группы индикаторов: экономические, социальные и экологические (реализовано в Томской области);
2) «цели-задачи-индикаторы» — имеет иерархическое построение, при этом цели и задачи могут быть только сформулированы и не иметь количественного выражения в отличие от индикаторов (примеры такой структуры — Цели развития тысячелетия ООН, системы показателей в Чувашской Республике и Костромской области);
3) выделение базовых/ключевых индикаторов, отражающих приоритетные проблемы региона (реализовано в Самарской области);
4) «тема-подтема-индикатор» — разработана Комиссией по устойчивому развитию ООН;
5) дифференциация индикаторов на показатели «давление-состояние-реакция» характерна для системы Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

---

[1] *Барабаш Д. А.* Совершенствование инструментария оценки сбалансированности регионального развития: дис. на соискание уч. ст. канд. эконом. наук. Специальность 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством; региональная экономика М., 2014. URL: http://www.fa.ru/dep/ods/autorefs/Dissertations/*БарабашД.А.*(01.07.2014)dc13e35bf26f912911cd4036c690d4ec.pdf (дата обращения: 07.04.2015).

Представленные выше варианты Д. А. Барабаш выделяет для регионального уровня управления. На наш взгляд, аналогичные варианты имеют место и на уровне местного самоуправления.

Стратегические ориентиры развития и госпрограммы Владимирской области, Тульской области и Пермского края

Для обеспечения развития малых городов необходимо планирование и реализация комплекса мероприятий разностороннего характера. В настоящее время в целом ряде регионов, включая избранные для изучения, уже делаются первые шаги и преобразования на базе программного планирования. Это открывает новые возможности для развития малых городов. В табл. 46 представлены стратегии социально-экономического развития Владимирской, Тульской областей и Пермского края.

Таблица 46

Основные ориентиры стратегий социально-экономического развития Владимирской области, Тульской области и Пермского края*

	Владимирская область	**Тульская область**	**Пермский край**
Срок реализации стратегии	2009–2027 гг.	2013–2030 гг.	2011–2026 гг.
Цель стратегии	Повышение качества жизни населения до уровня не ниже среднего по ЦФО на основе использования геополитических преимуществ региона, реализации его промышленного, научного и рекреационного потенциала	Модернизация промышленности и рост социально-экономического потенциала Тульской области, что позволит увеличить инвестиционную активность на территории области и укрепить ее позиции в ЦФО, РФ и на глобальных рынках	Обеспечение комплексного и сбалансированного развития Пермского края
Направления реализации стратегии	Формирование условий для сбалансированного экономического роста; приоритетное развитие инноваций и научной инфраструктуры; обеспечение развития инфраструктуры туризма, транспорта и промышленности; рост платежеспособности и доходов населения; улучшение качества жизни и показателей здоровья населения	Рост численности населения; обеспечение достойного уровня доходов и занятости населения; формирование инновационно-ориентированной структуры экономики; создание условий для экономического роста; совершенствование работы органов власти на муниципальном и местном уровнях; улучшение обслуживания населения органами власти через развитие концепции «Клиенториентированное государство»	Развитие человеческого потенциала; экономическое развитие; создание комфортной среды проживания; управление ресурсами; развитие территорий; повышение эффективности деятельности государственных краевых и муниципальных учреждений социальной сферы; инновации в культуре и развитие городской среды

Источник: составлено авторами по данным администраций регионов (дата обращения: 12.07.2017).

Таким образом, на уровне регионов предусмотрены самые разнообразные меры, которые напрямую касаются развития малых городов.

Рассмотрим текущую ситуацию с государственными программами в Пермском крае, Владимирской и Тульской областях. Исследование построено на системном анализе ключевых аспектов реализации и оценки госпрограмм: количество, продолжительность, целевые показатели, финансирование. Так, в табл. 47 отражено количество программ, которые находились в стадии реализации в 2017 г.

Таблица 47

Распределение региональных государственных программ по направлениям деятельности

Наименование области	Количество программ	Из них			
		Социальная сфера	Реальный сектор экономики	Муниципальное управление и развитие территорий	Прочее
Владимирская область	36	16	6	3	11
Тульская область	23	10	5	1	7
Пермский край	23	12	2	3	6

Как видно из табл. 47, наибольшее количество государственных программ приходится на Владимирскую область — 36. В Тульской области и Пермском крае количество госпрограмм совпадает — по 23. Анализ показал, что причиной такого расхождения является срок реализации государственных программ регионов.

Владимирская область характеризуется большим количеством программ с разным сроком их реализации. В области представлены программы, начиная от одного года действия и заканчивая периодом реализации в 12 лет. Такой подход делает социально-экономическую политику Владимирской области более гибкой, нежели в двух других рассматриваемых регионах. Но при этом данный подход несет существенные издержки с точки зрения разработки законодательной базы, ее систематизации и контроля над ее исполнением. Это, в свою очередь, негативно влияет на институциональную среду региона, а также может спровоцировать нарушение механизма реализации и привести к снижению запланированных результатов.

Таблица 48

Продолжительность реализации региональных госпрограмм

Наименование региона	Продолжительность, лет											
	1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**	**10**	**11**	**12**
Владимирская область	1	0	3	4	5	5	14	2	0	1	0	1
Тульская область	-	-	-	-	-	1	19	1	1	-	-	1
Пермский край	-	-	-	-	1	20	2	-	-	-	-	-

Вернемся к распределению региональных государственных программ по направлениям деятельности. Отразим на рис. 16 удельный вес каждого из направлений от общего числа госпрограмм по каждому региону.

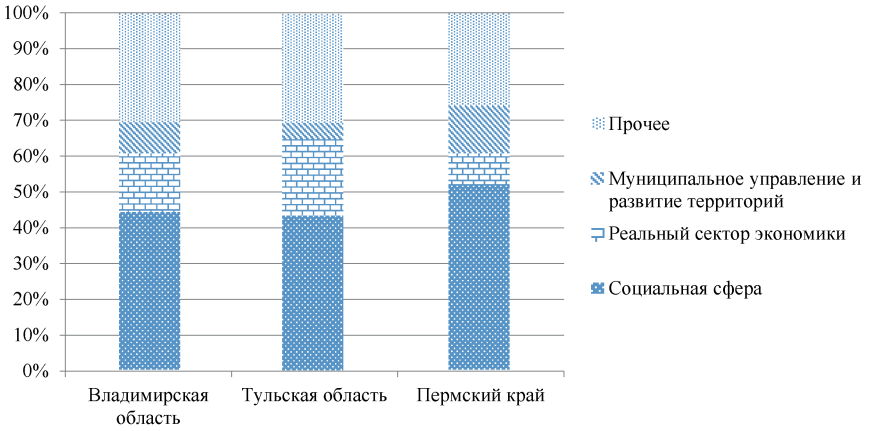


Рис. 16. Удельный вес направлений развития госпрограмм регионов

Источник: Администрации Тульской области: официальный сайт. URL: https://tularegion.ru; Администрации Владимирской области: официальный сайт. URL: http://avo.ru; Администрации Пермского края: официальный сайт. URL: http://www.permkrai.ru (дата доступа: 24.07.2017).

Как видно из рис. 16, в процентном соотношении распределение государственных программ по направлениям реализации имеет следующую структуру:

- в социальной сфере, которая включает в себя такие аспекты, как благополучие и поддержка граждан, образование, здравоохранение, физкультура и спорт, культура и туризм, транспорт, ЖКХ, коммунальная инфраструктура и благоустройство, наибольшее количество программ задействовано в Пермском крае — 52,2%. Далее следуют Владимирская и Тульская области с показателями 44,4 и 43,5% соответственно;

- реальный сектор экономики, который включает в себя промышленность, малое и среднее предпринимательство, а также сельское и лесное хозяйство, является приоритетом для Тульской области, где процент от общего количества госпрограмм в регионе составляет 21,7%. Далее следует Владимирская область с показателем 16,7% и Пермский край — 8,7%;
- программы, ориентированные на развитие территорий и муниципального управления, в структуре Пермского края занимают 13%, а во Владимирской и Тульской областях 8,3 и 4,3% соответственно;
- в отдельный раздел «Прочее» выделено направление, которое содержит в себе такие программы, как безопасность, охрана окружающей среды, энергосбережение, управление государственными финансами и другое. Здесь наибольшая доля у Владимирской и Тульской областей (30,5%), а доля Пермского края составляет 26,1%.

Далее все показатели будут рассмотрены именно в данном разрезе.

В целом распределение количества государственных программ говорит о том, что каждый регион уделяет значительное внимание социальным программам, в то время как на сферу территориального развития или развития реального сектора может приходиться не более 10% госпрограмм. Поэтому следующим этапом проанализируем финансирование госпрограмм рассматриваемых нами регионов (табл. 49).

Таблица 49

Финансирование госпрограмм в 2016 г. по направлениям, тыс. руб.

Наименование региона	Всего	Из них:			
		социальная сфера	реальный сектор экономики	муниципальное управление и развитие территорий	прочее
Владимирская область	65 768 414,41	52 932 319,41	4 319 108,70	262 827,70	8 254 158,60
Тульская область	96 578 239,85	64 766 879,17	25 935 074,60	113 491,80	5 762 794,28
Пермский край	150 106 042,06	112 180 841,36	20 137 830,10	2 262 446,40	15 524 924,20

Из табл. 49 видно, что в 2016 г. финансирование государственных программ по регионам сильно различалось. Так, например, объем денежных средств на реализацию госпрограмм в Пермском крае превысил данный показатель во Владимирской области более чем в 2 раза. Однако не совсем корректно сравнивать объем финансирования регионов без приведения к общему знаменателю. Поэтому, зная численность населения указанных регионов: Владимирская область — 1397,2 тыс. чел., Тульская область —

1506,4 тыс. чел. и Пермский край — 2634,4 тыс. чел., определим объем финансирования госпрограмм из расчета на 10 000 человек, что позволит нам провести сравнение между рассматриваемыми регионами.

Таблица 50

Финансирование госпрограмм в 2016 г. на 10 000 жителей, тыс. руб.

Наименование региона	Социальная сфера	Реальный сектор экономики	Муниципальное управление и развитие территорий	Прочее
Владимирская область	378 845,69	30 912,60	1 881,10	59 076,43
Тульская область	429 944,76	172 165,92	753,40	38 255,41
Пермский край	425 830,71	76 441,81	8 588,09	58 931,54

Как видно из табл. 50, в Тульской области всего лишь 753,4 тыс. руб. направлено на развитие направления «Муниципальное управление и развитие территорий», что почти в 2,5 раза ниже, чем во Владимирской области, и в 11 раз ниже, чем в Пермском крае. Если говорить про направление социальной сферы, то здесь соотношение объема финансирования практически равнозначно: 30,7% во Владимирской области, 34,8% в Тульской области и 34,5 % в Пермском крае. Что нельзя сказать про реальный сектор экономики; большее количество денежных средств в развитие реального сектора экономики вкладывает правительство Тульской области (61,6%), а меньшее — Владимирской (11,1%).

Для наглядности отобразим соотношение финансирования государственных программ по направлениям на 10 000 человек на рис. 17. На рис. 17 отчетливо видно, что, несмотря на значительные расхождения в абсолютных значениях, приведенное значение финансирования позволяет нам определить приоритеты развития среди рассматриваемых регионов. Так, Тульская область стремится добиться устойчивого развития за счет стимулирования экономической активности внутри региона, Пермский край инвестирует в развитие территорий, муниципального управления и прочего (т.е. окружающей среды и безопасности), что означает желание активизировать демографические процессы, в том числе въездной туризм. При описании Владимирской области возникают трудности, которые могут быть связаны с тем, что, как было сказано ранее, ввиду разнообразных сроков реализации госпрограмм 2016 г. не предусматривает реализацию некоторых программ, которые позволили бы более точно отразить специфику области. Но даже из имеющихся данных при более детальном изучении государственных программ области можно сделать вывод, что помимо социальной сферы

Владимирская область нацелена на активное развитие информационного пространства, интенсификацию культурных процессов (что может говорить о развитии въездного и внутреннего туризма), а также на сокращение госдолга.

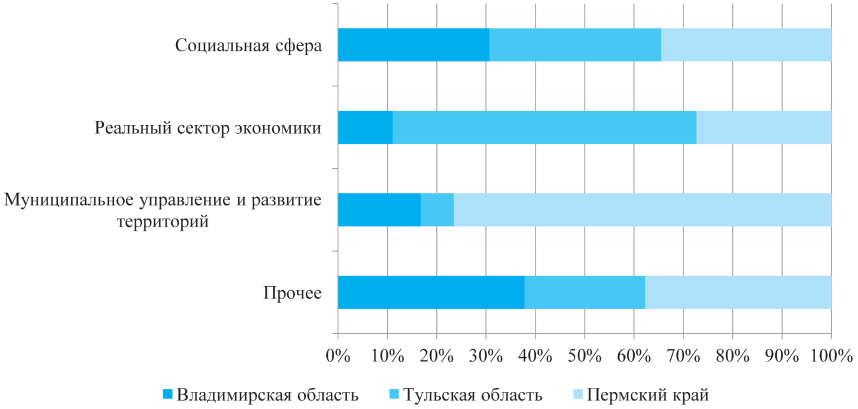


Рис. 17. Соотношение финансирования государственных программ по направлениям на 10 000 человек
Источник: Администрации Тульской области: официальный сайт. URL: https://tularegion.ru; Администрации Владимирской области: официальный сайт. URL: http://avo.ru; Администрации Пермского края: официальный сайт. URL: http://www.permkrai.ru (дата доступа: 24.07.2017).

Теперь перейдем к следующей части нашего исследования — оценке реализации госпрограмм. Следует отметить, что качество реализации госпрограмм напрямую зависит от системы целевых показателей каждой из отдельно взятых программ. Однако мы считаем целесообразным начать с их общего рассмотрения. Так, в табл. 51 представлена информация по количеству целевых показателей в госпрограммах регионов.

Таблица 51

Целевые показатели (индикаторы) региональных программ

Наименование региона	Количество программ	Количество целевых показателей	Из них	
			программные	подпрограммные
Владимирская область	36	940	292	648
Тульская область	23	665	46	619
Пермский край	23	797	131	666

Во Владимирской области рассматривается 940 целевых показателей, что на 16% превышает количество индикаторов в программах Пермского края и на 30% выше, чем их количество в государственных программах Тульской области. Что касается среднего количества индикаторов на одну программу, то во Владимирской области на одну государственную программу приходится в среднем 26 целевых индикаторов, в Пермском крае — 35 целевых индикаторов (т.е. на 34% больше). В Тульской области — 29 целевых показателей на одну государственную программу, что на 20% ниже, чем в Пермском крае, и на 11% выше, чем во Владимирской области. Это свидетельствует о том, что в Пермском крае осуществляется более качественный и всеобъемлющий контроль исполнения госпрограмм.

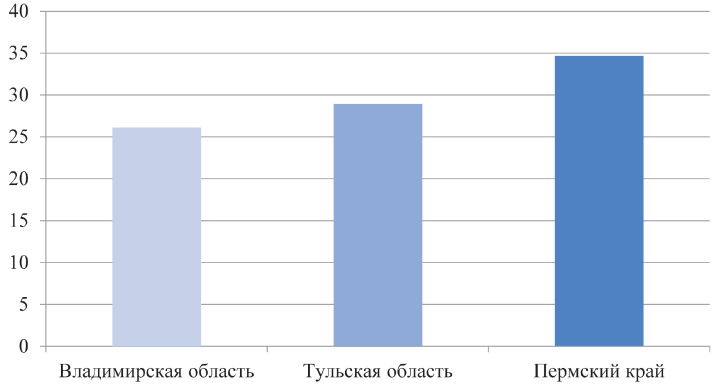


Рис. 18. Среднее количество целевых показателей на одну госпрограмму
Источник: Официальный сайт Администрации Тульской области. URL: https://tularegion.ru; Официальный сайт Администрации Владимирской области. URL: http://avo.ru;
Официальный сайт Администрации Пермского края. URL: http://www.permkrai.ru (дата доступа: 24.07.2017).

Вернемся к табл. 51 и рассмотрим соотношение программных и подпрограммных индикаторов. Для этого построим рис. 19.

Соотношение программных и подпрограммных индикаторов во Владимирской области составляет 30/70, в Пермском крае — 15/85 и в Тульской области — 5/95. Чем меньше данное соотношение, тем больше это свидетельствует о том, что контроль исполнения целевых показателей начинает размываться, так как подпрограммные индикаторы распределяются на различных исполнителей программы.

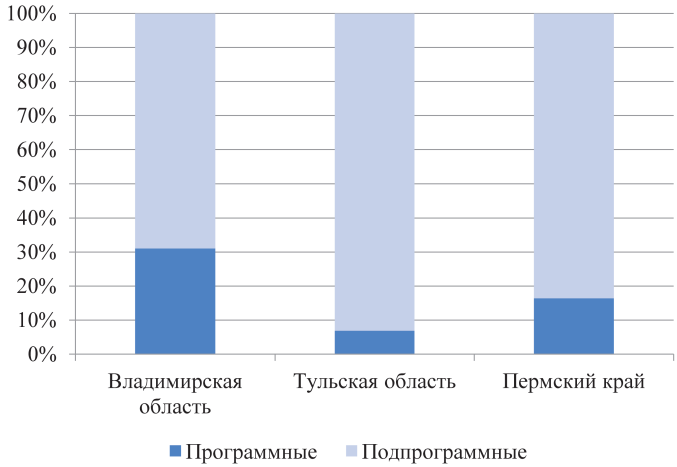


Рис. 19. Структура целевых показателей госпрограмм
Источник: Официальный сайт Администрации Тульской области. URL: https://tularegion.ru; Официальный сайт Администрации Владимирской области. URL: http://avo.ru; Официальный сайт Администрации Пермского края. URL: http://www.permkrai.ru (дата доступа: 24.07.2017).

Далее рассмотрим количество целевых показателей в разрезе четырех направлений (табл. 52).

Таблица 52

Общее количество целевых показателей (индикаторов) в разрезе направлений региональных госпрограмм

Наименование региона	Из них:			
	социальная сфера	реальный сектор экономики	муниципальное управление и развитие территорий	прочее
Владимирская область	433	262	28	217
Тульская область	384	112	16	153
Пермский край	437	123	55	182

Из табл. 52 видно, что в наибольшем количестве представлены целевые показатели по направлению социальной сферы. Примечательно, что удельный вес целевых показателей каждого региона не пропорционален удельному весу количества госпрограмм по направлениям (табл. 53).

Таблица 53

Сравнение удельных весов целевых показателей и госпрограмм

Наименование региона	Социальная сфера	Реальный сектор экономики	Муниципальное управление и развитие территорий	Прочее
Удельный вес количества целевых показателей				
Владимирская область	46,1%	27,9%	3,0%	23,1%
Тульская область	57,7%	16,8%	2,4%	23,0%
Пермский край	54,8%	15,4%	6,9%	22,8%
Удельный вес количества госпрограмм				
Владимирская область	44,4%	16,7%	8,3%	30,6%
Тульская область	43,5%	21,7%	4,3%	30,4%
Пермский край	52,2%	8,7%	13,0%	26,1%

Таким образом, можно утверждать, что, несмотря на меньшее количество госпрограмм, рост числа целевых индикаторов приходится на такие направления, как социальная сфера и реальный сектор экономики, что свидетельствует о сложности протекающих процессов, которые охватывают программы по данным направлениям.

Следует выделить ключевые моменты.

Каждая из трех рассмотренных областей по-разному подходит к управлению госпрограммами. Так, Владимирская область реализует 36 госпрограмм, что значительно превышает их количество в Пермском крае и Тульской области. Причина такого расхождения — разница в сроках реализации госпрограмм. В Тульской области и Пермском крае госпрограммы преимущественно рассчитаны на шесть и более лет, в то время как во Владимирской области мы обнаруживаем более 10 программ с краткосрочным планированием.

Для Владимирской области одно из преимуществ подобной временной дифференциации заключается в осуществлении более гибкой экономической политики, но вместе с тем и предполагает более высокие издержки на разработку и реализацию законодательной базы для подобных инициатив.

Рассматривая госпрограммы в более близком приближении с фокусом на секторальное распределение, можно отметить, что все три региона активно реализуют программы в области социальной сферы, при этом значительно меньшее внимание уделено реальному сектору экономики и раз-

витию территорий. Указанное распределение госпрограмм в социальной сфере подтверждается относительным показателем — долей в финансировании в расчете на 10 000 человек, — который у всех областей составляет порядка трети.

Если комплексно рассмотреть показатели финансирования, то можно очертить приоритеты каждой из областей. Тульская область делает ставку на экономическую активность региона. Владимирская область развивает культурологические основы и интенсифицирует развитие информационного пространства, тем самым создавая благоприятные условия для развития туризма на территории региона. Пермский край наряду со сбалансированным развитием особое внимание уделяет вопросам совершенствования системы муниципального управления и развития территорий.

Переходя к оценке реализации госпрограмм, на основании проведенного анализа можно утверждать, что наиболее качественный контроль реализует Пермский край (если основываться на среднем количестве целевых показателей на одну госпрограмму). Если учесть тот факт, что подпрограммные индикаторы распределяются на различных исполнителей программы, то показатель соотношения программных и подпрограммных индикаторов может свидетельствовать о качестве контроля исполнения госпрограмм. Хуже всего этот показатель у Тульской области, лидером среди рассматриваемых регионов можно назвать Владимирскую область с соотношением 30/70.

Анализ финансовой стороны госпрограмм показал, что в каждом из регионов присутствуют программы с исполнением бюджета не в полном объеме. Данный показатель варьируется от 0,1% (Развитие малого и среднего предпринимательства в Тульской области) и может доходить до 33,2% (Обеспечение качественным жильем и услугами ЖКХ населения Пермского края). Причиной тому могут быть ошибки планирования и оценки располагаемых ресурсов, некачественный контроль и низкая эффективность исполнения госпрограмм.

Однако наиболее примечательным результатом данного исследования следует считать осмысление для всех рассматриваемых регионов пула проблем, связанных с методологическим обеспечением процесса реализации и оценки государственных программ. Основными из них можно считать различия в структуре программ регионов, неоднородность целевых показателей, а также отсутствие единой методики оценки госпрограмм. Соответственно, регионы самостоятельно формируют методику, которая позволяет им реализовывать госпрограммы. Это лишает процесс оценки качества исполнения госпрограмм объективности, что в итоге приводит к снижению эффективности развития регионов. Все это определяет необходимость разработки единой системы индикаторов, которая обеспе-

чит оценку эффективности реализации госпрограмм в регионах Российской Федерации.

Таким образом, на основе анализа особенностей государственных программ и основных подходов к оценке их эффективности можно утверждать, что госпрограммы могут выступать эффективным инструментом активации развития малых городов. Однако для этого необходимо решить ряд проблем, связанных с методологическим обеспечением процесса реализации и оценки госпрограмм. Данная ситуация требует разработки и внедрения новых способов повышения эффективности государственных программ, которые также должны учитывать интересы и возможности малых городов.

ГЛАВА 2.8
МАРКЕТИНГОВАЯ СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ

Классический маркетинговый инструментарий, включающий продуктовую политику, ценовую политику, политику продвижения и распределения, применим к малым городам[1], но требует адаптации. Признавая высокую значимость территориального маркетинга как фактора устойчивого развития[2], необходимо обратить внимание на ресурсный потенциал территории, особенности внешней среды и возможность создания дифференцированной позиции[3]. Дополнительно выделены такие факторы, составляющие системную модель брендинга территории, как культурная среда, институциональные особенности, экономические условия и развитие инфраструктуры.

В качестве продукта выступает не конкретный товар или услуга, а комплексное ценностное предложение территории для целевого сегмента. При этом ценность может быть различна для разных категорий стейкхолдеров: местные жители, гости города, представители бизнеса и другие группы обладают разными потребностями. Характерная особенность территориального маркетинга состоит в невозможности игнорировать ни одну из групп стейкхолдеров, что требует особого внимания к поиску баланса их интересов.

Специфика *продвижения* территории обусловлена ограниченностью ресурсов малого города: высока значимость неоплачиваемых форм коммуникаций и продвижения на основе взаимного оказания услуг, а также

---

[1] *Aitken R., Campelo A.* (2011). The four R's of place branding. Journal of Marketing Management. Vol. 27. № 9–10. P. 913–933.

[2] *Dinnie K.* (2015). Nation branding: Concepts, issues, practice. Routledge; *Токарева О. Б.* Роль туристского маркетинга в стратегическом управлении малым городом // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. 2013. № 5. С. 89–94; *Dril N., Galkin A., Bibik N.* (2016). Applying City Marketing as a Tool to Support Sustainable Development in Small Cities: Case Study in Ukraine. Transportation Research Procedia. № 16. P. 46–53.

[3] *Березка С. М.* Сити-брендинг: подходы к пониманию и актуальные проблемы // Новая экономика и региональная наука. 2016а. № 3. С. 331–332; *Hanna S., Rowley J.* (2013). A practitioner-led strategic place brand-management model. Journal of Marketing Management. 2013. Vol. 29. № 15–16. P. 1782–1815.

развития взаимоотношений с общественностью. При этом, даже если продвижение малого города начинается централизованно, с конкретной инициативы городской администрации или общественной организации, в дальнейшем происходит его децентрализация: в продвижении и коммуникациях начинают участвовать все категории стейкхолдеров.

Наибольшего переосмысления в контексте маркетинга малых городов требует понятие *каналов распределения*: в соответствии со специфичностью города как продукта оно преобразуется в понятие инфраструктуры и транспортной доступности территории, которые требуют значительных затрат. Здесь может помочь комбинирование ресурсов, которыми обладают малые города.

Маркетинг территории может быть направлен на решение следующих задач:

- привлечение инвестиций в развитие бизнеса;
- повышение занятости и доходов населения;
- повышение качества жизни населения;
- рост доходов бюджета.

Эти задачи полностью согласуются с ключевой целью по обеспечению устойчивого развития региона. Для их решения необходимо понимание ресурсного и компетентностного потенциала, что дополнительно усиливает роль исследовательской функции маркетинга.

Брендинг города

Анализ определений бренда территории (города, региона, страны), представленных в научной литературе, приводит к выводу о значительном многообразии подходов к трактовке данного понятия. При этом все современные авторы сходятся во мнении, что бренд территории, как и бренд продукта, — это нечто большее, чем сумма физических характеристик, и включают в определение такие составляющие бренда, как «эмоции», «ассоциации», «узнаваемость», «уникальный и позитивный опыт», а также подчеркивают необходимость развития взаимоотношений бренда территории со стейкхолдерами территории — заинтересованными сторонами, которые могут оказывать влияние на ее развитие или находятся в зависимости от этого развития.

То есть бренд города можно рассматривать как совокупность ценностей, эмоций, ассоциаций целевых аудиторий (стейкхолдеров) города, его материальных и нематериальных характеристик, системно выраженных в идентичности, уникальности и положительном имидже города. Уникальность городского бренда заключается прежде всего в его форме как сети, а не организации с четкими границами и внутренними структурами, поскольку город представляет собой сеть частных лиц, предпри-

ятий, общественных служб, местных органов власти и партнерств с разнообразными и часто конкурирующими интересами[1].

Брендинг города — это процесс создания ценности для целевых аудиторий города в рамках определенной стратегии развития бренда. Успех брендинга в основном зависит от высшего руководства и включает в себя все уровни заинтересованных сторон территории[2].

В свою очередь, имидж города — это совокупность рациональных и эмоциональных представлений о городе, сложившихся в сознании целевой аудитории в результате получения информации из различных источников. На имидж города положительно влияет степень, в которой известен город, и репутация любого города хороша или плоха, только если она оценивается как таковая. При построении имиджа города люди будут использовать то, что им известно; поэтому, если продвигаемый образ города неправдоподобен, это негативно скажется на репутации города[3].

Формирование имиджа опирается на уникальный набор ассоциаций, которые целесообразно донести до целевых аудиторий в рамках стратегии формирования бренда. Здесь речь идет о городской идентичности — способе самоопределения, который выбирает для себя город.

Стремясь показать, как территории коммуницируют с внешним миром и таким образом создают имидж в сознании целевых групп, С. Анхольт разработал шестиугольную модель, где туризм, местные бренды, государственная политика, инвестиции, культура, люди выступают естественными каналами коммуникации[4]. Он утверждает, что восприятие места формируется прежде всего под воздействием нескольких факторов: что сделано в городе и каким путем, что люди говорят о месте и что место говорит о самом себе. Однако, хотя многие предполагают, что единственный способ поменять имидж места — это больше говорить о себе, на практике оказывается, что это наименее эффективный и самый дорогой способ. Гораздо лучше, когда о вас говорят или когда вы наглядно доказываете чьи-то слова в действии[5].

Д. Визгалов утверждает, что городская среда определяет восприятие города жителями и создает городские смыслы, которые переносятся в го-

---

[1] *Parkerson B., Saunders J.* (2005). City branding: can goods and services branding models be used to brand cities? Place Branding. Vol. 1. № 3. P. 242–264.

[2] *Rainisto S.* (2003). Success factors of place marketing. Helsinki University of Technology, Institute of Strategy and International Business. Doctoral Dissertations. Espoo.

[3] *Hospers G. J.* (2003). Creative cities in Europe. Urban competitiveness in the knowledge economy. Intereconomics. Vol. 38. № 5. P. 260–269.

[4] *Anholt S.* (2002). Nation branding: A continuing theme. Journal of Brand Management. Vol. 10. № 1. P. 59–60.

[5] *Morgan N., Pritchard A., Pride R.* (2011). Destination Brands: Managing Place Reputation. 3rd Edition. Butterworth-Heineman.

родскую среду и вновь заставляют менять представления жителей о городе. «Символический капитал города порой настолько тесно и быстро срастается с городской действительностью, что его уже нельзя считать субъективной категорией»[1]. Таким образом, городскую идентичность графически можно представить в следующем виде (рис. 20).

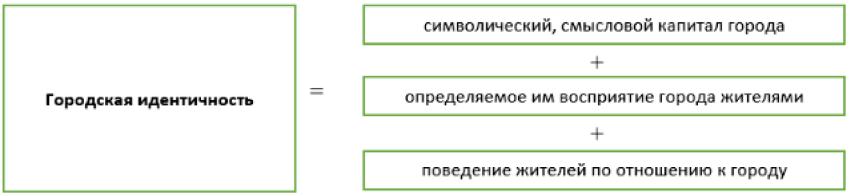


Рис. 20. Формула «городской идентичности»
Источник: *Визгалов Д. В.* Брендинг города. М.: Фонд «Институт экономики города», 2011.

Можно выделить три основных направления приложения усилий при осуществлении брендинга территории[2]:

- создание имиджа территории;
- привлечение внимания к ресурсам территории;
- реализация потенциала использования ресурсов территории и обеспечение их воспроизводства.

Актуальным направлением становится совместный брендинг коммерческих продуктов и территории, основанный на формировании устойчивой ассоциативной связи производимых в регионе товаров и географической локации, на которой началось или осуществляется их производство. Кобрендинговый подход позволяет комбинировать возможности комплекса маркетинга как для коммерческих продуктов, так и для территорий.

Примерами кобрендинга городов и коммерческих продуктов в России могут быть «Тульский пряник» (г. Тула), «Вологодское масло» (г. Вологда), «Белевская пастила» (г. Белев, Тульская область), «Покровский пряник» (г. Покров, Владимирская область). Эти продукты узнаваемы на российском рынке, что способствует привлечению внимания целевых групп к этим городам.

Территория как объект брендинга имеет более сложную структуру в сравнении с товарами или услугами, интересы разных групп стейкхолдеров характеризуются меньшей однородностью. На основе анализа ряда

---

[1] *Визгалов Д. В.* Брендинг города. М.: Фонд «Институт экономики города», 2011.

[2] *Горелова Т. П.* Брендинг города как инструмент стратегического развития территории // Вестник академии. Московская академия предпринимательства при Правительстве Москвы. 2016. № 2. С. 93–96; *Динни К.* Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.

подходов к категоризации потребителей бренда города[1] мы считаем целесообразным провести разделение потребителей по двум ключевым критериям (рис. 21): внутренние или внешние для территории; частные или коммерческие. Восприятие бренда территории для таких групп будет существенно различаться и требует дифференциации программ выстраивания взаимоотношений с ними.

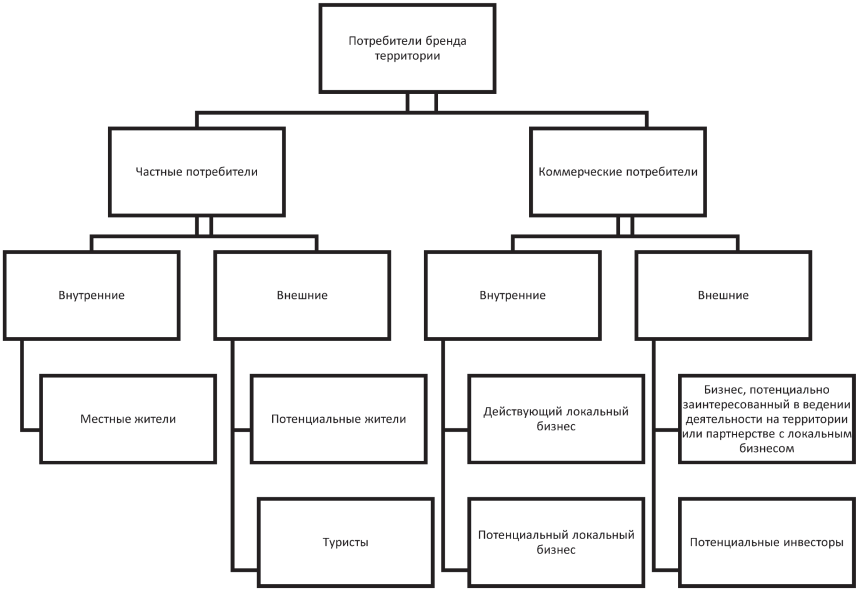


Рис. 21. Потребители территориального бренда
Источник: составлено авторами на основе (см. сноску 2)[2]

[1] *Hankinson G.* (2012). The measurement of brand orientation, its performance impact, and the role of leadership in the context of destination branding: An exploratory study. Journal of Marketing Management. Vol. 28 № 7–8. P. 974–999; *Kavaratzis M.* (2004). From city marketing to city branding: Towards a theoretical framework for developing city brands. Place branding. 2004. Vol. 1 № 1. P. 58–73; *Medway D., Swanson K., Delpy Neirotti L., Pasquinelli C., Zenker S.* (2015). Place branding: are we wasting our time? Report of an AMA special session. Journal of Place Management and Development. Vol. 8 № 1. P. 63–68; *Ranasinghe W. T.*, *Thaichon P., Ranasinghe M.* (2017). An analysis of product-place co-branding: the case of Ceylon Tea. Asia Pacific Journal of Marketing and Logistics. Vol. 29 № 1. P. 200–214; Календарь событий // Официальный туристический портал Пермского края. URL: http://www.visitperm.ru/ (дата обращения: 12.06.2017).

[2] *Kavaratzis M.* (2004). From city marketing to city branding: Towards a theoretical framework for developing city brands. Place branding. Vol. 1 № 1. P. 58–73; *Medway D., Swanson K., Delpy Neirotti L., Pasquinelli C., Zenker S.* (2015). Place branding: are we wasting our time? Report of an AMA special session. Journal of Place Management and Development. Vol. 8 № 1. P. 63–68;

При разработке конкретной маркетинговой стратегии территории необходимо более детальное сегментирование приведенных на схеме целевых групп, основанное на выявленных потребностях. Кроме того, важна оценка ресурсного потенциала с учетом возможностей построения сетевого взаимодействия субъектов[1], располагающих ресурсами различного рода: материально-техническими, финансовыми, природно-рекреационными[2], научными и интеллектуальными ресурсами, историко-культурными объектами и нематериальным культурным наследием.

Безусловно, привлекательность для внешних потребителей важна; однако системный подход к территориальному брендингу предполагает особый акцент на соответствие разрабатываемой концепции потребностям внутренних потребителей[3]. Для территориального бренда игнорирование потребностей внутренних потребителей недопустимо[4], поскольку результаты маркетинговых усилий, ориентированных на любую из целевых групп, будут влиять на положение внутренних потребителей, включая качество жизни местного населения и условия для развития локального бизнеса. И жители территории, и локальный бизнес выступают не только в роли потребителей бренда, но и формируют его сущность, являясь носителями и создателями коммуницируемых территорией ценностей[5]. Поэтому в систему оценки результатов маркетинговой деятельности необходимо включать показатели удовлетворенности внутренних потребителей, улучшения качества жизни населения и условий ведения бизнеса.

По данным опроса фонда «Общественное мнение», проведенного в октябре 2016 г., 59% жителей малых городов не удовлетворены положением

Ranasinghe W. T., *Thaichon P., Ranasinghe M.* (2017). An analysis of product-place co-branding: the case of Ceylon Tea. Asia Pacific Journal of Marketing and Logistics. Vol. 29 № 1. P. 200–214.

[1] Сетевое взаимодействие и межотраслевая кооперация ориентированы на расширение возможностей использования компетенций и ресурсов на основе их комбинирования и критичны для достижения устойчивого развития территории.

[2] *Шерешева М. Ю.* Событийный туризм и нематериальное культурное наследие (на примере Владимирской области) // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. Т. 10. № 3. С. 41–49.

[3] *Maheshwari V., Vandewalle I., Bamber D.* (2011). Place branding's role in sustainable development. Journal of Place Management and Development. 2011. Vol. 4 № 2. P. 198–213.

[4] *Braun E., Kavaratzis M., Zenker S.* (2013). My city — my brand: the different roles of residents in place branding. Journal of Place Management and Development. Vol. 6 № 1. P. 18–28.

[5] *Foroudi P., Gupta S., Kitchen P., Foroudi M., Nguyen B.* (2016). A framework of place branding, place image, and place reputation. Qualitative Market Research: An International Journal. Vol. 19 № 2. P. 241–264; *Rinaldi C., Cavicchi A.* (2016). Cooperative behaviour and place branding: a longitudinal case study in Italy. Qualitative Market Research: An International Journal. Vol. 19 № 2. P. 156–172; Календарь событий // Официальный туристический портал Пермского края. URL: http://www.visitperm.ru/ (дата обращения: 12.06.2017).

дел в своем регионе, в то время как в целом по стране этот показатель составляет 52%, а для крупных городов находится в рамках 32–48%. Жителей малых городов беспокоит низкий уровень заработной платы (52%) и рост цен (51%), а также проблемы занятости (23%)[1].

В целом можно констатировать, что брендинг города несколько сложнее, чем брендинг продукта. Это происходит прежде всего из-за того, что город включает в себя разнообразие аспектов (люди, культура, история, политика руководства и т.д.), которые усложняют формирование ясного и привлекательного бренда. Системный подход к созданию бренда города ведет к формированию положительного имиджа, идентичности и репутации у большинства целевых групп.

Поскольку территория России характеризуется различным уровнем социально-экономического развития административно-территориальных единиц и муниципальных образований, то при разработке территориального бренда необходимо учитывать цели и задачи, которые являются приоритетными для конкретного региона, а также исторически сложившуюся экономическую специализацию территории. Это хорошо прослеживается на конкретных примерах трех российских регионов: Пермского края, Владимирской и Тульской областей.

В рамках исследования мы начали анализ имеющейся практики и потенциала использования территориального брендинга для малых городов во Владимирской, Тульской областях и Пермском крае. Опыт применения инструментария брендинга территорий на данный момент имеется в каждой из областей, но результативность использования в значительной мере различается.

Владимирская область, расположенная в центре европейской части России и граничащая с Московской, Ярославской, Ивановской, Рязанской и Нижегородской областями, имеет выгодное территориальное расположение как для привлечения и активизации бизнеса, так и для развития возможностей туризма, обладает богатым историко-культурным наследием, включая его нематериальные формы[2]. Предварительный анализ позволяет выделить достаточно успешный опыт применения комплекса территориального брендинга для развития в первую очередь туристских брендов – «Малое золотое кольцо России», объединившее девять городов области, из которых пять являются малыми городами (Суздаль, Вязники, Покров, Юрьев-Польский, Гороховец). Ряд городов области стремятся развивать бренд города, формируя собственное уникальное ценностное

[1] Фонд «Общественное мнение»: официальный сайт. URL: http://fom.ru/

[2] *Шерешева М. Ю.* Событийный туризм и нематериальное культурное наследие (на примере Владимирской области) // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. Т. 10. № 3. С. 41–49.

предложение. Так, туристская ценность г. Гороховец выстраивается на основе его купеческого наследия, а г. Муром на основе использования сочетания инструментария территориального маркетинга и событийного туризма, выстраивая позиционирование на значимости семейных ценностей и культурного наследия, связанного с Петром и Февронией Муромскими. Можно говорить и об использовании практики кобрендинга территории и коммерческих продуктов, поскольку с развитием бренда «Покровский пряник» возрастает осведомленность населения о г. Покров и интерес к нему, в том числе к туристским продуктам, предлагаемым компанией. Кроме того, в г. Покрове используются возможности партнерского взаимодействия с компанией Mon'delez, имеющей одно из крупнейших в России производств шоколада, для создания совместного проекта «Праздник шоколада» и формирования имиджа города с использованием этого компонента. Потенциал кобрендинга используется и в продвижении туристской дестинации АТК «Богдарня», где организуются соревнования по экипажной езде и ряд других мероприятий, объединенных общим именем «Владимирский тракт», а также производство сыров Джона Кописки[1].

Тульская область также имеет выгодное географическое положение, гранича с Московской, Калужской, Рязанской, Липецкой и Орловской областями. Если восприятие центра области — Тулы у туристов исторически закрепилось как города самоваров, пряников и оружейных мастеров, то бренд малого города Белев, сформированный на основе возрожденного по историческим рецептам производства пастилы[2], стал известен недавно. Стоит отметить потенциал развития брендов на основе таких культурных объектов области, как Ясная поляна и усадьба «Поленово», а также традициях филимоновской игрушки п. Одоев.

Опыт использования инструментария территориального брендинга в Пермском крае, хотя и включает два масштабных проекта по разработке брендов для городов Пермь и Добрянка, пока сложно назвать успешным, поскольку нельзя говорить о закреплении в восприятии населения предложенных концепций. Кроме того, эти проекты были ориентированы в основном на создание символики и идентификаторов бренда, а не на использование комплекса брендинга территории системным образом.

Первичный анализ возможностей и экономического положения во Владимирской, Тульской областях и Пермском крае показывает, что все рассмотренные регионы обладают высоким туристическим потенциалов, а также имеют базу для развития предприятий как реального сектора эко-

[1] АТК «Богдарня». Официальный сайт. URL: www.bogdarnya.ru

[2] Фабрика-музей города Белев. Официальный сайт // ООО «ТК «Старые Традиции» [Электронный ресурс]. URL: http://startradi.ru (дата обращения: 12.06.2017).

номики, так и сферы услуг. Анализ показателей, характеризующих удовлетворенность населения ситуацией в регионе и качество жизни населения[1], показывает необходимость тщательной работы, ориентированной на развитие территории, основанной на принципах маркетинга.

Системный подход к брендингу территории важен для получения эффективного результата, предполагающего качественные структурные преобразования, включая такие положительные эффекты, как рост инвестиционной привлекательности, развитие локального бизнеса, развитие туристской инфраструктуры, создание условий для использования преимуществ кобрендинга территории и коммерческих продуктов, более продуктивное использование ресурсов на основе сетевого взаимодействия и повышение качества жизни местного населения.

Малые города Пермского края, Владимирской и Тульской областей неоднородны, некоторые из них могут быть охарактеризованы как промышленно развитые, другие обладают хорошим потенциалом для развития различных направлений туристско-рекреационной деятельности[2]. Даже те города, которые являются депрессивными территориями, при грамотном подходе могут извлекать выгоды из благоприятной экологии и природных ландшафтов, культурно-исторического наследия, удачного транспортного расположения.

Среди важнейших задач стоит отметить привлечение инвестиций в развитие инфраструктурных объектов, образовательных и культурных организаций, создание возможностей для самореализации молодежи, определение возможностей модернизации существующей транспортной системы и туристской инфраструктуры для создания условий развития внутреннего туризма, ориентированного на оздоровительные и культурно-познавательные цели, ознакомление с материальными и нематериальными ценностями региона.

Для повышения туристской привлекательности нецелесообразно использование шаблонов брендинга уже известных территорий. Такие варианты всегда уступают оригиналу и воспринимаются туристами как копирование, а не как уникальное предложение ценности. Так, в двух из трех рассматриваемых в данном исследовании регионов присутствуют малые города, стремящиеся построить позиционирование на идее «настоящего провинциального города». Это делают г. Судогда (Владимирская область) и г. Крапивна (Тульская область), при этом вы-

---

[1] *Botschen G., Promberger K., Bernhart J.* (2017). Brand-driven identity development of places. Journal of Place Management and Development. Vol. 10 № 2. P. 152–172.

[2] *Оборин М. С.* Динамика развития санаторно-курортного комплекса и лечебно-оздоровительного туризма в Пермском крае // Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле. 2013. № 6–4. С. 146–153.

сокой степени узнаваемости не смог добиться ни один из этих городов. В то же время использование г. Крапивной ассоциаций с названием города — например, организация Фестиваля крапивы[1] — значительно более перспективный вариант.

В качестве примера в туристско-рекреационной сфере рассматриваемых регионов можно выделить несколько ключевых потенциальных брендов (табл. 54).

Таблица 54

Потенциальные бренды

Наименование	Владимирская область	Тульская область	Пермский край
Курортно-рекреационные бренды	Санатории: им. Абельмана, Заклязьменский, Русский лес, Вольгинский	Курорты: Краинка, Велегож, Егнышовка	Курорты: Усть-Качка, Ключи, Демитково
Туристские бренды	Купеческий город Гороховец; Провинциальный город Судогда	«Тульский Петергоф» г. Богородицк; Самый маленький город Чекалин	Родина солеварения Соликамск

Источник: составлено авторами на основе открытых источников, в том числе: Календарь событий // Официальный туристический портал Пермского края. URL: http://www.visitperm.ru/; Календарь событийных мероприятий в Тульской области на 2017 год // Сайт Объединения центров развития искусства, народной культуры и туризма Тульской области. URL: http://ocktula.ru/announces/kalendar-sobyitijnyix-meropriyatij-v-tulskoj-oblasti-na-2017-god.html

Формирование ценностного предложения для жителей малых городов

На сегодняшний день вопрос ориентации на потребителя при управлении малыми городами слабо разработан, существует крайне небольшое количество исследований в этой сфере. В контексте управления малыми городами ориентация на потребителя часто основывается на идее, в соответствии с которой городская администрация должна фокусироваться на предоставлении услуг жителям на основе совместного с ними создания ценности[2]. Реализация такого подхода, включающая переориентацию

[1] Календарь событийных мероприятий в Тульской области на 2017 год // Государственное учреждение культуры Тульской области «Объединение центров развития искусства, народной культуры и туризма». URL: http://ocktula.ru/announces/kalendar-sobyitijnyix-meropriyatij-v-tulskoj-oblasti-na-2017-god.html (дата обращения: 12.06.2017).

[2] *Cassia F., Magno F.* (2009). Public services co-production: Exploring the role of citizen orientation. International Journal of Quality and Service Sciences. Vol. 1. № 3. P. 334–343;

сервисов с односторонней направленности оказания услуг населению на партнерское взаимодействие, требует существенных преобразований в системе управления, процессах и культуре организаций[1].

Основополагающим аспектом в маркетинге является понятие потребительской ценности и ценностного предложения для целевой аудитории. В маркетинге территорий в отличие от маркетинга коммерческих продуктов не представляется возможным концентрироваться только на одном узком сегменте потребителей, важно принимать во внимание потребности как внешних, так и внутренних стейкхолдеров. Необходимо, чтобы городская администрация осуществляла поддержку процесса создания потребительской ценности стейкхолдерами.

Местные жители являются приоритетной целевой группой, основными стейкхолдерами города. Это обусловлено тем, что они, во-первых, непосредственно участвуют в формировании ценностного предложения территории как носители локальной культуры[2], во-вторых, являются основными бенефициарами маркетинговой деятельности. Кроме того, для жителей восприятие города связано с целым комплексом встроенных личных и культурных значений, индивидуальных для каждого человека.

Ориентированная на местных жителей маркетинговая деятельность органов местного самоуправления предполагает в качестве результата повышение занятости, доходов и в целом качества жизни населения. Для достижения этих целей необходимо строить маркетинговую стратегию территории, понимая специфику потребностей и систему приоритетов населения.

Основываясь на изучении российской и зарубежной релевантной литературы и международной практики, можно выделить факторы, важные для обеспечения устойчивого развития территории:

- природные ресурсы (в том числе рекреационные) и климатические особенности;

Eshuis J., Klijn E. H., Braun E. (2014) Place marketing and citizen participation: branding as strategy to address the emotional dimension of policy making? International Review of Administrative Sciences. 2014. Vol. 80. № 1. P. 151–171.

[1] *Sáez L., Periáñez I., Mediano L.* (2013). Building brand value in major Spanish cities: an analysis through municipal websites. Journal of Place Management and Development. Vol. 6. № 2. 120–143.

[2] *Березка С. М.* Сити-брендинг: подходы к пониманию и актуальные проблемы. Новая экономика и региональная наука. 2016. № 3. С. 331–332; *Hanna S. & Rowley J.* (2013). A practitioner-led strategic place brand-management model. Journal of Marketing Management. 29(15–16). 1782–1815; *Taecharungroj V.* (2016). City ambassadorship and citizenship behaviours: Modelling resident behaviours that help cities grow. Journal of Place Management and Development, 9(3), 331–350.

- занятость населения;
- научный потенциал;
- качество образования и спектр образовательных возможностей;
- диверсифицированность экономики;
- инвестиционная привлекательность;
- поддержка развития инноваций.

Окружающая среда, включающая как природно-экологические составляющие, так и социально-общественные, — одна из важнейших составляющих уровня жизни населения. Исследования показывают, что люди, удовлетворенные окружающей средой, как правило, более удовлетворены своей жизнью[1]. Для улучшения уровня жизни в городе, а также для повышения потребительской удовлетворенности ценностным предложением города необходимо при осуществлении маркетинга территории ориентироваться на максимизацию выгод местного населения и приоритет его потребностей.

Отношение местных жителей непосредственно влияет на воспринимаемое качество ценностного предложения, которое имеет определяющее значение для формирования привлекательности территории для других внутренних и внешних целевых групп. Удовлетворенность резидентов территории государственными услугами и удобством городской среды выступают важнейшей основой стабильности развития городов[2]. Таким образом, улучшение условий жизни в малом городе позволяет заложить основу для создания его привлекательного бренда[3].

На данный момент в малых городах России практически не проводятся исследования удовлетворенности жителей уровнем жизни и их отношением к своему городу, методология исследований в этой сфере недостаточно развита. Это часто приводит к тому, что удовлетворенность жителей и их отношение к городу определяют по оценке ими качества государственных услуг. Однако такой вариант позволяет выявить восприятие жителями их места проживания, отражая только удовлетворение действиями конкретной администрации, в то время как для оценки удовлетворенности качеством жизни в городе необходимо изучение раз-

---

[1] *Insch A., Florek M.* (2008). A great place to live, work and play: Conceptualising place satisfaction in the case of a city's residents. Journal of Place Management and Development. Vol. 1. № 2. 138–149.

[2] *Potapov D., Shafranskaya I. & Bozhya-Volya A.* (2016). Happiness and the city: An empirical study of the interaction between subjective well-being and city satisfaction. Journal of Place Management and Development. 9(3). 313–330.

[3] *Anholt S.* (2005). Some important distinctions in place branding. Place Branding. 1(2).116–121; *Källström L. & Ekelund C.* (2016). What can a municipality offer to its residents? Value propositions and interactions in a place context. International Journal of Culture, Tourism and Hospitality Research. 10(1). 24–37.

личных групп населения. При анализе изучаемых групп надо учитывать восприятие ими своего положения в обществе и такие объективные персональные показатели, как уровень благосостояния, образование, характер занятости, возраст и семейное положение[1]. То есть качество жизни в городе необходимо анализировать, учитывая как объективную оценку фактических результатов на основе количественных показателей[2], так и субъективную оценку удовлетворенности потребителей жизнью в городе и работой городской администрации в целом и над конкретными проектами[3].

Модель формирования удовлетворенности местных жителей городом можно представить следующим образом (рис. 22).

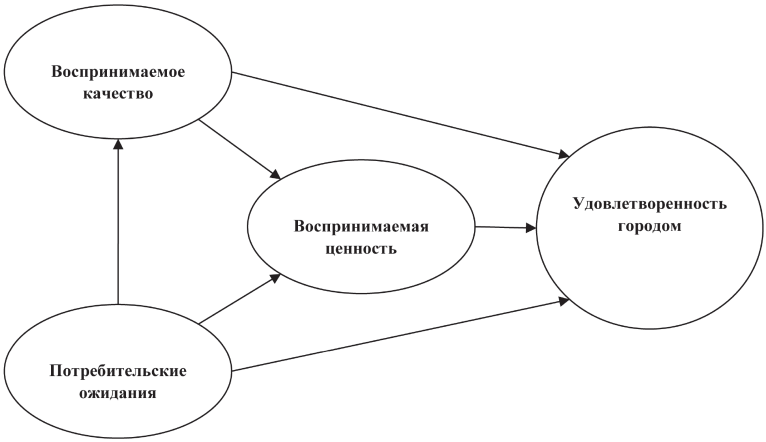


Рис. 22. Модель формирования удовлетворенности городом местными жителями
Источник: Insch A. & Florek M. (2008). A great place to live, work and play: Conceptualising place satisfaction in the case of a city's residents. Journal of Place Management and Development. 1(2). 138–149.

Стратегии маркетинга территории, приоритизирующие потребности местного населения и поощряющие активное участие не только в под-

[1] *Insch A. & Florek M.* (2008). A great place to live, work and play: Conceptualising place satisfaction in the case of a city's residents. Journal of Place Management and Development. 1(2). 138–149.

[2] *Шерешева М. Ю., Оборин М. С., Костанян А. А.* Особенности оценки качества жизни населения малых городов // Ars administrandi. Искусство управления. 2017. № 2 (9). С. 289–311.

[3] *Potapov D., Shafranskaya I. & Bozhya-Volya A.* (2016). Happiness and the city: An empirical study of the interaction between subjective well-being and city satisfaction. Journal of Place Management and Development. 9(3). 313–330.

держании ценностного предложения, но и в его дополнении и развитии, т.е. совместном создании ценности, в долгосрочной перспективе позволяют добиться более устойчивого результата[1]. Мировой опыт исследований показывает, что основу потребительской ценности малого города для местных жителей составляют географическое положение и природная среда, доступность и качество основных услуг, обеспечиваемых государством (в том числе образование, здравоохранение и социальное обеспечение), жилищные условия, городская среда, возможности для отдыха и культурная среда[2]. Соответственно, можно представить эти факторы в виде четырех укрупненных блоков: «городская среда и разнообразие», «природа и отдых», «карьерные возможности» и «стоимость жизни»[3].

Чтобы ценностное предложение города было интересным для высококвалифицированных профессионалов, при создании стратегии развития необходимо учитывать мотивы, ожидания и потребности как действительных, так и будущих жителей малого города. При этом роль городской администрации заключается в том, чтобы обеспечить условия и сформировать предложение ценности, непосредственное создание которого обеспечивается индивидуально каждым из жителей. Другими словами, органы местного самоуправления производят ресурсы и процессы, которые могут быть использованы жителями по своему усмотрению.

Если взаимодействие с жителями построено на принципах маркетинга партнерских отношений, руководство малого города может рассчитывать на преимущества совместного создания ценности с жителями[4]. Для этого необходимо наладить механизмы обратной связи для органов местного управления (рис. 23) и обеспечить простой и понятный алгоритм работы с инициативами местных жителей, ориентированной на реализацию идей, способных оказать положительное влияние на развитие территории.

---

[1] *Kemp E., Childers C. Y., Williams K. H.* (2012). Place branding: creating self-brand connections and brand advocacy. Journal of Product & Brand Management. Vol. 21. № 7. 508–515.

[2] *Källström L., Ekelund C.* (2016). What can a municipality offer to its residents? Value propositions and interactions in a place context. International Journal of Culture, Tourism and Hospitality Research. Vol. 10. № 1. 24–37.

[3] *Zenker S., Beckmann S. C.* (2013). My place is not your place – different place brand knowledge by different target groups. Journal of Place Management and Development. Vol. 6. № 1. 6–17.

[4] *Källström L., Ekelund C.* (2016). What can a municipality offer to its residents? Value propositions and interactions in a place context. International Journal of Culture, Tourism and Hospitality Research. Vol. 10. № 1. 24–37.

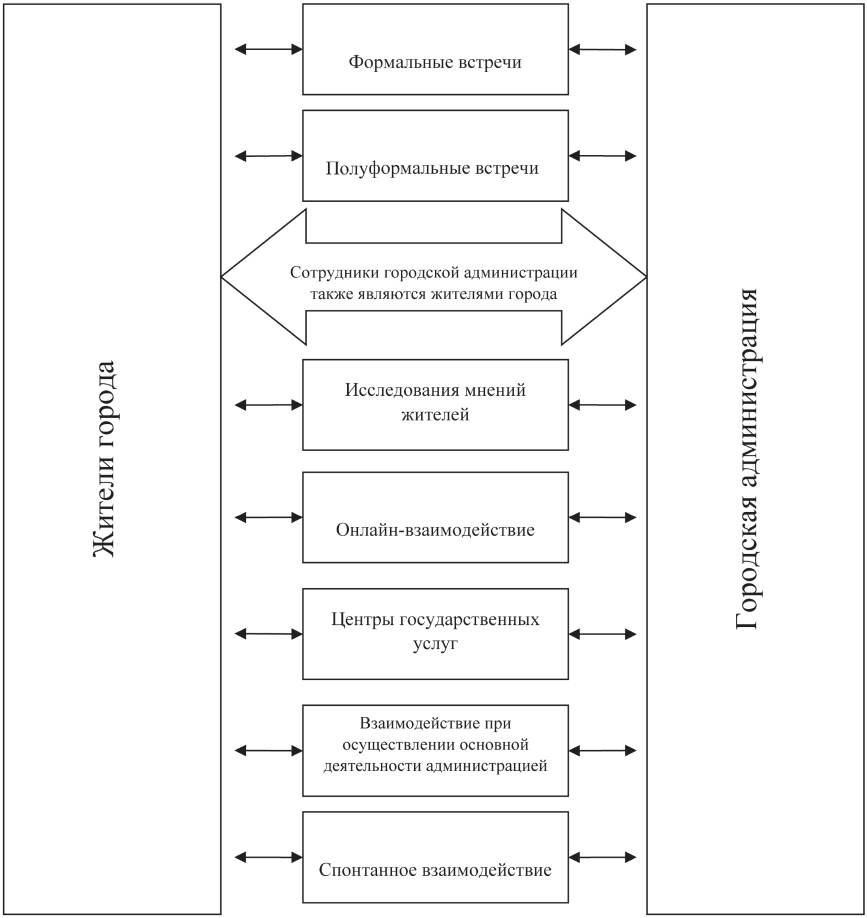


Рис. 23. Формы двустороннего взаимодействия городской администрации с местными жителями

Источник: Källström L. & Ekelund C. (2016). What can a municipality offer to its residents? Value propositions and interactions in a place context. International Journal of Culture, Tourism and Hospitality Research. 10(1). 24–37.

Исследования, проведенные за рубежом, демонстрируют важность целостного видения, которое не сводится к дискретным предложениям ценности для стейкхолдеров города. Общая совокупность предлагаемых ценностей, а также то, как они взаимодействуют и какой эффект производят в различных сочетаниях, обладают более высокой значимостью, чем отдельные предложения. Это объясняется тем, что жители го-

рода заинтересованы в сбалансированности возможностей и получении по крайней мере адекватного уровня качества во всех базово необходимых для человека сферах, формирующих комфортную для проживания среду. Исследователи сходятся во мнении, что в число этих базовых сфер входят доступное жилье, транспорт, здравоохранение, образование, возможности отдыха и общения с людьми, разделяющими интересы индивида[1].

Степень удовлетворенности человека своим уровнем жизни в конкретном городе с течением времени может меняться и влиять на решение продолжать жить в этом городе или искать возможности переезда. Так, исследование, проведенное в г. Перми, показало, что хотя жители в целом довольны городской средой, они проявляют интерес к возможностям дальнейшего улучшения работы городских служб, особенно выделяя в качестве актуальных направлений безопасность и культуру, а также отмечая необходимость улучшения здравоохранения и возможностей образования[2].

Для определения того, каким образом городская администрация может улучшить ценностное предложение города и повысить удовлетворенность жителей, необходимо выделить систему компонентов, определяющих ценностное предложение города, оценка которых жителями с учетом влияния их ожиданий будет определять воспринимаемое качество.

Проанализировав результаты исследований, проведенных зарубежными и российскими учеными[3], мы выделили следующие компоненты:

1) городские услуги (культура, образование, здравоохранение, социальное обеспечение, безопасность, транспорт),
2) экономика (диверсификация, карьерные возможности, уровень благосостояния населения),
3) экология,

---

[1] *Insch A., Florek M.* (2008). A great place to live, work and play: Conceptualising place satisfaction in the case of a city's residents. Journal of Place Management and Development. Vol. 1. № 2. 138–149; *Kemp E., Childers C. Y., Williams K. H.* (2012). Place branding: creating self-brand connections and brand advocacy. Journal of Product & Brand Management. Vol. 21. № 7. 508–515.

[2] *Potapov D., Shafranskaya I., Bozhya-Volya A.* (2016). Happiness and the city: An empirical study of the interaction between subjective well-being and city satisfaction. Journal of Place Management and Development. Vol. 9. № 3. 313–330.

[3] *Potapov D., Shafranskaya I., Bozhya-Volya A.* (2016). Happiness and the city: An empirical study of the interaction between subjective well-being and city satisfaction. Journal of Place Management and Development. Vol. 9. № 3. 313–330; *Taecharungroj V.* (2016). City ambassadorship and citizenship behaviours: Modelling resident behaviours that help cities grow. Journal of Place Management and Development. Vol. 9. № 3. 331–350.

4) социализация (система ценностей общества, возможности общения).

Роль взаимоотношений с жителями в формировании привлекательности города

Учет потребностей и особенностей восприятия местных жителей является критичным для формирования устойчивого положительного имиджа территории, поскольку резиденты являются проводниками локальной культуры и системы ценностей[1]. По сути, именно от отношения, способностей, навыков и деловых возможностей резидентов наиболее сильно зависит устойчивость развития города или региона, а также репутация и имидж территории. Если внутренние потребители разделяют предложенное видение, они могут способствовать привлечению интереса других целевых групп, формированию отношенческой лояльности[2].

Существует три возможные роли жителей в брендинге города: жители как неотъемлемая часть города; жители как амбасадоры бренда города; жители как граждане[3].

Вследствие существующих взаимодействий между жителями возникают особые социальные характеристики, которые определяют их идентификацию с городом[4]. Жители взаимодействуют с гостями города, и именно они в конечном итоге являются ответственными за восприятие города. Более того, уникальные характеристики и культура жителей города делают их дифференцирующим фактором. Таким образом, горожане в значительной степени отвечают за положительную оценку места — как туристами, так и потенциальными жителями.

Жители города имеют как права, так и обязательства. В этом смысле они имеют право участвовать в выборах и самостоятельно выбирать, на-

---

[1] *Оборин М. С.* Динамика развития санаторно-курортного комплекса и лечебно-оздоровительного туризма в Пермском крае // Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле. 2013. № 6–4. С. 146–153; *Оборин М. С.*, *Плотников А. В.* Основные методы изучения внешней и внутренней сред санаторно-курортных организаций региона // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2012. № 4 (64). С. 28–35

[2] *Березка С. М.* Программы лояльности: зарубежный и российский опыт // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2016b. № 5. С. 113–131.

[3] *Braun E., Kavaratzis M., Zenker S.* (2013). My city e My brand: The different roles of residents in place branding. Journal of Place Management and Development. Vol. 6. № 1. P. 18–28.

[4] *Insch A.* (2010). Managing residents' satisfaction with city life: Application of Importance — Satisfaction analysis. Journal of Town & City Management. Vol. 1. 164–174.

пример, руководителя местного правительства. То есть жители участвуют в процессе принятия решений и разделяют ответственность за них.

В табл. 55 представлены причины, по которым важно вовлекать жителей в процесс создания бренда города и поддержание его имиджа и репутации.

Таблица 55

Значимость вовлечения жителей города в процесс создания бренда города

Роль жителей города в процесс создания бренда города	Вовлечены во взаимодействие с туристами
	Основной источник культуры
	Те, кто оценивают бренд
	Обладают влиятельной силой «сарафанного радио» для внешних целевых групп
	Амбасадоры бренда города

Источник: *Braun E., Kavaratzis M., Zenker S.* (2013). My city e My brand: The different roles of residents in place branding // Journal of Place Management and Development. Vol. 6. № 1. 18–28; *García F., Vázquez A., Macías R.* (2015). Resident's attitudes towards the impacts of tourism // Tourism Management Perspectives. 2015. Vol. 13. 33–40.

Развитие бренда города и благоустройство окружающей среды с вовлечением горожан полезны для всех участников проектного процесса города, так как в этом случае они усиливают общий и персональный результат. Этот подход — соучаствующее проектирование — построен на вовлечении горожан в развитие городской среды, популярен в США, Великобритании, Германии, Франции, Японии, Финляндии[1]. Например, по инициативе горожан или в тесном сотрудничестве с ними были сделаны парк на месте аэропорта «Темпельхоф» в Берлине, Брайант-парк в Нью-Йорке, построено социальное жилье в Иль-де-Франс.

Вовлеченность жителей в жизнь города гораздо выше, если люди идентифицируют, отождествляют себя с местом[2].

В табл. 56 представлены примеры инструментов вовлечения, которые могут быть применены для большинства форматов участия в различных городских проектах.

---

[1] КБ «Стрелка». Вовлечение горожан в проекты благоустройства. Методические рекомендации по реализации проектов повышения качества среды моногородов. 2016. URL: http://моногорода.рф/uploads/knowledge_file/content/48/250917_Report_17.4._OTRED_vovlechenie.pdf (дата обращения: 01.04.2018).

[2] *Wang S., Xu H.* (2015). Influence of place-based senses of distinctiveness, continuity, selfesteem and self-efficacy on residents' attitudes toward tourism. Tourism Management. № 47. 241–250.

Таблица 56

Примеры форматов участия граждан в жизни города и инструменты вовлечения

Формат участия	Инструменты
Участие в обсуждениях, предпроектном анализе и формировании видения проекта	— Опросы — Интервью с заинтересованными сторонами — Совместная оценка жителями и представителями власти территории, предстоящего мероприятия — Встречи с пользователями — Мастерские по формированию видения проекта — Проектные семинары — Коммуникативные онлайн-площадки — Открытая достоверная информация, доступная каждому интересующемуся жителю
Участие в опросах	— Разные виды вознаграждения (баллы, подарки, статусы, приглашение на встречи)
Участие в благоустройстве территории	— Взаимодействие с рабочей группой — Мастерские по реализации проектов — Лекции, дискуссии, экскурсии — Конкурсы — Пикники, ярмарки, концерты
Вовлечение горожан в управление территорией и событийное наполнение	— Проведение регулярных оценок территории и разработка решений по ее улучшению — Разработка правил и регламентов использования календаря мероприятий территории — Организация и проведение фестивалей, концертов, лекций, мастер-классов, спектаклей, соревнований, субботников и т.д. — Организация работы разных зон: уличная библиотека, игровые и обучающие занятия с детьми, изучение природы, спортивные занятия, тренировки на открытом воздухе, ярмарки с уличной едой и фермерские рынки
Участие в продвижении туристического бренда города	— Поддержка создания городских сообществ по интересам, в том числе НКО — Образовательные курсы (клубы разговорного английского языка, экскурсии, квесты) — Разработка атрибутики бренда города

Источник: составлено на основе: *Панкрухин А.* Территориальный брендинг. СПб.: Питер, 2006; КБ «Стрелка», 2016. URL: http://моногорода.рф/uploads/knowledge_file/content/48/250917_Report_17.4._OTRED_vovlechenie.pdf (дата обращения: 01.04.2018).

Меры по вовлечению жителей в процесс развития бренда города направлены на удовлетворение как их личных потребностей, например в образовании, принадлежности к той или иной группе, так и общегородских нужд. Кроме того, эти меры способствуют естественному развитию местного бизнеса и увеличению прибыли от такого развития как для частных лиц, так и для городского бюджета.

Особенно важным в процессе формирования взаимоотношений с жителями является общение, т.е. не просто информирование жителей о проводимых мероприятиях и проектах, например, с помощью наружной рекламы, телевидения, радио, а коммуникация, которая подразумевает под собой взаимный обмен информацией. Важным условием успешной коммуникации является возможность высказаться без особых препятствий и барьеров.

Роль интернета в формировании взаимоотношений со стейкхолдерами

Развитие интернета изменило способы коммуникации городов практически со всеми группами стейкхолдеров, включая жителей. Большую роль в продвижении мест стали играть онлайн-сервисы и платформы, с помощью которых любой желающий способен найти интересующую его информацию о городе, поделиться впечатлениями о нем или найти интересующие события и проекты, чтобы принять в них участие.

Для городов России этот инструментарий также очень перспективен. Согласно статистике MediaScope, на конец 2017 г. более двух третей россиян пользовались интернетом[1]. Недавно «Яндекс» опубликовал результаты исследования, в котором выяснил, что пользователи не только читают новости, но ищут информацию о разных российских городах (рис. 24).

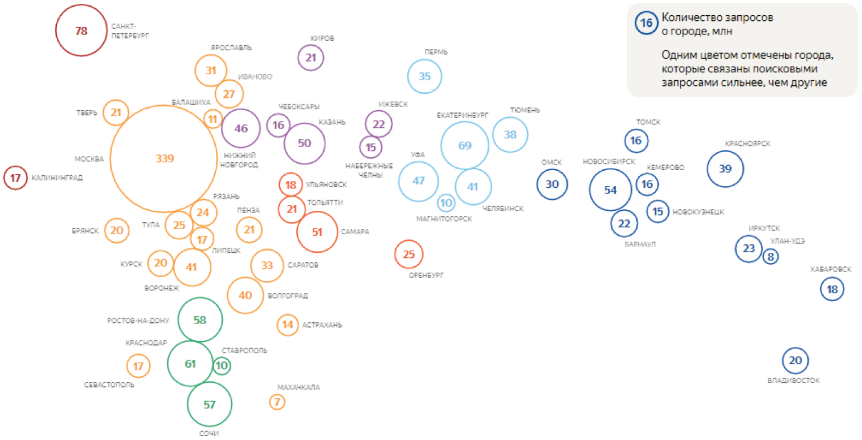


Рис. 24. 50 городов России с запросами о городе через поисковую систему «Яндекс»

[1] MediaScope.net (2018). Аудитория пользователей интернета в России в 2017 г. составила 87 млн человек. URL: mediascope.net/press/news/744498/

К онлайн-инструментам, использующимся в рамках брендинга территорий, относятся: сайты как носители идентичности бренда города, городской брендинг через блогосферу, социальные сети, мобильные приложения и виртуальная среда 3D[1].

Веб-сайт города — это первое «официальное» знакомство с ним, которое помогает познакомиться с городом, повысить осведомленность о нем, почувствовать его ритм. Таким образом, основная задача сайта города заключается в том, чтобы сообщать о бренде города, передавая соответствующую информацию. Это сообщение может принимать форму пассивной передачи информации (общая информация, картинная галерея, брошюры, проекты и планы городского совета) или интерактивной коммуникации (индивидуальная информация, консультации, обратная связь, календарь событий, интерактивные карты, виртуальные осмотры достопримечательностей). В отличие от традиционных средств массовой информации содержание веб-сайта может быть адаптировано для ориентации на различные аудитории с помощью настраиваемых параметров. Более того, веб-сайты позволяют городам узнать больше об их аудитории, включая интерактивные функции на сайтах, чтобы поощрять посетителей к вступлению в диалог с городом[2].

На большинстве туристических сайтов зарубежных городов можно найти информацию о ресторанах, местах размещения, достопримечательностях, городских событиях, тематические маршруты по городу, новости и блоги гостей и жителей города. Что же касается сайтов администрации города, которые используют для коммуникации с жителями, то они, особенно в России, зачастую наполнены отчетами, постановлениями правительств, контактной информацией департаментов и прочими материалами, не отражающими основные преимущества города[3].

Существует ряд инструментов, которые могут помочь вовлечению пользователей в онлайн-коммуникацию с представителями власти. Прежде всего это генерация интересного и правдивого контента в форме, понятной большинству пользователей. Важно создание дружественной к ним коммуникативной платформы, своего рода городского клиентского сообщества с возможностью общения в открытой форме, анонимно или

---

[1] *Dinnie K.* (2011). City branding: Theory and cases. Springer.

[2] *Hurme P.* (2001). Online PR: Emerging organisational practice. Corporate Communications: An International Journal. Vol. 6. № 2. 71–75.

[3] Тем не менее есть примеры и попытки создать более «живые» и современные сайты с возможностью обратной связи для жителей города. Так, система городских решений Москвы «Вместе!», созданная по инициативе мэра Москвы С. С. Собянина, объединяет в себе два направления: «Активный гражданин» для опросов и голосования и «Наш город», где жители контролируют реализацию проектов, могут сообщить о городских проблемах или предложить идеи по благоустройству города.

личными сообщениями. Должна быть создана возможность для обучения, оказания помощи другим гражданам, получения советов от экспертов. Кроме того, для наиболее активных граждан, участвующих в обсуждениях, опросах, конкурсах, необходимо создавать систему поощрений — например в виде баллов, которые можно обменять на что-либо материальное: атрибутика бренда города, билеты в кино, квесты, экскурсии и т.д. Возможно создание системы статусов («активный гражданин», «новичок» и т.д.), приглашение на личные встречи с известными людьми, представителями власти. Но главное — система должна работать, быть «прозрачной» и понятной каждому.

Социальные сети – онлайн-сообщества, где люди объединяются по интересам и видам активности, — еще один мощный инструмент продвижения города, а также платформа для получения обратной связи от горожан и гостей. Наиболее популярными социальными сетями в России являются «ВКонтакте», Instagram и Facebook. У многих городов России уже существуют страницы в социальных сетях, где идет активное взаимодействие с пользователями посредством генерации интересного контента о городе, фото и видео подписчиков, проведения конкурсов и т.д.

Еще одним инструментом продвижения города может быть блогосфера. Создатели блога, как и читатели, могут быть резидентами города, гостями или потенциальными туристами, студентами, инвесторами и т.д. В случае с городами люди пишут и читают о туристических развлечениях, разного вида мероприятиях, о качестве жизни в городе, о социальных вопросах, политике, искусстве и культуре, образовании, спорте и т.д., подкрепляя свои тексты фото-, аудио- и видеоконтентом. Блогеры становятся новыми лидерами мнений, способными формировать представления о городах. Например, BlogTO (http://www.blogto.com/about/) — сайт о Торонто, который ведут жители города Торонто — группа заинтересованных художников, музыкантов, фотографов, политиков, представителей рекламного и медиабизнеса, индустрии моды, танцоров, программистов, любителей еды, режиссеров и даже ветеринаров[1]. Очень важно налаживать сотрудничество с блогерами, делать их амбасадорами бренда города, стимулировать их на положительные отзывы о городе.

В последнее время особую популярность набирает видеоконтент. Официальные и в особенности неофициальные, снятые местными жителями видео могут наглядно рассказать о городе, продемонстрировать плюсы и вскрыть недостатки. Например, недавно был опубликован пятиминутный фильм «Звуки Владивостока», который подчеркивает идентичность

[1] *Динни К.* Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.

города через звуки, которые есть в городе — это море, корабли, чайки, звон колоколов, шум дорог, музыка оркестра театра оперы и балета, рычание тигра, песни местных музыкальных групп и т.д.[1].

Ценными инструментами для продвижения бренда города являются мобильные приложения и мультиплатформенность. Визуальные элементы бренда могут быть интегрированы в городские путеводители (TripAdvisor), интерактивные карты (2Gis) и сервисы по покупке авиабилетов (Aviasales). В качестве примера мультиплатформенности, свойственной новым медиа, можно привести TopTripTip – гид по городам России, созданный совместно с телерадиокомпанией МИР, где может опубликовать информацию любой город России, администрация города, официальный туристическо-информационный центр города или НКО по туризму. У гида есть мобильное приложение, отдельные аккаунты в социальных сетях, видеоролики на Youtube и страница с фотографиями в Instagram.

Виртуальная среда 3D также может стать платформой для продвижения бренда территории. Так, к примеру, Visit 3D Vegas (www.visit3dvegas.com) — социальная сеть, где пользователь может познакомиться с городом (Лас-Вегасом) еще до того, как оказался там в реальности, завести реальных друзей и общаться с ними, развлекаться, делать покупки, путешествовать, и все это в виртуальной реальности. Кроме этого, играя в онлайн-игры, где действие происходит в том или ином городе, потенциальный турист может гораздо лучше понять идею города и узнать интересные факты о нем[2].

Таким образом, пользовательский текстовый, аудио- и видеоконтент в рамках продвижения городов, регионов, стран может как помочь формированию положительного бренда территории, так и испортить утопичную картину, созданную бренд-разработчиками. Именно поэтому так важно совпадение заявлений о городе с реальной картиной места.

На основании анализа информации, представленной на официальных сайтах администраций Владимирской, Тульской областей и Пермского края, можно судить о том, какое внимание уделяется ключевым компонентам, составляющим восприятие территории жителями (табл. 57), и каким образом администрации представляют ценностное предложение территории для населения (табл. 58).

---

[1] Звуки Владивостока: официальный сайт. URL: www.soundofvladivostok.ru/ (дата обращения: 20.02.2018).

[2] Why a mobile game is a brilliant tool for city branding. URL: https://medium.com/lets-play-to-achieve/why-a-mobile-game-is-a-brilliant-tool-for-city-branding-f4f93fad37ac (дата обращения: 16.04.2018).

Таблица 57

Упоминание администрацией регионов ключевых компонентов ценности для жителей

	Городские услуги						Экономика	Экология	Социализация
	Культура	Образование	Здравоохранение	Социальное обеспечение	Безопасность	Транспорт			
Владимирская область http://avo.ru/	+	+	+	-	+	+	+	+	+
Тульская область https://www.tularegion.ru/	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Пермский край http://www.permkrai.ru/	+	+	+	-	-	+	+	-	-

Источник: Администрация Владимирской области: официальный сайт. URL: http://avo.ru/main; Портал правительства Тульской области: официальный сайт. URL: https://tularegion.ru/; Портал Правительства Пермского края: официальный сайт. URL: http://permkrai.ru/

Все три изученных региона представляют на официальных сайтах информацию по большинству из компонентов, при этом уделяют особое внимание вопросам экономического состояния. На сайтах Владимирской области и Тульского края представлены новости и анонсы культурных мероприятий, в то время как на сайте Пермского края эти категории не разделены, что затрудняет восприятие и возможности использования информации.

Позиционирование ценности региона для жителей (табл. 58) наиболее явно было представлено на сайте администрации Владимирской области. В обращении Губернатора С.Ю. Орловой сформулированы основные ценности, соответствующие приведенным нами выше значимым компонентам в актуальной для большинства целевых групп (в том числе жителей) форме. На портале правительства Тульской области, хотя и перечислены преимущества региона, подача в большей степени соответствует ориентации на представителей бизнеса и потенциальных инвесторов, поскольку ядро коммуницируемой ценности составляет информация о развитии промышленного сектора и перспективах в этом направлении. При этом можно заметить отсутствие существенной дифференциации в сформулированных предложениях ценности Владимирской и Тульской областей.

На портале правительства Пермского края ценностное предложение сформулировано целенаправленно для жителей и передано цитатой ВрИО

губернатора М.Г. Решетникова, в соответствии с которой фокусом деятельности администрации региона является стремление обеспечить высокое качество жизни населения.

Таблица 58

Коммуницированное на официальных сайтах ценностное предложение для жителей

	Владимирская область	Тульская область	Пермский край
Ценность для жителей	Многоотраслевой, динамично развивающийся регион с хорошо развитой промышленностью. Высокий научно-технический потенциал. Богатое культурное наследие. Живописная природа и хорошая экология	Высокое развитие промышленного сектора, в особенности предприятий оборонного комплекса. Развитая транспортная сеть грузовых и пассажирских перевозок. Обеспеченность природно-сырьевыми ресурсами. Высокий научно-технический потенциал. Значительный туристский потенциал. Хорошие перспективы экономического роста	Ориентация администрации Пермского края на благополучие населения и качества жизни
Система обратной связи	Электронная приемная; форум «Вопрос-ответ»	Электронная приемная; система «Открытый регион» — полезные городские сервисы; социологические опросы	Электронная приемная; возможность сообщения о проблемах в разделах «Дороги» и «Дворы» в программе развития региона
Приоритетные направления	Поддержка предпринимательской деятельности в регионе; программа «Покупай Владимирское. Покупай Российское»	Программа социально-экономического развития области 2021; реализация стратегических инициатив Президента Российской Федерации в Тульской области	Проект «Управляем вместе» (комплексная программа развития)

Источник: Администрация Владимирской области: официальный сайт. URL: http://avo.ru/main; Портал правительства Тульской области: официальный сайт. URL: https://tularegion.ru/; Портал Правительства Пермского края: официальный сайт. URL: http://permkrai.ru/

Все изученные сайты предоставляют жителям возможность обращения в администрацию через электронную приемную. Порталы Владимирской и Тульской областей предлагают более широкий функционал взаимодействия на основе форума «Вопрос-ответ» (Владимирская область) и портала «Открытый регион» (Тульская область), на которых жители могут сообщить о проблемах и получить ответ по широкому кругу

вопросов. Администрация Пермского края, помимо электронной приемной позволяет дать обратную связь только по двум направлениям в рамках проекта развития «Управляем вместе» – «Дороги» и «Дворы».

Представленная на портале Тульской области комплексная программа развития региона позволяет получить целостное видение осуществляемой работы по формированию ценности для жителей на основе информации и новостей о программе и опубликованных отчетов. Поскольку во Владимирской области действует несколько специальных программ развития по разным направлениям, информация о них представлена отдельно, что несколько затрудняет восприятие. Однако в целом можно выделить ориентацию на поддержку развития предпринимательской активности и повышение интереса потребителей к локальным продуктам. На портале Пермского края можно найти информацию о действиях и планах в рамках программы развития региона, но пока практически не присутствует информация о результатах. Актуальная система опроса жителей существует только на портале Тульской области.

На основе изучения потенциала трех регионов РФ нами выявлены возможности формирования ценностного предложения на основе имеющихся у них ресурсов и компетенций. Основные возможности, идентифицированные нами как имеющие наиболее высокий потенциал, приведены в табл. 59. В рассмотрение могут быть включены не только малые города указанных регионов, так как для них возможно использование преимуществ сетевого взаимодействия с другими территориями на основе маркетинга партнерских отношений.

Хотя по итогам анализа можно сделать вывод о том, что во всех трех регионах администрация демонстрирует понимание, какие компоненты важны для восприятия территории жителями, коммуникации с этой целевой аудиторией выстроены недостаточно четко. Кроме того, исходя из представленной информации, практически не проводится измерение и мониторинг удовлетворенности жителей, являющийся важным показателем для оценки результатов работы для городских, региональных и других территориальных органов управления. В такой ситуации высока вероятность недопонимания между жителями и региональной и муниципальной властью, недооценка интересов жителей, с одной стороны, и усилий местной администрации по улучшению качества жизни населения — с другой.

На основе проведенного анализа необходимо учитывать следующие преимущества, которые будут являться основой для формирования бренда малых городов исследуемых российских регионов:

— благоприятная экология и природный туристско-рекреационный потенциал;

Таблица 59

Потенциально перспективные возможности для формирования ценностного предложения территории

Бренд	Владимирская область	Тульская область	Пермский край
Туристские бренды (действительные и потенциальные)	«Малое золотое кольцо» России; купеческий город Гороховец; провинциальный город Судогда	Ясная Поляна; Куликово поле; усадьба «Поленово», «Тульский Петергоф» г. Богородицк; Самый маленький город Чекалин	Родина солеварения Соликамск
Событийные бренды	«Владимирский тракт» (турниры по экипажной езде, конференция по туризму) АТК «Богдарня»; «День купца», г. Гороховец; гастрономические фестивали в г. Суздаль (например, «МедовухаFest», Международный праздник огурца); День шоколада, г. Покров	«Дикая мята» (музыкальный фестиваль); День пряника; Фестиваль народного творчества «Поляна» (Филимоново); гастрономический фестиваль «Яблочное чудо» (г. Белев); фестиваль гончарного промысла «Сказки деда Филимона» (г. Одоев); «Песни Бежина луга»	«Небесная ярмарка» (фестиваль воздухоплавания), г. Кунгур
Кобрендинг территории и коммерческих продуктов (действительные и потенциальные)	«Покровский пряник», г. Покров; «Сыры от Джона», АТК «Богдарня»); Киржачский молочный завод, г. Киржач	«Тульский пряник»; «Белевская пастила», г. Белев; «Филимоновская игрушка», пгт. Одоев; «Бежин луг», г. Тула (молочные продукты); «Веневка», г. Венев	«Кунгурская керамика», г. Кунгур
Другие возможности	«Гастрономическая карта Владимирской области», участие в проекте «Настоящая Россия»; развитие проекта «Владимирский продукт — покупай свое»; наличие историко-культурных памятников	Участие в проекте «Настоящая Россия»; развитие туристических продуктов на базе малых городов, бывших площадками киносъемок или героями/прообразами литературных произведений; историко-культурные памятники	«Пермские деревянные боги»; нытвинские ложки, г. Нытва;

Источник: Шерешева М.Ю. Событийный туризм и нематериальное культурное настедие (на примере Владимирской области) // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. Т. 10. № 3. С. 41–49; Календарь событий в Пермском крае. URL: http://www.visitperm.ru/; Календарь событийных мероприятий в Тульской области на 2017 год. URL: http://ocktula.ru/announces/kalendar-sobyitijnyix-meropriyatij-v-tulskoj-oblasti-na-2017-god.html; Проект «Настоящая Россия». URL: http://www.настоящая-россия.рф

— наличие уникальных культурных, исторических, религиозных объектов, а также объектов для промышленного и активного туризма;
— наличие слабо освоенных территорий.

Результаты носят предварительный характер и призваны стать основой для дальнейших исследований, включая полевое исследование и разработку предложений по использованию возможностей комплекса маркетинга и сетевого взаимодействия в контексте устойчивого развития. На основе проведенного анализа можно сделать вывод о возможности положительного вклада маркетинговых усилий в обеспечение устойчивого развития региона и о том, что в рассмотренных регионах (Владимирской и Тульской областях, Пермском крае) перспективно применение комплекса территориального маркетинга. Это позволяет повысить туристскую и инвестиционную привлекательность региона, может способствовать улучшению экономической ситуации и качества жизни населения малых городов.

На основе проведенного анализа мы можем представить концептуальную модель взаимосвязи маркетинга малых городов и устойчивого развития (рис. 25).

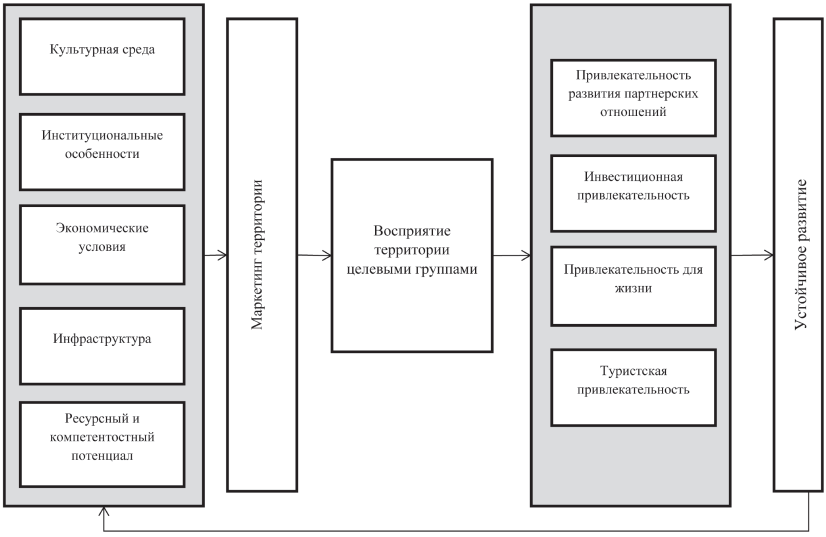


Рис. 25. Концептуальная модель взаимосвязи маркетинга территории и устойчивого развития

Источник: *Hanna R., Wang S. Y.* (2017). Dishonesty and selection into public service: evidence from India. American Economic Journal: Economic Policy. 9(3). 262–290;
Hanna S., Rowley J. (2013). A practitioner-led strategic place brand-management model. Journal of Marketing Management. 29(15–16). 1782–1815.

В контексте маркетинга малых городов и их объединений, ориентированного на обеспечение устойчивого развития, необходима реализация следующих действий[1]:

1) Оценка ресурсного потенциала и выявление приоритетных и перспективных для развития на территории видов деятельности.
2) Определение внутренних и внешних целевых групп, выявление их потребностей и проведение сегментирования на их основе.
3) Оценка возможности сетевого взаимодействия партнеров и достижения более высокого результата на основе комбинирования ресурсов различных субъектов экономической деятельности.
4) Формирование ценностного предложения территории в целом и ее отдельных субъектов (городов, населенных пунктов, предприятий и их партнерств) в рамках единой концепции.
5) Планирование и реализация системы взаимодействия с внутренними и внешними целевыми группами для формирования потребительского опыта в соответствии с потребностями каждого целевого сегмента.
6) Планирование и создание пула материалов, ориентированных на закрепление желаемого комплекса ассоциаций в восприятии целевых аудиторий.
7) Осуществление маркетингового аудита и оценки динамики развития и экономического состояния для своевременной диагностики проблем и корректировки дальнейших действий.

[1] *Оборин М. С.* Социально-экономические условия и функции санаторно-курортной системы региона как фактор создания маркетинговой стратегии развития рынка санаторно-курортных услуг // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2015. № 2. С. 49–56; *Шерешева М. Ю., Оборин М. С., Березка С. М.,* Система брендинга малых городов // Менеджмент в России и за рубежом. 2017. № 5. С. 12–19; *Шерешева М. Ю., Оборин М. С., Березка С. М.* Маркетинг малых городов как фактор устойчивого развития региона // Маркетинг в России и за рубежом. 2018. № 1. С. 63–74.

ГЛАВА 2.9

МОДЕЛИ СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ И РАЙОННЫХ ЦЕНТРОВ

В рамках нашего исследования поставлена цель научного обоснования необходимости включения малых городов российских регионов в более тесное сетевое взаимодействие как между собой, так и с более крупными успешно развивающимися городами своих территорий с целью обеспечения их устойчивого развития. Для региональных и муниципальных властей одним из существенных элементов политики устойчивого развития является понимание, каким образом относительно скромные ресурсы малых городов и районных центров могут комбинироваться для достижения совместных целей по тем или иным аспектам устойчивого развития.

В силу серьезных различий, обусловленных историческими, климатическими и прочими особенностями, развитие сетевого взаимодействия городов в разных регионах России будет характеризоваться своими отличительными особенностями, при этом важна оценка существующих транспортных потоков между городами, ресурсов, слабых и сильных сторон каждого города — участника сети, включая малые и сверхмалые города.

Аргументированное обоснование в рамках регионального планирования направлений и мер повышения привлекательности малых и средних городов в качестве элементов в соответствующих областях деятельности (функциональная специализация) необходимо для оптимизации хозяйственной специализации региона, улучшения транспортной инфраструктуры, позволяющей обеспечить надежные связи в сети, а также для увязки с другими аспектами сетевого планирования. В качестве примера планирования оптимизации функциональной специализации малых городов Пермского края для включения их в сетевое взаимодействие приведем характеристику малых городов Пермского края по текущей экономической специализации, сложившейся исторически, а также с позиции возможностей изменения специализации с учетом имеющегося потенциала реновации.

Обобщенные характеристики 18 малых городов Пермского края с их сложившейся и перспективной специализацией приведены в табл. 60.

Многие из городов, представленных в таблице, относятся к моногородам и центрам монопрофильной направленности, которые сформировались в своем нынешнем виде во времена Советского Союза как центры промышленного производства и добычи полезных ископаемых. Так, города Губаха и Кизел еще 20 лет назад являлись развитыми центрами угледобычи, а сегодня глубоко депрессивные территории. Города Александровск и Нытва до сих пор остаются центрами машиностроения, хотя их социально-экономическое положение и привлекательность для рабочей силы и населения значительно ухудшились. Город Красновишерск является моногородом и центром целлюлозно-бумажной промышленности, постепенно восстанавливающим темпы развития.

Таблица 60

Характеристика малых городов Пермского края по экономической специализации

Малые города Пермского края	Сложившаяся специализация	Потенциальная специализация
Чермоз	Сельское хозяйство, промышленность	Сельское хозяйство, промышленность, туристско-рекреационная
Чердынь	Промышленность	Промышленность, туристско-рекреационная
Усолье	Сельское хозяйство, промышленность	Сельское хозяйство, промышленность, туристско-рекреационная
Оханск	Сельское хозяйство, промышленность	Сельское хозяйство, промышленность, туристско-рекреационная
Гремячинск	Промышленность	Туристско-рекреационная Две железнодорожные ветви, развитый автомобильный транспорт
Горнозаводск	Промышленность	Транспортная: развитое автомобильное сообщение с крупными городами, в том числе Пермью; ж/д сообщение
Александровск	Промышленность	Транспортная, туристско-рекреационная Развитое транспортное сообщение, трасса регионального значения: Соликамск — Чусовой — Кунгур
Очер	Промышленность — моногород со сложным социально-экономическим положением	Туристско-рекреационная Слабая транспортная доступность
Красновишерск	Промышленность — моногород со сложным социально-экономическим положением	Транспортная, туристско-рекреационная Слабая транспортная доступность

Окончание табл. 60

Малые города Пермского края	Сложившаяся специализация	Потенциальная специализация
Кизел	Промышленность	Туристско-рекреационная Наличие автомобильной дороги регионального значения, ж/д сообщение с региональными центрами
Нытва	Промышленность — моногород со сложным социально-экономическим положением	Туристско-рекреационная Слабая транспортная доступность
Губаха	Промышленность	Промышленность, транспортная, туристско-рекреационная Высокая транспортная доступность за счет сети железных дорог, автомобильных дорог
Оса	Промышленность	Промышленность, туристско-рекреационная Слабая транспортная доступность
Верещагино	Промышленность, сельское хозяйство	Транспортная, туристско-рекреационная, промышленная. Пересечение железнодорожной магистрали Москва — Владивосток и автодороги регионального значения Очер — Верещагино — Сива
Кудымкар	Пищевая промышленность	Пищевая и сельскохозяйственная, туристско-рекреационная Слабая транспортная доступность
Чернушка	Промышленность	Транспортная, туристско-рекреационная, промышленная
Добрянка	Промышленность	Транспортная, туристско-рекреационная, промышленная
Чусовой	Промышленность	Транспортная, туристско-рекреационная, промышленная

Источник: составлено авторами.

Исходя из оценки текущего состояния экономической и социальной сфер этих городов, перечисленные в табл. 60 малые города можно условно разделить на три основные группы:

1. Развитые: Гремячинск, Горнозаводск, Александровск, Верещагино, Кудымкар, Чернушка, Добрянка, Чусовой.
2. Неблагополучные: Чермоз, Оханск, Нытва, Губаха, Оса.
3. Депрессивные: Чердынь, Усолье, Кизел, Очер, Красновишерск.

Первая группа достаточно развитых и перспективных с точки зрения промышленности малых городов (восемь городов), хотя и характеризу-

ется моноспециализацией, тем не менее обладает несколькими крупными предприятиями, функционирующими на их территории и производящими продукцию как для Пермского края, так для других российских регионов, а также на экспорт. Так, в г. Гремячинске действуют лесоперерабатывающие предприятия ДОК «Гремячинский», ООО «ПЛПК», завод ОАО «Автоспецоборудование», газокомпрессорная станция Гремячинское ЛПУ МГ. Город Горнозаводск представлен монопроизводством ОАО «Горнозаводскцемент», поставляющем продукцию всем крупным предприятиям по производству стройматериалов Пермского края. В г. Александровске продолжают действовать и постепенно восстанавливают свое финансово-экономическое положение ОАО «Александровский машиностроительный завод», поставляющий горно-шахтное оборудование и горнорудную технику в страны Восточной Европы, Юго-Восточной Азии, Африки, а также ОАО «Алекстром» (опытный завод по производству стеновых материалов). Города Верещагино, Кудымкар, Чернушка, Добрянка, Чусовой также являются перспективными по соответствующим направлениям промышленной специализации, поскольку обладают диверсифицированной экономикой, потенциалом роста имеющихся отраслей и хорошей транспортной доступностью. При этом такие города, как Добрянка, Чусовой, также имеют существенный потенциал роста за счет развития туристско-рекреационной деятельности (в первую очередь горнолыжного туризма и оказания услуг по подготовке профессиональных спортсменов), на базе горнолыжного комплекса «Такман» в г. Чусовой проводятся чемпионаты России по сноуборду. За счет развития разных видов деятельности население этих городов уменьшается не так сильно, как в других, составляя 35–45 тыс.человек.

Группа условно неблагополучных городов (Чермоз, Оханск, Нытва, Губаха, Оса – всего пять городов) характеризуется наличием общих структурных проблем, а также сложной социально-экономической ситуацией, связанной с проблемами в финансово-экономической деятельности их градообразующих предприятий. Тем не менее, несмотря на возникшие в процессе преобразований сложности, данные субъекты обладают достаточной транспортной доступностью, наличием перспективного для развития культурно-рекреационного потенциала, благоприятной экологией. Это позволяет позитивно оценить возможности развития данных городов в рамках исторически сложившейся специализации с учетом новых направлений развития.

Третью группу малых городов составляют депрессивные территории — Чердынь, Усолье, Кизел, Очер, Красновишерск (всего пять городов). Эти города характеризуются массовым банкротством находившихся на их территории предприятий, активным оттоком населения, деградацией производственной и социальной инфраструктуры. Восстановление промышлен-

ной специализации этих городов в большинстве своем невозможно и нецелесообразно. Для них необходимо искать новые направления развития, в том числе определить возможности специализации в рамках сети городов. Например, г. Красновишерск может стать начальной (или промежуточной) точкой для целого комплекса туристских маршрутов по Северному и Приполярному Уралу, города Кизел и Усолье могут быть включены в промышленно-транспортную сеть узла Кизел – Александровск – Губаха (узловой транспортный центр сети) с выходом на Пермь, Соликамск и Березники (см. далее рис. 26) и т.д.

Решение проблем депрессивных территорий предполагает усиленное внимание в области стратегического планирования развития городов и сети городов в целом, поэтому необходимо включать данные малые города в различные программы по развитию, учитывать их уникальное наследие и природный потенциал для формирования туристских маршрутов, новых туров.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что часть малых городов Пермского края с исторически сложившейся промышленной специализацией испытывает проблемы, связанные с неблагоприятной социально-экономической ситуацией, которые усугубляются неразвитостью транспортного сообщения, упадком производственной и социальной инфраструктуры, оттоком населения в более развитые районные центры. Тем не менее историко-культурный, туристско-рекреационный потенциал этих городов в сочетании с благоприятной экологической обстановкой позволяет развивать в их рамках различные виды туризма, пищевую промышленность, сельское хозяйство, создавая тем самым основу для включения этих городов в сетевое взаимодействие на достаточно надежных началах.

Как показал анализ, хорошей перспективой для развития малых городов Пермского края является их перепрофилирование на рекреационную, туристскую и спортивную деятельность, а также на усиление позиций в качестве транспортных узлов (табл. 60). Однако здесь встает очень серьезный вопрос согласования интересов руководства и населения самих городов в изменении их функциональной специализации, а также видения перспектив развития этих городов со стороны региональных властей и желания последних оказать необходимую помощь в перепрофилировании деятельности хотя бы на первых этапах.

На основе анализа текущей и перспективной специализации малых городов России, имеющих реальные и потенциальные возможности вхождения в региональные сети городов, можно выделить по крайней мере три типа функционального взаимодействия, которое может быть организовано для эффективного связывания городов в сеть: промышленно-транспортное, сельскохозяйственное и рекреационно-туристское.

1. Промышленно-транспортный тип сетевого взаимодействия представляет собой связь между городами на основе организации транспортной сообщения, где ключевую роль играет фактор близости районных центров – городов к основным транспортным магистралям – железнодорожным и автомобильным (особенно федерального или регионального назначения). На рис. 26 показаны возможности создания промышленно-транспортной сети на примере малых городов Пермского края (составлено авторами путем наложения графического материала на географическую карту, размещенную в свободном доступе в сети Интернет[1]).

На рис. 26 отражено возможное формирование транспортной сети между малыми городами Кизел – Александровск – Губаха (узловой транспортный центр сети) (первый треугольник), Гремячинск – Горнозаводск – Чусовой (узловой транспортный центр) (второй треугольник), со связкой Губаха – Чусовой – Пермь (третий треугольник, включающий два транспортных узла и центральный город сети). Также в эту транспортную сеть подключаются два крупных промышленных центра Пермского края – г. Березники и г. Соликамск, составляющие основу Березниковско-Соликамского промышленного узла, а также малый город Усолье, расположенный на железнодорожной магистрали Пермь — Соликамск. При этом для г. Усолье больше подходит транспортно-туристская специализация.

Рис. 26. Промышленно-транспортная сеть на примере малых городов Пермского края

[1] Народная энциклопедия городов и регионов России «Мой город». Губаха, 2017.

2. Рекреационно-туристский тип сетевого взаимодействия оптимален в рамках смешанной специализации. Здесь могут быть объединены города одного региона, расположенные достаточно далеко друг от друга, но связанные общей тематикой[1]. Например, многие города Владимирской области обладают развитой туристско-рекреационной инфраструктурой и уже сами могут стать основой для разработки новых туристских маршрутов. С целью обеспечения устойчивого развития Владимирской области в целом и улучшения социально-экономической ситуации в ряде депрессивных городов региона, таких как Курлово, Карабаново, Лакинск, целесообразно и потенциально возможно создание сетевого взаимодействия между этими городами Владимирской области на основе туристско-рекреационной специализации. При этом возможность такого включения в сеть обеспечивается уникальным культурным потенциалом, которым обладают перечисленные малые города, а также их сравнительной близостью к городам, входящим в «Золотое кольцо России». Например, малый город Курлово (население 6000 чел.), расположенный всего в 18 км от известного города Гусь-Хрустальный, относится к категории муниципальных образований с наиболее сложным социально-экономическим положением из-за роста проблем с функционированием градообразующего предприятия — стекольного завода. Выход из кризиса видится в перепрофилировании экономической специализации города на туристско-рекреационную, Курлово является железнодорожной станцией, что обеспечивает легкость транспортного взаимодействия. Другой малый город — Лакинск расположен на автотрассе Владимир — Москва и может стать важным узловым транспортным центром в региональной сети городов. Предлагаемая авторами схема включения депрессивных территорий (Курлово, Карабаново, Лакинск) в новые туристские маршруты в рамках разрабатываемой сети городов приведена на рис. 27.

Учитывая, что большинство малых городов Владимирской области обладают достопримечательностями историко-культурного характера, можно сделать вывод, что туристское направление развития экономики этих городов и региона в целом является достаточно перспективным. А поскольку Владимирская область характеризуется высоким уровнем функционирования предприятий санаторно-курортного комплекса и развитой инфраструктурой лечебно-оздоровительного туризма, целесообразно формирование новых туристских продуктов, охватывающих малые города, именно в рамках этого направления.

---

[1] *Mingaleva Z., Bunakov O.* (2014). Competitiveness assessment of Russian territories in terms of inbound tourism. Life Science Journal. 11 (SI 6). 318–321; *Sheresheva M.* (2016). Russian hospitality and tourism: what needs to be addressed? Worldwide Hospitality and Tourism Themes. 8 (3). 380–396.

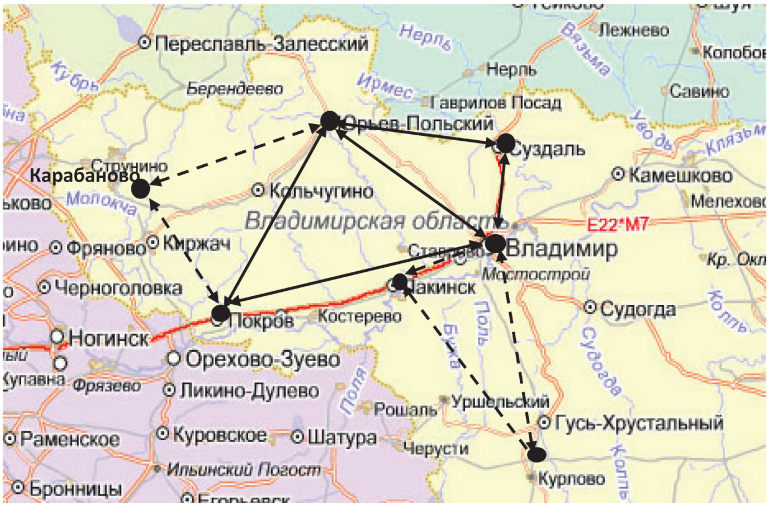


Рис. 27. Сетевое взаимодействие на основе туристско-рекреационной специализации с участием депрессивных территорий

Источник: составлено авторами путем наложения графического материала на географическую карту, размещенную в свободном доступе в сети Интернет[1]

Для Пермского края создание рекреационно-туристского типа сетевого взаимодействия с малыми городами региона целесообразно проводить в направлении историко-патриотического туризма, промышленного туризма, паломнического туризма (религиозного — посещение Северного Афона — Белогородского монастыря и других монастырских комплексов края), спортивного туризма, включая спелеотуризм, спелеодайвинг и пр. Основным фактором успешного построения такой сети является наличие транспортной доступности объектов, общей программы взаимодействия, развитой инфраструктуры гостеприимства. Также для Пермского края очень перспективным является развитие лечебного и оздоровительного туризма[2].

3. Сельскохозяйственный тип сетевого взаимодействия базируется на отраслевой специализации и охватывает территориально близкие районы и города (в Пермском крае — г. Кудымкар, п. Октябрьский и т.д.). При этом транспортная магистраль для вывоза продукции может быть общей для нескольких городов региона. В качестве примера создания такой

[1] Народная энциклопедия городов и регионов России «Мой город». Владимир, 2017.

[2] *Oborin M.S., Frolova N.V., Nagoeva T.A., Mingazinova E.R., Artamonova O.A., Vladimirscy E.V., & Kayachev A.P.* (2016). Assessment of health resort potential of the region based on Perm Krai. Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences. 7(6). 2661–2669.

сети можно привести Октябрьский район, расположенный на юго-востоке Пермского края с центром в поселке городского типа Октябрьский (численность населения поселка на 01.01.2016 — 30 тыс. человек).

Октябрьский район удален от краевого центра, не имеет хорошего прямого сообщения с г. Пермь и другими крупными городами края. Он граничит на севере с Ординским и Суксунским районами Пермского края, на западе — с Уинским и Чернушинским районами Пермского края, на юге — с Аскинским районом Республики Башкортостан и на востоке — с Красноуфимским районом Свердловской области. Большинство этих районов относится к территориям с выраженной сельскохозяйственной структурой производства. Октябрьский район, как и соседние районы, занимает ведущие места в Пермском крае по производству основных видов сельскохозяйственной продукции. При этом поселок Октябрьский является железнодорожной станцией и таким образом может стать узловым транспортным центром сети взаимодействия нескольких районов Пермского края и соседних регионов России, имеющих преимущественно сельскохозяйственную специализацию. Схема сетевого взаимодействия малых городов в рамках сельскохозяйственной специализации приведена на рис. 28.

Рис. 28. Сетевое взаимодействие районных центров и малых городов Пермского края в рамках сельскохозяйственной специализации

Источник: составлено авторами путем наложения графического материала на географическую карту, размещенную в свободном доступе в сети интернет[1]

[1] Народная энциклопедия городов и регионов России «Мой город». Владимир, 2017.

В-третьих для того, чтобы четко спрогнозировать и правильно организовать эффективную связь между городами в региональной сети городов на основе их функциональной специализации и сложившейся структуры распределения ресурсов, в пространственной политике властей всех уровней необходимо разработать механизм распределения между городами функциональных видов деятельности, обеспечивающих их ресурсов и основных услуг, оказываемых конкретными городами, с учетом интересов всех входящих в сеть городов и всех заинтересованных сторон, а также порядок обмена деятельностью и услугами в такой сети. Зачастую оптимальной формой организации такого обмена в современных условиях является полицентрическая форма сети[1].

Планирование функциональной специализации различных городов и поселений, входящих в структуру региональной сети городов, осуществленное на основе полицентрической модели, позволяет сократить транспортные издержки всех типов между городами, изменить структуру потребления ресурсов на более результативную, что позволит обеспечить устойчивое развитие как самих городов, так и всего региона, а также оптимизировать систему ресурсного обеспечения реализации целевых программ социально-экономического развития городов и региона[2].

Рассмотрим взаимовыгодное сотрудничество в конкретных сферах экономики на уровне малых городов. Так, во Владимирской области идет построение транспортного кластера, в работу по формированию которого включены активно и малые города — более всего Лакинск, Собинка, Вязники, Петушки, Суздаль. Данные города расположены в основном вблизи трассы М-7 и активно включены в построение транспортного кластера по таким направлениям, как создание транспортной инфраструктуры, туризм, развитие деятельности дорожных и транспортных организаций, создание современных складских комплексов и т.д. Эти направления призваны устранить основные транспортно-логистические проблемы Владимирской области в целом, а именно:

— низкая пропускная способность дорог — в том числе федеральной трассы;
— неразвитость логистической инфраструктуры — особенно на уровне малых городов;

---

[1] *Meijers E.* (2005). Polycentric urban regions and the quest for synergy: is a network of cities more than the sum of the parts. Urban Studies. 42(4). 765–781; *Green N.* (2007). Functional polycentricity: a formal definition in terms of social network analysis. Urban Studies. 44(11). 2077–2103.

[2] *Мингалева Ж. А., Паздникова Н. П.* Оценка эффективности ресурсного обеспечения мониторинга целевых программ социально-экономического развития регионов // Экономика региона. 2009. № 4. С. 211–215.

— отсутствие механизмов взаимодействия нескольких видов транспорта, что особенно очевидно для малых городов, где происходит постепенное снижение числа местных поездов и локальных маршрутов.

Так, на рис. 29 представим схему взаимодействия малых городов в области построения транспортного кластера во Владимирской области.

Рис. 29. Схема создания транспортного кластера во Владимирской области через взаимодействие малых городов и региональных органов власти
Источник: составлено авторами

Дальнейшее развитие транспортной отрасли Владимирской области возможно только при построении взаимовыгодного сотрудничества малых городов и районных центров, основными направлениями которого должны стать:

— увеличение экспортных и транзитных перевозок через регион путем привлечения перевозчиков маркетинговыми и экономическими мерами на уровне малых городов и региона в целом;
— увеличение роли транспортно-логистической отрасли в экономике малых городов и региона в целом;
— совместное участие в реализации инвестиционных проектов в транспортно-логистической области;
— сотрудничество в области подготовки логистических специалистов в учебных учреждениях областного центра для работы в малых городах;

— создание условий для развития пассажирского транспорта и туристической инфраструктуры на уровне малых городов при финансировании и поддержке региональных органов власти;
— создание комплексных программ для малых городов, направленных на развитие транспортно-логистической отрасли, в согласованности с общерегиональной стратегией развития транспортного кластера.

Таким образом, для дальнейшего развития транспортной отрасли Владимирской области необходимо соблюдение следующих принципов взаимовыгодного сотрудничества малых городов и региональных органов власти:

— поддержка региональными органами власти смежных направлений развития – например, образования в области логистики и транспорта, туристической отрасли, территориального маркетинга. Малые города не могут обойтись без помощи региональных властей по данным направлениям, так как не обладают необходимыми ресурсами – образовательными учреждениями необходимого уровня, мощными информационным порталами;
— перенесение важных объектов транспортно-логистической инфраструктуры в малые города, что снизит транспортную напряженность в больших городах и поможет малым городам не только в области транспорта и логистики, но и позволит улучшить демографическую ситуацию в них, поднимет их значимость и экономический потенциал;
— создание региональной стратегии развития транспортно-логистической отрасли на основе инициатив и программ малых городов в том числе, что позволит создать многоуровневую иерархическую программу транспортного развития региона, в реализации которой будут заинтересованы как малые города, так и крупные центры.

Соблюдение данных принципов поможет более эффективному построению транспортного кластера во Владимирской области и развитию малых городов региона — во всех отраслях и направлениях экономики.

В Тульской области идет активное построение взаимодействия малых городов и региональных органов власти в области образования. Так, при Министерстве образования Тульской области создан Общественный совет, куда входят члены и из малых городов. Так, членами Общественного совета при Министерстве образования Тульской области являются активисты из таких малых городов и поселений, как г. Белев, г. Венев, пгт Куркино, пгт Дубна и с. Волово.

Общественный совет занимается решением следующих вопросов:

— рассмотрение и утверждение планов развития образовательных организаций в регионе и выработка рекомендаций по реализации приведенных планов и проектов в работе образовательных организаций — в том числе малых городов;

— проведение независимой оценки качества образовательных услуг, оказываемых образовательными организациями Тульской области в малых городах и районных центрах;
— осуществление общественного контроля за деятельностью образовательных учреждений на уровне малых городов и районных центров;
— рассмотрение, утверждение и разработка планов по улучшению качества работы образовательных организаций и устранению недостатков, выявленных в ходе независимой оценки качества и др.

Таким образом, на основе рассмотренных основных функций Общественного совета при Министерстве образования Тульской области формируется схема взаимовыгодного сотрудничества малых городов и региональных органов власти в области образования. При этом Министерство образования Тульской области получает возможность мониторинга и реализации гражданских инициатив в сфере образования, перекладывает контролирующую и регулирующую функции на Общественный совет. Граждане малых городов, входящие в Общественный совет, в основном относятся к сфере образования — это учителя, воспитатели, члены родительских комитетов и другие активисты. Выполняя свои функции в Общественном совете, они получают возможность воздействовать на развитие образования в своих городах и селах, контролировать качество образовательных услуг, вносить инициативы в области образования.

Общая схема взаимовыгодного сотрудничества в области образования в Тульской области представлена на рис. 30.

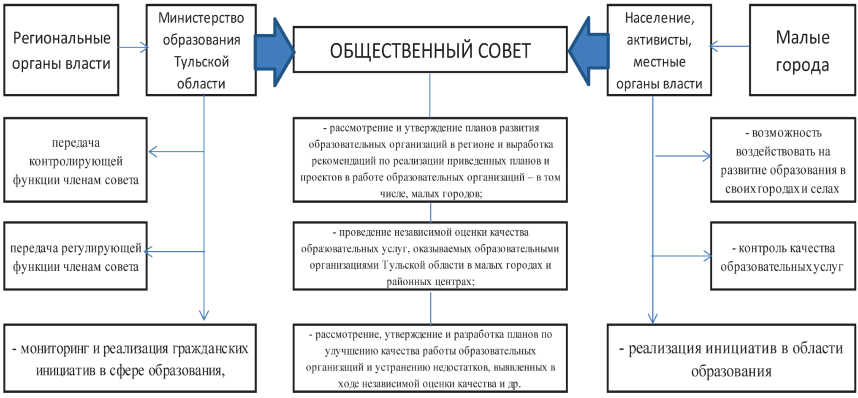


Рис. 30. Сотрудничество в сфере образования региональных органов власти и малых городов в Тульской области

При рассмотрении сферы образования Тульской области на уровне малых городов необходимо выделить следующие проблемы:

— значительное влияние на функционирование филиалов вузов социокультурных черт микросреды конкретных малых городов и поселений;
— воздействие на спектр предоставляемых образовательных услуг уровня социально-экономического развития конкретного малого города и состояния местного рынка труда;
— спрос на определенные специальности, который определяется повседневным опытом общения с неформальными общностями конкретного малого города и популярностью специальности, а не рациональным выбором будущей профессии и сферы трудовой деятельности[1].

Для дальнейшего развития сферы образования как в области в целом, так и в малых городах Тульской области на основе взаимовыгодного сотрудничества необходимо соблюдение следующих принципов:

— модернизация образовательных учреждений и процессов в селах и малых городах с использованием ресурсов как регионального центра, так и самих малых городов. Это ведет к развитию сферы образования в малых городах и повышению общей эффективности системы образования региона в целом;
— формирование и дальнейшее развитие региональных программ привлечения молодых специалистов в сферу образования малых городов. Это ведет к обеспечению кадровыми ресурсами образовательных учреждений малых городов и населенных пунктов, а также совершенствованию процессов распределения выпускников педагогических вузов;
— реструктуризация институтов профессионального образования на уровне региона с ориентацией на потребности малых городов и поселений. Соблюдение данного принципа позволит улучшить эффективность профессионального образования в части соответствия рынку руда, а также улучшит обеспеченность кадровыми ресурсами сфер экономики малых городов.

Соблюдение данных принципов позволит повысить эффективность региональной системы образования в Тульской области, создать условия для развития образования и рынка труда в малых городах. При этом необходимо учесть, что развитие образования в малых городах Тульской области должно происходить с учетом особенностей каждого конкретного населенного пункта.

Далее рассмотрим взаимодействие малых городов Пермского края с районными центрами и региональными органами власти на примере

---

[1] *Мишина Н. А., Орловский А. П.* Правовые основы взаимодействия мегаполисов и малых городов // Инновационные технологии в управлении: сборник научных статей. Киев, 2014. С. 81–86.

сферы торговли. Данное взаимодействие осуществляется под контролем и с инициативой Министерства промышленности, предпринимательства и торговли Пермского края. Основными функциями министерства в данном направлении являются:

— координация деятельности исполнительных органов малых городов Пермского края по вопросам реализации торговой деятельности;
— содействие созданию условий для привлечения инвестиций в торговую сферу малых городов;
— согласование проектов договоров о сотрудничестве, подготовленных исполнительными органами малых городов в сфере торговли;
— обеспечение проведения мероприятий, направленных на создание положительного имиджа торгового потенциала отдельных населенных пунктов Пермского края и др.

Необходимо отметить, что сфера торговли в Пермском крае развивается согласно общероссийским тенденциям и для нее характерно преимущественное развитие сетевой торговли. Так, согласно органам статистики Пермского края, за период 2012 — 2016 гг. удельный вес оборота розничной торговли торговых сетей в общей величине оборота розничной торговли Пермского края составил 28,4%, причем доля сетевых торговых точек в общем региональном обороте ежегодно росла (рис. 31).

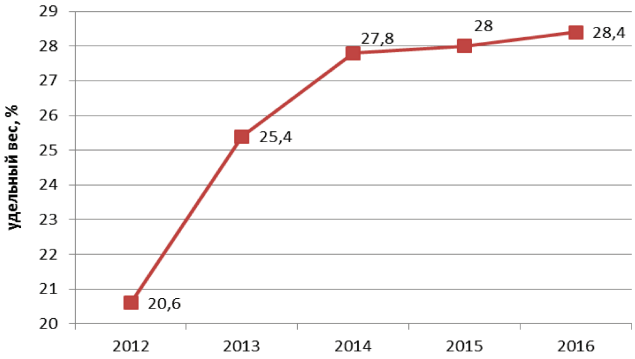


Рис. 31. Изменение доли сетевых торговых точек в общем региональном торговом обороте Пермского края
Источник: составлено авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики. URL: http://gks.ru/

Данные тенденции справедливы для таких малых городов Пермского края, как Верещагино, Гремячинск, Кизел, Оханск, Александровск, Горнозаводск и Усолье.

При этом торговые сети в малых городах в основном представлены продуктовыми супермаркетами. Для малых городов сетевые торговые предприятия имеют следующие преимущества:

— удовлетворение весьма широких потребностей населения в продуктах — как дешевых, так и премиум-уровня;
— оказание населению малых городов конкурентоспособных торговых услуг;
— обеспечение доступности разнообразных продуктов питания для населения малых городов.

Развитие сетевых магазинов в малых городах ведет к соответствующему снижению оборота прочих магазинов — в том числе принадлежащих районным потребительским обществам (РайПО). Несмотря на то что РайПО также имеют свою торговую сеть, ее конкурентоспособность значительно ниже других федеральных сетевых магазинов. Это отрицательный факт развития торговли в малых городах, так как РайПО — это целая структура с большой численностью персонала, ценными основными фондами, высоким налоговым потенциалом (что весьма важно для формирования доходной части местного бюджета), а также налаженными связями с органами власти малых городов и любое снижение эффективности РайПО ведет к сокращению персонала, закрытию торговых точек в удаленных населенных пунктах и прочим отрицательным последствиям. При этом зачастую взаимодействие РайПО с местными органами власти осуществляется на основе личных контактов руководителей данных структур без составления программ развития взаимодействия, формирования перспективных направлений взаимного сотрудничества. Это устаревшая форма взаимодействия, не имеющая высокой эффективности в настоящее время и не приносящая особой выгоды сторонам взаимодействия.

В данной ситуации Министерство промышленности, предпринимательства и торговли Пермского края осуществляет активную поддержку именно сетевых торговых структур, так как это позволяет увеличить притоки налоговых доходов в региональные бюджеты, обеспечить возможность активных финансовых вложений в торговую отрасль края за счет инвестиций крупных российских сетей, а это соответствует стратегии развития торговли в Пермском крае и диктуется принципом экономии. Действительно, сетевой розничный бизнес имеет возможность добиться больших результатов в расчете на одну торговую точку, чем отдельно стоящий магазин, и позволяет обеспечить сосредоточение людских, технических и информационных ресурсов в одном центре[1].

Таким образом, для развития сферы торговли в Пермском крае необходимо соблюдение следующих принципов и условий:

---

[1] *Кутовой С. И.* Взаимодействие городов как механизм развития регионального экономического пространства // Бизнес в законе. 2013. № 6. С. 302–306; *Осипова А. О.* Сетевой проект как вид сотрудничества // Молодежь в меняющемся мире: вызовы современности: материалы VII международной научно-практической конференции. Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург), 2017. С. 94–99.

— развитие платежеспособного спроса населения малых городов;
— развитие инвестирования в сферу торговли;
— создание сетей из отдельных местных предпринимателей, занятых в сфере торговли малых городов;
— развитие кадрового потенциала торговли;
— развитие инфраструктурной базы существующих торговых точек малых городов.

Соблюдение данных принципов позволит достичь следующих эффектов:

— повышение уровня жизни населения — на федеральном уровне за счет обеспечения продовольственной безопасности населения и предоставления ему конкурентоспособных торговых услуг;
— повышение кадрового, налогового и общеэкономического потенциала Пермского края — за счет развития отрасли торговли малых городов и поселений региона, что ведет к повышению занятости специалистов в сфере торговли, увеличению налоговых поступлений в региональный бюджет за счет торговых организаций;
— развитие отрасли торговли на уровне малых городов, что ведет к улучшению условий жизни в них.

Таким образом, может быть сформирована схема взаимодействия малых городов и региональных органов власти в целях развития сферы торговли Пермского края (рис. 32). Как можно видеть, для эффективного развития торговли в Пермском крае необходимо тесное взаимодействие малых городов, а также районных и региональных органов власти по всем предусмотренным направлениям развития.

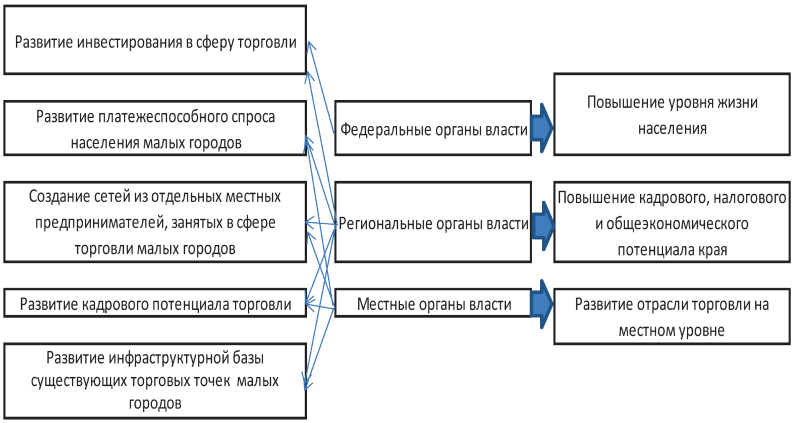


Рис. 32. Схема взаимодействия малых городов и региональных органов власти в целях развития сферы торговли Пермского края
Источник: составлено авторами.

Важным направлением социально-экономического развития Пермского края является сельское хозяйство, при этом комплекс мер нацелен на качественно-количественные критерии роста отрасли. Учитывая, что потенциал малых городов в развитии сельского хозяйства играет ведущую роль, необходимо задействовать функциональные каналы распределения сельскохозяйственной продукции между малыми городами и районными центрами, повышая производительность и качество продукции.

Отразим направления взаимодействия малых городов и районных центров в целях развития сельского хозяйства (рис. 33).

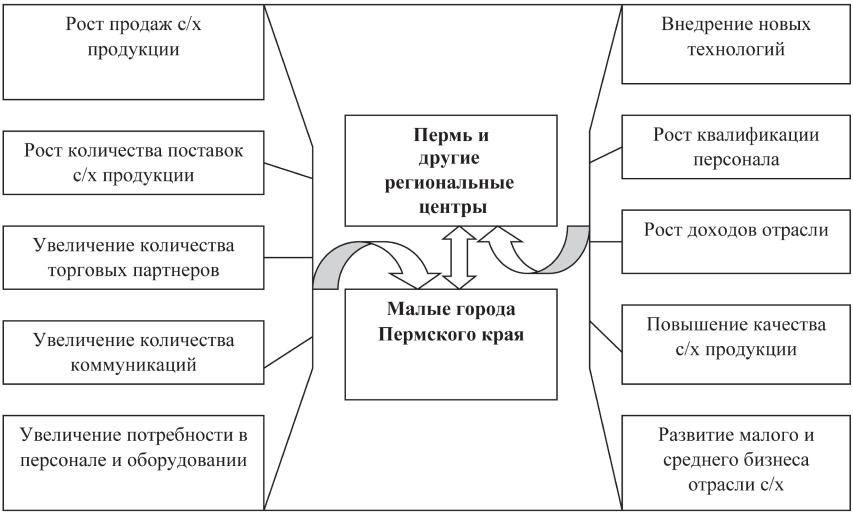


Рис. 23. Схема взаимодействия малых городов и региональных центров в целях развития сельского хозяйства Пермского края
Источник: составлено авторами.

Усиление взаимодействия в целях развития сельского хозяйства будет способствовать получению для малых городов таких преимуществ, как:

— рост продаж сельскохозяйственной продукции, что будет качественно влиять на расширение отрасли, привлечение в нее новых производителей, развитие малого и среднего бизнеса, а также сопутствующих отраслей, например транспорта и логистики;
— рост количества поставок, обусловленный спросом, позволит усилить транспортную составляющую, повлечет закономерное развитие логистических сетей, обеспечивая удобство поставщикам и покупателям в ритмичности;
— усиление взаимодействия будет способствовать росту количества торговых партнеров, которыми могут быть как отдельные предпри-

ятия общественного питания, так и представители сетевых компаний, которые заинтересованы в диверсифицированных и качественных сельскохозяйственных продуктах;
— увеличение количества коммуникаций будет способствовать внедрению прогрессивных форм маркетинга, менеджмента и учета, требования к которым будут продиктованы имеющимся уровнем качественного обслуживания заказчиков, экономией времени и оптимизацией технологий;
— рост потребности в персонале и оборудовании закономерно обусловлен возросшими потребностями производства и положительно отразится на занятости и росте доходов населения.

Для региональных центров основной эффект будет заключаться в насыщении продовольственного рынка, более полном удовлетворении местного населения в качественных и разнообразных продуктах питания, развитии технологии, а также росте экономических показателей отрасли, что в целом благоприятно отразится на социально-экономическом развитии Пермского края.

Другим важным направлением взаимодействия является туристско-рекреационная специализация малых городов Пермского края, которые обладают потенциалом для развития лечебно-оздоровительного туризма и санаторно-курортного комплекса, экологического, аграрного, сельского туризма.

Представим возможное взаимодействие схематично (рис. 34).

Рассмотрим взаимовыгодность развития туристско-рекреационной сферы для малых городов и районных центров:
— вовлеченность депрессивных территорий (ДТ) в сетевое взаимодействие при создании и реализации комплексного туристско-рекреационного продукта с малыми городами различной специализации (МГ1, МГ2, МГ3) и их участие в распределении дохода;
— рост туристских потоков на территории малых городов и районных центров, что позволит повысить доходность не только предприятий туристско-рекреационной сферы, но и комплекса отраслей, взаимосвязанных с ними;
— развитие имиджа Пермского края как туристско-рекреационного, а не только производственного;
— улучшение социально-экономических показателей за счет роста доходности отраслей, роста занятости и сокращения оттока населения;
— оптимизация использования курортно-рекреационного потенциала малых городов в целях роста доходности отраслей, повышения качества жизни населения, привлечения платежеспособного спроса в регион, в том числе в форме инвестиций.

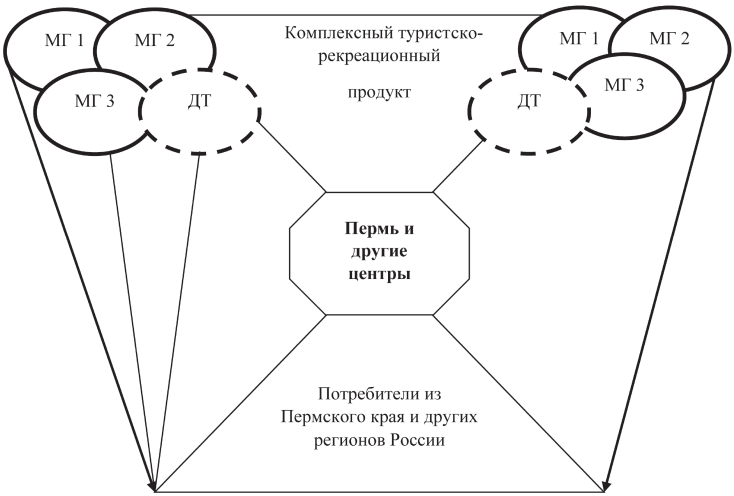


Рис. 34. Схема взаимодействия малых городов и региональных центров в целях развития туристско-рекреационной деятельности Пермского края
Источник: составлено авторами.

Таким образом, на основе проведенного исследования были выявлены направления взаимовыгодного сетевого взаимодействия малых городов и районных центров. К основным относятся: образование, торговля и общественное питание, сельское хозяйство, туристско-рекреационная деятельность. К обеспечивающим: транспорт и логистика, управление, нормативно-правовая деятельность.

Представим с учетом выявленных направлений эффект для малых городов и районных центров (табл. 61).

Современные российские исследователи отмечают многообразие типов институтов, представленных в малых городах. В. М. Полтерович и В. Л. Тамбовцев группируют институты по признаку целенаправленности и осознанности создания и выделяют спонтанно возникшие, заимствованные и спроектированные институты[1]. С точки зрения проектирования развития малых городов данная классификация имеет особое значение, так как позволяет разделить институты малых городов на те, которые можно искусственно инициировать, и те, что возникают самостоятельно или извне. Это важно при определении опорных социальных и экономических структур, которые являются поддерживающими по отношению к общей стратегии развития территорий и малых городов.

[1] *Полтерович В.* Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 25–50; *Тамбовцев В.* Защита прав собственности и инвестиционный климат России // Журнал НЭА. 2012. № 1 (13). С. 163–165.

Таблица 61

Эффект от взаимовыгодного сетевого взаимодействия малых городов и районных центров

Направления взаимодействия	Малые города	Районные центры
Основные направления		
Образование	Повышение доли квалифицированных кадров в общей структуре, привлечение молодежи, трудоустройство, развитие вузов с учетом потребностей местного населения и специализации региона	Приобретение новых специальностей, усиление специализации, важной для региона, обмен опытом и навыками, получение специалистов, востребованных в регионе
Торговля и общественное питание	Развитие инфраструктуры торговли и общественного питания, рост занятости, обеспечение местного населения услугами и продукцией региональных предприятий	Получение качественных услуг в общественном питании, расширение ассортимента, возможность рынка сбыта для предприятий районных центров
Сельское хозяйство	Развитие производства, рост доходов, инфраструктуры, расширение региональных связей	Приобретение качественной продукции, рост социально-экономических показателей отрасли края
Туристско-рекреационная деятельность	Развитие сети предприятий, приток платежеспособных туристов из края и других регионов РФ, повышение известности территории в качестве поставщика диверсифицированной продукции и услуг	Обеспечение населения качественными туристско-рекреационными услугами, наполнение регионального бюджета, рост налоговых поступлений, развитие социально-экономического пространства субъекта РФ
Вспомогательные направления		
Транспорт и логистика	Обеспечение эффективного взаимодействия рыночных и социальных агентов, доступ к местным продуктам и услугам	Реализация социально-экономического партнерства в различных областях
Управление	Реализация программ по развитию, создание необходимых условий для малого и среднего бизнеса для работы, обеспечение населения качественными услугами и продуктами	Взаимодействие регионального и муниципального планирования, контроль и мониторинг показателей реализации планов
Нормативно-правовая деятельность	Создание благоприятного инвестиционного климата	Повышение экономического рейтинга региона, обеспечение привлекательности для отечественных и зарубежных инвесторов

Источник: составлено авторами.

В целях моделирования устойчивого развития малых городов необходимо также выделение институтов по таким признакам, как сложность изменения института, инертность, а также централизация института. Особое значение в рамках местного управления на уровне малых городов имеет классификация институтов по уровням регулирования – на федеральные, региональные и местные соответственно. Данные уровни закреплены в законодательстве страны, что является поддерживающим фактором для формирования и группировки институтов в малых городах именно по этому признаку. Как отмечает В. Л. Тамбовцев, институциональная среда малых городов формируется прежде всего на муниципальном уровне[1], но должна включать в себя институты других уровней в качестве поддержки и определения общей стратегии развития.

Ряд авторов говорят о необходимости построения общей структуры институциональной среды малого города с точки зрения специфики набора функций институтов[2]. Это представляется справедливым, так как при моделировании устойчивого развития территорий необходимо ориентироваться на сферы регулирования, к которым относится тот или иной институт, имеющий место на данной территории.

Основываясь на ряде работ, касающихся вопросов формирования институциональной среды развития территорий[3], можно выделить следующие группы институтов малых городов:

1. Надконституционные (поведенческие) институты — сюда относятся устоявшиеся локальные традиции и обычаи малого города, например особые местные праздники, почитание покровителя города и др. В современных условиях, казалось бы, данная группа институтов должна постепенно терять свою значимость, но, учитывая старение населения малых городов[4], группа поведенческих институтов имеет весьма крепкие позиции в современных малых городах.

---

[1] *Тамбовцев В.* Защита прав собственности и инвестиционный климат России // Журнал НЭА. 2012. № 1 (13). С. 163–165.

[2] *Нуртдинов А. Р.* Институциональная среда как условие устойчивого экономического развития // Вестник Казанского технологического университета. 2016. № 6. С. 186–193; *Полтерович В.* Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 25–50; *Тамбовцев В.* Защита прав собственности и инвестиционный климат России // Журнал НЭА. 2012. № 1 (13). С. 163–165.

[3] *Иванченко М. П.* Формирование институтов роста развитой территории на примере Ленинградской области // Проблемы управления. 2014. № 20. С. 61–64; *Нуртдинов А. Р.* Институциональная среда как условие устойчивого экономического развития // Вестник Казанского технологического университета. 2016. № 6. С. 186–193; *Тамбовцев В.* Защита прав собственности и инвестиционный климат России // Журнал НЭА. 2012. № 1 (13). С. 163–165.

[4] *Фролов Д. П.*, *Соловьева И. А.* Будущее стратегий территориального развития: анализ современных методологий // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 10 (433). С. 28–45.

2. Конституционные (политические) институты, куда относятся правила избрания и назначения представителей органов местного и общественного самоуправления. Основой для данных институтов являются такие нормативные акты, как Положение об администрации муниципального образования и Положение о территориальном общественном самоуправлении.

3. Экономические институты — наиболее многочисленная группа институтов малых городов. Сюда можно отнести:

— институты, регулирующие предпринимательскую деятельность и формирующие инвестиционный климат,
— институты развития социальной сферы малого города (например, образование, здравоохранение, культура, спорт),
— институты системы финансов малого города,
— институты, обеспечивающие развитие городской инфраструктуры,
— институты, формирующие условия для повышения туристической привлекательной и развития туризма малого города.

Данная группа институтов является определяющей для формирования устойчивого развития малых городов, так как эти институты позволяют обеспечить высокие показатели уровня жизни населения малых городов. Что является основной целью устойчивого развития территории.

Как отмечают Д. П. Фролов и И. А. Соловьева, стратегии развития малых городов и регионов, базирующиеся на институциональном подходе, в основном находятся в стадии разработки и согласования соответствующей методической базы. Они направлены, с одной стороны, на выявление и преодоление институциональных ограничений (в том числе административных барьеров, неэффективных процедур и механизмов регулирования и др.) использования ресурсов территории, с другой — на формирование качественной институциональной среды для разных групп стейкхолдеров[1]. Значительная роль в таких стратегиях отводится субъективным индикаторам для разных категорий субъектов (бизнеса, населения и др.), получаемым на основе социологических опросов.

В качестве методологической основы для таких индикаторов могут быть использованы показатели рейтинга «Ведение бизнеса» (Doing Business), отражающие степень удовлетворенности предпринимателей сроками получения разрешений на строительство, подключения к электроснабжению, регистрации бизнеса и собственности и т.д., а также индикаторы индекса «Валового национального счастья» (Gross National Happiness Index), включающие показатели психологического благополучия, здоровья, культур-

[1] *Фролов Д. П.*, *Соловьева И. А.* Будущее стратегий территориального развития: анализ современных методологий // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 10 (433). С. 28–45.

ного разнообразия, стандартов жизни, удовлетворенности качеством государственного управления, использованием времени и др.[1].

Рассмотрим некоторые показатели, характеризующие уровень развития институциональной среды в малых городах Пермского края, Владимирской и Тульской областей (табл. 62). Методика обобщения показателей для характеристики институциональной среды представлена органами статистики.

Таблица 62

Показатели развития институциональной среды малых городов на примере субъектов РФ

Показатель	Субъекты		
	Пермский край	Владимирская область	Тульская область
Конституционные институты			
Наличие муниципальных образований, ед.	29	80	23
Число муниципальных образований, участвующих на добровольной основе в объединениях муниципальных образований, в межмуниципальных некоммерческих организациях, ед.	27	80	22
Экономические институты			
Муниципальные унитарные предприятия, ед.	51	10	12
Банки и иные финансовые организации или их филиалы и представительства, ед.	2	4	3
Число субъектов малого и среднего бизнеса	3124	6309	3469
Социальные и институты уровня жизни			
Образовательные организации, ед.	19	84	32
Организации культуры, ед.	57	86	6
Организации спорта, ед.	25	2	8
Местный бюджет на текущий год (тыс. руб.)			
доходы	2 203 626	1 628 062	3 148 183
расходы	2 278 613	1 597 459	3 507 493
дефицит (–), профицит (+)	–74 987	+30 603	–359 310

Источник: Федеральная служба статистики. URL: http://www.gks.ru/

Отразим данные о численности субъектов малого и среднего бизнеса в малых городах Пермского края, Владимирской и Тульской областей (см. рис. 35).

[1] *Иванченко М. П.* Формирование институтов роста развитой территории на примере Ленинградской области // Проблемы управления. 2014. № 20. С. 61–64.

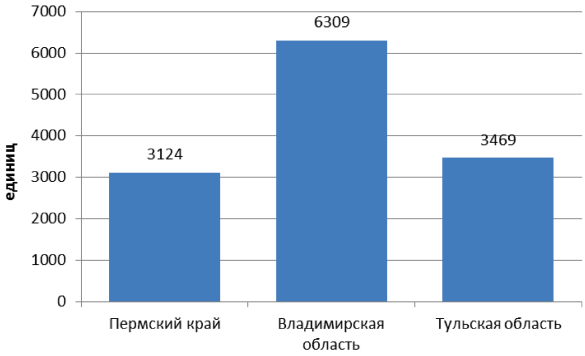


Рис. 35. Численность субъектов малого и среднего бизнеса в малых городах Пермского края, Владимирской и Тульской областей на 2016 г.[1]
Источник: Федеральная служба статистики. URL: http://www.gks.ru/

Исходя из данных табл. 62, можно особо выделить развитие экономических институтов в малых городах Владимирской области — данный регион лидирует по числу банковских организаций и субъектов малого и среднего бизнеса (см. табл. 62 и рис. 35).

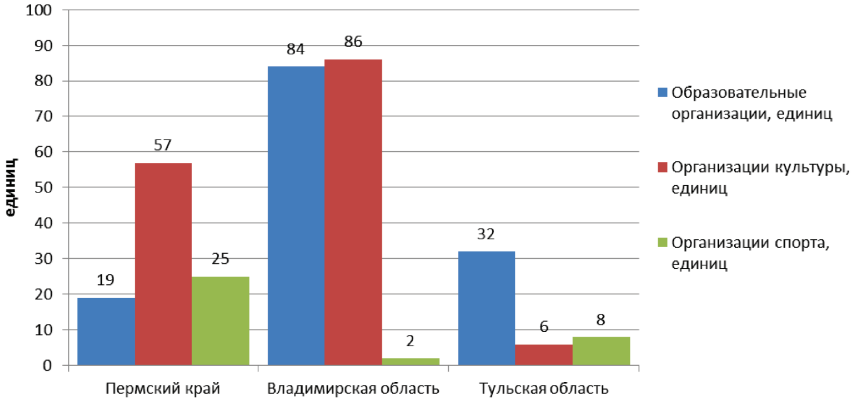


Рис. 36. Показатели, характеризующие социальные институты в малых городах Пермского края, Владимирской и Тульской областей
Источник: Федеральная служба статистики. URL: http://www.gks.ru/

На рис. 36 представлены показатели, характеризующие социальные институты в малых городах рассматриваемых регионов. Как можно видеть,

[1] Федеральная служба статистики: официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/ (29.10.2017).

среди рассмотренных регионов Владимирская область лидирует по числу образовательных, культурных и спортивных организаций, малые города данного региона опережают малые города других рассмотренных областей. Таким образом, можно говорить о наиболее развитых социальных институтах именно в малых городах Владимирской области.

На рис. 37 отражены показатели бюджетных доходов и расходов по малым городам Пермского края, а также Владимирской и Тульской областей. Наибольший дефицит бюджета имеет место в малых городах Тульской области, профицит — в малых городах Владимирской области, что свидетельствует о лучшем обеспечении бюджетных функций в малых городах данного региона.

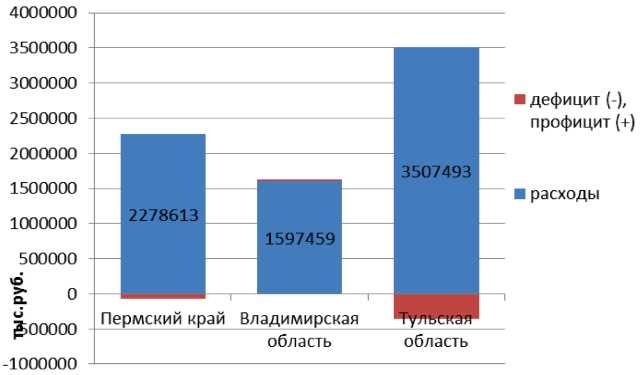


Рис. 37. Показатели бюджетных доходов и расходов по малым городам Пермского края, Владимирской и Тульской областей
Источник: Федеральная служба статистики. URL: http://www.gks.ru/

В целом, исходя из рассмотренных показателей, можно говорить о приемлемом развитии институциональной среды в малых городах Владимирской области (в части экономических и социальных институтов), а также Пермского края (в части экономических институтов), но необходимо отметить, что данная методика является не совсем точной и не позволяет полноценно осветить развитие институциональной среды малых городов.

Итак, существуют определенные методы для характеристики объектов институциональной среды малых городов, которые позволяют сформировать модели развития данных территорий. Вместе с тем следует понимать ограниченность субъективных индикаторов и целесообразность их использования не как альтернативы объективных (статистических) показателей, а в качестве дополнения. Кроме того, измерение качества институциональной среды в значительной степени осложняется трудностями оценки ее отдельных компонентов, поскольку все институты действуют

комплексно как единая система, поэтому вычленить и измерить влияние отдельных институтов крайне проблематично.

Обзор освещения вопросов моделирования развития территорий в зарубежной литературе показал, что этими проблемами с позиции институционального подхода занимались такие исследователи, как Й. Эдда[1], Х. Эйдж, Дж. Харрисон[2], К. Зиммербауэр[3], М. Бишоп[4].

Й. Эдда предложил математическую имитационную модель, позволяющую выявить влияние факторов институциональной среды на развитие территории. В качестве примера в его работах выступают территории Евро-Арктического региона[5]. На их примере исследователь строит имитационную модель развития территории и доказывает, что наибольшее влияние на развитие оказывает группа институциональных факторов. Необходимо отметить справедливость выводов автора о важности именно институциональных условий для оптимального развития территории, но выделенные Й. Эддой институциональные факторы весьма ограничены, что, вероятно, связано с объектом исследования — а именно территориями Евро-Арктического региона, обладающими специфичностью набора институтов.

Исследование, проведенное Х. Эйджем и Дж. Харрисоном, основывается на аспектах новейшего институционального анализа[6], который ведет к формулированию возможности моделирования развития территорий, исходя из текущего состояния институтов, воздействующих на данную территорию. Ученые построили EPR-модель, которая позволяет увидеть конкретные причинно-функциональные связи (в том числе — институционального характера), существующие в системе развития территории. Необходимо отметить, что использование EPR-моделирования весьма полезно для определения путей территориального развития, а также истоков территориальных преимуществ. Широк и выбор характеристик ин-

---

[1] *Edda J., Hoines, Dolgov, Andrey V.* et al. Demersal Fish Assemblages and Spatial Diversity Patterns in the Arctic-Atlantic Transition Zone in the Barents Sea. PLOS ONE Vol. 7. Issue 4. Article Number: e34924 Published: APR 17. 2012.

[2] *Harrison J., Age S.* (2014). When regions collide: in what sense a new 'regional problem'? Environment and planning A Vol. 46. Issue 10. P. 2332–2352.

[3] *Zimmerbauer K.* (2014). Constructing peripheral crossborder regions in planning: territory-network interplay in the Barents region.environment and planning A Vol. 46. Issue 11. P. 2718–2734.

[4] *Фролов Д. П.*, *Соловьева И. А.* Будущее стратегий территориального развития: анализ современных методологий // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 10 (433). С. 28–45.

[5] *Edda J., Hoines, Dolgov, Andrey V.* et al. Demersal Fish Assemblages and Spatial Diversity Patterns in the Arctic-Atlantic Transition Zone in the Barents Sea. PLOS ONE Volume: 7 Issue: 4. Article Number: e34924 Published: APR 17. 2012.

[6] *Harrison J., Age S.* (2014). When regions collide: in what sense a new 'regional problem'? Environment and planning A Vol. 46. Issue 10. P. 2332–2352.

ституциональной среды территориального развития, который может быть увеличен с учетом российской специфики.

Рассмотрим направления моделирования устойчивого развития территорий на основе институциональной среды на примере малых городов Пермского края с преобладающей промышленной специализацией (табл. 63).

Таблица 63

Характеристика малых городов Пермского края по экономической специализации[1]

Малые города	Отрасль специализации	Направления диверсификации экономики
Чермоз	Сельское хозяйство, розничная торговля, машиностроение (завод нефтегазового машиностроения «ООО Синергия»)	Развитие познавательного, экологического, агротуризма
Чердынь	Разработка солевых месторождений, производство за чертой города	Развитие религиозного, познавательного, экологического и агротуризма
Усолье	Сельское хозяйство, розничная торговля, лесная и деревообрабатывающая промышленность	Развитие религиозного и познавательного туризма
Оханск	Сельское хозяйство, производство пиломатериалов, швейное производство (ОАО «Оханская швейная фабрика»)	Развитие экологического, агротуризма
Гремячинск	Лесопереработка (ДОК «Гремячинский», ООО «ПЛПК»), газокомпрессорная станция (Гремячинское ЛПУ МГ), автомобилестроение (завод ОАО «Автоспецоборудование»), легкая промышленность	Образование, здравоохранение и экологический туризм
Горнозаводск	Монопроизводство ОАО «Горнозаводскцемент»	Транспортная отрасль, сфера культуры
Александровск	Развитие промышленного производства (ОАО «Александровский машиностроительный завод», ОАО «Алекстром» (опытный завод по производству стеновых материалов)	Образование, здравоохранение, транспортная отрасль и туризм
Очер	Литейная, мебельная промышленность, производство пиломатериалов, сельское хозяйство, машиностроение (ОАО «Очерский машиностроительный завод»)	Туризм и рекреация, экологический и агротуризм

[1] Федеральная служба статистики: официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/ (дата обращения: 29.10.2017).

Окончание табл. 63

Малые города	Отрасль специализации	Направления диверсификации экономики
Красновишерск	Лесная, деревообрабатывающая промышленность, цветная металлургия. Крупные предприятия являются банкротами	Образование, здравоохранение, транспортная отрасль, экологический туризм
Кизел	Ликвидация основных градообразующих предприятий, бюджетная сфера	Туризм и рекреация, экологический и агротуризм
Нытва	Градообразующее предприятие — ОАО «Нытвенский металлургический завод»	Развитие познавательного, экологического и агротуризма
Губаха	Химическая промышленность — ПАО «Метафракс», ОАО «Губахинский кокс»	Транспорт, сфера культуры и туризм
Оса	Машиностроение, деревообработка, пищевая промышленность	Культурный центр — развитие познавательного туризма
Верещагино	Машиностроение, сельское хозяйство, текстильная промышленность	Транспорт, промышленность и туризм
Кудымкар	Пищевая промышленность (ОАО «Молоко», ОАО «Мясокомбинат»), торговля	Развитие религиозного, познавательного, экологического и агротуризма
Чернушка	Нефтяная промышленность и строительство (ООО «Лукойл-Пермь»), ремонтное производство (ООО «АРГОС» — ЧУРС); строительство дорог (ООО «ДОРОС»), выпуск кирпича (ООО «Чернушкастройкерамика»)	Промышленность, транспорт, туризм, санаторно-курортная деятельность
Добрянка	Топливно-энергетический и лесопромышленный комплекс (филиал «Пермская ГРЭС» АО «Интер РАО — Электрогенерация»; НГДУ «Полазнанефть» ЗАО «Лукойл-Пермь», ЗАО «Лукойл — Бурение — Пермь», АО «Добрянка-мебель», филиал ЗАО ПО «Уралэнергомонтаж»)	Промышленность, транспорт, туризм, санаторно-курортная деятельность
Чусовой	Черная металлургия, машиностроение и металлообработка (ОАО «Чусовский металлургический завод», «УралДомнаРемонт», «МеталлургСервис»)	Промышленность, транспорт, туризм, санаторно-курортная деятельность
Всего 18		

Источник: Федеральная служба статистики. URL: http://www.gks.ru/

Ряд моногородов испытывает экономические проблемы, связанные с упадком или банкротством промышленных предприятий[1].

[1] *Оборин М. С., Пахалов А. М., Шерешева М. Ю.* Эффективность стратегического планирования развития малых городов на основе сетевого механизма координации // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 4. 2017. С. 100–117.

Представим схематично промышленную институциональную среду Пермского края (рис. 38).

Рис. 38. Основные характеристики институциональной среды малых городов Пермского края с промышленной специализацией
Источник: составлено авторами.

Можно видеть сочетание нескольких характеристик институциональной среды, к которым относится научно-технический потенциал и инновации. Охарактеризуем динамику инноваций на примере рассматриваемых субъектов РФ (рис. 39).

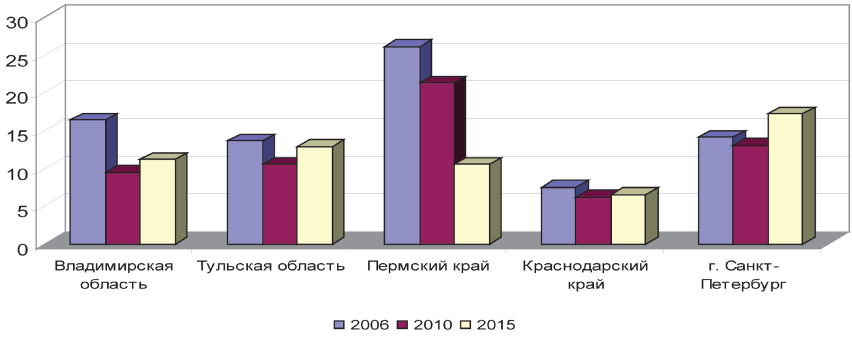


Рис. 39. Удельный вес организаций, осуществляющих технологические, маркетинговые, организационные инновации, %
Источник: составлено авторами.

Пермский край являлся лидером в 2006 г. — 26,1% организаций осуществляли инновационную деятельность; в 2015 г. на первое место вышел г. Санкт-Петербург — 17,2%, он же является единственным из рассматриваемой группы субъектов, показавшим прирост инновационной деятельности.

Рассмотрим, какова доля инновационной составляющей в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг (рис. 40). Отметим, что в регионах развиваются две тенденции: рост инновационных продуктов, работ, услуг в общей доле: Владимирская, Тульская области; снижение: Пермский, Краснодарский края, г. Санкт-Петербург (при росте количества предприятий, занятых инновациями). Особенно резким является сокращение по Пермскому краю — с 20,9 до 7,7%.

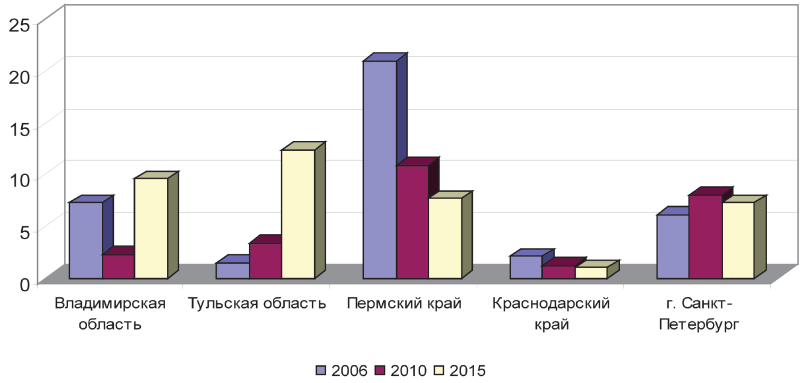


Рис. 40. Доля инновационных продуктов, работ, услуг в общем объеме, %
Источник: составлено авторами.

Промышленные города развиваются за счет промышленного потенциала территории, за счет использования имеющихся природных ресурсов (месторождения руд), большого количества рабочей силы и высококвалифицированного персонала, а также привлечения отечественного и иностранного капитала. Формирование и развитие промышленности и технопарков на территории Пермского края основывается на следующих факторах:

— повышение инвестиционной привлекательности и конкуренции российской экономики;
— повышение конкурентоспособности российских предприятий и их готовность к внедрению инноваций;
— создание условий для экспорта товаров и повышения конкурентоспособности на рынке товаров и услуг;
— развитие и применение новых технологий управления персоналом.

Можно сделать вывод, что, обладая достаточно развитой промышленной инфраструктурой, Пермский край показывает спад основных показателей промышленности, способствующих модернизации и устойчивому росту. В связи с этим необходимо отметить следующие особенности:

— на качество институциональной среды оказывают влияние макроэкономические факторы, в первую очередь сокращение денежной массы;
— негативные ожидания привели к сокращению вложений в длительные проекты, характерные для промышленности (ввод новых мощностей, модернизация основных фондов).

Моделирование устойчивого развития промышленных территорий включает основные направления: транспортно-логистические сети; усиление сложившейся специализации; диверсификация экономики на основе перспективных направлений специализации; включение потенциальных возможностей в проекты новых продуктов и услуг, обладающих спросом; обеспечение устойчивых взаимосвязей инфраструктуры различных типов на основе выявленных факторов взаимовлияния, обеспечивающих синергетический эффект.

Формирование курортно-рекреационных кластеров на основе ГИС-технологий

Стимулирование кластерного развития в России связано с принятием таких документов, как «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»[1]; «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года»[2]; проект «Концепции кластерной политики в Российской Федерации»[3]; «Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации»[4].

Нормативно-правовое определение кластера в российском законодательстве дается в Концепции кластерной политики в Российской Федерации 2008 г.: «Территориально-производственный кластер — объединение предприятий, поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных производственных и сервисных услуг, научно-исследователь-

[1] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.

[2] Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.

[3] Концепция кластерной политики в Российской Федерации.

[4] Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации.

ских и образовательных организаций, связанных отношениями территориальной близости и функциональной зависимости в сфере производства и реализации товаров и услуг»[1].

Данное определение содержит две необходимые характеристики — территориальная близость и функциональная зависимость. Основным содержанием политики Российской Федерации является акцентирование на инновациях и промышленном производстве, продукция которого имеет стратегическое значение для развития страны. Опыт последних лет свидетельствует о том, что кластерный подход активно применяется на уровне управления и реализации программ по социально-экономическому развитию субъектов РФ, отраслей и отраслевых комплексов.

В рассматриваемых субъектах РФ исследуемый подход преобладает в промышленности, развитии индустриальных парков: 1) Владимирская область — «Ставрово», «Струнино»; 2) Тульская область — «Первомайский», особая экономическая зона «Узловая», креативный кластер «Октава»; 3) Пермский край — «Осенцы» (Пермь), «Красный» (Краснокамск), «Парма» (Пермь»).

Первые попытки адаптации кластерного подхода к туристско-рекреационной сфере были предприняты зарубежными учеными. Под кластером подразумевались:

— услуги, предоставляющиеся туристскими предприятиями, сотрудничество, развитая инфраструктура, вспомогательные услуги и обеспечивающая инфраструктура (концепция представлена М. Монфордом[2]);
— группа туристских аттракций на ограниченной географической территории, взаимодействующая на основе высокоразвитой инфраструктуры, управления, конкурентных преимуществ (М. Бени[3]);
— группа компаний и институтов, выпускающих туристский продукт; взаимодействие между ними осуществляется на основе стратегических альянсов и сетей, которые дополняют друг друга, обеспечивая конкурентные преимущества (А. Родригес[4]).

Перечислим факторы формирования туристско-рекреационных кластеров:

---

[1] Концепция кластерной политики в Российской Федерации.

[2] *Monfort M., V. M.* (2000). Competitividad y factores críticos de éxito en la «hotelería de litoral»: experiencia de los destinos turísticos Benidorm y Peñíscola (Doctoral Dissertation, Universidad de Valência, Espanha).

[3] *Beni M.* (2003). Globalização do Turismo: Megatendências do Sector e a Realidade Brasileira, Editora Aleph, São Paulo.

[4] *Rodrigues A. B.* (2003). Turismo rural: praticas e perspectivas. Sao Paulo: Contexto.

— местность, обладающая туристско-рекреационной привлекательностью;
— наличие природно-ресурсного потенциала, например, природных лечебных ресурсов;
— социально-экономическая инфраструктура;
— наличие туристско-рекреационных объектов, привлекающих платежеспособный спрос;
— благоприятная экологическая обстановка;
— хорошие социально-экономические условия, высокий уровень средств размещения;
— безопасность для жизни и имущества туристов.

Основными механизмами формирования туристско-рекреационных кластеров являются:

— качественное региональное управление, способствующее продвижению территории;
— развитие социально-экономического пространства на основе государственных программ по развитию, частно-государственного партнерства;
— развитие нормативно-правовой базы для привлечения инвестиций,
— обеспечение контроля качества основных туристско-рекреационных услуг;
— мониторинг качества и ценовой политики сопутствующих услуг: транспорта, сферы общественного питания, досуга и анимации;
— реализация стратегических документов в области развития туризма, в том числе лечебно-оздоровительного, санаторно-курортного комплекса;
— эффективная коммуникационная политика, обеспечивающая взаимодействие субъектов бизнеса, власти, потребителей услуг;
— экономическая стабильность профильных средств размещения и оказания услуг — предприятий санаторно-курортного комплекса и гостиничной индустрии.

Сравнительный анализ показателей курортно-рекреационной деятельности был проведен на примере трех субъектов РФ: Тульская, Владимирская области, Пермский край. Каждый из регионов обладает определенными предпосылками для формирования туристско-рекреационных кластеров:

— сочетание природно-ресурсного и инфраструктурного потенциала туристско-рекреационной деятельности;
— развитый санаторно-курортный комплекс, обладающий различными направлениями и профилями лечения;
— сосредоточение основных и сопутствующих предприятий на локальных территориях, что создает предпосылки формирования

кластеров с лечебно-оздоровительной, туристско-рекреационной специализацией;

— близость к транспортным магистралям и наличие высокой транспортной доступности позволяют развивать кластерную форму организации различных видов туристско-рекреационной деятельности, формируя сложную систему с включением в комплексный продукт, услугу соседних регионов и городов с различной специализацией.

Охарактеризуем различные виды потенциала рассматриваемых субъектов РФ для формирования туристско-рекреационных кластеров. Инфраструктурный потенциал представлен различными средствами размещения (рис. 41).

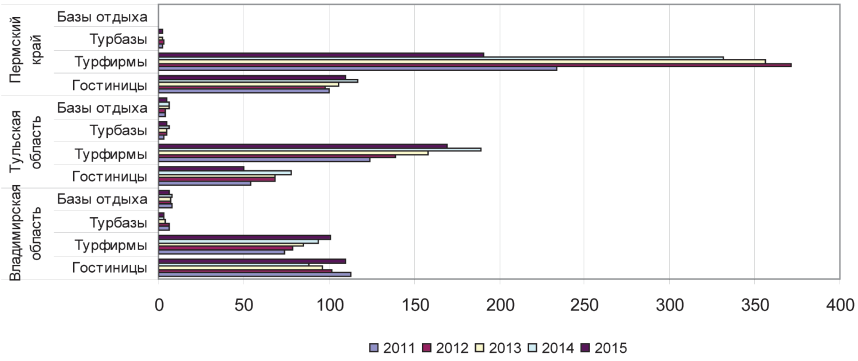


Рис. 41. Средства размещения Владимирской, Тульской областей, Пермского края за 2011–2015 гг., ед.

Источник: Федеральная служба статистики. URL: http://www.gks.ru/

Число гостиниц снизилось в Тульской и Владимирской областях на 3 и 4 единицы, что составило снижение на –2,7 и –7,4% соответственно, в то время как в Пермском крае прирост на 10 единиц — до 110 гостиниц (10%). Незначительные изменения по количеству турбаз и баз отдыха свидетельствуют о низком спросе. Аналогичную статистику можно наблюдать по статистике фактически размещенных туристов (рис. 42).

Во Владимирской области снижение численности составило 11,1%, в Тульской области — 34,5%, в Пермском крае — 22,4%. В абсолютном выражении наиболее сильное падение в Пермском крае — свыше 45 тыс. человек.

Рассмотрим динамику численности предприятий санаторно-курортного комплекса (рис. 43).

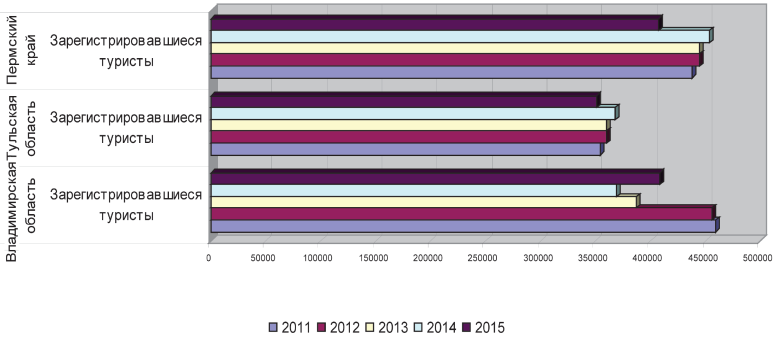


Рис. 42. Динамика численности фактически размещенных туристов во Владимирской, Тульской областях, Пермском крае за 2011–2015 гг., чел.

Источник: Федеральная служба статистики. URL: http://www.gks.ru/

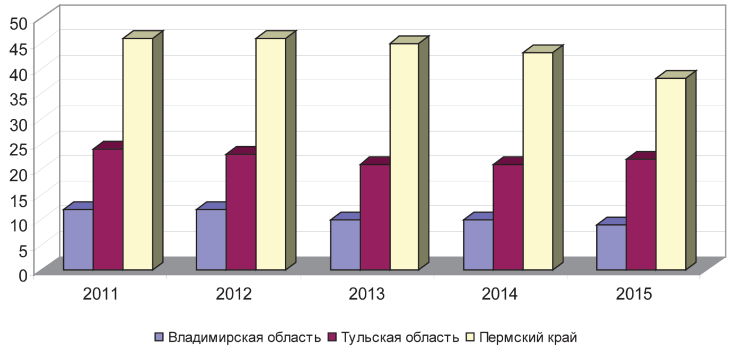


Рис. 43. Динамика численности предприятий санаторно-курортного комплекса Владимирской, Тульской областей, Пермского края за 2011–2015 гг., ед.

Источник: Федеральная служба статистики. URL: http://www.gks.ru/

Незначительное снижение численности санаторно-курортных организаций является подтверждением низкого спроса со стороны населения регионов России по ряду причин: снижение доходов на фоне роста цен на туристско-рекреационные услуги, несоответствие цены и качества услуг в здравницах, низкое качество инфраструктуры, ее неразвитость в сфере досуга.

Охарактеризуем потенциал лечебно-оздоровительного туризма рассматриваемых субъектов РФ (табл. 64)[1].

[1] *Оборин М. С.*, *Пахалов А. М.*, *Шерешева М. Ю.* Эффективность стратегического планирования развития малых городов на основе сетевого механизма координации // Вестник

Таблица 64

Сравнительный анализ профилей лечения основных предприятий санаторно-курортного комплекса Тульской, Владимирской областей, Пермского края

Тульская область	Владимирская область	Пермский край
Санаторий «Велегож» (заболевания органов дыхания, зрения, опорно-двигательного аппарата, нервной, эндокринной системы)	Санаторий им. Абельмана (органы движения, периферической нервной сисемы, гинекологические, урологические, кардиологические заболевания)	ЗАО «Курорт Усть-Качка» (заболевания нервной системы, органов пищеварения, костно-мышечной системы и соединительной ткани, ЛОР-органов)
Санаторий «Егнышевка» (заболевания органов дыхания, опорно-двигательной, сердечно-сосудистой, центральной и переферической нервной системы)	Санаторий «Заклязменский» (заболевания опорно-двигательного аппарата, нервной, пищеварительной системы, органов пищеварения, костно-мышечной системы, нарушения обмена веществ)	«Демитково» (заболевания нервной системы, костно-мышечной системы и соединительной ткани, органов дыхания, ЛОР-органов, болезни глаза и его придатков, лечение спинальных больных, лечение больных с травмами головного мозга)
Санаторий «Краинка» (заболевания органов пищеварения, переферической нервной системы, костно-мышечной и соединительной ткани, мочеполовой, эндокринной системы, нарушения обмена веществ)	Санаторий «Русский лес» (заболевания сердечно-сосудистой системы, эндокринные и системные болезни, заболевания опорно-двигательной системы, урологические и гинекологические болезни, болезни желудочно-кишечного тракта)	ЗАО «Курорт Ключи» (заболевания нервной системы, костно-мышечной системы и соединительной ткани, сердечно-сосудистой системы)
Санаторий «Строитель» (заболевания кровообращения, органов брюшной полости, дыхания, нервной, эндокринной системы, кожи и подкожной клетчатки, мочеполовой системы, женские болезни)	Санаторий «Сосновый бор» (заболевания органов дыхания, сердечно-сосудистой системы, эндокринные и системные болезни, периферической и центральной нервной системы, опорно-двигательной системы, урологические и гинекологические болезни, болезни ЖКТ)	«Родник» (заболевания нервной системы, органов дыхания, кожи и подкожной клетчатки, костно-мышечной системы и соединительной ткани, ЛОР-органов, сердечно-сосудистой системы)

Источник: составлено авторами.

Основные санаторно-курортные организации обладают широким профилем лечения.

Московского университета. Серия 6. Экономика. 2017. № 4. С. 100–117; *Оборин М. С.*, *Шерешева М. Ю.*, *Пахалов А. М.* Институциональная среда как фактор формирования инвестиционного климата малых городов России // Ars Administrandi (Искусство управления). 2017. Т. 9. № 3. С. 370–394.

На основании оценки природно-ресурсного, туристско-рекреационного, транспортного потенциала в Пермском крае можно выделить семь курортно-рекреационных кластеров: Северный, Соликамско-Березниковский, Центральный, Западный, Горнозаводской, Юго-Восточный (Предуралье) и Южный. Каждый из них отличается наличием необходимых минеральных вод, лечебного климата и уникальных ландшафтных комплексов. По количеству действующих санаторно-курортных организаций лидирует Центральный курортно-рекреационный кластер, который опоясывает крупный промышленный город Пермь.

Северный курортно-рекреационный кластер характеризуется суровыми климатическими условиями и малонаселенностью; расположен среди ландшафтных территорий тайги и горной и предгорной тундры. Экологическая чистота территории района обусловлена незначительным количеством промышленных предприятий. Открыты месторождения радоновых вод и хлоридно-натриевых рассолов. В районе находится самая высокая точка Урала на территории края — Тулымский Камень (1469 м), а также самое крупное озеро Пермского края — Чусовское и самая большая карстовая пещера — Дивья. Распространены сплавы по рекам — Вишере и Колве. Древнейшим городом края является г. Чердынь, который также располагается на территории Северного района. Сочетание природного и историко-культурного потенциала крайне важно для развития курортно-рекреационного туризма. В рассматриваемом районе функционируют санаторий-профилакторий «Жемчужина Вишеры», базы отдыха «Северный Урал» и «Чердынь-Тур».

Соликамско-Березниковский курортно-рекреационный кластер отличается крупнейшим месторождением калийных солей, которые активно используются в спелеотерапии. Район располагается в зоне перехода от средней тайги к южной, а также месте перехода Камы в Камское водохранилище. Историко-культурное наследие разнообразно и представлено такими храмами и музеями, как Троицкий собор и Богоявленская церковь, Соборная колокольня, Дом воеводы, музей соли. В Соликамско-Березниковском районе действуют санатории-профилактории «Чайка», «Азот», «Уралкалий» и др.

Центральный курортно-рекреационный кластер отличается выгодным расположением в центре Пермского края, что предопределило формирование благоприятных для человека микроклиматических условий. Наличие аттрактивных ландшафтов, созданных как руками человека, так и природой, благотворно воздействует на отдыхающих. На территории района обнаружено несколько видов минеральных вод наружного (сероводородные и йодобромные) и питьевого применения, имеются неиспользуемые грязи. Южная тайга и р. Кама — главные природные объекты района, которые также способствуют развитию туризма. Огромное разнообразие историко-культурных памятников, археологических объектов, истори-

чески значимых мест привлекает туристов. Преимущества Центрального района в развитии курортно-рекреационной деятельности заключаются не столько в природном разнообразии, сколько в созданных для лечения и оздоровления условиях, к которым непременно относятся развитая транспортная сеть, высокий уровень развития инфраструктуры и оказания услуг в сфере отдыха. В Пермском районе, недалеко от г. Пермь, располагается крупнейший курорт края — «Усть-Качка», санатории «Демидково», «Уральская Венеция», санаторий-профилакторий «Вита» и т.д.

Западный курортно-рекреационный кластер характеризуется благоприятными микроклиматическими параметрами, равнинным расположением, большим количеством рек, сосновых лесов, прудов, потенциальных месторождений минеральных вод. Данный район отличается разнообразием историко-культурных достопримечательностей, здесь есть краеведческие музеи, святые источники, храмы и церкви. Созданы благоприятные условия для развития сельского туризма. На территории района действует санаторий «Рябинка».

Горнозаводской курортно-рекреационный кластер располагается в низкогорье Урала, образующем два горных массива до 600 м высотой. Климатические показатели с юго-запада на северо-восток характеризуются как более суровые. Преобладает природная зона южной тайги. На его территории находится государственный заповедник «Басеги», а разнообразие геологических памятников (Ледяная пещера, Пашийская пещера и т.д.) формирует уникальность района. Горный Урал идеально подходит для сплавов по быстрым рекам — Усьве, Вильве, Койве и др. Богатство источников минеральных вод и лечебных грязей создает условия для развития санаторно-курортной деятельности. На территории района функционируют санатории-профилактории «Алит», «Родник», «Таежный», «Метафракс» и др.

Юго-Восточный курортно-рекреационный кластер характеризуется мягкими микроклиматическими условиями. На его территории располагается уникальный памятник природы — Кунгурская островная лесостепная зона. Разнообразие ландшафтов — леса, луга, прибрежно-водных территорий, живописных долин, лесостепных участков в сочетании с минеральными водами наружного применения и сульфидно-иловыми грязями Суксунского пруда — создает уникальные условия для развития курортно-рекреационной деятельности. В настоящее время распространены историко-культурный, деловой, событийный, спелео-экскурсионный, научный и горнолыжный туризм. Наиболее крупными организациями в сфере отдыха и лечения являются курорт «Ключи» и санаторий «Красный яр».

Южный курортно-рекреационный кластер — самый теплый и благоприятный район Пермского края, но зимой температура может опускаться ниже, чем в северных районах. Территория богата историко-культурными и этнографическими достопримечательностями, ландшафтные ком-

плексы и водные объекты создают благоприятные условия для развития туризма. Запасы минеральных вод (Осинское месторождение) значительны. Из объектов для развития спортивного туризма стоит отметить горнолыжную трассу международного уровня и объекты подготовки спортсменов. На юге региона проживают разные народы, поэтому целесообразен этнографический туризм. В связи с наличием Воткинского водохранилища развита рыбная ловля и водно-моторные поездки[1].

Представим расположение курортно-рекреационных кластеров (рис. 44).

Рис. 44. Курортно-рекреационные кластеры Пермского края (по Оборину М.С.)
Источник: *Оборин М. С., Мингазинова Е. Р., Фролова Н. В., Плотников А. В., Владимирский Е. В., Каячев А. П.* Курортно-рекреационный кластер региона: социально-экономические аспекты функционирования: монография. Пермь, 2014.

[1] *Оборин М. С., Мингазинова Е. Р., Фролова Н. В., Плотников А. В., Владимирский Е. В., Каячев А. П.* Курортно-рекреационный кластер региона: социально-экономические аспекты функционирования: монография. Пермь, 2014.

Потенциал туристско-рекреационной деятельности связан с исторически сложившимися условиями и предпосылками для различных видов туризма. В условиях производственной экспансии и формирования особых экономических зон значение приобретают экологическая чистота территории, на которой размещены гостиницы, санатории, дома отдыха; низкий уровень освоения, который привлекает инвесторов для продвижения масштабных проектов в сфере лечебно-оздоровительного туризма; уникальные культурно-исторические объекты. Такими преимуществами обладают малые города.

Рассмотрим на примере малых городов Пермского края возможность их включения в состав туристско-рекреационных кластеров (табл. 65).

Таблица 65

Потенциал малых городов для включения их в состав туристско-рекреационных кластеров[1]

Малые города	Чел.	Транспортный доступ	Потенциал	Кластер
Чермоз	3597	2	Развитие познавательного, экологического, агротуризма	Северный
Чердынь	4674	2	Развитие религиозного, познавательного, экологического и агротуризма	Соликамско-Березниковский
Усолье	5979	1	Развитие религиозного и познавательного туризма	Соликамско-Березниковский
Оханск	7096	1	Развитие экологического, агротуризма	Южный
Гремячинск	9430	1	Образование, здравоохранение и экологический туризм	Горнозаводской
Горнозаводск	11 575	1	Транспортная отрасль, сфера культуры	Горнозаводской
Александровск	13 353	1	Образование, здравоохранение, транспортная отрасль и туризм	Южный

[1] *Оборин М. С.*, *Шерешева М. Ю.* Специфика сетевых бизнес-моделей в туристско-рекреационной сфере // Управленец. 2017. № 4(68). С. 24–31; *Оборин М. С.*, *Пахалов А. М.*, *Шерешева М. Ю.* Эффективность стратегического планирования развития малых городов на основе сетевого механизма координации // Вестник Московского университета. Серия 6. 2017. Экономика. № 4. С. 100–117; *Оборин М. С.*, *Шерешева М. Ю.*, *Пахалов А. М.* Институциональная среда как фактор формирования инвестиционного климата малых городов России // Ars Administrandi (Искусство управления). 2017. Том 9. № 3. С. 370–394.

Окончание табл. 65

Малые города	Чел.	Транспортный доступ	Потенциал	Кластер
Очер	14 091	3	Туризм и рекреация, экологический и агротуризм	Южный
Красновишерск	15 733	3	Образование, здравоохранение, транспортная отрасль, экологический туризм	Северный
Кизел	16 642	2	Туризм и рекреация, экологический и агротуризм	Южный
Нытва	18 878	1	Развитие познавательного, экологического и агротуризма	Центральный
Губаха	21 160	1	Транспорт, сфера культуры и туризм	Южный
Оса	21 201	1	Культурный центр — развитие познавательного туризма	Центральный
Верещагино	22 328	1	Транспорт, промышленность и туризм	Центральный
Кудымкар	30 739	2	Развитие религиозного, познавательного, экологического и агротуризма	Северный
Чернушка	32 687	1	Промышленность, транспорт, туризм, санаторно-курортная деятельность	Южный
Добрянка	33 291	1	Промышленность, транспорт, туризм, санаторно-курортная деятельность	Центральный
Чусовой	45 719	1	Промышленность, транспорт, туризм, санаторно-курортная деятельность	Южный

Где:

1 — транспортный узел (наличие автомобильных дорог федерального и регионального значения, железнодорожного сообщения);

2 — наличие автомобильных дорог регионального значения, железнодорожного сообщения;

3 — удаленность от железнодорожного сообщения, автомобильных дорог федерального и регионального значения.

Малые города, которые входят в туристско-рекреационные кластеры, характеризуются различным уровнем транспортной доступности, поэтому необходимо их включение в сетевое взаимодействие на основе транспортных узлов и потоков туристов (рис. 45).

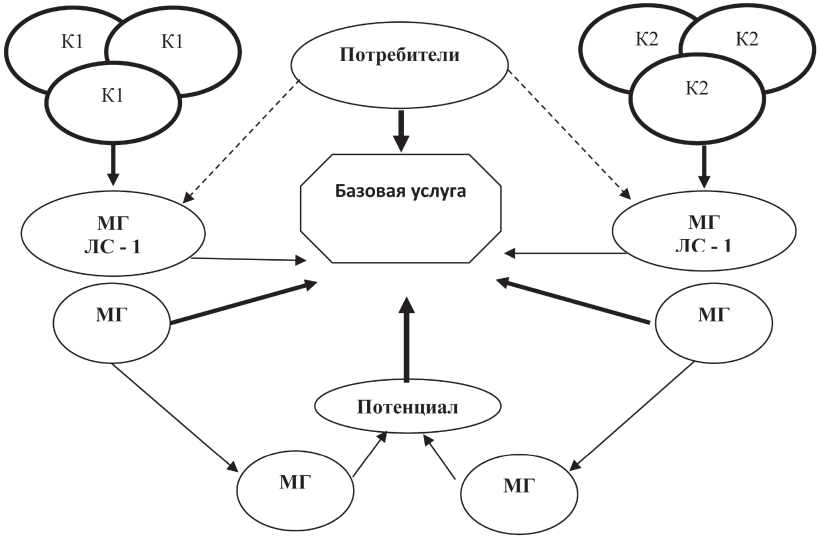


Рис. 45. Высокоразвитые туристско-рекреационные кластеры с элементами сети на основе транспортных узлов и потоков туристов

Где:
МГ ЛС-1 — малые города с логистической сетью уровня 1;
МГ Д — малые города с депрессивным экономическим положением;
К1 — кластер с туристско-рекреационной специализацией;
К2 — кластер с туристско-рекреационной специализацией;
МГ Д — малые города с депрессивным развитием.

Источник: на основе *Шерешева М. Ю., Оборин М. С., Пахалов А. М., Костанян А. А.* Разработка методики анкетирования развития малых городов России // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2017. № 8(154). С. 57–64; *Шерешева М. Ю., Оборин М. С., Костанян А. А.* Особенности оценки качества жизни населения малых городов // Ars Administrandi (Искусство управления). 2017. Т. 9. № 2. С. 289–311.

Малые города рассматриваемых регионов обладают большим туристско-рекреационным потенциалом:

— территориальное пространство с благоприятной экологией;
— природные лечебные ресурсы;
— уникальные культурно-исторические объекты;
— высокая транспортная доступность;
— ресурсы и инфраструктура для диверсификации экономики.

Туристско-рекреационный потенциал малых городов рассматриваемых субъектов РФ является уникальным, именно в малых городах, которые зачастую являются экономически депрессивными, сосредоточены культурные, религиозные, исторические памятники, представляющие интерес с точки зрения развития туризма.

Преимуществами туристско-рекреационных кластеров для исследуемых субъектов РФ являются:

— создание комплексных, уникальных продуктов и услуг, выгоды от реализации которых будут распределяться между всеми экономическими агентами, входящими в кластер;
— активное вовлечение местного населения в развитие основных и сопутствующих сфер бизнеса, что повысит качество жизни и социально-экономические показатели конкретных муниципальных образований и малых городов;
— улучшение имиджа территории на основе продвижения лечебно-оздоровительных местностей и курортов, профильных санаториев и природных лечебных ресурсов, которые являются уникальными.

К недостаткам туристско-рекреационных кластеров можно отнести:

— недостаточное использование туристско-рекреационных ресурсов;
— структурные проблемы предприятий санаторно-курортного комплекса;
— высокие затраты и сезонное колебание спроса на услуги средств размещения, в том числе лечебно-оздоровительных предприятий.

В заключение можно отметить следующее.

Методология анализа возможности построения сетевого взаимодействия в рамках региона включает определение нескольких характеристик такого сетевого взаимодействия и наличия возможностей у малых городов вхождения в такую сеть. В основу методологии положена оценка доступа городов к коммутированию, именно на этой основе складываются современные региональные и городские сети.

Сетевой анализ для уровня включенности основан на результатах анализа узловой структуры, которую можно измерить по количеству и объему различных связей между городами. При этом включенность тесно связана с существующей транспортной инфраструктурой в регионе, что можно оценить через объем и потоки пассажирских и грузовых перевозок. Роль городов в рамках этой методики была учтена для общего объема перевозок между городами, но не учитывает внутренние транспортные потоки в самих городах (внутри городов).

Транспортное сообщение представляет собой важную характеристику уровня пространственной зависимости и преодоления проблемы больших расстояний между населенными пунктами региона, что имеет особое значение при организации пространственных связей в региональном масштабе.

Региональные сети, основанные на транспортных потоках, демонстрируют сильную пространственную зависимость и ярко выраженные иерархические характеристики, которые в значительной степени влияют на устойчивое развитие региона в целом.

Вторым важным фактором успеха создания городских сетей в регионе является наличие функциональных связей. Многие исследования сетевых городов были сосредоточены именно на оценке функциональных связей с другими городами регионов, в том числе малыми и средними. Правильно организованное функциональное взаимодействие внутри городской сети заменяет физическую близость, обеспечивает положительное влияние региональной городской сети на национальное экономическое развитие в целом, в том числе и в отношении связи транспортных узлов, сетей связи и расширения взаимодействия между людьми.

В результате проведенного исследования были выявлены основные направления взаимовыгодного сетевого взаимодействия малых городов и районных центров, обоснован эффект от такого сотрудничества, который заключается в повышении социально-экономических показателей отраслей и региона в целом, росте занятости и сокращении оттока населения, более эффективном использовании имеющихся ресурсов, привлечении платежеспособного спроса, усилении диверсификации за счет создания новых продуктов и услуг, вовлечении в сетевое взаимодействие депрессивных территорий.

Анализ институциональной среды промышленности был проведен на примере Пермского края в сравнении с некоторыми регионами, обладающими сопоставимой специализацией. Была выявлена тенденция к сокращению инновационной и инвестиционной активности, обусловленная частичным спадом промышленного производства, замедлением темпов формирования индустриальных парков, целью создания которых была оптимизация существующего производства, рациональное использование промышленных площадей (производственной инфраструктуры).

В результате исследования были выявлены следующие проблемы кластерного развития в исследуемых субъектах РФ:

— недостаточная поддержка на уровне государства, отсутствие системного подхода со стороны ключевых субъектов: учреждений науки, образования, управления всех уровней;
— отсутствие механизма финансирования, позволяющего развивать туристско-рекреационные кластеры;
— отсутствие единого методического подхода, позволяющего системно оценивать эффект от кластеризации туристско-рекреационной деятельности;
— дифференцированный уровень развития территорий с туристско-рекреационным потенциалом, например, развитые районные центры и малые города, для которых необходим особый программный подход в целях оптимального использования имеющихся ресурсов в целях интересов основных групп стейкхолдеров.

Решение выявленных проблем зависит от государственной и муниципальной политики, целенаправленного стимулирования развития кластерной формы производства в различных отраслях экономики, формирования нормативно-правовой основы регулирования на основании опыта развитых стран, адаптированного к российским условиям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В России исторически сложившая проблема неравномерности пространственного распределения населения является одним из факторов, негативно сказывающихся на общем развитии национальной экономики. Данная ситуация имеет достаточно много причин, при этом история страны показывает, что основание новых городов и последующее формирование вокруг них сети более мелких поселений неоднократно служили достижению поставленных стратегических целей освоения слабозаселенных пространств, вызывая к жизни ускоренное развитие прежде малонаселенных и экономически неразвитых территорий. Эта закономерность присутствует и в истории других стран мира.

Проанализировав основные моменты, связанные с перспективами и сложностями в создании сети взаимодействия между городами в рамках российских регионов с учетом включения в такую сеть малых городов, особенно городов со сложным и депрессивным состоянием экономики, можно сделать следующие выводы.

Обеспечение устойчивого развития региона предполагает четкую оценку соответствия малых и средних городов требованиям и возможностям сетевого взаимодействия городов разного размера. Необходимо учесть сложившуюся структуру распределения ресурсов и видов деятельности между городами, потенциал ее развития для обеспечения сбалансированного распределения ресурсов и услуг, которые могут производить в будущем малые города региона.

Особенно жестко это требование должно соблюдаться в отношении тех городов, которые в большинстве своем отстают от центральных городов региона по социально-экономическому положению, перспективам развития, имеющемуся потенциалу роста и привлекательности для бизнеса. Также необходимо прогнозирование последствий развития сети городов, в том числе возможности усиления конкурентоспособности малых и средних городов в неблагополучных районах конкретного региона, планирование комплекса мероприятий для успешного включения малых и средних городов в сеть, без существенного снижения общей эффективности сети даже на первых этапах.

В рамках стратегий регионального развития необходимо уделить особое внимание сбалансированному пространственному развитию региона в целом путем увязывания долго- и среднесрочных планов, стратегий

и концепций пространственного развития территорий разного уровня — регионального, муниципального, городского. Особенно важно включение в общие планы развития планов отдельных городов, где особым разделом должны быть четко прописаны направления их взаимодействия с другими городами и территориями региона, поскольку в противоположном случае обеспечение качественного взаимодействия городов разного уровня и потенциала может оказаться невозможным.

Отдельные, даже самые маленькие города должны позиционировать себя не изолированно от других административных образований, а как часть сети взаимовыгодных межмуниципальных взаимодействий. Как подтверждает зарубежный опыт, создание сетей городов разного размера способствует решению задач устойчивого регионального развития путем повышения региональной конкурентоспособности.

Чтобы выявить и определить возможности сетевого взаимодействия между городами разного уровня и социально-экономического положения, в пространственной политике региональных и муниципальных властей необходимо учесть порядок и механизм распределения основных услуг и функциональных видов деятельности между всеми городами региона.

При этом объединение усилий и распределение функциональных видов деятельности не означают отказ от индивидуальности городов. Каждый город может предложить нечто особенное, даже если он и небольшого размера. Уникальность каждого города — это дополнительный вклад в общую привлекательность сети городов и в устойчивое развитие региона, где эти города расположены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 2016: Социально-экономическое положение населения – продолжающийся кризис или новая реальность? / под ред. Т. М. Малевой. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017.
2. *Аблова Н. О.* Повышение эффективности бюджетных расходов по малым и средним городам на основе рационального использования их экономического потенциала // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 3–3. С. 41–45.
3. Администрация Владимирской области. Официальный сайт. URL: http://avo.ru;
4. Администрация Пермского края. Официальный сайт. URL: http://www.permkrai.ru
5. Администрация Тульской области: Официальный сайт URL: https://tularegion.ru
6. *Андрущак Г., Ивантер А., Косарева Н., Овчарова Л., Пономаренко А., Федеев В., Ясин Е.* Социальные итоги трансформации, или Двадцать лет спустя // Вопросы экономики. 2011. № 8. С. 77–96.
7. *Анимица Е. Г., Новикова Н. В., Сухих В. А.* Качество жизни как комплексный показатель социального развития региона // Журнал экономической теории. 2009. № 1. С. 14–35.
8. *Анимица Е. Г., Медведева И. А., Сухих В. А.* Малые и средние города: научно-теоретические аспекты исследования. Екатеринбург-Пермь, 2003.
9. *Аргунова Л. Г., Катаева В. И., Козырев М. С.* Стратегическое управление развитием муниципального образования. М.; Берлин: Directmedia, 2015.
10. АТК «Богдарня». Официальный сайт. URL: www.bogdarnya.ru
11. MediaScope.net (2018). Аудитория пользователей Интернета в России в 2017 году составила 87 млн. человек. URL: mediascope.net/press/news/744498/
12. *Аузан А. А., Крючкова П. В.* Административные барьеры в экономике: задачи деблокирования // Вопросы экономики. 2001. №. 5. С. 73–88.
13. *Аузан А. А.* «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития — эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2015. № 1. С. 3–17.
14. *Анимица Е. Г., Медведева И. А., Сухих В. А.* Малые и средние города: научно-теоретические аспекты исследования. Екатеринбург-Пермь. 2003.
15. *Афанасьев М. П., Шаш Н. Н.* Инструментарий оценки эффективности бюджетных программ // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 3. С. 48–69.
16. *Бабинцев В. П., Заливанский Б. В., Самохвалова Е. В., Шаповал Ж. А.* Оценка эффективности регионального управления на основе показателей качества жизни населения // Регионология. 2010. № 4. С. 63–72.

17. *Бабушкина А. С.* Региональные целевые программы социально-экономического развития: механизм разработки и реализации // Материалы VII Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум 2015». URL: http://www.scienceforum.ru/2015/808/8334
18. *Баджо Р., Шерешева М. Ю.* Сетевой подход в экономике и управлении: междисциплинарный характер // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2014. № 2. С. 3–21.
19. *Бантикова О. И.* Моделирование демографической безопасности на основе порядковых моделей множественного выбора // Вестник Оренбургского гос. университета. 2012. № 13 (149). С. 32–37.
20. *Барабаш Д. А.* Совершенствование инструментария оценки сбалансированности регионального развития: Дис. на соискание уч. ст. канд. эконом. наук. Специальность 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством; региональная экономика. М., 2014. URL: http://www.fa.ru/dep/ods/autorefs/Dissertations/БарабашД.А.(01.07.2014)dc13e35bf26f912911cd4036c690d4ec.pdf
21. *Барамзин С. В.* Методика оценки социально-экономического развития сельских поселений // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 9(144). С. 43–46.
22. *Барлыбаев У. Д.* Институциональные аспекты устойчивого развития сельских территорий в условиях становления, диссертация и автореферат на соискание степени доктора экономических наук ВАК 08.00.05. М., 2015. 333 с.
23. *Батищева Г. А.* Моделирование инвестиционных процессов // Terra Economicus. 2008. Т. 6. № 4–2. С. 54–59.
24. *Башкирова Н. Н.* Амортизационная политика как инструмент налогового стимулирования инновационной деятельности // Финансы и кредит. 2008. № 39. С. 47–55.
25. *Беляев А. Е.* Актуальные проблемы устойчивого развития территории // Kant. 2015. № 2 (5). С. 19–21.
26. *Березка С. М.* Программы лояльности: зарубежный и российский опыт // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2016. № 5. С. 113–131.
27. *Березка С. М.* Сити-брендинг: подходы к пониманию и актуальные проблемы // Новая экономика и региональная наука. 2016. № 3. С. 331–332.
28. *Берова Ф. Ж.* Региональные особенности демографических процессов в России: методологические аспекты исследования. Автореферат дисс. докт. экономич. наук. Нальчик, 2011. URL: //http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-ekonomika/a130.php
29. *Бобков В. Н.* Уровень социального неравенства // Экономист. 2006. № 3. С. 58–67.
30. *Бобков В. Н., Гулюгина А. А., Зленко Е. Г., Одинцова Е. В.* Сравнительные характеристики индикаторов качества и уровня жизни в российских регионах: субъекты, федеральные округа, Арктика // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 1(203). С. 50–64.

31. *Бобков В. Н., Гулюгина А. А.* Аналитический доклад по результатам мониторинга за период октябрь-декабрь 2010 года // Уровень жизни населения регионов России. 2011. № 4. С. 54–65.
32. *Бобков В. Н., Гулюгина А. А.* Мониторинг доходов и уровня жизни населения России // Уровень жизни населения регионов России. 2011. № 4. С. 5–51.
33. *Бобков В. Н., Литвинов В. А., Гулюгина А. А.* Аналитический доклад по результатам мониторинга за период октябрь-декабрь 2003 // Мониторинг доходов и уровня жизни населения. 2004. № 3. С. 5–16.
34. *Бобков В. Н., Масловский-Мстиславский П. С.* Качество жизни: концепция и измерение. М.: ВЦУЖ, 1998.
35. *Болычев О. Н.* Пространственное развитие сетевых структур: методика отбора городов для построения сети взаимодействия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: естественные и медицинские науки. 2013, № 2. С. 156–166.
36. *Бондарская О. В.* Институциональные факторы совершенствования инструментария социально-экономического развития малых городов //Социально-экономические явления и процессы. 2013. №. 10 (056).
37. *Бондарская О. В., Бондарская Т. А.* Место малого города в пространственно-иерархической системе «Центр — периферия» // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9. № 8. С. 11–17.
38. *Бондарская О. В., Бондарская Т. А.* Пространственная организация региональной территории малых городов // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10. № 4. С. 17–23.
39. *Бузляков Н. И.* Методы планирования повышения уровня жизни. М.: Экономика, 1969.
40. *Букало С. С.* Стратегическое планирование развития города // Коммунальное хозяйство городов. 2014. № 115. С. 13–18.
41. *Булатов А. С.* Экономика: учебник. М.: Бек, 2006. С. 33–34.
42. *Важенина И. С.* О сущности бренда территории // Экономика региона. 2011. № 3 (27). С.12–25.
43. *Васенев С. Л., Акатьев Д. А., Абрамова А. И.* Развитие IT-организаций малых городов, проблемы организации производства и управления // Инженерный вестник Дона (электронный научный журнал). 2015. Т. 34. № 1. Ч.2. URL: http://ivdon.ru/ru/magazine/archive/n1p2y2015/2828
44. Ведение бизнеса в России – 2012. Совместная публикация Всемирного банка и Международной финансовой корпорации. М.: Алекс, 2012.
45. *Визгалов Д. В.* Брендинг города. М.: Фонд «Институт экономики города», 2011.
46. *Вишневский А. Г.* Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ. 1998. – 432 с.
47. Владимирская область в цифрах-2017. Краткий статистический сборник // Федеральная служба государственной статистики, Владимирстат. Владимир, 2018.
48. *Воронов А. С.* К вопросу о типах региональных инновационных кластеров // Статистика и экономика. 2016. С. 52–61.

49. Газета «Версия» 14.10.2018. № 39 (664).
50. *Гапоненко А. Л., Алисов А. Н., Старовойтов В. Г., Тишкин С. В.* Стратегическое планирование развития города: опыт построения отечественной модели на примере города Киржач. М.: Холдинговая компания ТИКОМ, 2001.
51. *Гапоненко А. Л., Пирогов С. В., Чернявский И. Ф.* Стратегическое планирование социально-экономического развития регионов и городов // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 3 (1).
52. *Гелбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. АСТ, 2004. 608 с.
53. *Глазычев В. Л.* Урбанистика. М.: Европа, 2008.
54. *Глушкова В. Г., Хорева В. Б.* Управление демографическим развитием России: региональный аспект // Региональные исследования. 2013. № 1 (39). С. 68–72.
55. *Гордеева О. В.* Принципы эффективного налогового регулирования // Налоги. 2012. № 1. С. 4–5.
56. *Горелова Т. П.* Брендинг города как инструмент стратегического развития территории // Вестник академии. Московская академия предпринимательства при Правительстве Москвы. 2016. № 2. С. 93–96.
57. Градостроительный кодекс Российской Федерации. ФЗ от 07.05.1998.
58. *Гурьев В. И.* Основы социальной статистики. М.: Финансы и статистика, 1991.
59. *Дементьев Д. В.* Областной программный бюджет: необходимость и результативность // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. № 8 (368). 2015. С. 29–38.
60. *Динни К.* Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
61. *Довбыш Е. Г.* Европа: новые реалии участия городов в интеграционных процессах // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 1. С. 93–102.
62. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год // Российская газета. 17.05.2017. Федеральный выпуск № 7270 (104). URL: https://rg.ru/2017/05/17/doklad-dok.html
63. *Евдокимов Н., Галанина К.* Государственные программы как инструмент региональной социально-экономической политики URL: http://www.bagsurb.ru/about/journal/Part%203_articles.pdf
64. Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения: 2015 г. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации / под ред. Т. М. Малевой, 2017.
65. *Елисеева И. И.* Социальная статистика. М.: Финансы и статистика, 2007.
66. *Елохова И. В.* Концепция индуктивного представления производственных функций в задачах моделирования инвестиционных процессов. Диссертация доктора экон. наук: 08.00.13. Пермь, 2005.
67. *Ермакова Л. И., Маринов М. Б., Гурин М. В.* Великий чайный путь — важнейшие социально-исторические и культурные перспективы развития россий-

ско-китайских отношений в контексте «Экономического пояса шелкового пути» // Теория и практика общественного развития. 2015. № 24. С. 46–50.
68. *Ерофеева Н. Ю.* От интеграции содержания к сетевому взаимодействию // Международное сотрудничество: интеграция образовательных пространств: материалы III международной научно-практической конференции, 2016. С. 219–223.
69. *Жемчужникова Ю. А.* Моделирование зависимостей между показателями, характеризующими инвестиционную привлекательность // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 9(91). С. 118–121.
70. *Жеребин В. М., Романов А. Н.* Уровень жизни населения. М., 2003. С. 36–41.
71. *Заборских Я. А., Сибирцева Ю. А.* Малый город как текст культуры // В сб.: Михайловские чтения-2014. Архангельск. Кира. 2015. С. 70–74.
72. Земельный налог. Алексин 2016 // Налоговая.ру [Сайт]. URL: https://nalogius.ru/tulskaya-oblast/nalog-na-zemlu/2016/aleksin
73. *Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г.* Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? // Общественные науки и современность. 2013. № 6. С. 15–26.
74. *Зубаревич Н. В.* Неравенство доходов населения: пространственная проекция // Pro et contra. Журнал российской внутренней и внешней политики. 2013. № 6 (61). Ноябрь-декабрь.
75. *Зубаревич Н. В.* Региональное развитие и региональная политика в России // ЭКО. 2014. № 4.
76. *Зубаревич Н. В.* Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М., 2010.
77. *Зубаревич Н. В., Горина Е. А.* Социальные расходы в России: федеральный и региональные бюджеты. М., 2015.
78. *Иванченко М. П.* Формирование институтов роста развитой территории на примере Ленинградской области // Проблемы управления. 2014. № 20. С. 61–64.
79. *Ильин В. И.* Трансформация поселенческой структуры России // Многоликая современность (с. 257–276) / отв. ред. Р. Г. Браславский, А. В. Малинов. СПб.: Интерсоцис, 2014. 344 с. С. 263.
80. Инвестиции в основной капитал, осуществляемые организациями, находящимися на территории муниципального образования (без субъектов малого предпринимательства) // База данных показателей муниципальной статистики. URL: http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst17/DBInet.cgi
81. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория / А. А. Аузан, М. Е. Дорошенко, В. В. Иванов и др. М.: ИНФРА-М, 2011.
82. *Иогман Л. Г., Гусаков М. А.* Индустриальные парки как инструмент реализации стратегии регионального развития // Экономика региона. 2007. № 4. С. 85–94.
83. *Кайбичева Е. И.* Развитие периферийных городских территорий в экономическом пространстве региона (на примере Свердловской области). Диссер-

тация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2016.
84. Календарь событий // Официальный туристический портал Пермского края. URL: http://www.visitperm.ru/
85. Календарь событийных мероприятий в Тульской области на 2017 год // Государственное учреждение культуры Тульской области «Объединение центров развития искусства, народной культуры и туризма». URL: http://ocktula.ru/announces/kalendar-sobyitijnyix-meropriyatij-v-tulskoj-oblasti-na-2017-god.html
86. *Калимуллина Э. Р.* Исследование возможностей самореализации и трудоустройства молодежи в малом городе // Казанский педагогический журнал. 2015. № 2 (109). С. 115–120.
87. КБ «Стрелка». Вовлечение горожан в проекты благоустройства. Методические рекомендации по реализации проектов повышения качества среды моногородов. 2016. URL: http://моногорода.рф/uploads/knowledge_file/content/48/250917_Report_17.4._OTRED_vovlechenie.pdf
88. *Кейнс Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег // In: The General Theory of Employment, Interest and Money. Palgrav, Macmillan, 1936.
89. *Ключенюк Н. В.* Управление процессом развития муниципалитетов на основе эффективного экономического механизма бизнес-планирования: автореф. дис. к.э.н. Курск, 2010.
90. *Ковалев С. А.* Типы поселений — районных центров СССР // Вопросы географии: Сб, 56, 1962. С. 54–72.
91. *Кодина И. Н.* Малый город: определение границ и типология // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI. Вып. 4 (№ 51–52). С. 56–59.
92. *Кожухова В. Н.* Моделирование демографических показателей на основе эконометрических моделей с падающим логистическим трендом// Фундаментальные исследования. 2014. № 9. С. 1312–1315.
93. *Коломак Е. А.* Пространственная концентрация экономической активности в России // Пространственная экономика. 2014. № 4. С. 82–99.
94. *Коломак Е. А.* Ресурс урбанизации в России // Пространственная экономика. 2015. № 4. С. 59–74.
95. *Кононов О. Д., Иконникова О. В., Зыкова Н. В.* Диверсификация сельской экономики: проблемы и перспективы // Российское предпринимательство. 2011. № 11(2). С. 151–155. С.151.
96. Конституция Российской Федерации (официальный текст, новая редакция).
97. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года.
98. Концепция кластерной политики в Российской Федерации.
99. Концепция социально-экономического развития города Гусь-Хрустальный на период до 2020 года. URL: http://www.gusadmin.ru/econ/strategiya/
100. Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://rg.ru/2010/12/14/sx-territorii-site-dok.html

101. *Корбут Л. С.* Развитие малого несельскохозяйственного бизнеса на селе // Никоновские чтения. 2007. № 12. С. 467–469.
102. *Кормановская И. Р., Бернасовская Л. И., Птицина Е. В.* Моделирование сценария демографического развития Новгородской области до 2030 года // Проблемы современной экономики. 2012. № 3. С. 224–228.
103. *Коровкин А. Г., Долгова И. Н., Единак Е. А., Королёв И. Б.* Согласование спроса на рабочую силу и ее предложения на региональных рынках труда: опыт анализа и моделирования URL: http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=books/sa2012/18.
104. *Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д.* Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в город, коммуны, регионы и страны Европы. СПб: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005.
105. *Кошарная Г. Б., Юртаев Н. А., Рожкова Л. В.* Малое предпринимательство как способ социальной адаптации населения малых городов (на примере Пензенской области) // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2008. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/maloe-predprinimatelstvo-kak-sposob-sotsialnoy-adaptatsii-naseleniya-malyh-gorodov-na-primere-penzenskoy-oblasti
106. *Краснова Т. Г., Балабанова Е. А.* Исследование социально-экономического потенциала муниципальных образований // Известия ИГЭА. 2010. № 1 (69). С. 56–58.
107. *Крыжановская А. Г.* Теоретические подходы к определению качества жизни населения // Финансы, денежное обращение и кредит. 2009. № 5. С. 273–276.
108. *Кузнецов С. В.* Механизмы координации при сетевом и межсетевом взаимодействии // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 7. С. 35–38.
109. *Кузнецова О. П., Юмаев Е. А.* Стратегические планы субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и их реализация // Омский научный вестник. № 4 (141). 2015. С. 248–251.
110. *Кулаков К. М.* Проблемы математического моделирования региональных демографических процессов // Известия Алтайского государственного университета. 2013. Т. 2. № 1(77). С. 75–79.
111. *Кусюкбаева Я. Э.* Малые города России в процессе урбанизации // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2016. № 33. С. 128–134.
112. *Кутергина Г. В., Мингазинова Е. Р.* Методики оценки и мониторинга эффективности налоговых льгот: подходы и проблемы // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2014. № 1. С. 84–99.
113. *Кутовой С. И.* Взаимодействие городов как механизм развития регионального экономического пространства // Бизнес в законе. 2013. № 6. С. 302–306.
114. *Кутьин В. М.* Территориальная экономическая кластеризация (классификация) регионов России: социально-географический аспект // Безопасность Евразии. 2003. № 1. С. 523–528.

115. *Кущ С. П., Рафинеджад Д., Афанасьев А. А.* Сетевой подход в маркетинге: российский опыт // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8. Менеджмент. 2002. № 1. С. 81–107.
116. *Лаврова Т. Г.* Роль и потенциал малых городов в развитии региона (на примере Краснодарского края) // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 204–211.
117. *Лаврухин Г. В.* О внедрении Муниципального инвестиционного стандарта в Тульской области. URL: http://russia-invest.ru/files/lavrukhin-g-v.pdf
118. *Лапин Н. И.* Эмпирическая социология в Западной Европе. М.: ГУ ВШЭ, 2004. С. 128–129.
119. *Лаппо Г. Н., Полян П. М.* Результаты урбанизации в России к концу XX века // Мир России. Социология. Этнология. 1999. Т. 8. № 4. С. 35–46.
120. *Лапыгин Ю. Н., Илларионов А. Е., Лачинина Т. А.* Разработка и реализация стратегии муниципалитета. Владимир: Владимирская книжная типография, 2005.
121. *Левашов В. И.* Социальная политика доходов и заработной платы. М.: Центр экономики и маркетинга, 2000.
122. *Лексин В., Карачаровский В.* Причины и последствия сверхконцентрации экономического и социального потенциалов России в ее крупнейших городах // Российский экономический журнал. 2007. № 1–2. С. 26–46.
123. *Лобанова А. С.* Малые города Дальневостоного края в социально-экономическом развитии территорий // Вестник Дальневосточного государственного экономического университета. 2016. № 5. С. 14–20.
124. *Любовный В. Я.* Города России: альтернативы развития и управления. М.: Экон-информ, 2013. 614 с.
125. *Лямин Б. М.* Диверсификация сельской экономики муниципальных районов Ленинградской области // Российский электронный научный журнал. 2017. № 2 (24). С. 45–54. С. 46. URL: http://journal.bsau.ru/archive/renj_2_2017.pdf
126. *Майер В.Ф.* Планирование социального развития и повышения уровня жизни народа М.: Изд-во МГУ, 1998.
127. *Макрушина Е. С.* Моделирование бюджетной поддержки инвестиций промышленных предприятий региона. Автореф. дисс. канд. экон. наук. М.: Государственный университет управления, 2007.
128. *Максанова Л., Жалсараева Б. Р. Д., Кауров И. А.* Туристический маршрут «Великий чайный путь»: проблемы и перспективы развития // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2017. № 2. С. 40–47.
129. *Малинина Т. А.* Оценка налоговых льгот и освобождений: зарубежный опыт и российская практика. М.: Ин-т Гайдара, 2010.
130. *Малиновская Н. В.* Понятие «экономический потенциал» в современной литературе // Вестник Челябинского университета. Серия 8. Экономика. Социология. Социальная работа. 2006. № 5. С. 61–64.
131. Малые города России. Социально-экономическое поведение домохозяйств, ценностные установки и психологическое состояние населения в 1999 г. М.: Московский общественный научный фонд, 2000.

132. *Мандрощенко О. В.* Налоговая система и ее влияние на развитие инвестиционной деятельности // Международный бухгалтерский учет. 2012. № 45. С. 1–7.
133. *Маркова А. А.* Государственные программы как инструмент бюджетного планирования и прогнозирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2013. № 5. С. 137–144.
134. *Маркс К.* Заработная плата, цена и прибыль. М. Прогресс, 1980.
135. *Маршалл А.* Принципы экономической науки. Т. 1–3. М., 1993.
136. *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: Питер. 2008.
137. *Мастеров А. И.* Совершенствование государственных программ как условие повышения эффективности программно-целевого бюджетирования в России // Экономика. Налоги. Право. 2016. № 5. С. 99–104.
138. *Медведева И. А.* Необходимость управления малыми и средними городами на основе стратегического планирования // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2006. № 7. С. 5–8.
139. *Медведева И. А.* Тенденции и стратегия социально-экономического развития малых и средних городов региона (на примере Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа). Екатеринбург, 2004.
140. *Меерович М. Г.* Уникальность урбанизации в СССР: искусственное формирование систем расселения // Проект Байкал. 2015. № 45. С. 160–163.
141. Международная организация труда: официальный сайт. URL: http://www.ilo.org/moscow/lang--en/index.htm
142. *Метелева Е. Р.* (2011). Использование сетевого подхода в технологии стратегического управления городским развитием // Baikal Research Journal. 2011. № 2.
143. *Метляева Т. В.* Исследование особенностей формирования имиджа г. Владивостока (социокультурный аспект) // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. №1. С. 204–211.
144. *Метляхина В. С.* Сравнительная оценка имеющегося и используемого экономического потенциала муниципальных районов // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 38 (221). С. 34–40.
145. Методические рекомендации по разработке программы комплексного социально-экономического развития муниципального образования Пермского края: Распоряжение Правительства Пермского края № 42-рп от 14.03.2011 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] / ЗАО «ТелекомПлюс». Пермь, 2011.
146. Методология исследования сетевых форм организации бизнеса / под науч. ред. М. Ю. Шерешевой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
147. *Мингалева Ж. А., Паздникова Н. П.* Оценка эффективности ресурсного обеспечения мониторинга целевых программ социально-экономического развития регионов // Экономика региона. 2009. № 4. С. 211–215.
148. *Миролюбова А. А.* Методология моделирования инвестиционного процесса в реальном секторе экономики региона. Автореф. дис. докт. экон. наук. Ива-

ново: Ивановский государственный химико-технологический университет, 2012. URL: http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-ekonomika/a112.php
149. *Мишина Н. А., Орловский А. П.* Правовые основы взаимодействия мегаполисов и малых городов // Инновационные технологии в управлении: сборник научных статей. Киев, 2014. С. 81–86.
150. *Моляренко О. А.* Муниципальная статистика и проблемы сбора информации местной властью // Мир экономики и управления. 2014. Т. 14. №. 4. С. 125–139.
151. *Морозов С. И.* Методический подход к оценке эффективности региональных инновационных программ // Проблемы современной экономики. 2012. № 3(43). С. 118–127.
152. Муниципальный инвестиционный стандарт. Ленинградская область. URL: http://econ.lenobl.ru/budget/invest/mstandart
153. Народная энциклопедия городов и регионов России «Мой Город». Владимир, 2017.
154. Народная энциклопедия городов и регионов России «Мой Город». Губаха, 2017.
155. Народная энциклопедия городов и регионов России «Мой Город». Чернушка, 2017.
156. *Нефедова Т. Г., Покровский Н. Е., Трейвиш А. И.* Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 60–69.
157. *Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И.* Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // Региональные исследования. 2010. № 2. С. 42–56.
158. *Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И.* Перестройка расселения в современной России: урбанизация или дезурбанизация? // Региональные исследования. 2017. № 2 (56). С. 12–23.
159. *Никитин А. С.* Инвестиционный рейтинг как инструмент стимулирования эффективности управления развитием регионов России //Экономическая политика. 2016. Т. 11. №. 6. С. 192–221.
160. *Никонов Б.* О пользе кластеров для российской экономики // Статистика и экономика. 2013. С. 32–38.
161. Нормативные правовые акты муниципальных образований // Официальный сайт «Нормативные правовые акты Российской Федерации. Министерство юстиции Российской Федерации». URL: http://zakon.scli.ru
162. *Нуреев Р. М., Латов Ю. В.* Постсоветское институциональное развитие: в поисках выхода из колеи власти-собственности // Мир России. Социология. Этнология. 2015. Т. 24. № 2. С. 50–88.
163. *Нуртдинов А. Р.* Институциональная среда как условие устойчивого экономического развития // Вестник Казанского технологического университета. 2016. № 6. С. 186–193.
164. *Нутрихина Н. В.* Стратегическое планирование развития города // Амурский научный вестник. 2007. № 2. С. 294а–303.

165. О внесении изменений в статьи 179 и 184.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон № 183-ФЗ от 28.06.2014 // Собрание законодательства РФ. 30.06.2014. № 26 (часть I). Ст. 3389.
166. О Методических рекомендациях по составлению и исполнению бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов на основе государственных (муниципальных) программ: Письмо Минфина России № 09-05-05/48843 от 30.09.2014 // СПС «КонсультантПлюс». ЗАО «ТелекомПлюс». Пермь, 2011.
167. О некоторых вопросах проведения комплексной оценки органов местного самоуправления муниципальных районов (городских округов) Забайкальского края: Постановление Правительства Забайкальского края № 101 от 05.03.2014. URL: http://xn--h1aeecdbgb5k.xn--80aaaac8algcbgbck3fl0q.xn--p1ai/documents/normativno_pravovye_akty/28489.html
168. Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351. URL: http://base.garant.ru/191961/#ixzz3Y6YSef1j
169. Об утверждении модельного муниципального правового акта «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности муниципальных программ муниципального образования: Приказ Министерства территориального развития Пермского края № СЭД-53-03.15-49 от 29.05.2014 // Бюллетень законов Пермского края, правовых актов губернатора Пермского края, Правительства Пермского края, исполнительных органов государственной власти Пермского края. 09.06.2014. № 22.
170. Об утверждении плана мероприятий по повышению мобильности граждан Российской Федерации на 2014–2018 гг.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.04.2014 № 663-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 18 (часть IV). Ст. 2262.
171. Об утверждении Порядка принятия планов и программ развития Пермского муниципального района, утверждения отчетов об их исполнении: Решение Земского Собрания Пермского муниципального района № 439 от 29.04.2014 // Бюллетень муниципального образования «Пермский муниципальный район. 30.04.2014. № 10.
172. Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации № 588 от 02.08.2010 // Собрание законодательства РФ. 09.08.2010. № 32. Ст. 4329.
173. *Оборин М. С.* Динамика развития санаторно-курортного комплекса и лечебно-оздоровительного туризма в Пермском крае // Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле. 2013. № 6–4. С. 146–153.
174. *Оборин М. С.* Совершенствование системы управления и оценки экономической эффективности санаторно-курортной деятельности региона на примере Пермского края // Экономика и предпринимательство. 2015. № 12-2 (65-2). С. 250–256.
175. *Оборин М. С.* Социально-экономические условия и функции санаторно-курортной системы региона как фактор создания маркетинговой стратегии

развития рынка санаторно-курортных услуг // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2015. № 2. С. 49–56.

176. *Оборин М. С., Мингазинова Е. Р., Фролова Н. В., Плотников А. В., Владимирский Е. В., Каячев А. П.* Курортно-рекреационный кластер региона: социально-экономические аспекты функционирования: монография. Пермь, 2014.
177. *Оборин М. С., Пахалов А. М., Шерешева М. Ю.* Эффективность стратегического планирования развития малых городов на основе сетевого механизма координации // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2017. № 4. С. 100–117.
178. *Оборин М. С., Плотников А. В.* Основные методы изучения внешней и внутренней сред санаторно-курортных организаций региона // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2012. № 4 (64). С. 28–35.
179. *Оборин М. С., Шерешева М. Ю., Пахалов А. М.* Институциональная среда как фактор формирования инвестиционного климата малых городов России // Ars Administrandi. 2017. Т. 9. №. 3. 2017. С. 370–394.
180. *Оборин М. С., Шерешева М. Ю.* Специфика сетевых бизнес-моделей в туристско-рекреационной сфере // Управленец. 2017. № 4(68). С. 24–31.
181. *Оборин М. С., Шерешева М. Ю., Иванов Н. А.* Обоснование стратегических ориентиров социально-экономического развития малых городов России // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика» — Perm University Herald. Economy. Том 12. № 3, 2017. С. 437–452.
182. *Оборин М. С., Шерешева М. Ю., Иванов Н. А.* Анализ государственных программ как фактора развития малых городов России // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2017. № 4. С. 18–36.
183. Обращение к Президенту Российской Федерации Д. А. Медведеву и к Председателю Правительства Российской Федерации В. В. Путину Президиума Российской академии архитектуры и строительных наук. г. Москва, 23 декабря 2011 г.
184. *Овчарова Л. Н., Бирюкова С. С., Селезнева Е. В.* Население России в 2016 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. Итоги года. М.: НИУ ВШЭ, 2017.
185. *Овчарова Л. Н., Горина Е. А.* Развитие адресной социальной поддержки нуждающихся в России: барьеры и возможности. Вопросы экономики. 2017. № 3. С. 5–21.
186. *Овчарова Л. Н., Попова Д. О.* Доходы и расходы российских домашних хозяйств: что изменилось в массовом стандарте потребления // Мир России. 2013. № 3. С. 3–11.
187. *Орехова Е. А., Плякин А. В.* Полигоны Вороного в исследовании факторной структуры потенциала экономического развития муниципальных районов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2014. № 21-1 (192). С. 28–41.

188. *Орлова Е. А.* Малый город: феномен, понятие и подходы к исследованию // Избранные доклады 61-й университетской научно-технической конференции студентов и молодых ученых. Томск. Томский государственный архитектурно-строительный университет. 2015. С. 109–111.
189. *Осипова А. О.* Сетевой проект как вид сотрудничества // Молодежь в меняющемся мире: вызовы современности: материалы VII международной научно-практической конференции. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2017. С. 94–99.
190. *Панкрухин А.* Территориальный брендинг. СПб.: Питер, 2006.
191. *Панкрухин А. П.* Муниципальное управление: маркетинг территорий. М.: Логос, 2002.
192. *Пахалов А. М.* Институциональное проектирование как инструмент улучшения инвестиционного климата // Российское предпринимательство. 2016. Т. 17. №. 18.
193. *Пивоваров Ю. Л.* Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. 2001. № 6. С. 101–113.
194. *Пигу А. С.* Экономическая теория благосостояния. Серия: Экономическая мысль Запада. Прогресс. 1985.
195. *Плюснин Ю. М.* Малые города России. Социально-экономическое поведение домохозяйств, ценностные установки и психологическое состояние населения в 1999 г. М.: Московский общественный научный фонд, 2000.
196. Повестка дня на XXI век. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/ decl_conv/conventions/pdf/agenda21.pdf (дата обращения: 29.10.2017).
197. *Подсвирова А. В.* Малые города России: специфика и факторы формирования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 4. С. 52–55.
198. Показатели для мониторинга оценки эффективности деятельности субъектов Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/pok-monitor/pok-monitor.html
199. Политика доходов и качество жизни населения / под ред. Н. А. Горелова. СПб.: Питер, 2003. 653 с.
200. *Полтерович В.* Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 25–50.
201. *Портер М.* Конкуренция: пер. с англ. М.: Вильямс, 2005. 608 с.
202. Постановление администрации города Красноярска от 03.03.2015 № 105 «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности муниципальных программ Пермского муниципального района».
203. Постановление администрации Пермского муниципального района от 08.07.2013 № 1905 «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности муниципальных программ Пермского муниципального района».

204. Постановление главы городского округа Котельники Московской области от 02.07.2014 № 606-ПГ «Об утверждении порядка разработки, реализации и оценки эффективности муниципальных программ».
205. Постановление Правительства Российской Федерации от 17.12.2012 № 1317 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов».
206. *Правдюк В. Н.* Концепция стратегического планирования как инструмент экономического развития муниципального образования // Транспортное дело России. 2009. № 9. С. 50–54.
207. Приоритеты развития малых городов и исторических поселений. Форум малых городов России. Коломна. 17.01.2018.
208. Проект «Настоящая Россия» URL: http://www.настоящая-россия.рф
209. *Псарёв В. И., Псарёва Т. В., Сушенцева Н. В., Гончаров И. А.* Методика формирования и анализа комплексных программ социально-экономического развития муниципальных образований / под общ. ред. В. И. Псарёва, Н. В. Сушенцевой. Новосибирск, 2010.
210. *Пчелинцев О.* Социально-экономический кризис в пространственном измерении // Общественные науки и современность. 1993. № 2. С. 30–37.
211. *Радаев В. В.* Социология потребления: основные подходы // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 5-18.
212. *Радаев В. В.* Экономическая социология. 2-е изд. М.: ГУ ВШЭ, 2008.
213. Развитие «села.рф»: официальный сайт. URL: http://ruraldevelopment.ru/
214. *Ракачев В. Н., Ракачева Я. В., Халафян А. А.* Математическое моделирование демографических процессов на Кубани в 1920–1930-е гг. Краснодар, 2011. URL: http://wiki.kubsu.ru
215. Распоряжение Правительства Тульской области от 28.04.2016 № 309-р «Об утверждении перечня муниципальных образований Тульской области — получателей иных межбюджетных трансфертов из бюджета Тульской области, источником финансового обеспечения которых являются иные межбюджетные трансферты из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации, на выплату денежных поощрений лучшим муниципальным учреждениям культуры, находящимся на территории сельских поселений Тульской области, и их работникам» // Консорциум Кодекс [Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации]. URL: http://docs.cntd.ru/document/438883927
216. *Растворцева С. Н., Манаева И. В.* Анализ проявления закона Ципфа в городах России // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 46. С. 56–66.
217. Региональный инвестиционный стандарт / АСИ. URL: https://asi.ru/investclimate/standard
218. Рейтинг 250 крупнейших городов России 2017 года / Domofond.ru. URL: https://www.domofond.ru/city-ratings
219. Рейтинг городских округов и муниципальных районов Пермского края по уровню социально-экономического развития и уровню развития рынка недвижимости по состоянию на 31 декабря 2017 года.

220. Рейтинг регионов по интегральному показателю инвестиционной привлекательности / под ред. Н. Н. Райской, Я. В. Сергиенко, А. А. Френкель // Вопросы статистики. 2009. № 1. С. 56–60.
221. Рейтинг российских регионов по качеству жизни. URL: http://www.riarating.ru/
222. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ по итогам 2014 года // РИА Новости. URL: https://ria.ru/infografika/20150616/1061393359.html.
223. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ по итогам 2017 года // РИА Рейтинг. URL: http://riarating.ru/infografika/20180523/630091878.html
224. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2016 года // РИА Рейтинг URL: vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions_2017.pdf
225. Рейтинг стран Европы по доле расходов семей на продукты питания. РИА «Рейтинг». 2016.
226. Рейтинг устойчивого развития городов РФ / SGM. URL: http://www.agencysgm.com/projects/sostavlenie-reytinga-gorodov-rossii-v-oblasti-ustoychivogo-razvitiya
227. *Ржаницына Л. С.* Модель социальной политики в новых экономических условиях (основные принципы) // Журнал НЭА. 2015. № 2 (26). С. 254–259.
228. *Римашевская Н. М.* Региональные особенности уровня и качества жизни: монография. ИСЭПН РАН. М.: М-Студио. 2012.
229. *Рисин И. Е., Шаталова Е. А.* Стратегическое планирование социально-экономического развития городов: зарубежный и российский опыт // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2007. №. 2. С. 25–32.
230. *Рохчин В. Е.* Вопросы методологии формирования системы стратегического планирования развития городов России // Пространственная экономика. 2005. № 1.
231. *Рохчин В. Е., Жилкин С. Ф., Знаменская К. Н.* Стратегическое планирование развития городов России: системный подход. СПб: Б.и., 2004.
232. *Савельев А. В.* Демографическая ситуация на Северном Кавказе // Наука вчера, сегодня, завтра: сб. ст. по матер. VII междунар. науч.-практ. конф. № 7(7). Новосибирск: СибАК, 2013.
233. *Савина О. Н.* Барьеры в нормативном правовом обеспечении механизма предоставления и применения налоговых льгот и преференций в России // Международный бухгалтерский учет. 2013. № 19. URL: http://www.consultant.ru/
234. *Садовникова Н. А., Клочкова Е. Н.* Методологические подходы к оценке государственных программ. Теория и практика общественного развития. 2014. № 7. С. 93–97.
235. *Садовникова Н. А., Клочкова Е. Н.* Система показателей эффективности проектов по реализации основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации в сфере ИКТ //Статистика и экономика. 2011. № 6. С. 163–168.

236. *Самуэльсон П., Нордхаух В.* Экономика = Economics. 18-е изд. М.: Вильямс. 2006.
237. *Санина А. Г., Джафарли Н. Я., Коршунова Е. В.* Современный город как объект публичного управления // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 56. С. 151–167. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/26_2016sanina_dzhafarli_korshunova.htm
238. *Семибратова Л. М., Широкова Н. В.* Сетевое взаимодействие в условиях малого города // Народное образование. 2014. № 6. С. 64–68.
239. Семинар «Оценка программ» // Фонд «Институт экономики города». URL: www.urbaneconomics.ru/download.php?dl_id=98
240. *Сен А. К.* Свобода, единогласие и права. Вехи экономической мысли. Т. 4. Экономика благосостояния и общественный выбор / под общ. ред. А. П. Заостровцева. СПб: Экономическая школа. 2004.
241. *Сидоров А. А., Силич М. П.* Методические подходы к оценке социально-экономического развития муниципальных образований // Известия Томского политехнического университета. 2008. Т. 313. № 6. С. 38–44.
242. *Слинкова О. К., Скачков Р. А.* Практика использования программно-целевого метода в управлении экономикой России // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. URL: http://www.science-education.ru/119-14905
243. *Соколенко С. И.* Производственные системы глобализации: Сети. Альянсы. Партнерства. Кластеры. Киев: Логос, 2002.
244. *Соколов И. А.* Доклад «Методологические подходы к оценке эффективности бюджетных расходов, в том числе государственных программ» // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2014. № 2 (20). С. 7–10.
245. Социальное взаимодействие в современных условиях: различные аспекты исследования: коллективная монография / под ред. Кандауровой А. В. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, кафедра социальной педагогики и социальной работы, 2017.
246. Социально-экономические показатели — 2015, 2016 годы. Регионы России. // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/
247. Социально-экономические показатели — 2017. Регионы России // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm
248. Социально-экономические показатели — 2016. Регионы России // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/region/reg-pok16.pdf
249. Социальный атлас российских регионов / под ред. Зубаревич Н. В. // Мониторинг кризиса и посткризисного развития регионов России. Бюджеты регионов в 2015 г. URL: http://www.socpol.ru/atlas/overviews/social_sphere/kris.shtml

250. Средний класс в России жив и неплохо себя чувствует // Народный общественно-политический интернет журнал PolitRussia. URL: http://politrussia.com/society/sredniy-klass-v-837/
251. *Стехина С. Н.* Концептуальные основы теорий регионального развития и разработки территориальных стратегий // Terra Economicus. 2007. Т. 5. № 2-2. С. 269–273.
252. Стоимость жизни и ее измерение / под ред. В. М. Рутгайзера, С. П. Шпилько. М.: Финансы и статистика, 1991.
253. Стратегия социально-экономического развития муниципального образования город Алексин до 2035 года. URL: http://aleksin.tula.ru
254. Стратегия социально-экономического развития муниципального образования «Городской округ — город Кудымкар» на 2011–2020 годы. URL: http://www.admkud.ru/Econom/22011.pdf
255. Суворовский район: официальный сайт муниципального образования. URL: https://suvorov.tularegion.ru/documents/?SECTION=7251
256. *Сулягина Ю. О.* Приоритеты государственной политики в сфере трудовой миграции на современном этапе развития России // Социальная политика и социология. 2013. № 3-1. С. 127–137.
257. *Сысоев А. П.* Системная модернизация налогообложения имущества физических лиц // Экономика и предпринимательство. 2016. № 7 (72). С. 62–68.
258. *Тамбовцев В.* Защита прав собственности и инвестиционный климат России // Журнал НЭА. 2012. № 1 (13). С. 163–165.
259. *Тамбовцев В. Л.* Межмуниципальные взаимодействия с позиций экономического анализа // Terra Economicus. 2017. Т. 15. № 3. С. 19–31.
260. *Татаркин А. И.* Формирование региональных институтов пространственного развития Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 6 (24). С. 42–59.
261. *Терешина М. В.* Формирование механизма устойчивого развития региона: экономические и институциональные условия. Дис. и автореферат на соискание степени доктора экономических наук ВАК 08.00.05. М., 2014. 333 с.
262. *Титов В. В., Жигульский Г. В.* Оценка влияния систем налогообложения на эффективность деятельности промышленного предприятия // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2013. № 4(175). С. 113–120.
263. *Токарева О. Б.* Роль туристского маркетинга в стратегическом управлении малым городом // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. 2013. № 5. С. 89–94.
264. *Токунова Г. Ф.* Стратегическое планирование развития малых городов. Дис. канд. экон. наук: 08.00.05. Волгоград, 2004.
265. Трудовая мобильность населения малых городов России: текущие оценки и потенциал для российского рынка труда. Миграция и риски возникновения трудных жизненных ситуаций. Опрос трудовых мигрантов из малых городов. Портал социологических данных РАНХиГС. URL: http://social.ranepa.ru/tsentry-i-instituty/institut-sotsialnogo-analiza-i-prognozirovaniya/issledovaniya/31-trudovaya-mobilnost-naseleniya-malykh-gorodov-rossii-

tekushchie-otsenki-i-potentsial-dlya-rossijskogo-rynka-truda-migratsiya-i-riski-vozniknoveniya-trudnykh-zhiznennykh-situatsij-opros-trudovykh-migrantov-iz-malykh-gorodov

266. *Трунина Г. А., Нагаева М. А.* Анализ туристического потенциала Владимирской области // Вестник Владимирского государственного университета. 2016. № 2 (8). С. 29–35.
267. Тульская область в цифрах — 2017. Краткий статистический сборник // Федеральная служба государственной статистики, Туластат. Тула, 2018.
268. *Тюпакова Н. Н.* Формирование налогового механизма распределения добавленной стоимости: теория, методология, практика: монография. Краснодар: КубГАУ, 2012.
269. *Уильямсон О. Е.* Аутсорсинг: трансакционные издержки и управление цепями поставок // Российский журнал менеджмента. 2010. Т. 8. № 1. С. 71–92.
270. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления».
271. *Уксуменко А. А., Мацыга Ф. А.* Бюджетное планирование как инструмент реализации социально-экономической политики региона. Территория новых возможностей // Вестник ВГУЭС. 2016. № 3. С. 33–40.
272. Уровень и профиль бедности в России: от 1990-х годов до наших дней. М.: НИУ ВШЭ, 2014.
273. *Ускова Т. В.* Социально-экономическое развитие территорий: проблемы эффективности региональной политики // Проблемы развития территории. 2016. №. 2. С. 7–18.
274. *Ускова Т. В., Ворошилов Н. В., Гутникова Е. А., Кожевников С. А.* Социально-экономические проблемы локальных территорий: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 196 с.
275. *Ускова Т. В., Йогман Л. Г.* и др. Моногород: управление развитием. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012.
276. *Усова М. В., Фокина Т. П.* Современные социальные практики управления имиджем города в сетевом обществе // Вестник Поволжского института управления. 2014. № 4. С. 78–83.
277. Фабрика-музей города Белев // ООО «ТК» Старые Традиции: официальный сайт. URL: http://startradi.ru
278. Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/
279. Федеральный Закон «О развитии сельского хозяйства (с изменениями на 29.07.2018)». URL: http://docs.cntd.ru/document/902021785
280. Федеральный закон от 04.10.2014 № 284 «О внесении изменений в статьи 12 и 85 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и признании утратившим силу Закона Российской Федерации «О налогах на имущество физических лиц» // «КонсультантПлюс» [Справочная правовая система]. URL: https://giod.consultant.ru/page.aspx?3653312

281. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // «КонсультантПлюс» [Справочная правовая система]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/
282. *Фишер С.* Покупательная сила денег. The Purchasing Power of Money (1911). М.: Дело, 2001.
283. *Фоменко С. А.* Формирование муниципальных брендов как базы конкурентных преимуществ региона: дис. к.э.н.:08.00.05. СПб., 2006.
284. Фонд общественное мнение: официальный сайт. URL: http://fom.ru/
285. *Фролов Д. П., Соловьева И. А.* Будущее стратегий территориального развития: анализ современных методологий // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 10 (433). С. 28–45.
286. *Хааг Д.* Кластеры как инструмент развития некоммерческих организаций. М.: Инфра-М, 2012.
287. *Хасанов Р. Н.* Проблемы оценки эффективности целевых программ на стадии их отбора и реализации // Проблемы современной экономики: материалы междунар. науч. конф. (г. Челябинск, декабрь 2011 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2011. С. 45–48.
288. *Хинтикка И.* Вопрос о вопросах // Философия и логика. М., 1974. С. 303–304.
289. *Хорев А. И., Овчинникова Т. И.* Оценка динамики социально-экономического развития областей Центрально-Черноземного региона // Современные проблемы экономической теории: сб. ст. междунар. конф. Воронеж, 2003. Ч. IV. С. 883–892.
290. *Чернов В. Г.* Методология экономико-математического моделирования процесса инвестиционного анализа на основе нечетко-множественного подхода. 08.00.13 — Математические и инструментальные методы экономики. Автореферат дис. д-ра экон. наук. Иваново, 2007. URL: http://geum.ru/ecaref/metodologiya-ekonomiko-matematicheskogo-modelirovaniya-protsessa-investitsionnogo-analiza-na-osnove-nechetko-mnozhestvenn.htm
291. *Чижова Н. А.* К вопросу о социально-экономическом потенциале региона: теоретический аспект // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2013. № 7 (105). С. 109–112.
292. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2018 года // Федеральная служба государственной статистики (РОССТАТ). М., 2018.
293. *Чучкалова С. В.* Моделирование демографических процессов в Кировской области. Автореферат дис. канд. эконом. наук 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики. Пермский гос. нац. исслед. университет, Пермь, 2011. URL: http://www.psu.ru/psu2/files/0504/Chuchkalova_05_07_11.pdf
294. *Швецов А. Н.* Систематизация инструментов перспективного планирования территориального развития: настоятельная необходимость и конкретные предложения (продолжение) // Российский экономический журнал. 2009. № 3-4. С. 33–68.

295. *Шерешева М. Ю., Баджо Р.* Сетевой подход в изучении туристских дестинаций: новые тенденции // Инициативы XXI века. 2014. № 2. С. 58–63.
296. *Шерешева М. Ю.* Межорганизационные сети в системе форм функционирования современных отраслевых рынков. Автореферат дисс. ... к.э.н., М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2007.
297. *Шерешева М. Ю.* Межфирменные сети. М.: ТЕИС, 2006.
298. *Шерешева М. Ю.* Событийный туризм и нематериальное культурное наследие (на примере Владимирской области) // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. Т.10 № 3. С. 41–49.
299. *Шерешева М. Ю.* Создание туристских кластеров в регионах России // Логистика. 2016. № 6. С. 52–56.
300. *Шерешева М. Ю.* Формы сетевого взаимодействия компаний. М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2010.
301. *Шерешева М. Ю., Оборин М. С., Березка С. М.* Система брендинга малых городов // Менеджмент в России и за рубежом. 2017. № 5. С. 12–19.
302. *Шерешева М. Ю., Оборин М. С., Пахалов А. М., Костанян А. А.* Разработка методики анкетирования развития малых городов России // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2017. № 8 (154). С. 57–64.
303. *Шерешева М. Ю., Палт М. М.* Согласование интересов стейкхолдеров в сетевом межфирменном взаимодействии // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия — Экономические и юридические науки. 2014. № 3. С. 17–23.
304. *Шерешева М. Ю., Оборин М. С., Березка С. М.* Маркетинг малых городов как фактор устойчивого развития региона // Маркетинг в России и за рубежом. 2018. № 1. С. 63–74.
305. *Шерешева М. Ю., Оборин М. С., Костанян А. А.* Особенности оценки качества жизни населения малых городов // Ars administrandi. Искусство управления. 2017. Т. 9. № 2. С. 289–311.
306. *Шерешева М. Ю., Оборин М. С., Шимук О. В.* Анализ международного опыта диверсификации сельской экономики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3. Экономика. Экология. 2017. № 3. С. 209–223.
307. *Шмидт А. Н., Банников А. Ю.* О системе стратегического планирования социально-экономического развития муниципального образования //Новый взгляд. Международный научный вестник. 2015. № 10. С. 262–272.
308. *Эрхард Л.* Благосостояние для всех. М.: Начала-Пресс, 1991.
309. *Abel G., Bijak J., Raymer J.* (2010). A comparison of official population projections with Bayesian time series forecasts for England and Wales. Working Paper №7. United Kingdom, ESRC Centre for Population Change.
310. *Abouchakra R., Moujaes C. N., Najjar M. R., Shediac R.* (2008). Economic Diversification: The Road to Sustainable Development. Booz Allen Hamilton.
311. *Acharya S., Morichi Sh., Yoshida T.* (1999). Role of infrastructure investment in regional growth: a dynamic simulation approach. Journal of the Eastern Asia Society for Transportation Studies, 3(2), 39–54.

312. *Adelaja A. O., Gibson M. A., Racevskis L. A.* (2010). Transaction costs and inter-jurisdictional cooperation: an application to land use collaboration. Journal of Public Affairs, 10(4), 265–279.
313. *Aitken R., Campelo A.* (2011). The four R's of place branding. Journal of Marketing Management, 27(9–10), 913–933.
314. *Albrechts L.* (2015). Ingredients for a more radical strategic spatial planning. Environment and Planning B: Planning and Design, 42(3), 510–525.
315. *Alexiadis S., Felsenstein D.* (2012). The Flexible Accelerator Model and the 'Regionalization' of Capital Stock Estimates. Regional Science Inquiry Journal, IV (1), 39-44.
316. *Angel S.* (2012). Preparing for urban expansion: A proposed strategy for intermediate cities in Ecuador. The New Global Frontier. Routledge, 129–144.
317. *Angelidou M.* (2014). Smart city policies: A spatial approach. Cities, 41, S3–S11.
318. *Anholt S.* (2002). Nation branding: A continuing theme. Journal of Brand Management, 10 (1), 59–60.
319. *Anholt S.* (2005). Some important distinctions in place branding. Place Branding, 1(2), 116–121.
320. *Anholt S.* (2010). Definitions of place branding – Working towards a resolution. Place Branding and Public Diplomacy, 6(1), 1–10.
321. *Antikainen J.* (2005). The concept of functional urban area. Informationen zur Raumentwicklung, (7), 447–452.
322. *Arato M., Speelman S., Huylenbroeck G. V.* (2016). Benefits and Challenges of Integrated Initiatives for Sustainable Rural Development: The Case from Northern Mexico. Sustainability, (8), 102–110.
323. *Ashworth G., Kavaratzis M.* (Eds.). (2010). Towards Effective Place Brand Management: Branding European Cities and Regions. Cheltenham, Edward Elgar.
324. *Assens C., Bartoli A., Hermel P.* (2015). The Combination of Competition and Cooperation in French Local Government: Toward A Specific Public «Coopetition». Cahier de recherche du LAREQUOI. Université de Versailles-Saint-Quentin-en-Yvelines, (2), 7–18.
325. *Baggio R.* (2008). Symptoms of Complexity in a Tourism System Tourism Analysis. 13(1), 1–20.
326. *Baggio R., Scott N., Cooper C.* (2010). Network science — a review focused on tourism. Annals of Tourism Research. 37(3), 802–827.
327. *Bagnasco A.* (Ed.) (2000). Cities in contemporary Europe. Cambridge University Press.
328. *Baker B.* (2007). Destination branding for small cities: the essentials for successful place branding. Creative Leap Books.
329. *Baker K., Van De Walle S., Skelcher C.* (2011). Citizen Support for Increasing the Responsibilities of Local Government in European Countries: A Comparative Analysis. Lex Localis. Journal of Local Self-Government, 9(1), 1–21.
330. *Banerjee R., Baul T., Rosenblat T.* (2015). On self selection of the corrupt into the public sector. Economics Letters, 127, 43–46.

331. *Barfort S., Harmon N. A., Olsen A. L., Hjorth F. G.* (2015). Dishonesty and Selection into Public Service in Denmark: Who Runs the World's Least Corrupt Public Sector? Working Paper. URL: https://ssrn.com/abstract=2664983
332. *Barilari A., Bouvier M.* (2010). La LOLF et la nouvelle gouvernance financière de L'Etat. 3-e èd. P., LGDJ.
333. *Batten D. F.* (1995). Network cities: creative urban agglomerations for the 21st century. Urban Studies, 32(2), 313–327.
334. *Batty M.* (2008). The size, scale, and shape of cities. Science, 319 (5864), 769–771.
335. *Batty M.* (2013). The new science of cities. Cambridge, MA, MIT Press.
336. *Baumol W.* (1990). Entrepreneurship: Productive, Unproductive, and Destructive. Journal of Political Economy, 98(5), 893-921.
337. *Beaverstock J. V., Smith R. G., Taylor P. J.* (1999). A roster of world cities. Cities, 16(6), 445–458.
338. *Beaverstock J. V., Smith R. G., Taylor P. J.* (2000). World-city network: A new metageography? Annals of the association of American geographers, 90(1), 123–134.
339. *Beer A., Maude A.* (2002). Local and Regional Economic Development Agencies in Australia. School of Geography, Population and Environmental Management, Flinders University.
340. *Bel G., Warner M. E.* (2015). Inter-Municipal Cooperation and Costs: Expectations and Evidence. Public Administration, 93(1), 52–67.
341. *Bell D., Jayne M.* (2006). Small cities: urban experience beyond the metropolis. L., Routledge.
342. *Bell D., Jayne M.* (2009). Small cities? Towards a research agenda. International Journal of Urban and Regional Research, 33(3), 683–699.
343. *Bellone C. J., Goerl G. F.* (1992). Reconciling Public Entrepreneurship and Democracy. Public Administration Review, 52(2), 130–134.
344. *Bengtsson M., Eriksson J., Wincent J.* (2010). Co-opetition dynamics – an outline for further inquiry. Competitiveness Review: An International Business Journal, 20(2), 194–214.
345. *Beni M.* (2003). Globalização do Turismo: Megatendências do Sector e a Realidade Brasileira, Editora Aleph, São Paulo.
346. *Bernier L., Hafsi T.* 2007. The changing nature of public entrepreneurship. Public Administration Review, 67(3), 488–503.
347. *Berry B.* (1976). The counter-urbanization process: urban America since 1970. Urban Affairs Annual Reviews, (11), 17–30.
348. *Bettencourt L. M.* (2013). The origins of scaling in cities. Science, 340(6139), 1438–1441.
349. *Birkin M., Clarke M.* (2011). Spatial Microsimulation Models: A Review and a Glimpse into the Future. In: Stillwell J., Clarke M. (eds.) Population Dynamics and Projection Methods. Dordrecht, Springer, 193–208.
350. *Blair H.* (2000). Participation and accountability at the periphery: democratic local governance in six countries. World development, 28(1), 21–39.

351. *Blom-Hansen J.* (2010). Municipal Amalgamations and Common Pool Problems: The Danish Local Government Reforms in 2007. Scandinavian Political Studies, 33(1), 51–73.
352. *Blom-Hansen J., Houlberg K., Serritzlew S., Treisman D.* (2016). Jurisdiction Size and Local Government Policy Expenditure: Assessing the Effect of Municipal Amalgamation. American Political Science Review, 110(4), 812–831.
353. *Bolay J. C., Rabinovich A.* (2004). Intermediate cities in Latin America risk and opportunities of coherent urban development. Cities, 21(5), 407–421.
354. *Botschen G., Promberger K., Bernhart J.* (2017). Brand-driven identity development of places. Journal of Place Management and Development, 10(2), 152–172.
355. *Bouncken R. B., Gast J., Kraus S., Bogers M.* (2015). Coopetition: a systematic review, synthesis, and future research directions. Review of Managerial Science, 9(3), 577–601.
356. *Bourgon J.* (2008). The future of public service: A search for a new balance. Australian Journal of Public Administration, 67(4), 390–404.
357. *Boyne G. A.* (1992). Local Government Structure and Performance: Lessons from America. Public Administration, 70(3), 333–357.
358. *Brandenburger A., Nalebuff B.* (1996). Co-opetition. New York, Doubleday Currency.
359. *Braun E., Kavaratzis M., Zenker S.* (2013). My city e My brand: The different roles of residents in place branding. Journal of Place Management and Development, 6(1), 18–28.
360. *Breakwell G.* (1986). Coping with threatened identities. L., Methuen.
361. Briefing European Parliamentary Research Service. Farm diversification in the EU (2016). European Parliament. URL: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2016/581978/EPRS_BRI(2016)581978_EN.pdf
362. *Byrnes J., Dollery B.* (2002). Do Economies of Scale Exist in Australian Local Government? A Review of the Research Evidence. Urban Policy and Research, 20(4), 391–414.
363. *Calthorpe P., Fulton W.* (2001). The regional city. New York, Randon House.
364. *Camagni R.* (2002). On the concept of territorial competitiveness: sound or misleading? Urban Studies, 13, 2395–2412.
365. *Camagni R., Capello R., Caragliu A.* (2015). Agglomeration economies in large versus small cities: similar laws, high specifities. The rise of the city: spatial dynamics in the urban century, Edward Elgar, Cheltenam, UK, 85–113.
366. *Camagni R., Capello R.* (2005). The City Network Paradigm: Theory and Empirical Evidence. Urban Dynamics and Growth: Advances in Urban Economics, 495–529.
367. *Campbell H., Marshall R.* (2006). Towards justice in planning: A reappraisal. European Planning Studies, 14(2), 239–252.
368. *Campbell S.* (1996). Green cities, growing cities, just cities? Urban planning and the contradictions of sustainable development. Journal of the American Planning Association, 62(3), 296–312.
369. *Campbell T.* (2013). Beyond smart cities: how cities network, learn and innovate. Routledge.

370. *Capello R.* (2000). The city network paradigm: measuring urban network externalities. Urban Studies, 37(11), 1925–1945.
371. *Cassia F., Magno F.* (2009). Public services co-production: Exploring the role of citizen orientation. International Journal of Quality and Service Sciences, 1(3), 334–343.
372. *Castells M.* (1996). The Rise of the Network Society. Oxford, Blackwell.
373. *Chadwick G.* (2016). Models of Urban & Regional Systems in Developing Countries. Some Theories and Their Application in Physical Planning, 36, 114–119.
374. *Chi G., Voss P.* (2011). Small-area population forecasting: borrowing strength across space and time. Population, Space and Place, 17(5), 505–520.
375. *Chi G., Zhou X., Voss P.* (2011). Small-area population forecasting in an urban setting: a spatial regression approach. Journal of Population Research, 28 (2-3), 185–201.
376. *Christopher M., Payne A., Ballantyne D.* (1991). Relationship Marketing: Bringing Quality, Customer Service and Marketing Together. Oxford, Heinemann.
377. Cittaslow International: International Network of Cities Where Living is Good, Official Site (2018). URL: http://www.cittaslow.org/
378. *Courtney P., Mayfield L., Tranter R., Jones P., Errington A.* (2007). Small towns as 'sub-poles' in English rural development: Investigating rural–urban linkages using sub-regional social accounting matrices. Geoforum, 38(6), 1219–1232.
379. *Courtney P., Errington A.* (2000). The role of small towns in the local economy and some implications for development policy. Local Economy, 15(4), 280–301.
380. *Cross J. A.* (2001). Megacities and small towns: different perspectives on hazard vulnerability. Global Environmental Change Part B: Environmental Hazards, 3(2), 63–80.
381. *Daher E., Kubicki S., Guerriero A.* (2017). Data-driven development in the smart city: Generative design for refugee camps in Luxembourg. Entrepreneurship and Sustainability Issues, 4(3), 364–379.
382. *Dalhberg M.* (2010). Local Government in Sweden. In: Mosio, A. (Ed.) Local Public Sector in Transition: A Nordic Perspective. Helsinki: Government Institute for Economic Research, 122–146.
383. *Daniels T. L., Keller J. W., Mark B., Daniels K., Segedy J.* (2007). The small town planning handbook. Washington (DC).
384. *Daude C., Stein E.* (2007). The Quality of Institutions and Foreign Direct Investment. Economics and Politics, 19(3), 317–334.
385. *Davis H. C.* (1995). Demographic Projection Techniques for Regions and Smaller Areas. Vancouver: University of British Columbia Press.
386. *De Vries J.* (2012). The Randstad: in search of a metropolis for Netherlands (Randstad: à la recherche d'une métropole pour les Pays-Bas). Bulletin de l'Association de géographes français, 89e année, 89(4), 534–546.
387. *Deininger K., Mpuga P.* (2005). Does Greater Accountability Improve the Quality of Public Service Delivery? Evidence from Uganda. World Development, 33(1), 171–191.
388. *Dijkstra L., Poelman H.* (2012). Cities in Europe. The New OECD-EC Definition. European Commission.

389. *Dinnie K.* (2011). City branding: Theory and cases. Springer.
390. *Dinnie K.* (2015). Nation branding: Concepts, issues, practice. L., Routledge.
391. Doing Business in Russia (2012). World Bank. URL: http://www.doingbusiness.org/en/reports/subnational-reports/russia
392. *Dollinger P.* (1999). The German Hansa (Vol. 1). Psychology Press.
393. Downtown Public Spaces in Small and Medium-size Cities (2015). The Federal Institute for Research on Building, Urban Affairs and Spatial Development (BBSR). URL: http://www.bbsr.bund.de/BBSR/EN/RP/ExWoSt/Studies/DowntownPublicSpaces/01_Start.html
394. *Doytch N., Narayan S.* (2016). Does FDI influence renewable energy consumption? An analysis of sectoral FDI impact on renewable and non-renewable industrial energy consumption. Energy Economics, 54, 291–301.
395. *Dril N., Galkin A., Bibik N.* (2016). Applying City Marketing as a Tool to Support Sustainable Development in Small Cities: Case Study in Ukraine. Transportation Research Procedia, (16), 46–53.
396. *Drobne S., Konjar M., Lisec A., Milanović N. P., Lamovšek A. Z.* (2010). Functional regions defined by urban centres of (inter) national importance – the case of Slovenia. REAL CORP 2010 Proceedings/Tagungsband Vienna.
397. *Du J., Lu Y., Tao Z.* (2008). Economic institutions and FDI location choice: Evidence from US multinationals in China. Journal of comparative Economics, 36(3), 412–429.
398. *Ebrahimzadeh I., Tayyebi N., Shafei Y.* (2012). Functional Analysis of Small Towns Economic Role in Rural Development, Case Study: Zahedshahr, Iran. Journal of Service Science and Management, (3), 269–279.
399. *Edwards C., Jones G., Lawton A., Llewellyn N.* (2002). Public entrepreneurship: rhetoric, reality and context. International Journal of Public Administration, 25(12), 1539–1554.
400. *Egziabher A. G.* (2014). Cities feeding people: an examination of urban agriculture in East Africa. Ottawa, IDRC, 85–104.
401. *Erickcek G. A., McKinney H.* (2006). «Small Cities Blues:» Looking for Growth Factors in Small and Medium-Sized Cities. Economic Development Quarterly, 20(3), 232-258.
402. *Ershova N.* (2017). Investment climate in Russia and challenges for foreign business: The case of Japanese companies. Journal of Eurasian studies, 8(2), 151–160.
403. ESDP — European Spatial Development Perspective (1999). Towards Balanced and Sustainable Development of the Territory of the European Union. Agreed at the Informal Council of Ministers responsible for Spatial Planning. Potsdam, Published by the European Commission, 87.
404. *Eshuis J., Klijn E. H., Braun E.* (2014). Place marketing and citizen participation: branding as strategy to address the emotional dimension of policy making? International Review of Administrative Sciences, 80(1), 151–171.
405. ESPON on the Road Project. Hidden potential of Small and Medium Sized Towns. URL: https://www.rtpi.org.uk/media/1093623/Western%20Europe%20briefing_TOWN.pdf

406. European Commission (2013). Annex 1: A Concept for Sustainable Urban Mobility Plans to the Communication from The Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: Together towards competitive and resource-efficient urban mobility. URL: http://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2013/EN/1-2013-913-EN-F1-1-ANNEX-1.Pdf
407. *Fachin S., Venanzoni G.* (1992). IDEM: an Integrated Demographic and Economic Model of Italy. URL: https://www.iioa.org/conferences/14th/files/Fachiim.pdf
408. *Faguet J. P.* (2004). Does decentralization increase responsiveness to local needs? Evidence from Bolivia. Journal of Public Economics, 88(4), 867–894.
409. *Farazmand A.* (Ed.). (2017). Global Encyclopedia of Public Administration, Public Policy, and Governance. Switzerland, Springer.
410. *Farías I., Bender T.* (Eds.) (2012). Urban assemblages: How actor-network theory changes urban studies. L., Routledge.
411. Farming diversification in England: statistics. DEFRA, Farm diversification in England: results from the farm. Business survey, 2007/2008, 31 January 2008. URL: https://statistics.defra.gov.uk/esg/statnot/Divers09.pdf
412. *Faulkner B., Russell R.* (2001). Turbulence, chaos and complexity in tourism systems: a research direction for the new millennium. Tourism in the twenty-first century: reflections on experience, 328–349.
413. *Feeney M. K., Brown A.* (2017). Are small cities online? Content, ranking, and variation of US municipal websites. Government Information Quarterly, 34(1), 62–74.
414. *Fehrler S., Fischbacher U., Schneider M. T.* (2016). Who Runs? Honesty and Self-Selection into Politics. IZA Discussion Papers No. 10258.
415. *Feiock R.* (2014). How Cities Collaborate While Competing in the New Economy. In: Pagano, M. (Ed.) Metropolitan Resilience in a Time of Turmoil. Champaign. University of Illinois Press, 89–121.
416. *Ferraresi M., Migali G., Rizzo L.* (2017). Does Inter-municipal Cooperation Promote Efficiency Gains? Evidence from Italian Municipal Unions. Società italiana di economia pubblica. WP No. 725.
417. *Fielding A. J.* (1989). Migration and Urbanization in Western Europe since 1950. Geographical Journal, 155(1), 60–69.
418. *Flint J., Raco M.* (eds). (2012). The future of sustainable cities: critical reflections. L., Policy Press.
419. *Fog A.* (2013). Towards a universal theory of competition and selection. Technical University of Denmark. URL: http://www.agner.org/cultsel/universal_competition_theory. pdf
420. *Forester J.* (2010). «Foreword» Making Strategies. In: Cerreta, M., Concilio, G. & Monno, V. (Eds). Spatial Planning. Dordrecht, Springer, v–vii.
421. *Foroudi P., Gupta S., Kitchen P., Foroudi M., Nguyen B.* (2016). A framework of place branding, place image, and place reputation. Qualitative Market Research: An International Journal, 19(2), 241–264.
422. *Foster K. A.* (1997). The Political Economy of Special-Purpose Government. Washington, D. C., Georgetown University Press.

423. *Fox S., Goodfellow T.* (2016). Cities and development. L., Routledge.
424. *Frenken K., Hoekman J.* (2006). Convergence in an enlarged Europe: the role of network cities. Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie, 97(3), 321–326.
425. *Frère Q., Leprince M., Paty S.* 2014. The impact of intermunicipal cooperation on local public spending. Urban Studies, 51(8), 1741–1760.
426. *Friedmann J., Wolff G.* (1982). World City Formation: An Agenda for Research and Action. International Journal of Urban and Regional Research, 6(3), 309–344.
427. *Friedmann J.* (1986). The world city hypothesis. Development and change, 17(1), 69–83.
428. *Ganau J., Vilagrasa J.* (2003). Middle-sized and intermediate cities in Spain: Their position in the urban network and recent urban processes. Villes moyennes et mondialisation. Renouvellement de l'analyse et des strategies, 128–145.
429. *García F., Vázquez A., Macías R.* (2015). Resident's attitudes towards the impacts of tourism. Tourism Management Perspectives, 13, 33–40.
430. *Garcia B. C.* (2011). Small town China: Rural labour and social inclusion. Taylor & Francis.
431. *George M., Smith S, Swanson D., Tayman J.* (2004). Population Projections. Siegel, J. & Swanson, D. (eds). The Methods and Materials of Demography. New York, Elsevier, 561–601.
432. *Geraki M., Polyzos S., Krikeli O.* (2010). Public Investment Regional Allocation: Evaluation of Applicability of Existent Methodologies. URL: http://www.prd.uth.gr/uploads/publications/2010/5f5ba1219a15be1ffbdbf54e85c025f1cfff8e8e.pdf
433. *Gerring J., Thacker S. C.* (2004). Political institutions and corruption: The role of unitarism and parliamentarism. British Journal of Political Science, 34(2), 295–330.
434. *Gibb M., Nel E.* (2007). Small Town Redevelopment: The Benefits and Costs of Local Economic Development in Alicedale. Urban Forum, 2, 69–84.
435. *Gibbs J.* (1963). The evolution of population concentration. Economic Geography. Vol. 39, No. 2, 119–129.
436. *Giest S., Howlett M.* (2013). Comparative climate change governance: lessons from European transnational municipal network management efforts. Environmental Policy and Governance, 23 (6), 341–353.
437. *Giffinger R., Fertner C., Kramar H., Meijers E.* (2007). City-ranking of European medium-sized cities. Final report (October 2007). — Cent. Reg. Sci. Vienna UT, 1-12. URL: http://www.smartcities.eu/download/smart_cities_final_report.pdf
438. *Gilmour J. B.* (2007). Implementing OMB's Program Assessment Rating Tool (PART): Meeting the Challenges of Integrating Budget and Performance. OECD Journal on Budgeting, 7 (1), 1–40.
439. Gordon I. (2010). Territorial competition. In: Pike A., Rodríguez-Pose A. & Tomaney J. (Eds.) Handbook of Local and Regional Development. Abingdon, Routledge, 30–43.
440. *Graham S.* (1994). Networking cities: Telematics in urban policy — a critical review. International Journal of Urban and Regional Research, 18(3), 416–432.
441. *Greed C.* (2014). Investigating town planning: changing perspectives and agendas. L., Routledge.

442. *Green N.* (2007). Functional polycentricity: a formal definition in terms of social network analysis. Urban Studies, 44(11), 2077–2103.
443. *Greenwood M., Hunt G.* (1991). Forecasting state and local population growth with limited data: the use of employment — migration relationships and trends in vital rates. Environment and Planning, A 23(7), 987–1005.
444. *Gulzar S.* (2014). Ruling Parties, Patronage and Bureaucratic Performance in Democracies: Evidence from Punjab, Pakistan. New York University. October 27. URL: http://rubenson.org/wp-content/uploads/2014/10/gulzar_tpbw14.pdf
445. *Gupta A., Harding A.* (2007). Introduction and overview / Gupta A., Harding A. (eds.) Modelling Our Future: Population Ageing, Health and Aged Care. Amsterdam. Elsevier, 1–40.
446. *Haggblade S., Hazell P. B., Reardon T.* (2007). Transforming the rural non-farm economy: Opportunities and threats in the developing world. Johns Hopkins University Press.
447. *Hakelberg L.* (2014). Governance by diffusion: Transnational municipal networks and the spread of local climate strategies in Europe. Global Environmental Politics, 14(1), 107–129.
448. *Hall P. G.* (1984). The World Cities. L., Weidenfeld & Nicholson.
449. *Halla F.* (2007). A SWOT analysis of strategic urban development planning: The case of Dar es Salaam city in Tanzania. Habitat International, 31(1), 130–142.
450. *Hankinson G.* (2012). The measurement of brand orientation, its performance impact, and the role of leadership in the context of destination branding: An exploratory study. Journal of Marketing Management, 28 (7–8), 974–999.
451. *Hankinson G.* (2007). The management of destination brands: Five guiding principles based on recent developments in corporate branding theory. Journal of Brand Management, 14(3), 240–254.
452. *Hanna S., Rowley J.* (2011). Towards a strategic place brand-management model. Journal of Marketing Management, 27(5–6), 458–476.
453. *Hanna S., Rowley J.* (2013). A practitioner-led strategic place brand-management model. Journal of Marketing Management. 29(15–16), 1782–1815.
454. *Hanna R., Wang S. Y.* (2017). Dishonesty and selection into public service: evidence from India. American Economic Journal: Economic Policy, 9(3), 262–290.
455. *Harmaakorpi V., Kari K., Parjanen S.* (2008). City design management as a local competitiveness factor. Place Branding and Public Diplomacy, 4(2), 169–181.
456. *Harrier D., Egan-Robertson D. Vintage* (2008). Minor Civil Division household projection methodology: some salient points. Wisconsin: Demographic Services Centre.
457. *Harrison J., Age S.* (2014). When regions collide: in what sense a new 'regional problem'? Environment and planning A, 46(10), 2332–2352.
458. *Haughton G., Hunter C.* (2003). Sustainable cities. L.: Jessica Kingsley.
459. *Healey P.* (2010). Making Better Places: The Planning Project for the Twenty-first Century. Basingstoke, Hants: Palgrave Macmillan.
460. *Healey P.* (2004). The treatment of space and place in the new strategic spatial planning in Europe. International Journal of Urban and Regional Research, 28(1), 45–67.

461. *Hendrick R. M., Jimenez B. S., Lal K.* (2011). Does local government fragmentation reduce local spending? Urban Affairs Review, 47(4), 467–510.
462. *Hohenberg P. M.* (2004). The historical geography of European cities: an interpretive essay. In: Handbook of regional and urban economics (Vol. 4). Elsevier, 3021-3052.
463. *Hölscher K., Wittmayer J. M., Avelino F., Giezen M.* (2017). Opening up the transition arena: An analysis of (dis)empowerment of civil society actors in transition management in cities. Technological Forecasting and Social Change (in press). URL: https://doi.org/10.1016/j.techfore.2017.05.004
464. *Honoré C.* (2004). In praise of slow. L., Orion Books.
465. *Hopkins L. D.* (2001). Urban development: The logic of making plans. Island Press.
466. *Hopwood B., Mellor M., O'Brien G.* (2005). Sustainable development: mapping different approaches. Sustainable development, 13(1), 38–52.
467. *Hospers G. J.* (2003). Creative cities in Europe. Urban competitiveness in the knowledge economy. Intereconomics, 38(5), 260–269.
468. *Huggins C.* (2017). Subnational transnational networking and the continuing process of local-level Europeanization. European Urban and Regional Studies.
469. *Hulst R., van Montfort A.* (Eds.) (2007). Inter-Municipal Cooperation in Europe. Springer Netherlands.
470. *Hurme P.* (2001). Online PR: Emerging organisational practice. Corporate Communications: An International Journal, 6(2), 71-75.
471. *Huxham C., Vangen S.* (2013). Managing to collaborate: The theory and practice of collaborative advantage. N. Y., Routledge.
472. *Insch A., Florek M.* (2008). A great place to live, work and play: Conceptualising place satisfaction in the case of a city's residents. Journal of Place Management and Development, 1(2), 138–149.
473. *Insch A.* (2010). Managing residents' satisfaction with city life: Application of Importance – Satisfaction analysis. Journal of Town & City Management, 1(2), 164–174.
474. Intermediary Cities (2018). URL: https://www.uclg.org/en/agenda/intermediary-cities
475. *Isaksen A., Trippl M.* (2016). Path development in different regional innovation systems . New York and London, Routledge, 66–84.
476. *Isen A.* (2014). Do local government fiscal spillovers exist? Evidence from counties, municipalities, and school districts. Journal of Public Economics, 110, 57–73.
477. *Jacobs J.* (1970). The economy of cities. New York, Randon House.
478. *Jacobs J. M.* (2012). Urban geographies I: Still thinking cities relationally. Progress in Human Geography, 36(3), 412–422.
479. *Jian B. F.* (2001). Review on the Research of the Small Cities and Towns Development in China since the 1980s. Urban Planning Forum, 3, 28–33.
480. *Johannesen E., Høines Å. S., Dolgov A. V., Fossheim M.* (2012). Demersal Fish Assemblages and Spatial Diversity Patterns in the Arctic-Atlantic Transition Zone in the Barents Sea. PLoS One, 7(4), e34924.
481. *Källström L., Ekelund C.* (2016). What can a municipality offer to its residents? Value propositions and interactions in a place context. International Journal of Culture, Tourism and Hospitality Research, 10(1), 24–37.

482. *Karlsson S., Lundin N., Sjöholm F., He P.* (2007). FDI and Job Creation in China (No. 723). IFN Working Paper.
483. *Kavaratzis M.* (2004). From city marketing to city branding: Towards a theoretical framework for developing city brands. Place branding, 1(1), 58–73.
484. *Kavaratzis M., Ashworth G.* (2006). City branding: an effective assertion of identity or a transitory marketing trick? Place Branding, 2(3), 183–194.
485. *Keiner M., Kim A.* (2008) Transnational City Networks for Sustainability. European Planning Studies, 15(10), 1369–1395.
486. *Kemp E., Childers C. Y., Williams K. H.* (2012). Place branding: creating self-brand connections and brand advocacy. Journal of Product & Brand Management, 21(7), 508–515.
487. *Kenworthy J. R.* (2006).The eco-city: ten key transport and planning dimensions for sustainable city development. Environment and urbanization, 18(1), 67–85.
488. *Kern K.* (2014). Climate governance in the European Union multilevel system: the role of cities. Multilevel environmental governance. Managing water and climate change in Europe and North America, 111–130.
489. *Kern K., Bulkeley H.* (2009). Cities, Europeanization and Multi-level governance: governing climate change through transnational municipal networks. Journal of Common Market Studies, 47(2), 309–332.
490. *Ketchen D. Jr., Snow C., Hoover V.* (2004). Research on competitive dynamics: Recent accomplishments and future challenges. Journal of Management, 30(6), 779–804.
491. *Khan A., Hildreth W. B.* (eds.) (2002). Budget Theory in the Public Sector. L., Quorum books.
492. *Kickbusch I.* (1989). Healthy Cities: a working project and a growing movement. Health Promotion International, 4(2), 77–82.
493. *Kim H., Lee S.* Impacts of city personality and image on revisit intention. International Journal of Tourism Cities. 2015. Vol. 1. № 1. P. 50–69.
494. *Kim Y.* 2010. Stimulating entrepreneurial practices in the public sector: The roles of organizational characteristics. Administration and Society, vol. 42, is. 7, 780–814
495. *Kirkby R. J. R., Shen G., Bradbury I. K.* Small town China: Governance, economy, environment and lifestyle in three zhen. – Dartmouth Publishing Company, 2000.
496. *Kitson M., Martin R., Tyler P.* 2004. Regional Competitiveness: An Elusive yet Key Concept? Regional Studies, vol. 38, is. 9, 991–999.
497. *Klaufus C.* (2010). Watching the city grow: remittances and sprawl in intermediate Central American cities. Environment and Urbanization, 22(1), 125–137.
498. *Klein P. G., Mahoney J. T., McGahan A. M., Pitelis C. N.* (2010). Toward a theory of public entrepreneurship. European Management Review, 7(1), 1–15.
499. *Klijn E. H., Koppenjan J. F. M.* (2006). Institutional design: changing institutional features of networks. Public management review, 8(1), 141–160.
500. *Knox P. L., Mayer H.* (2006). Slow cities: sustainable places in a fast world. Journal of Urban Affairs, 28(4), 321–334.
501. *Knox P., Mayer H.* (2013). Small town sustainability: Economic, social, and environmental innovation. Bazel: Birkhäuser Verlag.

502. *Kwon O. H.* (2009). Theoretical examination of network cities and application possibility for South-East Region in Korea. Journal of the Economic Geographical Society of Korea, 12(3), 277–290.
503. *Labianca M.* (2014). Inter-municipal cooperation: from cooperation through rules to cooperation through networks – empirical evidence from Puglia. Regional Studies, Regional Science, 1(1), 184–206.
504. *Le Galès P.* (2002). European cities: social conflicts and governance. OUP Oxford.
505. *Ledyaeva S., Linden M.* (2006). Testing for Foreign Direct Investment Gravity Model for Russian Regions. URL: http://epublications.uef.fi/pub/urn_isbn_952-458-782-3/urn_isbn_952-458-782-3.pdf
506. *Lehtonen M.* (2004). The environmental-social interface of sustainable development: capabilities, social capital, institutions. Ecological economics, 49(2), 199–214.
507. *Leibenstein H.* (1966). Allocative Efficiency vs. X-Efficiency. American Economic Review, 56(3), 392–415.
508. *Leigh N. G., Blakely E. J.* (2016). Planning local economic development: Theory and practice. Sage Publications.
509. *Leonard C. S., Nazarov Z., Vakulenko E. S.* (2016). The impact of sub-national institutions: Recentralization and regional growth in the Russian Federation (2001–2008). Economics of Transition, 24(3), 421–446.
510. *Lewis E.* (1980). Public Entrepreneurship: Toward a Theory of Bureaucratic Political Power. Bloomington, Indiana University Press.
511. *Link A. N., Link J. R.* (2009). Government as Entrepreneur. New York, Oxford University Press.
512. *Lipnack J., Stamps J.* (1994).The age of the network: Organizing principles for the 21st century. Jeffrey Stamps.
513. Local Economic Governance in Indonesia (2011). A Survey of Business Operators in 245 Districts / Municipalities in Indonesia. Jakarta, KPPOD.
514. *Lone R. A.* (2013). Agricultural diversification towards high value commodities in South Asia. International Journal of Trade & Global Business Perspectives, 2(4), 688–694.
515. *Luo Y.* (2005). Toward coopetition within a multinational enterprise: a perspective from foreign subsidiaries. Journal of World Business, 40(1), 71–90.
516. *Maheshwari V., Vandewalle I., Bamber D.* (2011). Place branding's role in sustainable development. Journal of Place Management and Development, 4(2), 198–213.
517. *Makridakis S., Wheelwright S., Hyndman R.* (1998). Forecasting Methods and Applications. New York, Wiley.
518. *Marais L.* (2014). Outside the core: Towards an understanding of intermediate cities in South Africa. South African Cities Network.
519. *Marana P., Labaka L., Sarriegi J. M.* (2018). A framework for public-private-people partnerships in the city resilience-building process. Safety Science, 110, 39–50.
520. *Martin R., Simmie J.* (2008). Path dependence and local innovation systems in city-regions. Innovation, 10(2-3), 183–196.
521. *Mazzucato M.* (2013). The Entrepreneurial State: Debunking public vs. private sector myths. London–New York. Anthem.

522. *McFarlane C.* (2010). The comparative city: knowledge, learning, urbanism. International journal of urban and regional research, 34(4), 725–742.
523. *Medway D., Swanson K., Delpy Neirotti L., Pasquinelli C., Zenker S.* (2015). Place branding: are we wasting our time? Report of an AMA special session. Journal of Place Management and Development, 8(1), 63–68.
524. *Meijers E.* (2005). Polycentric urban regions and the quest for synergy: is a network of cities more than the sum of the parts. Urban Studies, 42(4), 765–781.
525. *Metzger J.* (2012). Placing the stakes: the enactment of territorial stakeholders in planning processes. Environment and Planning, A 45, 781–796.
526. *Mingaleva Z., Bunakov O.* (2014). Competitiveness assessment of Russian territories in terms of inbound tourism. Life Science Journal, 11 (SI 6), 318–321.
527. *Mingaleva Z., Sheresheva M., Oborin M., Gvarliani T.* (2017). Networking of small cities to gain sustainability. Entrepreneurship and Sustainability Issues, 5(1), 140–156.
528. *Moisio A., Uusitalo R.* (2013).The impact of municipal mergers on local public expenditures in Finland. Public Finance and Management, 13(3), 148–166.
529. MOLIT (2014). Status of urban planning 2013. Korean Government, 3–6.
530. *Monfort M., V. M.* (2000). Competitividad y factores críticos de éxito en la «hotelería de litoral»: experiencia de los destinos turísticos Benidorm y Peñíscola. Doctoral Dissertation, Universidad de Valência, Espanha.
531. *Morgan N., Pritchard A., Pride R.* (2011). Destination Brands: Managing Place Reputation. 3rd Edition. Butterworth-Heineman.
532. *Narula K.* (2012). 'Sustainable Investing'via the FDI route for sustainable development. Procedia-Social and Behavioral Sciences, 37, 15–30.
533. *Niedomysl T.* (2010). Towards a conceptual framework of place attractiveness: a migration perspective. Geografiska Annaler. Series B, Human Geography, 92(1), 97–109.
534. *Nijkamp P., Perrels A.* (2014). Sustainable cities in Europe. L., Routledge.
535. *Nohria N., Eccles R.* (1992). Face-to-Face – Making Network Organizations Work. In: Nohria N. et al. (eds.): Networks and Organizations. Boston, MA, 288–308.
536. *Nystuen J. D., Dacey M. F.* (1961). A graph theory interpretation of nodal regions. Papers in Regional Science, 7(1), 29–42.
537. *Nyuur R. B., Ofori D. F., Debrah Y. A.* (2016). The impact of FDI inflow on domestic firms' uptake of CSR activities: The moderating effects of host institutions. Thunderbird International Business Review, 58(2), 147–159.
538. *Oborin M. S., Frolova N. V., Nagoeva T. A., Mingazinova E. R., Artamonova O. A., Vladimirsky E. V., Kayachev A. P.* (2016). Assessment of health resort potential of the region based on Perm Krai. Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences, 7(6), 2661-2669.
539. OECD (2001). Multifunctionality: toward an analytical framework, OECD Publications.
540. OECD (2013). OECD Rural Policy Reviews: Rural-Urban Partnerships: An Integrated Approach to Economic Development, OECD Publications, Paris.
541. OECD (2015). New Rural Policy: Linking up for growth. Background Document, National Prosperity through Modern Rural Policy Conference, Memphis, USA.

542. *Olesen K.* (2012). The neoliberalisation of strategic planning. Planning Theory and Practice, 13, 288–303.
543. *Oostveen I.* (Ed.) (2010). Inter-municipal cooperation. Introduction: Guide to the VNG International Approach to a Successful IMC. The Hague, Netherlands, VNG International.
544. *Osborne D., Gaebler T.* (1992). Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector. Reading, Mass, Addision Wesley.
545. *Oyesiku O. O., Odufuwa B. O.* (2002). Gender perspectives in travel behaviour of motorcycle passengers in Nigerian intermediate cities. Urban Mobility for All. Lisse, AA Balkema, The Netherlands, 13–19.
546. *Parkerson B., Saunders J.* (2005). City branding: can goods and services branding models be used to brand cities? Place Branding, 1(3), 242–264.
547. *Pasquinelli C.* (2013). Competition, cooperation and co-opetition: unfolding the process of inter-territorial branding. Urban Research and Practice, 6(1), 1–18.
548. *Pearce D. Barbier E., Markandya A.* (2013). Sustainable development: economics and environment in the Third World. L.: Routledge.
549. *Pflaumer P.* (1992). Forecasting US population totals with the Box-Jenkins approach. International Journal of Forecasting, (8), 329–338.
550. *Pflieger G.* (2014). The local politics of Europeanization: A study of French cities' approaches to participation in the CIVITAS programme. European Urban and Regional Studies. 21(3), 331–344.
551. *Popova D., Pishnyak A.* (2017). Measuring individual material well-being using multidimensional indices: an application using the Gender and Generation Survey for Russia. Social Indicators Research, 125(3), 883–910.
552. *Portney K. E.* Taking Sustainable Cities Seriously: Economic Development, the Environment, and Quality of Life in American Cities. Cambridge, MA, MIT Press, 2013.
553. *Portney K. E.* (2013). Taking sustainable cities seriously: Economic development, the environment, and quality of life in American cities. Cambridge, MA, MIT Press.
554. *Potapov D., Shafranskaya I., Bozhya-Volya A.* (2016). Happiness and the city: An empirical study of the interaction between subjective well-being and city satisfaction. Journal of Place Management and Development, 9(3), 313–330.
555. *Potter R., Unwin T.* The Geography of urban-rural interaction in developing countries: essays for Alan B. Mountjoy. L.: Routledge, 2017.
556. *Powell W. W.* Neither market nor hierarchy: network forms of organization. Research in Organizational Behavior. 1990. Vol. 12. P. 295–336.
557. *Previtali P.* (2015). The Italian Administrative Reform of Small Municipalities: State-of-the-Art and Perspectives. Public Administration Quarterly, 39(4), 548–568.
558. *Proost S., Zaporozhets V.* (2010). The Political Economy of Fixed Regional Investment Shares with an Illustration for Belgian Railway Investments. URL: https://lirias.kuleuven.be/bitstream/123456789/262397/1/DPS1005.pdf

559. *Radstrom S.* (2014). A place-sustaining framework for local urban identity: An introduction and history of Cittaslow. Italian Journal of Planning Practice, 1(1), 90–113.
560. *Rainisto S.* Success factors of place marketing. Helsinki University of Technology, Institute of Strategy and International Business. Doctoral Dissertations. Espoo, 2003.
561. *Ranasinghe W. T., Thaichon P., Ranasinghe M.* (2017). An analysis of product-place co-branding: the case of Ceylon Tea. Asia Pacific Journal of Marketing and Logistics, 29(1), 200–214.
562. *Richardson H. W.* (1981). National urban development strategies in developing countries. Urban Studies. 18(3), 267–283.
563. *Richardson H. W.* (1980). Polarization reversal in developing countries. Papers in Regional Science, 45(1), 67–85.
564. *Rinaldi C., Cavicchi A.* (2016). Cooperative behaviour and place branding: a longitudinal case study in Italy. Qualitative Market Research: An International Journal, 19(2), 156–172.
565. *Robertson K. A.* (1999). Can small-city downtowns remain viable? A national study of development issues and strategies. Journal of the American Planning Association, 65(3), 270–283.
566. *Robinson J.* (2016). Comparative urbanism: new geographies and cultures of theorizing the urban. International Journal of Urban and Regional Research, 40(1), 187–199.
567. *Rodrigues A. B.* (2003). Turismo rural: praticas e perspectivas. Sao Paulo: Contexto.
568. *Rondinelli D. A.* (1982). Intermediate cities in developing countries: a comparative analysis of their demographic, social and economic characteristics. Third World Planning Review, 4(4), 357–386.
569. *Roundy P. T.* (2017). "Small town" entrepreneurial ecosystems: Implications for developed and emerging economies. Journal of Entrepreneurship in Emerging Economies, 9(3), 238–262.
570. *Runhaar H., Driessen P., Soer L.* (2009). Sustainable urban development and the challenge of policy integration: an assessment of planning tools for integrating spatial and environmental planning in the Netherlands. Environment and Planning B: Planning and Design, 36(3), 417–431.
571. *Sáez L., Periáñez I., Mediano L.* (2013). Building brand value in major Spanish cities: an analysis through municipal websites. Journal of Place Management and Development, 6(2), 120–143.
572. *Sager T.* (2013). Reviving Critical Planning Theory. New York: Routledge.
573. *Salazar G.* (1997). Public Entrepreneurship: a Contradiction in Terms? Korean Review of Public Administration, 2(1), 125–139.
574. *Salet W. G. M., Thornley A., Kreukels A.* (eds.). (2003). Metropolitan governance and spatial planning: comparative case studies of European city-regions. Taylor & Francis.
575. *Saraei M. H., Askndy Sani M.* (2007). Into Large Villages to Small Towns and Their Role of Regional Equilibrium, Case Study: Ryvash, City of Kashmar. Journal of Geography and Development, (10), 166–170.

576. *Sassen S.* (1991). The Global City. Princeton, Princeton University Press.
577. *Satterthwaite D.* (2017). The impact of urban development on risk in sub-Saharan Africa's cities with a focus on small and intermediate urban centres. International journal of disaster risk reduction, 26, 16–23.
578. *Satterthwaite D.* (1997). Sustainable cities or cities that contribute to sustainable development? Urban studies, 34(10), 1667–1691.
579. *Schmidt-Traub G., Shah A.* (2015). Investment needs to achieve the Sustainable Development Goals. Paris and New York, Sustainable Development Solutions Network.
580. *Schmitt R. C.* (1954). An application of multiple correlation to population forecasting. Land Economics, 30(3), 277–279.
581. *Sefeddini F.* (1999). Dictionary of Regional and District Planning. Shiraz, Shiraz University Publications.
582. *Semenova M.* (2011). Save or borrow – what determines Russian households' financial strategies? BOFIT Discussion Papers. DP. Bank of Finland Institute for Economies in Transition, 28.
583. *Sheresheva M.* (2016). Russian hospitality and tourism: what needs to be addressed? Worldwide Hospitality and Tourism Themes, 8 (3), 380–396.
584. *Sheresheva M. Y.* (2018). The Russian tourism and hospitality market: new challenges and destinations. Worldwide Hospitality and Tourism Themes, 10(4), 400–411.
585. *Short J. R., Breitbach C., Buckman S., Essex J.* (2000). From world cities to gateway cities. City, (4), 317–340.
586. *Short J. R.* (2004). Black holes and loose connections in a global urban network. The Professional Geographer, 56(2), 295–302.
587. *Simone A.* (2010). City life from Dakar to Jakarta. London and New York: Routledge.
588. *Sinani E., Meyer K. E.* (2004). Spillovers of technology transfer from FDI: the case of Estonia. Journal of comparative economics, 32(3), 445–466.
589. *Skocpol T.* (1985). Bringing the State Back In: Rueschemeyer, P. & Skocpol, T. (Eds.) Bringing the State Back In. Cambridge, MA, Cambridge University Press, 3–43.
590. *Slack E., Bird R.* (2013). Does municipal amalgamation strengthen the financial viability of local government? A Canadian example. Public Finance and Management, 13(2), 99–123.
591. *Smith S., Shahidullah M.* (1995). An evaluation of population projection errors for census tracts. Journal of the American Statistical Association, 90(429), 64–71.
592. *Smith S., Sincich T.* (1992). Evaluating the forecast accuracy and bias of alternative population projections for states. International Journal of Forecasting, 8(3), 495–508.
593. *Smith S., Tayman J.* (2003). An evaluation of population projections by age. Demography, 40, 741–757.
594. *Sohn J. Y.* (2011). Network city as a new urban growth model: a review on its formation, spatial structure, management, and growth potential. Journal of Korean Geographical Society, 46(2), 181–196.

595. *Solé-Ollé A.* (2006). Expenditure spillovers and fiscal interactions: Empirical evidence from local governments in Spain. Journal of Urban Economics, 59(1), 32–53.
596. *Sorrentino M., Simonetta M.* (2013). Incentivising inter-municipal collaboration: the Lombard experience. Journal of Management and Governance, 17(4), 887–906
597. *Stebek E. N.* (2013). Overview of Country Experience in Land Rights and Developmental Statehood: South Korea, Taiwan, China and Singapor. Mizan Law Review, 7(2), 207-240.
598. *Steel G.* (2013). Mining and tourism: urban transformations in the intermediate cities of Cajamarca and Cusco, Peru. Latin American Perspectives, 40(2), 237–249.
599. *Stevenson H. H., Jarillo J. C.* (1990). A paradigm of entrepreneurship: Entrepreneurial management. Strategic Management Journal, 11(5), 17–27.
600. *Stimson R. J., Bell M. J., Corcoran J., Chhetri P., Pullar D. V., Cooper J. A., Tiebei L.* (2007). A Large Scale Urban Model to simulate and visualize growth in the Brisbane-South East Queensland region. Place and Purpose, The Capital, Bendigo, Victoria, 30-31 May 2007, 1–23.
601. *Suchacek J.* (2005). Regional decline and restructuring in Ostrava agglomeration and Katowice conurbation. 45th Congress of the European Regional Science Association: «Land Use and Water Management in a Sustainable Network Society», 23-27 August 2005, Amsterdam, Netherlands.
602. *Sutherland L.-A., Toma L., Barnes A. P., Matthews K. B.* (2016). Agri-environmental diversification: linking environmental, forestry and renewable energy engagement on Scottish farms. Journal of Rural Studies, 47, 10–20.
603. *Swanson D., Beck D.* (1994). A new short-term county population projection method. Journal of Economic and Social Measurement, 20, 25–50.
604. *Swanson D., Schlottmann A., Schmidt B.* (2010). Forecasting the population of census tracts by age and sex: an example of the Hamilton-Perry method in action. Population Research and Policy Review, 29 (1), 47–63.
605. *Sykes D.* (2011). Short Methodology Paper – Victoria in Future Projections – September 2011. Department of Planning & Community Development, Melbourne.
606. *Taecharungroj V.* (2016). City ambassadorship and citizenship behaviours: Modelling resident behaviours that help cities grow. Journal of Place Management and Development, 9(3), 331–350.
607. *Taylor J.* (2001). Anangu population dynamics and future growth in Uluru-Kata Tjuta National Park. Discussion Paper 211/2001, Centre for Aboriginal Economic Policy Research, Australian National University, Canberra.
608. *Taylor P. J.* (2001). Specification of the world city network. Geographical analysis, 33(2), 181–194.
609. *Taylor P. J.* (2004). World City Network: A Global Urban Analysis. L., Routledge.
610. *Taylor P.* (2003). European cities in the world city network. The European Metropolis 1920–2000. Proceedings of a Conference at the Centre of Comparative European History, Berlin.
611. *Taylor P. J., Derudder B.* (2015). World city network: a global urban analysis. L., Routledge.

612. *Taylor P. J., Catalano G., Walker D. R.* (2002). Exploratory analysis of the world city network. Urban Studies, 39(13), 2377–2394.
613. The Worldwide Governance Indicators (WGI) project (2018). URL: http://info.worldbank.org/governance/wgi/#home
614. *Thomson A. M., Perry J. L.* (2006). Collaboration Processes: Inside the Black Box. Public Administration Review, 66(SI), 20–32.
615. *Tomaney J., Ward N.* (2000). England and the 'new regionalism'. Regional Studies, 34(5), 471–478.
616. *Treisman D.* (2007). What have we learned about the causes of corruption from ten years of cross-national empirical research? Annual Review of Political Science, (10), 211–244.
617. UN-Habitat. Sustainable cities and communities (2018). URL: https://unhabitat.org/wp-content/uploads/2018/07/UN-Habitat-Brochure.pdf
618. United Cities and Local Governments: official Site (2018). URL: https://www.uclg.org/
619. United Nations Development Programme: Human Development Report 2016. URL: http://hdr.undp.org/
620. *Van Eck J. R., Daalhuizen F., Van den Broek L., Van Oort F., Raspe O.* (2005). The Randstad as a network city. 45th Congress of the European Regional Science Association. On Land Use and Water Management in a Sustainable Network Society. August 23–27. Amsterdam, The Netherlands.
621. *Van Oort F., Burger M., Raspe O.* (2010). On the economic foundation of the urban network paradigm: spatial integration, functional integration and economic complementarities within the Dutch Randstad. Urban Studies, 47(4), 725–748.
622. *Verbyla M. E., Oakley S. M., Mihelcic J. R.* (2013). Wastewater infrastructure for small cities in an urbanizing world: integrating protection of human health and the environment with resource recovery and food security. Environmental science & technology, 47(8), 3598–3605.
623. *Walker G.* (2003). Network structure, content and evolution. Multi-Level Issues in Organizational Behavior and Strategy (Research in Multi-Level Issues, Vol. 2 / ed. by F. Dansereau, F. J. Yammarino. Emerald Group Publishing, 275–285.
624. *Wallim W.* (2017). The Role of Efficient Transportation Systems in the Development of Walkable and Livable Cities. Willy Brandt School of Public Policy, University of Erfurt. Master Thesis.
625. *Wang S., Xu H.* (2015). Influence of place-based senses of distinctiveness, continuity, selfesteem and self-efficacy on residents' attitudes toward tourism. Tourism Management, 47, 241–250.
626. *Watson G. B.* (2016). Designing Sustainable Cities in the Developing World. New York, Routledge.
627. *Westervelt J., Bendorô T., Sexton J.* (2011). A technique for rapidly forecasting regional urban growth. Environment and Planning B, 38, 61–81.
628. *Węziak-Białowolska D.* (2016). Quality of life in cities–Empirical evidence in comparative European perspective. Cities, 58, 87–96.
629. *Wheeler S. M., Beatley T.* (ed.). (2014). Sustainable urban development reader. Routledge.

630. Why a mobile game is a brilliant tool for city branding URL: https://medium.com/lets-play-to-achieve/why-a-mobile-game-is-a-brilliant-tool-for-city-branding-f4f93fad37ac
631. *Williamson O. E.* (1975). Market and Hierarchy: Analysis and Antitrust Implications. N. Y., Free Press.
632. *Williamson O. E.* (1998). Transaction cost economics: how it works; where it is headed. The Economist, 146(1), 23–58.
633. *Wilson J. D.* (1999). Theories of Tax Competition. National Tax Journal, 52(2), 269–304.
634. *Wilson T.* (2011). A Review of Sub-Regional Population Projection Methods. Queensland Centre for Population Research School of Geography, Planning and Environmental Management, The University of Queensland.
635. World Bank (1992). Trends in agricultural diversification: regional perspectives / ed. by Barghouti Sh., Garbus L. & Umali D. Technical paper, No. 180.
636. *Yamashita M.* (2004). Decline and Approaches to Revitalization in Small Cities: The Case of Saga, Japan. Dela, № 21, 461–473.
637. *Yanchuk S., Kristensen G., Sushko I.* (2003). Dynamical approach to complex regional economic growth based on Keynesian model for China. Chaos, Solitons and Fractals, 18, 937–952.
638. *Zenker S., Beckmann S. C.* (2013). My place is not your place – different place brand knowledge by different target groups. Journal of Place Management and Development, 6(1), 6–17.
639. *Zenker S., Braun E.* (2010). Branding a city – a conceptual approach for place branding and place brand management. 39th European Marketing Academy Conference, Copenhagen. URL: www.placebrand.eu/publications/
640. *Zerbinati S., Souitaris V.* (2005). Entrepreneurship in the public sector: a framework of analysis in European local governments. Entrepreneurship and Regional Development: An International Journal, 17(1), 43–64.
641. *Zimmerbauer K.* (2014). Constructing peripheral crossborder regions in planning: territory-network interplay in the Barents region.environment and planning A, 46(11), 2718–2734.
642. *Zineldin M.* (2004). Co-opetition: The organisation of the future. Marketing Intelligence and Planning, 22(7), 780–789.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1
ГОРОДА CITTASLOW

Cittaslow International Network: 252 Città presenti in 30 Paesi ed aree territoriali nel Mondo
Cittaslow International Network: 252 Cities present in 30 Countries and territorial areas in the World
***Lista aggiornata nel settembre 2018/List updated in September 2018**

CITTASLOW LIST

• **Cittaslow Australia**
Goolwa
Katoomba
Yea

• **Cittaslow Austria**
Enns
Hartberg
Horn

• **Cittaslow Belgium**
Chaudfontaine
Enghien
Estinnes
Lens
Maaseik
Silly

• **Cittaslow Canada**
Cowichan Bay
Lac-Mégantic
Naramata
Wolfville

• **Cittaslow China**
Changshan - Zigang _In progress
Fuli (Fuchuan Yao Autonomous County)
Jingyang (Jingde County)
Luzhi (Wuzhong District)
Shimenshan (Qufu city)
Songbai (Shennongjia Forest District)
Yanyang (Meizhou city)
Yaxi (Gaochun County)
Yuhu (Wencheng County)

• **Cittaslow Colombia**
Pijao

• **Cittaslow Denmark**
Mariagerfjord
Svendborg

• **Cittaslow Finland**
Kristinestad

• **Cittaslow France**
Créon
Labastide d'Armagnac
Loix
Mirande
Saint Antonin Noble Val
Samatan
Segonzac
Simorre
Valmondois

• **Cittaslow Germany**
Bad Essen
Bad Schussenried
Berching
Bischofsheim
Blieskastel
Deidesheim
Hersbruck
Lüdinghausen
Maikammer
Meldorf
Michelstadt
Nördlingen
Penzlin
Schneverdingen
Spalt
Überlingen
Waldkirch
Wirsberg
Zwingenberg

• **Cittaslow Great Britain**
Aylsham
Berwick upon Tweed
Llangollen
Mold
Perth

• **Cittaslow Hungary**
Hódmezővásárhely

• **Cittaslow Iceland**
Djupavogshreppur

• **Cittaslow Ireland**
Clonakilty

• **Cittaslow Italy**
Abbiategrasso

Acqualagna
Acquapendente
Altomonte
Amalfi
Amelia
Anghiari
Asolo
Barga
Borgo Val di Taro
Bra
Brisighella
Bucine
Caiazzo
Capalbio
Casalbeltrame
Castel Campagnano
Castelnovo nè Monti
Castelnuovo Berardenga
Castel San Pietro Terme
Castiglione Olona
Castiglione in Teverina
Cerreto Sannita
Chiavenna
Chiaverano
Cisternino
Città della Pieve
Città Sant'Angelo
Civitella in Val di Chiana
Controguerra
Cortona
Cutigliano
Ficulle
Fontanellato
Francavilla al Mare
Galeata
Gioi
Giuliano Teatino
Gravina in Puglia
Greve in Chianti
Grumes - Comune di Altavalle
Guardiagrele
Levanto
Marradi
Massa Marittima
Monte Castello di Vibio
Montefalco
Morimondo
Novellara
Orsara di Puglia
Orvieto
Parrano
Pellegrino Parmense
Penne
Pianella
Pollica
Positano
Pratovecchio - Stia
Preci
Ribera
Salorno
San Miniato
San Potito Sannitico
Sant’Agata di Puglia
Santarcangelo di Romagna
San Vincenzo
Santa Sofia
Scandiano
Sperlonga
Stio
Suvereto
Teglio
Termoli

Tirano
Todi
Tolfa
Torgiano
Trani
Travacò Siccomario
Trevi
Turbigo
Usseglio
Vigarano Mainarda
Zibello - Comune di Polesine Zibello

• Cittaslow Japan
Kesennuma
Maebashi-Akagi

• Cittaslow Netherlands
Alphen-Chaam
Borger-Odoorn
Echt-Susteren
Eijsden-Margraten
Gulpen-Wittem
Heerde
Midden-Delfland
Peel en Maas
Vaals
Vianen
Westerwolde (Former Bellingwedde and Vlagtwedde Town Halls)

• Cittaslow New Zealand
Matakana (Rodney District)

• Cittaslow Norway
Eidskog
Levanger
Sokndal
Ulvik

• Cittaslow Poland
Barczewo
Bartoszyce
Biskupiec
Bisztynek
Działdowo
Dobre MIasto
Głubczyce
Goldap
Górowo Iławeckie
Jeziorany
Kalety
Lidzbark
Lidzbark Warminski
Lubawa
Murowana Goślina
Nidzica
Nowe Miasto Lubawskie
Nowy Dwór Gdański
Orneta
Olsztynek
Pasym
Prudnik
Rejowiec Fabryczny
Reszel
Rzgów
Ryn
Sępopol
Sianów

• Cittaslow Portugal
Sao Bras de Alportel
Silves

Tavira
Viana Do Castelo

• **Cittaslow South Africa**
Sedgefield

• **Cittaslow South Korea**
Cheongsong County (Pacheon-myeon)
Damyang County (Changpyeong-myeon)
Gimhae (Bongha Village & Hwapocheon Wetland Eco Park)
Hadong County (Akyang-myeon)
Jecheon City (Susan-myeon & Bakdaljae)
Jeonju City (Jeonju Hanok Village)
Namyangju City (Joan-myeon)
Sangju City (Hamchang-eup, Gonggeom-myeon, Ian-myeon)
Seocheon County (Hansan-Myeon)
Shinan County (jeung-do island)
Taean County (Sowon-myeon)
Wando County (Cheongsando Island)
Yeongwol County (Kimsatgat-myeon)
Yeongyang County (Seokbo-myeon)
Yesan County (Daeheung & Eungbong-myeon)

• **Cittaslow Spain**
Balmaseda
Begues
Begur
Bubión
Lekeitio
Morella
Mungia
Pals
Rubielos de Mora
Villa de La Orotava (Isle of Tenerife)

• **Cittaslow Sweden**

Falköping

• Cittaslow Switzerland
Mendrisio

• Cittaslow Taiwan
Dalin
Fonglin
Nanzhuang
Sanyi

• Cittaslow Turkey
Akyaka
Eğirdir
Gerze
Gökçeada
Göynük
Halfeti
Mudurnu
Perşembe
Şavşat
Seferihisar
Vize
Taraklı
Uzundere
Yalvaç
Yenipazar

• Cittaslow Turkish Republic of Northern Cyprus
Geçitkale
Lefke
Mehmetçik
Yeniboğaziçi

• Cittaslow USA

Sebastopol
Sonoma

CITTASLOW INTERNATIONAL
HQ Venue: Palazzo dei Sette, Corso Cavour,87
05018 Orvieto (TR) – Italy
Ph. 0039(0)763341818 – Fax 0039(0)763391292
info@cittaslow.net www.cittaslow.org

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ[1]

Пять основных принципов институционального проектирования, следуя которым с большой вероятностью можно добиться успеха в процессе институционального «строительства»:

1. Принцип этапной полноты проекта: данный принцип подразумевает соблюдение последовательности выполнения этапов институционального проектирования, которые совпадают с этапами процесса принятия решений (появление проблемы и формулировка проблемы (вспомогательные, сами собой разумеющиеся); определение цели проекта (отрицание проблемы); разработка вариантов достижения цели; формирование критериев отбора вариантов (главными критериями являются максимальная выгода от реализации проекта и минимальные трансакционные издержки осуществления проекта); выбор наилучшего варианта институционального проекта в соответствии с выбранными критериями; детализация и оформление выбранного варианта проекта; сама реализация проекта).

2. Принцип компонентной полноты проекта: для того чтобы данный принцип считался выполненным, мы не можем при создании нового института потерять хотя бы один из пяти компонентов института. Любой институт должен включать в себя: ситуацию, определяющую условия, в которых будет действовать правило; адресата — объект воздействия; само содержание правила – предписываемое действие (что данное правило запрещает или разрешает); санкции за неисполнение правила; гаранта правила – индивида, обладающего правами применять санкции к нарушителю. Если хотя бы один из компонентов пропущен, ты данный механизм регулирования общественных отношений не может считаться институтом.

3. Принцип достаточного разнообразия стимулов: отражает идею того, что каждый человек в любом своем действии преследует свои собственные выгоды и мотивы, следовательно, для обеспечения данного принципа «проектировщику» необходимо сформировать действительно заинтересо-

---

[1] *Тамбовцев В. Л.* Теоретические вопросы институционального проектирования // Вопросы экономики. 1997. №. 3. С. 85–93.

ванную команду, интересы которой будут в большей степени совпадать с общественными, т.е., с одной стороны, создать «максимальную индивидуализацию условий действия субъекта», а с другой – повернуть личные выгоды в пользу общества и создаваемого института.

4. Принцип максимальной защищенности от девиантного (оппортунистического поведения): так как в основе девиантного поведения лежит «неполный учет интересов и потребностей экономических субъектов», которые участвуют как в процессе проектирования институтов, так и в дальнейшем обеспечении их функционирования, то данный принцип будет выполнен только тогда, когда будут полностью учтены интересы всех участников процесса институционального проектирования (что является очень сложной задачей).

5. Принцип соучастия: предполагает наибольшую степень кооперации всех предполагаемых участников процесса институционального проектирования на всех его этапах и уровнях.

6. Принцип типологичности: для соблюдения принципа типологичности необходимо учитывать «особенности отдельных разновидностей экономических институтов» (стратегия создания института будет зависеть от самого типа института).

Еще одной важной особенностью процесса институционального проектирования является то, на каких уровнях оно применяется. Ричард Болан (R. Bolan) убежден, что для создания эффективной институциональной среды новые институты необходимы на всех уровнях – местном, региональном, национальном и международном[1]. Эрнест Александер (E. Alexander) классифицирует уровни институционального проектирования[2] по степени влияния институциональных механизмов и по вопросам, которые они регламентируют: макроуровень (конституции, законодательные кодексы и иные документы, влияющие на существование общества в целом), мезоуровень (проектирование документов, программ и политик, которые регулируют отдельные отрасли хозяйствования), микроуровень (внутриорганизационное проектирование: создание институтов, обеспечивающих эффективную работу организации (например, формирование организационной и корпоративной культуры). То есть выстраивается определенная иерархическая система, где каждый предыдущий уровень включает в себя последующий и противоречие института одного уровня другому не предполагается. Однако, к сожалению, в реальной жизни это частое явление.

---

[1] *Bolan R. J.* (1991) Planning and Institutional Design, Planning Theory 5/6: 7–34.

[2] *Alexander E. R.* (2005) Institutional Transformation and Planning: From Institutionalization Theory to Institutional Design, Planning Theory. Vol 4(3): 209–223.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3
МЕТОДИКА АНКЕТИРОВАНИЯ

Исследование основано на специально разработанной анкете (табл. 1), охватывающей широкий спектр вопросов социально-экономического развития муниципального образования (малого города / районного центра). К основным целям анкетирования относятся:

- выявление основных проблем и факторов, ограничивающих развитие муниципального образования;
- оценка качества и эффективности деятельности органов местного самоуправления;
- определение основных точек роста, направлений для улучшений и факторов конкурентоспособности муниципального образования.

Таким образом, анкетирование носит комплексный характер, позволяя выявить как существующие социально-экономические проблемы муниципалитета, так и возможности для их решения с учетом имеющихся финансовых, управленческих и иных ресурсов, находящихся в распоряжении муниципалитета. Комплексный характер анкетирования обеспечивается и различными типами вопросов, включенных в анкету: там присутствуют открытые вопросы, вопросы множественного и единичного выбора, а также вопросы, требующие ранжирования. Преобладают в анкете открытые вопросы, поскольку исследование нацелено на выявление специфических факторов развития, которые могут носить уникальный характер для каждого конкретного города.

Уникальным блоком разработанной анкеты является набор вопросов, посвященных сетевому взаимодействию малых городов. Отметим, что в течение предшествующих десятилетий исследователи уделяли основное внимание сетевому взаимодействию крупных городов в глобальном масштабе[1], в то время как возможности сетевого взаимодействия малых городов, расположенных в одном регионе или на соседних территориях, остаются до сих пор мало изученными.

В настоящее время разработанная анкета используется для пилотного исследования, проводимого в трех регионах России (Владимирской, Тульской областях и Пермском крае).

По результатам анкетирования планируется как оценить общие для регионов тенденции, так и выявить специфические особенности развития малых городов в каждом из регионов.

---

[1] См., например, *Friedmann J. & Wolff G.* (1982). World City Formation: An Agenda for Research and Action. International Journal of Urban and Regional Research, 6(3), 309–344; Hall P. G. (1984). The World Cities. L. Weidenfeld & Nicholson; Taylor P. J. & Derudder B. (2015). World city network: a global urban analysis. L., Routledge.

Таблица 1

Структура анкеты исследования по вопросам развития экономики малых городов и районных центров

Блок анкеты	Содержание блока, примеры вопросов
1. Основные проблемы развития города	Блок состоит из четырех вопросов, два из которых относятся к категории вопросов множественного выбора, один – к категории вопросов, предполагающих ранжирование, еще один является открытым вопросом. Целью блока является выявление основных проблем города в реальном секторе экономики, социальной сфере, демографии и на рынке труда. Вопросы блока: 1. Проблемы реального сектора экономики 2. Проблемы рынка труда и демографии 3. Уровень внутрирегиональной мобильности населения 4. Проблемы социальной сферы
2. Городская система здравоохранения	Блок состоит из шести открытых вопросов. Целью блока является более пристальное изучение сферы здравоохранения, которая считается одной из наиболее проблемных для малых городов. Вопросы блока: 1. Доля расходов муниципального бюджета на здравоохранение 2. Обеспеченность населения различными медицинскими специалистами 3. Укомплектованность штата медицинских организаций в стационарах и в поликлиниках 4. Наличие и состояние платных медицинских организаций 5. Уровень квалификации врачей первичного звена, доступные способы повышения квалификации 6. Образовательные тенденции в медицинской сфере
3. Местное самоуправление и муниципальный бюджет	Блок состоит из семи вопросов, один из которых относится к категории вопросов множественного выбора, один – к категории вопросов единичного выбора, остальные пять являются открытыми вопросами. Целью блока является изучение базовых проблем и принципов формирования органов местного самоуправления, а также основных бюджетных параметров муниципалитета. Вопросы блока: 1. Проблемы местного самоуправления 2. Причины возникновения проблем местного самоуправления 3. Порядок избрания главы муниципального образования 4. Отношение населения к институту сити-менеджеров 5. Структура доходов и расходов бюджета 6. Факторы, влияющие на структуру бюджета 7. Преимущества и недостатки структуры бюджета

Продолжение табл. 1

Блок анкеты	Содержание блока, примеры вопросов
4. Потенциальные области для стимулирования развития города	Блок состоит из четырнадцати вопросов, три из которых относятся к категории вопросов множественного выбора, один – к категории вопросов единичного выбора, остальные девять являются открытыми вопросами. Целью блока является выявления основных направлений, способных содействовать социально-экономическому развитию муниципального образования, а также определение ресурсов, на которых может быть основано данное развитие. Вопросы блока: 1. Распределение отраслей экономики по роли в экономическом развитии города 2. Ресурсы, являющиеся основными для экономики города 3. Перспективы и угрозы для развития города 4. Основные конкурентные преимущества города 5. Уровень диверсификации экономики города 6. Перспективы развития перерабатывающей промышленности и сферы услуг города 7. Приоритетные направления развития города 8. Обоснование отмеченных приоритетных направлений развития 9. Место реального сектора экономики в приоритетных направлениях развития 10. Меры, способные стать катализаторами развития города 11. Перспективы развития малого бизнеса 12. Основные источники доходов населения города 13. Структура занятости населения города
5. Организация деятельности органов местного самоуправления	Блок состоит из семи открытых вопросов. Целью блока является изучение организации процессов текущей деятельности и отчетности органов местного самоуправления. Вопросы блока: 1. Взаимоотношения органов местного самоуправления с региональными властями 2. Количество форм отчетности местных властей 3. Затраты труда и времени на подготовку отчетности 4. Типовые проблемы при подготовке и сдаче отчетности 5. Основные решения, принимаемые органами местного самоуправления на базе отчетности 6. Уровень информатизации рабочего процесса органов местного самоуправления 7. Информационные базы, используемые в работе органов местного самоуправления

Окончание табл. 1

Блок анкеты	Содержание блока, примеры вопросов
6. Внешние связи города	Блок состоит из одиннадцати открытых вопросов. Целью блока является изучение особенностей и направлений взаимодействия города с соседними территориальными образования, конкурентных позиций города относительно других городов. Вопросы блока: 1. Уровень кооперации города с ближайшими территориями 2. Совместные проекты и программы города с иными муниципалитетами того же региона 3. Совместные проекты и программы города с иными муниципалитетами других регионов 4. Инициаторы сотрудничества между муниципалитетами 5. Регулирование взаимодействия между муниципалитетами 6. Роль региональных органов власти во взаимодействии муниципалитетов 7. Перспективы сотрудничества города с другими муниципалитетами 8. Роль сельских территорий в экономике муниципального образования 9. Города-конкуренты 10. Оценка действий конкурентов 11. Оценка собственных действий

Источник: *Шерешева М. Ю., Оборин М. С., Пахалов А. М., Костанян А. А.* Разработка методики анкетирования развития малых городов России // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2017. № 8 (154). С. 57–64.

Следует отметить, что представленная методика лишь частично покрывает вопросы местного развития. Для получения максимально объективной картины в дальнейших исследованиях в анкетирование необходимо вовлечь и другие заинтересованные стороны, в том числе представителей бизнеса и жителей малых городов. Набор вопросов для этих категорий респондентов должен быть иным, однако ключевые вопросы о факторах развития могут быть также заданы.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ, ВЛАДИМИРСКОЙ И ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТЕЙ

Таблица 1

Динамика численности населения малых городов Пермского края

Малые города	1970	2000	2010	2017	Изм. абс.	Темп роста
Чермоз	8700	5700	3861	3597	–5103	41,34
Чердынь	6972	6500	4920	4674	–2298	67,04
Усолье	10 091	5500	5694	5979	–4112	59,25
Оханск	7478	9000	7250	7096	–382	94,89
Гремячинск	29 975	16 800	10 752	9430	–20 545	31,46
Горнозаводск	*10 374*	*15 600*	*12 057*	*11 575*	*1201*	*111,58*
Александровск	18 286	18 800	14 495	13 353	–4933	73,02
Очер	15 400	15 400	14 238	14 091	–1309	91,50
Красновишерск	*14 944*	*19 400*	*16 099*	*15 733*	*789*	*105,28*
Кизел	46 264	23 841	19 587	16 642	–29 622	35,97
Нытва	*17 491*	*22 900*	*19 041*	*18 878*	*1387*	*107,41*
Губаха	33 243	31 000	28 111	21 160	–12 083	63,65
Оса	*15 038*	*26 500*	*21 188*	*21 201*	*6163*	*140,98*
Верещагино	23 585	25 100	22 156	22 328	–1257	94,67
Кудымкар	*26 350*	*34 400*	*28 967*	*30 739*	*4389*	*116,66*
Чернушка	*21 106*	*37 700*	*33 272*	*32 687*	*11 581*	*154,87*
Добрянка	*18 349*	*38 400*	*33 686*	*33 291*	*14 942*	*181,43*
Чусовой	58 202	55 200	46 735	45 719	–12 483	78,55
Итого	381 848	407 741	342 109	328 173	–53 675	85,94

На основании данных по численности населения малых городов Пермского края можно выделить две противоположные тенденции: рост числа

жителей в одних городах (Горнозаводск, Красновишерск, Нытва, Оса, Кудымкар, Чернушка, Добрянка) и резкое сокращение числа жителей в ряде других (Чермоз, Усолье, Гремячинск, Кизел). Рост численности населения, как показал анализ, обусловлен повышением экономической активности, усилением моноспециализации либо диверсификацией. Это в основном города с населением более 30 тыс. человек. Депрессивные территории характеризуются сокращением жителей вдвое и даже втрое, что свойственно в первую очередь для малых городов с невысокой численностью. Исключением является г. Кизел, текущее состояние которого вызвано банкротством крупных предприятий, которые ранее составляли основу экономики и занятости. В целом численность населения малых городов Пермского края составила в 2017 г. 328 173 человека, что на 14% меньше, чем в 1970 г.

Таблица 2

Динамика численности населения малых городов Владимирской области

Малые города	1970	2000	2010	2017	Изм. абс.	Темп роста
Курлово	8664	8000	6764	6 348	–2316	73,27
Костерево	9250	10 800	9073	8 641	–609	93,42
Суздаль	10 179	12 000	10 535	9 978	–201	98,03
Судогда	*10 535*	*14 500*	*11 848*	*10 794*	*259*	*102,46*
Камешково	12 865	14 161	13 103	12 722	–143	98,89
Гороховец	13 955	16 000	14 016	13 233	–722	94,83
Струнино	20 627	16 900	14 369	13 829	–6798	67,04
Петушки	*12 862*	*18 500*	*15 148*	*13 915*	*1053*	*108,19*
Карабаново	18 532	16 600	14 868	14 923	–3609	80,53
Меленки	18 545	17 600	15 206	14 302	–4243	77,12
Лакинск	15 077	17 700	15 715	14 895	–182	98,79
Покров	*9976*	*16 100*	*17 756*	*17 762*	*7786*	*178,05*
ЗАТО Радужный	*2400*	*18 500*	*18 201*	*18 369*	*15 969*	*765,38*
Собинка	22 943	22 500	19 482	18 510	–4433	80,68
Юрьев-Польский	22 096	19 852	19 595	19 031	–3065	86,13
Киржач	*21 561*	*24 700*	*29 965*	*27 788*	*6227*	*128,88*
Вязники	42 714	42 200	41 248	37 846	–4868	88,60
Кольчугино	*41 637*	*46 200*	*45 776*	*44 125*	*2488*	*105,98*
Итого	314 418	352 813	325 904	317 011	2593	100,82

Во Владимирской области численность населения малых городов практически не изменилась по сравнению с 1970 г. — начальным годом, взятым для исследования (100,82%). Отсутствие тенденции к сильному снижению численности населения, аналогичного отмеченному в Пермском крае, следует признать положительным фактом. Наибольший отток жителей наблюдается в Струнине – 33%, при этом многие малые города Владимирской области показали незначительную динамику в диапазоне 2–12%. В лидерах положительного роста – города с развитым производством и потенциалом для диверсификации.

Таблица 3

Динамика численности населения малых городов Тульской области

Малые города	1970	2000	2010	2017	Изм. абс.	Темп роста
Чекалин	2085	1300	994	964	–1121	46,24
Советск	11 024	9100	7536	7347	–3677	66,65
Липки	14 468	10 100	8719	9011	–5457	62,28
Болохово	10 985	11 500	9622	9144	–1841	83,24
Белев	17 733	17 200	13 918	13 448	–4285	75,84
Венев	*5893*	*15 200*	*15 224*	*14 198*	*8305*	*240,93*
Плавск	*12 983*	*15 700*	*16 165*	*15 992*	*3009*	*123,18*
Ясногорск	18 482	19 900	16 795	15 872	–2610	85,88
Суворов	*16 919*	*21 200*	*18 973*	*17 829*	*910*	*105,38*
Киреевск	*21 251*	*28 400*	*25 557*	*24 911*	*3660*	*117,22*
Кимовск	44 490	34 800	28 485	26 591	–17 899	59,77
Богородицк	32 458	32 700	31 897	31 363	–1095	96,63
Ефремов	48 156	53 500	42 350	36 773	–11 383	76,36
Итого	256 927	270 600	236 235	223 443	–33 484	86,97

Тульская область является ярко выраженным лидером негативной тенденции оттока населения – 13%, что практически на уровне Пермского края с гораздо большей численностью населения и количеством малых городов (на пять населенных пунктов больше). Отметим, что здесь именно крупные города показали тенденцию к сокращению количества жителей, тогда как Венев, Плавск, Суворов, Киреевск, напротив, увеличились по численности. Можно сделать вывод, что специализация региона и инфраструктура являются наименее востребованными по социально-экономическим показателям, не соответствуют интересам и потребностям местных жителей.

На рис. 1 видна нисходящая динамика численности населения малых городов, при этом Владимирская область является наиболее благополучной, поскольку обладает некоторыми преимуществами в области транспортной доступности, развития инфраструктуры и диверсификации экономики.

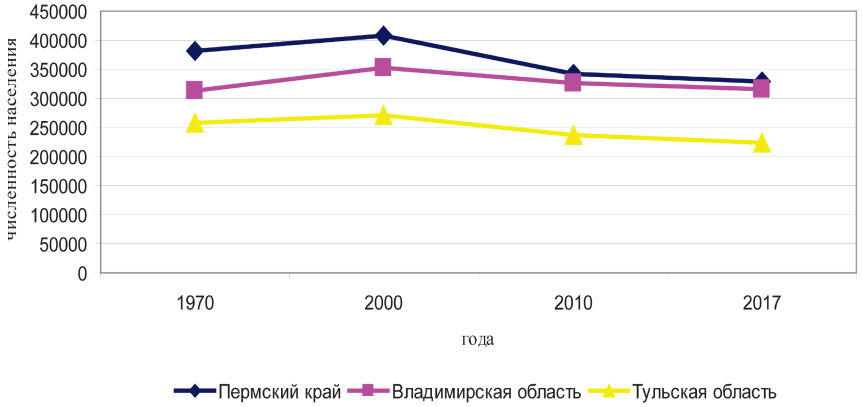


Рис. 1. Сравнительная динамика численности населения малых городов за период 1970–2017 гг.

Тем не менее статистика всех трех регионов подтверждает, что сложившееся в последние десятилетия восприятие малых городов как менее привлекательных для жизни, чем крупные города, требует активных усилий по формированию ценностного предложения, способного прекратить отток населения из малых городов.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Развитие городской среды (включая инфраструктуру, архитектуру, городской дизайн, экологию, культурную составляющую и т.д.) является основой привлекательности города как места проживания, катализатором устойчивого развития и роста. Кроме того, успешный городской дизайн, который учитывает историю и культуру города, потребности отдельных жителей и компаний города, инфраструктуру региона и группы внешних интересов, повышает комфорт для резидентов, в том числе потенциальных жителей, и способствует формированию известности и позитивного восприятия города.

Дизайн города – это более обширная концепция, чем градостроительство, поскольку он также включает в себя реализацию – управление городской средой (city design management)[1]. На рис. 1 представлена схема управления городской средой.

Элементами структуры являются: топография города, общее впечатление, презентация и управление; креативность – это элемент надстройки, который связывает эти элементы. Топография города, т.е. физические элементы, является неотъемлемой частью визуального дизайна. Топография города охватывает архитектуру, улицы, парки, системы водоснабжения, системы освещения, указатели, уличные принадлежности и общую чистоту. Функциональность построенной среды облегчает и позволяет развивать активную уличную жизнь с ее различными видами деятельности.

Однако физической привлекательности места недостаточно для создания положительного городского бренда, поскольку здания и архитектура легко имитируются другими местами, городами-конкурентами и т.д.[2]. Существенной частью общего впечатления и построения территориального имиджа является самобытность: чтобы отличаться от других, город должен подчеркнуть свою уникальность.

---

[1] *Harmaakorpi V., Kari K., & Parjanen S.* City design management as a local competitiveness factor // Place Branding and Public Diplomacy. 2008. Vol. 4. № 2. P. 169–181.

[2] *Rainisto S.* Success factors of place marketing. Helsinki University of Technology, Institute of Strategy and International Business. Doctoral Dissertations. Espoo, 2003.

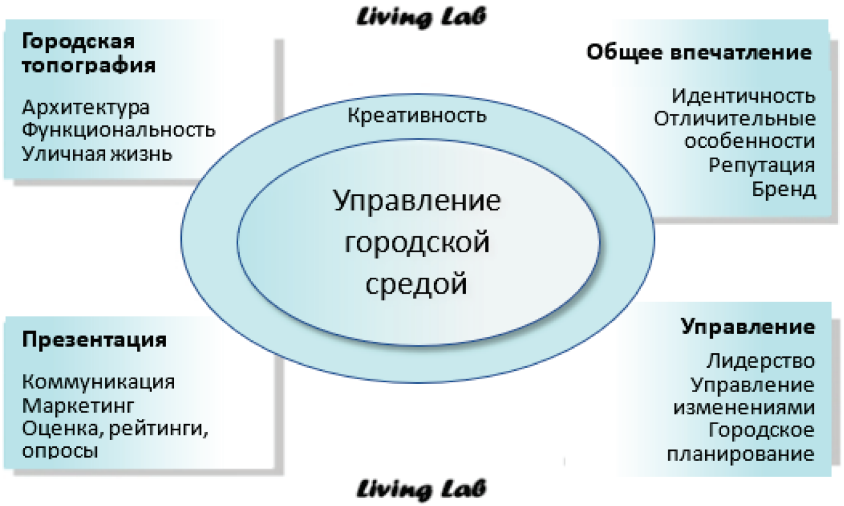


Рис. 1. Схема управления развитием городской среды
Источник: *Morgan N., Pritchard A., Pride R.* Destination Brands: Managing Place Reputation. 3rd Edition. Butterworth-Heineman, 2011.

Помимо фактического дизайна города существенными элементами процесса проектирования являются элементы визуального управления и управления изменениями. Изменения не могут быть достигнуты, если видение городского дизайна не было сформировано и необходимые меры для изменения не принимаются[1].

Креативность является ключевым компонентом успешного управления городским дизайном. Города, которые успешно развивают креативные стратегии на местном уровне, имеют возможность расти, чтобы стать конкурентоспособными. Важно также предпринимать действия, направленные на повышение ценности местных предприятий, путем создания среды, которая стимулирует местные фирмы к инновациям и обучению друг у друга, развивать таланты и навыки жителей, содействовать их реализации для достижения инноваций.

Городская креативность поощряется концентрацией и разнообразием[2]. Концентрация – это не столько количество людей, сколько плотность взаимодействия. Плотная концентрация людей в определенном ме-

[1] *Morgan N., Pritchard A., Pride R.* Destination Brands: Managing Place Reputation. 3rd Edition. Butterworth-Heineman, 2011.

[2] *Hospers G. J.* Creative cities in Europe. Urban competitiveness in the knowledge economy // Intereconomics. 2003. Vol.38. № 5. P. 260–269.

сте способствует частым встречам и случайным контактам между людьми, и, таким образом, создаются новые идеи. Разнообразие включает в себя как различия между жителями, их знания и навыки, а также действия, так и изменения в построенной среде, что означает сочетание зданий с различными функциями. Функциональная и эстетично построенная среда дает людям возможность встречаться друг с другом на улицах, в парках или кафе, обмениваться идеями и знаниями, получать новые идеи и создавать инновации.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ

Сетевое сотрудничество малых городов позволяет не только создать дополнительные предпосылки для социально-экономического развития, но и непосредственно содействовать эффективности процесса разработки документов стратегического планирования за счет обмена опытом, согласования интересов и выработки совместных приоритетов развития. Общая схема возможностей повышения эффективности планирования развития малых городов за счет сетевой координации представлена на рис. 1.

Рис. 1. Направления повышения эффективности планирования
Источник: *Оборин М. С., Пахалов А. М., Шерешева М. Ю.* Эффективность стратегического планирования развития малых городов на основе сетевого механизма координации // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2017. № 4. С. 100–117.

Направления повышения эффективности планирования должны основываться на нормативно-правовой базе, включающей основные направления и показатели контроля эффективности реализации проектов по сетевому сотрудничеству.

Таким образом, есть основания полагать, что этот механизм может оказаться эффективным и с точки зрения улучшения качества стратегического планирования развития малых городов.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ БРЕНДИНГА ТЕРРИТОРИИ

Изучение международного опыта брендинга территорий и исследований в этой области позволяет выделить ряд факторов, значимость которых можно предположить для построения системы брендинга территорий в России. Нами составлена концептуальная модель этой системы (рис. 1), которая на данный момент носит предварительный характер и будет апробирована на основе эмпирических данных отдельных территорий Владимирской, Тульской областей и Пермского края в ходе дальнейшей реализации проекта.

В соответствии с системной моделью процесс брендинга территории можно разделить на несколько этапов[1].

Этап 1. Разработка концепции бренда территории. Многие ученые и практики рекомендуют при разработке концепции основываться на восприятии стейкхолдеров[2], некоторые исследователи акцентируют внимание на целесообразности отказа от использования поверхностных ассоциаций в пользу более глубоких содержательных решений (например, К. Ю. Муравьева[3]).

Первый этап предполагает следующие шаги:

1) выявление социокультурных особенностей восприятия территории, актуальных на текущий момент;
2) определение пула социокультурных значений, которые могут быть релевантны в будущем;

---

[1] *Braun E.* City Marketing — Towards an integrated approach. Rotterdam: RSM Erasmus University, 2008; *Hanna S., Rowley J.* Towards a strategic place brand-management model // Journal of Marketing Management. 2011. № 5–6. P. 458–476; *Rainisto S. K.* Success factors of place marketing: A study of place marketing practices in Northern Europe and the United States. Helsinki: University of Technology, 2003.

[2] *Kotler P., Asplund C., Rein I., Heider D.* Marketing places Europe: Attracting investments, industries, residents and visitors to European cities, communities, regions and nations. Harlow: Financial Times Prentice-Hall, 1999; *Rainisto S. K.* Success factors of place marketing: A study of place marketing practices in Northern Europe and the United States. Helsinki: University of Technology, 2003.

[3] *Муравьева К. Ю.* Проектирование границ сервисного сопровождения в формировании репутационных характеристик территориального бренда // Современные технологии маркетинга территорий. 2015. Т.3 № 4. С. 276–278.

3) определение целевых групп и их сегментирование на основе потребностей;
4) выбор наиболее перспективных предложений и возможностей их использования в комплексе;
5) определение ключевых компетенций территории и ценностного предложения для целевых сегментов;
6) конструирование концепции бренда.

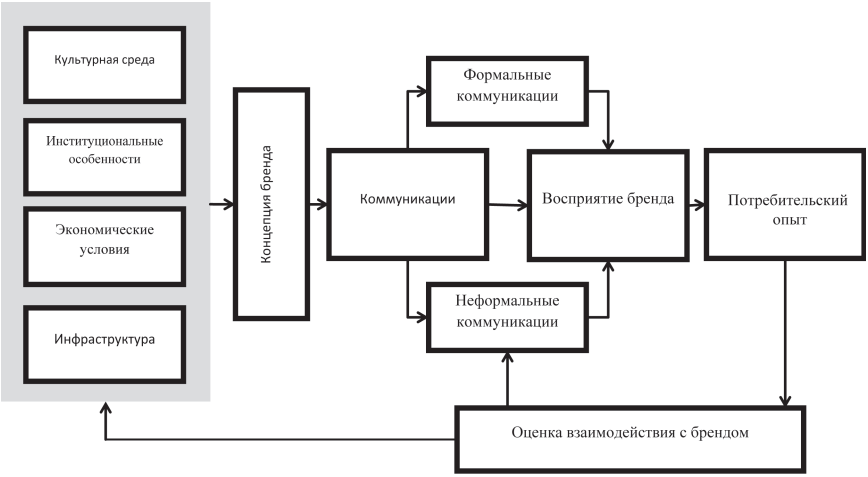


Рис. 1. Концептуальная модель системы брендинга территории

Этап 2. Планирование системы взаимодействия и развития взаимоотношений с целевыми сегментами для формирования соответствующей концепции восприятия территории.

Этап 3. Воплощение спланированной системы взаимодействия для формирования потребительского опыта. Это включает материализацию точек контакта и создания опыта взаимодействия в соответствии с разработанной концепцией, модификацию и развитие сфер деятельности, составляющих основу компетенции территории и ее ценностного предложения для потребительских сегментов.

Этап 4. Измерение результативности территориального маркетинга. Необходимо планирование комплекса показателей, на основе которых будет возможна оценка результатов деятельности, а также осуществление необходимых корректировок[1]. В систему оценки должны быть включены показатели, характеризующие удовлетворенность целевых сегментов, соот-

[1] *Kemp E., Childers C.Y., Williams K.H.* Place branding: creating self-brand connections and brand advocacy // Journal of Product & Brand Management. 2012. Vol. 21 № 7. P. 508–515;

ветствие ценностного предложения их потребностям, изменение качества жизни населения и условий ведения бизнеса в регионе, динамика туристской и инвестиционной привлекательности территории, а также доступности и достаточности инфраструктуры.

Medway D., Warnaby G. Alternative perspectives on marketing and the place brand // European Journal of Marketing. 2008. Vol. 42 № 5/6. P. 641–653.

ПРИЛОЖЕНИЕ 8
ПРИНЦИП СОУЧАСТИЯ

Совпадение интересов тех, кто создает и для кого создаются новые институциональные механизмы, является определяющим фактором того, что «вживление» новых правил в экономическую среду пройдет успешно. Кроме того, привлечение субъекта нормы в процесс ее создания сможет резко снизить оппортунистическое поведение обеих сторон: «проектировщики» будут понимать, что их деятельность должна быть прозрачной в силу того, что они работают в тандеме с теми, для кого проектируются определенные нормы поведения; «адресатам» будет просто невыгодно отклоняться от договоренностей, так как они «стараются для самих себя», им будет важен результат, который должен будет удовлетворить их потребности.

Выражением данного принципа можно считать такой институт регулирования социально-экономической жизни, как «мини-объединения» (minipublics). Архон Фанг[1] пытается доказать, что «мини-объединения» — это один из способов объединения обычных граждан и должностных лиц для решения важных общественных проблем путем проведения совместных переговоров. Фанг анализировал существующие «мини-объединения» со стороны двух аспектов: с чем необходимо определиться при формировании данного института (eight institutional design choices) и какие последствия могут произойти в результате его работы.

В зависимости от того, с **какой целью** создается «мини-объединение», автор выделил четыре формы существования данного института: образовательный форум (educative forum), консультативная комиссия (participatory advisory panel), совместное решение проблем (participatory problem-solving collaboration), демократическое управление на основе широкого участия (participatory democratic governance).

Образовательный форум подразумевает справедливый учет мнений всех индивидов — участников объединения независимо от пола, образования, уровня богатства, социального положения в обществе и предоставление возможности в ходе «здорового» спора высказывать свои предложения,

---

[1] *Fung Archon.* 2003. Survey Article: Recipes for Public Spheres: Eight Institutional Design Choices and Their Consequences. The Journal of Political Philosophy. Vol. 11. Number 3. 2003. P. 338–367.

ожидания и недовольства. Еще одной отличительной чертой данного типа является возможность получать проверенную информацию, основанную на экспертных мнениях, что позволит улучшить качество мнений, которые будут поступать от «участников-неэкспертов».

Консультативные комиссии нацелены не только на повышение качества мнений, но и на согласование этих мнений с государственной политикой. Обычно консультативные комиссии создаются на достаточно длинный период работы для развития связей с государственными лицами, с намерением передачи четко сформулированных предпочтений о регулировании социально-экономической жизни на более высокий уровень.

Совместное решение проблем предполагает непрерывную связь между государством и общественностью, направленную на решение конкретных коллективных проблем (загрязнение окружающей среды, небезопасность на улицах, отсутствие инфраструктуры). Главным двигателем данного инструмента является творчество, под которым подразумевается изобретение именно новых путей решения тех или иных проблем посредством совместного обсуждения. Предполагается, что данный механизм может «связывать руки» государству и привлекать его к публичной ответственности.

Демократическое управление на основе широкого участия является наиболее предметным. При данном виде объединений общественность имеет возможность прямо влиять на определение политических программ и следить за тем, чтобы ресурсы (осуществление любой деятельности) распределялись равномерно, направлялись не только в уже развитые сферы общества, но и в неблагоприятные сферы. Организация «мини-объединения» таким путем позволяет сделать процесс разработки законодательства более справедливым.

Также для проектирования «мини-объединений» важно определиться со следующими характеристиками:

- кто будет участниками данных объединений и каким способом проводить их отбор, какую область хозяйственной деятельности будет регулировать данный институциональный механизм (subject of deliberation),
- каким способом организовать сам процесс обсуждения (deliberative mode),
- срок действия института и частота его повторений (recurrence and iteration),
- как привлечь индивидов (какой им интерес (stakes) от участия в общественных обсуждениях),
- какими полномочиями будет наделено «мини-объединение» (empowerment),
- как будет контролироваться деятельность данного институционального механизма (monitoring).

От того, каким образом будут определены данные параметры, будут зависеть функции, которые будут исполнять «мини-объединения». Но всегда возникает вопрос: как измерить гражданскую активность, какие показатели эмпирически смогут показать, что «мини-объединения» действительно выполняют свои функции и способствуют развитию демократического управления в обществе? Так, автор предлагает несколько показателей, по которым возможно оценить деятельность «мини-объединения»: количество участников объединения (чем больше, тем эффективнее), профиль участника (социальный класс, образование, уровень дохода и т.д.), качество процесса обсуждения, качество и полезность получаемой информации в течение обсуждений как для государственных служащих, так и для обычных граждан, уровень знаний («мини-объединения» как «школы демократии»), качество отчетной документации, степень изменения государственной политики, общее настроение граждан и степень их активности.

Правильное группирование характеристик институционального проектирования может способствовать «здоровому» регулированию общественных процессов. Общественность действительно может регулировать социально-экономические сферы жизни путем взаимодействия с экспертами и профессионалами в данной области. То есть, имея общие интересы, делясь имеющимся опытом друг с другом, высказывая свою точку зрения и конструктивно критикуя мнения других, можно достичь консенсуса в тревожащих нас вопросах. Также из анализа пяти форм существования такого института, как minipublic, можно убедиться в том, что при создании того или иного институционального механизма выбор его институциональных характеристик должен быть точно преднамеренным: мы должны знать, какую сферу хозяйственной деятельности мы регламентируем и какими особенностями она обладает.

Итак, процесс институционального проектирования ситуационен, что одновременно является проблемой (нельзя создать единый институциональный механизм, который регулировал бы все сферы хозяйствования, а процесс институционального проектирования требует высоких издержек) и помощью в организации процесса институционального проектирования (нам известны условия существования создаваемого института).

ПРИЛОЖЕНИЕ 9

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ (на примере Владимирской области)

Сегодня во всем мире активно развиваются и внедряются различные методики оценки эффективности работы муниципальной власти, целями которых является определение оптимальных подходов к оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления с помощью оценки эффективности расходования бюджетных средств, динамики изменения показателей, характеризующих уровень и качество жизни населения, уровня социально-экономического развития муниципального образования, степени внедрения методов и принципов управления, обеспечивающих переход к более результативным моделям муниципального управления.

В России для оценки эффективности работы муниципальной власти используются: методика оценки бюджетной эффективности и методика оценки эффективности показателей, характеризующих достигнутый уровень или отражающих динамику развития инфраструктурных объектов, т.е. уровень и качество жизни населения.

Бюджетная эффективность оценивается на основании реализации принципа эффективности использования бюджетных средств, который означает, что «при составлении и исполнении бюджетов участники бюджетного процесса в рамках установленных им бюджетных полномочий должны исходить из необходимости достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств (экономности) и (или) достижения наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств (результативности)»[1], т.е. бюджетная эффективность – это отношение полученного положительного результата (положительная динамика) деятельности местных органов власти по полномочиям, финансируемым бюджетными средствами, к бюджетным расходам, обеспечивавшим получение данных результатов. Бюджетными расходами муни-

[1] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (Принят Государственной Думой 17.07.1998, с внесенными изменениями на 07.05.2013). URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=146289

ципального образования называется «совокупность денежных отношений, складывающихся между органами местного самоуправления, с одной стороны, и органами государственной власти, юридическими и физическими лицами, с другой стороны, по поводу распределения и использования финансовых ресурсов экономических субъектов, участвующих в процессе воспроизводства в рамках муниципального образования, для обеспечения потребностей общества в муниципальных услугах надлежащего качества, создания условий для устойчивого развития муниципального образования; финансовое обеспечение предоставления общественного блага на местном уровне бюджетной системы страны»[1].

На федеральном уровне разрабатываются и утверждаются методики и программы оценки эффективности использования бюджетных средств. Так, в 2004 г. было принято Постановление Правительства РФ № 249 «О мерах по повышению результативности бюджетных расходов», которым была одобрена Концепция реформирования бюджетного процесса в РФ в 2004–2006 гг. В 2010 г. распоряжением Правительства РФ № 1101-р были утверждены Программа Правительства РФ по повышению эффективности бюджетных расходов на период до 2012 г. и план мероприятий по реализации в 2010 г. Программы Правительства РФ по повышению эффективности бюджетных расходов на период до 2012 г.

Методика оценки бюджетной эффективности основывается на анализе результативности и расходов, поэтому ее можно применять в тех случаях, когда возникает необходимость объединения множества социальных результатов, которые не могут быть измерены в количественном выражении. Однако данная методика не позволяет дать комплексную оценку эффективности работы муниципальной власти, поскольку в ней используются только показатели, характеризующие деятельность органов местного самоуправления по полномочиям, финансируемым бюджетными средствами. Также в России отсутствует единая научно-методическая база оценки эффективности использования бюджетных средств, поэтому способы оценки бюджетной эффективности муниципальных образований могут различаться, что не позволяет объективно сопоставить полученные результаты оценки.

В настоящее время в России действует единая методика оценки деятельности органов местного самоуправления. В 2007 г. в Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» была введена ст. 18.1 «Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления», в соот-

---

[1] *Ярошенко Т. П., Каратаева Г. Е.* Модель эффективности бюджетных расходов муниципального образования [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3. URL: http://www.science-education.ru/103-6427 /

ветствии с которой утверждается в порядке, определяемом Президентом Российской Федерации, перечень показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления, также указывается, что нормативными правовыми актами высшего должностного лица субъекта РФ (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ) может быть предусмотрено выделение за счет средств бюджета субъекта РФ грантов муниципальным образованиям в целях содействия достижению и (или) поощрения достижения наилучших значений показателей.

Но фактически реализация положений данной статьи началась с момента вступления в силу Указа Президента РФ от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов», которым был утвержден перечень показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов. Постановлением Правительства РФ от 17.12.2012 № 1317 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» и подпункта «и» пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» утвержден перечень дополнительных показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов и методика мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов[1].

В методических рекомендациях определена целесообразность выделения грантов отдельно городским округам и муниципальным районам. Субъектам РФ предоставляется возможность установления дополнительных критериев, определяющих размер гранта в зависимости от численности населения, уровня экономического развития и других параметров.

В данном разделе проведем практическую оценку эффективности работы органов местного самоуправления на примере конкретной муниципальной территории отдельного региона России – Владимирской области.

---

[1] Постановление Правительства РФ от 17.12.2012 № 1317 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» и подпункта «и» пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» (с внесенными изменениями на 14.10.2012). URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=139508 (дата обращения: 23.08.2018).

В регионе действует Постановление Губернатора Владимирской области от 10.10.2011 № 1081 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Владимирской области», в котором утвержден порядок выделения за счет ассигнований из областного бюджета грантов бюджетам городских округов и муниципальных районов Владимирской области в целях содействия достижению и (или) поощрения достижения наилучших значений показателей деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов. Для реализации данного порядка утверждены:

— дополнительные показатели для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Владимирской области[1];
— перечень установленных сфер и удельных весов для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Владимирской области;
— удельный вес уровней эффективности и частных показателей в установленных сферах для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления и определения размеров грантов, предоставляемых из бюджета Владимирской области бюджетам городских округов и муниципальных районов области;
— удельный вес сфер, установленных для оценки населением результатов деятельности органов местного самоуправления городского округа и муниципального района Владимирской области и показателей удовлетворенности населения деятельностью органов местного самоуправления[2].

В большинстве субъектов РФ для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов применяют типовую методику, утвержденную Правительством РФ, но ряд субъектов используют модифицированную методику (т.е. в нее внесены дополнительные показатели и (или) изменения в расчеты оценки). Данная тенденция прослеживается и среди субъектов Центрального федерального округа, 61% которых (Брянская область, Воронежская область, Ивановская область, Курская область, Московская область, Ор-

[1] Постановление Губернатора Владимирской области от 10.10.2011 № 1081 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Владимирской области». URL: http://law7.ru/vladimir/act6v/r782/index.htm (дата обращения: 25.08.2018).

[2] Официальный интернет-портал администрации Владимирской области [Электронный ресурс], 1998–2018. URL: http://www.avo.ru/

ловская область, Рязанская область, Смоленская область, Тамбовская область, Тверская область, Тульская область) использует типовую методику, 33% (Белгородская область, Владимирская область, Калужская область, Костромская область, Липецкая область, Ярославская область) – модифицированную методику.

В Белгородской и Калужской областях утверждены дополнительные показатели, отражающие качество работы органов власти по вопросам здравоохранения, благоустройства и озеленения территории, освещения улиц, организации сбора, вывоза, утилизации и переработки бытовых и промышленных отходов. Во Владимирской и Липецкой областях расширен перечень показателей по сферам деятельности органов местного самоуправления, рассмотренный в типовой методике, а также утверждены дополнительные показатели, отражающие качество работы органов власти по вопросам здравоохранения, благоустройства и озеленения территории, освещения улиц, организации сбора, вывоза, утилизации и переработки бытовых и промышленных отходов. В Костромской области круг показателей, включенных в перечень показателей для проведения оценки эффективности работы муниципальной власти, значительно шире федерального перечня: оценка проводится более чем по 250 показателям, которые объединены в 19 разделов, охватывающих сферы деятельности органов местного самоуправления, рассмотренных в типовой методике, а также дополнительные сферы (сфера земельных и имущественных отношений, архитектура и градостроительство, благоустройство территорий, сфера финансов, муниципальные закупки, здравоохранение, молодежная политика, обеспечение безопасности населения). В Ярославской области внесены изменения в расчет оценки эффективности (введен поправочный коэффициент). В г. Москве разработана методика оценки эффективности деятельности управ районов г. Москвы по сферам строительства, торговли и оказания услуг, благоустройства и содержания дворовых территорий, управления объектами жилищного фонда, а также качество проведения управами организационной работы, работы по взаимодействию с населением и органами местного самоуправления г. Москвы.

В целом в федеральный перечень показателей эффективности деятельности органов местного самоуправления входят разноплановые показатели, характеризующие экономическое развитие, дошкольное, общее и дополнительное образование, культуру, физическую культуру и спорт, жилищное строительство и обеспечение граждан жильем, жилищно-коммунальное и дорожное хозяйство, организацию муниципального управления, энергосбережение и повышение энергетической эффективности, что позволяет комплексно оценить эффективность работы муниципальной власти. Результаты мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления по типовой методике позволяют сопоста-

вить оценки динамики изменения показателей, характеризующих качество жизни, уровня социально-экономического развития муниципальных образований в рамках всей страны и выявить наиболее результативные модели муниципального управления[1]. Однако некоторые субъекты РФ используют модифицированные методики, что делает невозможным объективно сопоставить результаты оценки работы власти муниципальных образований данных субъектов РФ с муниципальными образованиями других субъектов РФ. Также данная методика разработана только для городских округов и муниципальных районов.

Проведенный краткий анализ методик оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления показал, что в России для оценки эффективности работы муниципальной власти применяется методика оценки эффективности использования бюджетных средств, т.е. отношение полученного положительного результата (положительной динамики) деятельности местных органов власти по полномочиям, финансируемым бюджетными средствами, к бюджетным расходам, обеспечившим получение данных результатов.

Поэтому для практического осмысления полученных предварительных выводов и внесения предложений по устранению недостатков применяемых в настоящее время методик была проведена оценка эффективности органов власти на примере муниципального образования Боголюбовское сельское поселение Суздальского района Владимирской области (далее МО Боголюбовское сельское поселение) за 2016 г.

Данное муниципальное образование является одной из ведущих территорий, принимающих туристический поток в регионе, что свидетельствует об особой важности сельского поселения для ключевой отрасли региона – туристической.

Реализация оценки подхода в оценке эффективности включала в себя следующие этапы:

1. Определение показателей деятельности местных органов власти МО Боголюбовское сельское поселение по полномочиям, финансируемым бюджетными средствами.
2. Рассмотрение результата (динамики) показателей деятельности местных органов власти МО Боголюбовское сельское поселение по полномочиям, финансируемым бюджетными средствами, за 2016 г.
3. Оценка результата (динамики) показателей деятельности местных органов власти МО Боголюбовское сельское поселение по полномочиям, финансируемым бюджетными средствами, за 2016 г.

[1] Информационно-правовой портал «Гарант» [Электронный ресурс], 2018. URL: http://base.garant.ru/

4. Рассмотрение структуры расходной части бюджета МО Боголюбовское сельское поселение за 2016 г.
5. Оценка эффективности использования бюджетных средств МО Боголюбовское сельское поселение за 2016 г.

В исследовании эффективность использования бюджетных средств МО Боголюбовское сельское поселение за 2016 г. оценивается по разноплановым показателям, характеризующим деятельность местных органов власти муниципального образования по полномочиям, финансируемым бюджетными средствами: «Общегосударственные вопросы», «Национальная оборона», «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность», «Национальная экономика», «Жилищно-коммунальное хозяйство», «Культура», «Межбюджетные трансферты (земельный контроль)», «Социальная политика».

Шкала оценивания результата (динамики) показателей деятельности местных органов власти основывалась на следующей системе баллов: 0 — не выполнено, 2 — выполнено частично, 4 — выполнено полностью.

Структура расходной части бюджета муниципального образования в разрезе функциональной классификации отражает приоритетные направления деятельности местных органов власти. Расходы бюджета МО Боголюбовское сельское поселение за 2016 г. классифицируются по следующим разделам:

— общегосударственные вопросы;
— национальная оборона;
— национальная безопасность и правоохранительная деятельность;
— национальная экономика;
— жилищно-коммунальное хозяйство;
— культура;
— межбюджетные трансферты (земельный контроль);
— социальная политика.

Более 90% бюджетных средств в 2016 г. были направлены на решение вопросов в области национальной экономики (38,55%), жилищно-коммунального хозяйства (33,58%) и культуры (18,37%).

Оценка эффективности показателей деятельности местных органов власти по полномочиям, финансируемым бюджетными средствами, определялась по формуле:

$$E_{n_x} = \frac{D_n}{P_n}, \quad (1)$$

где En_x – эффективность показателя деятельности местных органов власти по полномочиям, финансируем бюджетными средствами (в процентах); Dn – оценка результата (динамики) показателя деятельности местных органов власти по полномочиям, финансируем бюджетными сред-

ствами; *Pn* – доля бюджетных расходов по каждой статье финансирования (в процентах).

Оценка эффективности использования бюджетных средств муниципального образования определяется по формуле:

$$E = \frac{E_{n_{x1}} + E_{n_{x2}} + \ldots + E_{n_{xn}}}{M}, \quad (2)$$

где E – эффективность использования бюджетных средств муниципального образования; En_{x1}, En_{x2}, ..., En_{xn} – эффективность показателей деятельности местных органов власти по полномочиям, финансируем бюджетными средствами; M – количество показателей.

Критерии оценки эффективности работы муниципальной власти:

- работа муниципальной власти эффективна, если «Е» $\geqslant$ 80%;
- работа муниципальной власти эффективна в недостаточной степени, если 50% < «Е» < 80%;
- работа муниципальной власти неэффективна, если «Е» $\leqslant$ 50%.

Эффективность использования бюджетных средств МО Боголюбовское сельское поселение за 2016 г., рассчитанная по формуле (2), равна 54,79%. Работа муниципальной власти МО Боголюбовское сельское поселение за 2016 г. эффективна в недостаточной степени, так как находится в следующем диапазоне: 50% < 54,79% < 80%.

Для оптимизации расчета оценки эффективности использования бюджетных средств МО Боголюбовское сельское поселение за 2016 г. используется компонент пакета Microsoft Office – MS Excel.

Авторами установлено, что принятая методика, как и полученная оценка эффективности работы муниципальной власти МО Боголюбовское сельское поселение за 2016 г., является необъективной[1].

Во-первых, используемая методика оценки эффективности использования бюджетных средств не позволяет дать комплексную оценку эффективности работы муниципальной власти, поскольку оцениваются только показатели, характеризующие деятельность местных органов власти по полномочиям, финансируемым бюджетными средствами.

Во-вторых, сегодня в России отсутствует четкая научно-методическая база оценки эффективности работы муниципальной власти на уровне сельского поселения, в том числе и оценки эффективности использования бюджетных средств, вследствие чего эффективность оценивается разными способами, что не позволяет сопоставить эффективность работы муниципальной власти сельских поселений.

---

[1] Оценка эффективности работы муниципальной власти: научная монография / И. И. Савельев, С. В. Никифорова. М.: РУСАЙНС, 2017. — 214 с.

Поэтому возникает объективная необходимость в разработке более комплексного подхода. Представим его возможные основные положения.

Методика оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления сельских поселений (далее – деятельности органов местного самоуправления) разработана с целью определения единых методических подходов к оценке эффективности работы муниципальной власти на уровне сельских поселений для оценки показателей, характеризующих качество жизни населения, уровня социально-экономического развития сельского поселения, степени внедрения методов и принципов управления, обеспечивающих переход к более результативным моделям муниципального управления.

Результаты оценки позволяют определить зоны, требующие приоритетного внимания муниципальных властей, сформировать перечень мероприятий по решению проблем и повышению результативности деятельности органов местного самоуправления, в том числе по оптимизации неэффективных расходов, а также выявить внутренние ресурсы (финансовые, материально-технические, кадровые и т.д.) повышения качества и объема предоставляемых населению услуг.

Муниципальное хозяйство представляет собой сложный комплекс отраслей экономики, тесно связанных между собой и объединенных общей целью удовлетворения общественных потребностей путем создания нормальных условий жизни населения и обеспечения стабильной экономики. Основой оценки эффективности работы муниципальной власти выступает система показателей, необходимых для проведения комплексного анализа и расчета эффективности деятельности органов местного самоуправления и дифференцируемых по направлениям: территория, население, экономическое развитие (промышленность, сельское хозяйство и агропромышленный комплекс, развитие малого и среднего предпринимательства), муниципальное хозяйство (жилищно-коммунальный комплекс, транспортный комплекс и дорожное хозяйство, комплекс потребительского рынка, комплекс служб, обеспечивающих общественную безопасность, система связи и информации, социальная сфера (образование, здравоохранение, физическая культура и спорт, культура, социальная защита населения), система управления, местный бюджет, удовлетворенность населения деятельностью органов местного самоуправления.

В качестве исходных данных для проведения оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления используются официальная статистическая информация, официальные статистические данные Федеральной службы государственной статистики, данные ведомственной статистики. Анализ удовлетворенности населения осуществляется на основании информации, полученной по результатам социологического опроса.

В качестве показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления (далее – показатели) использовались следующие:

1. *Территория:*
   - общая площадь земель сельского поселения — га;
   - общая площадь сельскохозяйственных угодий — га;
   - общая площадь застроенных земель — га;
   - наличие утвержденного генерального плана;
   - наличие утвержденных правил землепользования и застройки.
2. *Население:*
   - численность постоянного населения — чел.;
   - число родившихся — чел.;
   - общий коэффициент рождаемости — %;
   - число умерших — чел.;
   - общий коэффициент смертности — %;
   - естественный прирост населения — чел.;
   - коэффициент естественного прироста населения — %;
   - число прибывших — чел.;
   - коэффициент прибытия — %;
   - число выбывших — чел.;
   - коэффициент выбытия — %;
   - миграционный прирост населения — чел.;
   - коэффициент миграционного прироста населения — %;
   - средняя плотность населения — чел./км^2;
   - размещение населения на территории, трудоспособное население — %;
   - возрастная структура населения, этнический состав населения.
3. *Экономическое развитие*:
   - промышленность;
   - сельское хозяйство и агропромышленный комплекс;
   - развитие малого и среднего предпринимательства.
4. *Муниципальное хозяйство:*
   - жилищно-коммунальный комплекс;
   - транспортный комплекс и дорожное хозяйство;
   - комплекс потребительского рынка;
   - комплекс служб, обеспечивающих общественную безопасность;
   - система связи и информации;
   - социальная сфера.
5. *Система управления:*
   - функционирование главы муниципального образования, направленное на решение вопросов местного значения поселения;

- функционирование местной администрации, направленное на решение вопросов местного значения поселения;
- деятельность старост населенных пунктов муниципального образования;
- укомплектованность штата местной администрации — %;
- административные регламенты.

6. *Бюджет:*
   - доходы местного бюджета, всего — тыс. руб.;
   - расходы местного бюджета, всего — тыс. руб.;
   - дефицит (–) / профицит (+) местного бюджета — тыс. руб.;
   - исполнение местного бюджета — %;
   - муниципальный долг — тыс. руб.
7. *Удовлетворенность населения деятельностью органов местного самоуправления* (в качестве инструмента использовался такой метод исследования, как социологический опрос: выборочное личное интервьюирование (опрос) по формализованной анкете, выборочное интервьюирование (опрос) по формализованной анкете, расположенной по ссылке http://opros-anketa.blogspot.ru/ и разработанной с помощью сервисов Google (Google Drive и Blogger).

Оценка эффективности показателей деятельности органов местного самоуправления производилась по разработанной шкале оценивания, сущность которой заключается в переводе динамики соответствующего показателя в балльную оценку.

Кроме того, были введены повышающие и понижающие коэффициенты, применяемые к значению оценки эффективности показателей.

Применение повышающего показателя — в случае если значение динамики показателя выше районного (областного) значения (при условии положительной динамики показателя).

Когда к одному показателю применяется несколько повышающих коэффициентов, данные коэффициенты перемножаются.

Также вводятся понижающие коэффициенты, применяемые к значению оценки эффективности показателей:

— в случае, если динамика показателей ниже уровня инфляции за год, – понижающий коэффициент равен разнице динамики показателя и инфляции;
— в случае, если значение показателя в анализируемом году ниже значения установленного социального норматива, – понижающий коэффициент равен частности значения показателя и значения установленного норматива;
— к показателям, характеризующим деятельность органов местного самоуправления по полномочиям, финансируемым бюджетными

средствами, в случае, если в анализируемом году результат (динамика) данных показателей отрицательный (ая), – понижающий коэффициент равен удельному весу денежных средств статьи расходной части бюджета, направленной на получение положительного (ой) результата (динамики) показателя.

Если значение оценки эффективности показателя положительное, то значение оценки умножается на коэффициент; если значение оценки эффективности показателя отрицательное, то значение оценки умножается на модуль коэффициента. В случае, когда к одному показателю применяется несколько понижающих коэффициентов, то данные коэффициенты перемножаются.

Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления рассчитывается как сумма основных показателей по формуле:

$$E = (E_{n_{x1}} + E_{n_{x2}} + \ldots + E_{n_{xn}}), \quad (3)$$

где E – эффективность деятельности органов местного самоуправления; En_{x1}, En_{x2}, ..., En_{xn} – эффективность показателей деятельности органов местного самоуправления.

Критерии оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления:

- деятельность органов местного самоуправления эффективна, если $E \geqslant 80$;
- деятельность органов местного самоуправления эффективна в недостаточной степени, если $50 < E < 80$;
- деятельность органов местного самоуправления неэффективна, если $E \leqslant 50$.

Апробация методики проходила на основе оценки эффективности работы муниципальной власти МО Боголюбовское сельское поселение Суздальского района Владимирской области[1].

В результате применения авторской методики была получена оценка эффективности работы муниципальной власти МО Боголюбовское сельское поселение за 2016 г., рассчитанная по формуле (3), которая оказалась равной 48,67.

Деятельность органов местного самоуправления МО Боголюбовское сельское поселение за 2016 г. неэффективна, так как оценка эффективности работы муниципальной власти оказалась меньше 50 (48,67).

По результатам полученной оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления определены зоны, требующие приоритетного внимания муниципальных властей, и построено проблемное поле

[1] Оценка эффективности работы муниципальной власти: научная монография / И.И. Савельев, С.В. Никифорова. М.: РУСАЙНС, 2017. — 214 с.

работы муниципальной власти МО Боголюбовское сельское поселение за 2016 г. в три этапа.

Первый этап – определение эффективности групп показателей деятельности органов местного самоуправления.

Второй этап – выявление неэффективных групп показателей и конкретных показателей данных групп.

Третий этап – построение проблемного поля работы муниципальной власти.

В данной научно-практической работе с целью повышения эффективности работы муниципальной власти разработаны предложения по решению проблем с учетом правовых и финансовых возможностей муниципального образования.

Ожидаемый результат проведения мероприятий по повышению эффективности работы муниципальной власти МО Боголюбовское сельское поселение прогнозируется на основе анализа проблемного поля, т.е. определяется оценка показателей, по которым проводились конкретные мероприятия, и показателей, на которые влияли проблемные показатели. Прогнозируемая оценка эффективности работы муниципальной власти МО Боголюбовское сельское поселение (без учета повышающих и понижающих коэффициентов) равна 56,135 (в 2016 г. – 44,953)[1].

Таким образом, предложенная авторами методика оценки эффективности работы муниципальной власти уходит от «классического» в настоящее время затратного подхода и выглядит более дифференцированной (возможно, более объективной) в охвате качественных и количественных показателей, характеризующих уровень и условия жизни населения, являющихся приоритетной целью развития муниципального образования.

В качестве показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления используются следующие разделы: территория; население; экономическое развитие; муниципальное хозяйство; система управления; бюджет; удовлетворенность населения деятельностью органов местного самоуправления.

Данная методика прошла свою апробацию на примере МО Боголюбовское сельское поселение Суздальского района Владимирской области. Кроме того, с помощью программного обеспечения разработана автоматизированная форма оценки эффективности работы муниципальной власти.

Список использованных источников

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (принят Государственной Думой 17.07.1998, с внесенными изменениями на 07.05.2013).

[1] Оценка эффективности работы муниципальной власти: научная монография / И.И. Савельев, С.В. Никифорова. М.: РУСАЙНС, 2017. — 214 с.

URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=146289

2. Закон Владимирской области от 26.11.2004 № 190-ОЗ «О наделении Суздальского района и вновь образованных муниципальных образований, входящих в его состав, соответствующим статусом муниципальных образований и установлении их границ» (принят Постановлением Законодательного Собрания Владимирской области от 17.11.2004 № 759, с внесенными изменениями на 05.08.2009). URL: http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW072;n=35754
3. Официальный интернет-портал администрации Владимирской области: [Электронный ресурс], 1998-2014. URL: http://www.avo.ru/
4. Официальный сайт администрации муниципального образования Боголюбовское сельское поселение Суздальского района Владимирской области: [Электронный ресурс], 2014. URL: http://mobogolubovo.ru/
5. Официальный сайт администрации Суздальского района Владимирской области: [Электронный ресурс], 2014. URL: http://suzdalregion.ru/
6. Оценка эффективности работы муниципальной власти: научная монография / И.И. Савельев, С.В. Никифорова. М.: РУСАЙНС, 2017. — 214 с.
7. Постановление Губернатора Владимирской области от 10.10.2011 № 1081 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Владимирской области» (с внесенными изменениями на 19.07.2013). URL: http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW072;n=68990
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 17.12.2012 № 1317 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» и подпункта «и» пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления». URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=139508
9. Указ Президента Российской Федерации от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» (с внесенными изменениями на 14.10.2012). URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=136553
10. Устав муниципального образования Боголюбовское сельское поселение: (принят решением Совета народных депутатов муниципального образования Боголюбовское сельское поселение от 14.02.2006 № 38, с внесенными изменениями на 16.07.2012). URL: http://mobogolubovo.ru/ustav/index.php
11. Устав Суздальского района (принят Решением Суздальского районного Совета народных депутатов от 28.06.2005 № 51, с внесенными изменениями на 22 мая 2013 года(. URL: http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW072;n=70572;dst=4294967295;rnd=0.6980074760504067;from=68733-NaN

12. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (принят Государственной Думой 16.09.2003, с внесенными изменениями на 25.11.2013).
13. *Ярошенко Т. П.*, *Каратаева Г. Е.* Модель эффективности бюджетных расходов муниципального образования [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3. URL: http://www.science-education.ru/103-6427/

ПРИЛОЖЕНИЕ 10

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ ВЛАДИМИРСКОЙ, ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТЕЙ И ПЕРМСКОГО КРАЯ И ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИХ ДИВЕРСИФИКАЦИИ

Характеристика малых городов Владимирской области по экономической специализации[1]

	Малые города	Население, чел.		Отрасль специализации	Направления диверсификации экономики
		01.01.17	01.01.17		
1	Курлово	6348	5992	Стекольное (ЗАО фирма «Символ»), деревообрабатывающее производство (ОАО «ЛинеаЛеньо», Курловский лесхоз)	Познавательный, религиозный, экологический туризм
2	Костерево	8641	8216	Производство технических пластмасс (ООО «Виркэн-Русь», 93АО «Завод ЛМД», ООО «КЭПП», ООО «Геопласт», ООО ПП «Эккопласт»)	Культурный, образовательный туризм
3	Суздаль	9978	9618	Гостиничный бизнес, общественное питание, сувенирная промышленность (ОАО «Цех сувениров города Суздаль»)	Познавательный, религиозный, событийный туризм
4	Судогда	10 794	10 442	Производство стекловолокна, кровельных материалов, конструкционных тканей, базальтовой нити (ОАО «Судогодские пластики»); легкая промышленность (льнопрядильная и швейная фабрики); мебельное производство; пищевая промышленность (ОАО «Судогодский молочный завод»)	Образовательный, экологический, лечебно-оздоровительный туризм

[1] Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http:7//www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/ (дата обращения: 23.06.2017); Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2018 года. Федеральная служба государственной статистики (РОССТАТ). М., 2018.

Продолжение табл.

	Малые города	Население, чел.		Отрасль специализации	Направления диверсификации экономики
		01.01.17	01.01.17		
5	Камешково	12 722	12 496	Производство оборудования (ОАО «Камешковский механический завод»), прядильно-ткацкая фабрика (ООО «Детская одежда»); Завод напольных покрытий (ООО «Juteks RU»); Владимирский краностроительный завод «ВКЗ»	Познавательный, экологический, лечебно-оздоровительный туризм
6	Гороховец	13 233	12 779	Производство оборудования (завод ОАО «Элеватормельмаш»); стекольная промышленность (завод ООО «Русджам»); цеха деревообработки, металлообработки и металлоконструкций на базе Гороховецкого колледжа	Познавательный, религиозный, лечебно-оздоровительный туризм
7	Струнино	13 829	13 094	Легкая промышленность: швейная (ОАО «Струнинский райпромкомбинат» — производство одеял и подушек), текстильная (ОАО «Здравмедтех-М» — стерильное белье для операционных)	Религиозный, экологический туризм
8	Петушки	13 915	13 112	Производство кровельных и гидроизолирующих материалов (Завод ОАО «Икопал»); завод поршневых колец «Стакол»; ОАО «Петушинский металлический завод»; переработка древесины (ОАО «Петушкиинтерлес»); теплообменное оборудование (ОАО «Завод «Промэнерго»)	Экологический туризм
9	Карабаново	14 923	14 876	Крупные предприятия отсутствуют, действуют мелкие предприятия пищевой и легкой промышленности, бытовых услуг населению	Аграрный, экологический туризм
10	Меленки	14 302	13 789	Меленковский филиал Елатомского приборного завода, Меленковский льняной комбинат; Меленковская швейная фабрика (спецодежда из брезента), литейно-механический завод	Аграрный, экологический туризм

Продолжение табл.

	Малые города	Население, чел.		Отрасль специализации	Направления диверсификации экономики
		01.01.17	01.01.17		
11	Лакинск	14 895	14 330	Пищевая промышленность (ООО «Клинские снеки», ОАО «Лакинское молоко», ООО «ВАН», ООО «Пресс», ЗАО «Де Хес»), мебельное производство (фабрика ОАО «Лакинск-мебель»)	Познавательный, экологический туризм
12	Покров	17 762	17 025	Кондитерская фабрика компании KraftFoods, завод биопрепаратов, швейная фабрика, завод железобетонных изделий и конструкций, энергомеханический завод «Промэнерго», Ювелирный завод «Золотые Купола», фабрика пряничных изделий «Покровский пряник»	Религиозный, лечебно-оздоровительный туризм
13	ЗАТО Радужный	18 369	18 471	Градообразующее предприятие города — Федеральное казенное предприятие «Государственный лазерный полигон «Радуга»	Экологический туризм
14	Собинка	18 510	17 799	Ведущее предприятие — прядильно-ткацкая фабрика ООО «Собинский текстиль»; швейное производство (ОАО «Собинская швейная фабрика», ООО «Фэшнстайл»)	Аграрный, экологический туризм
15	Юрьев-Польский	19 031	18 433	Ткацко-отделочная фабрика «Авангард»; завод «Промсвязь» (электросиловое оборудование); ОАО «Юрьев-Польский мясокомбинат», ОАО «Юрьев-Польский завод сухого обезжиренного молока»	Религиозный, экологический, лечебно-оздоровительный туризм
16	Киржач	27 788	26 676	Завод автотракторной осветительной арматуры (ОАО «Завод «Автосвет»), ОАО «КИЗ» (металлообрабатывающий инструмент), ОАО «Киржачская мебельная фабрика»; ОАО «Киржачская швейная фабрика», ОАО «Киржачская типография»; ЗАО «Першинское литье» (пожарное оборудование).	Религиозный, образовательный, аграрный, лечебно-оздоровительный туризм

Окончание табл.

	Малые города	Население, чел.		Отрасль специализации	Направления диверсификации экономики
		01.01.17	01.01.17		
17	Вязники	37 846	35 865	Развитое промышленное производство: ОАО «Объединенные автомобильные технологии», ОАО «Автоцентр ОСВАР» (тракторное оборудование); ОАО «Промтекс», ОАО «Ярцевское льняное производство», Вязниковская текстильно-галантерейная фабрика; Вязниковский завод радиоэлектронной техники (производство электроники)	Религиозный, образовательный, лечебно-оздоровительный, аграрный туризм
18	Кольчугино	44 125	43 089	Развитое промышленное производство: ЗАО «Кольчугцветмет» (обработка цветных металлов); АО «Электрокабель кольчугинский завод» (кабельно-проводниковая продукция); ЗАО ТД «Кольчуг-Мицар» (производство посуды); ООО «Кольчугцветметобработка» (производство труб из цветных металлов); ЗАО «Интерсильверлайн»; ОАО «Электродвигатель» (выпуск генераторов)	Познавательный, религиозный, лечебно-оздоровительный туризм

Характеристика малых городов Тульской области по экономической специализации[1]

	Малые города	Население, чел.		Отрасль специализации	Направления диверсификации экономики
		01.01.17	01.01.17		
1	Чекалин	964	914	Предприятия отсутствуют	Познавательный, религиозный туризм, промышленность
2	Советск	7347	7405	Завод котельно-вспомогательного оборудования и трубопроводов, завод теплоизоляционных материалов, швейная фабрика «Луч», Огаревский ДОЗ (мебель для дачных участков); ООО «ЭсСиЭй-Хайджин Продактс Раша» (бумажная продукция)	Экологический туризм
3	Липки	9011	8541	Депрессивная территория НПО «Пульс» (противопожарная продукция)	Экологический туризм
4	Болохово	9144	9043	Развитое производство – 7 предприятий. Производство систем отопления, интерьеров салона электропоездов (ООО «Стигр-3»)	Промышленность, экологический, аграрный туризм
5	Белев	13 448	13 180	Производство оборудования (завод ОАО «Трансмаш»)	Религиозный, образовательный, лечебно-оздоровительный, аграрный туризм
6	Венев	14 198	14 191	Веневский завод алмазного инструмента (ОАО «ВеАл»), маслозавод (ОАО «Российские семена»), фабрика «SCAHYGIENEPRODUCTSRUSSIA»	Религиозный, образовательный, лечебно-оздоровительный, аграрный туризм
7	Плавск	15 992	15 920	Плавский машиностроительный завод ОАО «Плава»	Развитый центр туризма. Культурный, религиозный, лечебно-оздоровительный, аграрный туризм

[1] Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/ (дата обращения: 23.06.2017); Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2018 года. Федеральная служба государственной статистики (РОССТАТ). М., 2018.

Окончание табл.

	Малые города	Население, чел.		Отрасль специализации	Направления диверсификации экономики
		01.01.17	01.01.17		
8	Ясногорск	15 872	15 706	Промышленное производство (ЗАО «Русская горно-насосная компания», заводы ОАО «ИЭК Металл-Пласт», ОАО «Элпластик», ОАО «Элитпласта»); обработка металлов (ООО «Центрнасоссервис», ООО ПТПП «Фагот», ООО «Гиперпресс»)	Культурный, религиозный туризм
9	Суворов	17 829	17 450	Производство железобетонных изделий (ОАО «СПК Мосэнергострой»)	Экологический туризм
10	Киреевск	24 911	25 741	Завод легких металлических конструкций, химический комбинат, две текстильные фабрики	Промышленность, экологический, аграрный туризм
11	Кимовск	26 591	25 951	КРЭМЗ (Кимовский радиоэлектромеханический завод), ЗАО «Завод Гидропривод», 2 швейные фабрики	Культурный, аграрный туризм
12	Богородицк	31 363	31 135	ОАО «Ресурс» (производство резисторов), ООО «Ресурс-Полимер» (сушилки, фумигаторы), ООО «Завод 423» (контрольно-измерительные приборы), подразделение ООО «Юнайтед Термо» (трубопроводные полимерные системы)	Культурный, религиозный туризм
13	Ефремов	36 773	35 158	Моноотраслевой промышленный город: Ефремовский завод синтетического каучука (ОАО «ЕЗСК»); Ефремовский биохимический завод (кормовые добавки); Ефремовский химический завод (ОАО «Щекиноазот», Ефремовский филиал)	Культурный, религиозный туризм

Характеристика малых городов Пермского края по экономической специализации[1]

	Малые города	Население, чел.		Отрасль специализации	Направления диверсификации экономики
		01.01.17	01.01.18		
1	Чермоз	3597	3457	Сельское хозяйство, розничная торговля, машиностроение (завод нефтегазового машиностроения «ООО Синергия»)	Развитие познавательного, экологического, агротуризма
2	Чердынь	4674	4677	Разработка солевых месторождений, производство за чертой города	Развитие религиозного, познавательного, экологического и агротуризма
3	Усолье	5979	6323	Сельское хозяйство, розничная торговля, лесная и деревообрабатывающая промышленность	Развитие религиозного и познавательного туризма
4	Оханск	7096	7087	Сельское хозяйство, производство пиломатериалов, швейное производство (ОАО «Оханская швейная фабрика»)	Развитие экологического, агротуризма
5	Гремячинск	9430	8732	Лесопереработка (ДОК «Гремячинский», ООО «ПЛПК»), газокомпрессорная станция (Гремячинское ЛПУ МГ), автомобилестроение (завод ОАО «Автоспецоборудование»), легкая промышленность	Образование, здравоохранение и экологический туризм
6	Горнозаводск	11 575	11 375	Монопроизводство ОАО «Горнозаводскцемент»	Транспортная отрасль, сфера культуры
7	Александровск	13 353	12 562	Развитие промышленного производства (ОАО «Александровский машиностроительный завод», ОАО «Алекстром» (опытный завод по производству стеновых материалов)	Образование, здравоохранение, транспортная отрасль и туризм

[1] Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/ (дата обращения: 23.06.2017); Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2018 года. Федеральная служба государственной статистики (РОССТАТ). М., 2018.

Продолжение табл.

	Малые города	Население, чел.		Отрасль специализации	Направления диверсификации экономики
		01.01.17	01.01.18		
8	Очер	14 091	14 226	Литейная, мебельная промышленность, производство пиломатериалов, сельское хозяйство, машиностроение (ОАО «Очерский машиностроительный завод»)	Туризм и рекреация, экологический и агротуризм
9	Красновишерск	15 733	15 355	Лесная, деревообрабатывающая промышленность, цветная металлургия. Крупные предприятия являются банкротами	Образование, здравоохранение, транспортная отрасль, экологический туризм
10	Кизел	16 642	14 883	Ликвидация основных градообразующих предприятий, бюджетная сфера	Туризм и рекреация, экологический и агротуризм
11	Нытва	18 878	18 608	Градообразующее предприятие – ОАО «Нытвенский металлургический завод»	Развитие познавательного, экологического и агротуризма
12	Губаха	21 160	19 831	Химическая промышленность — ПАО «Метафракс», ОАО «Губахинский кокс»	Транспорт, сфера культуры и туризм
13	Оса	21 201	21 061	Машиностроение, деревообработка, пищевая промышленность	Культурный центр – развитие познавательного туризма
14	Верещагино	22 328	21 969	Машиностроение, сельское хозяйство, текстильная промышленность	Транспорт, промышленность и туризм
15	Кудымкар	30 739	31 370	Пищевая промышленность (ОАО «Молоко», ОАО «Мясокомбинат»), торговля	Развитие религиозного, познавательного, экологического и агротуризма
16	Чернушка	32 687	32 909	Нефтяная промышленность и строительство (ООО «Лукойл-Пермь»); ремонтное производство (ООО «АРГОС»-ЧУРС); строительство дорог (ООО «ДОРОС»), выпуск кирпича (ООО «Чернушкастройкерамика»)	Промышленность, транспорт, туризм, санаторно-курортная деятельность

Окончание табл.

	Малые города	Население, чел.		Отрасль специализации	Направления диверсификации экономики
		01.01.17	01.01.18		
17	Добрянка	33 291	32 676	Топливно-энергетический и лесопромышленный комплекс (филиал «Пермская ГРЭС» АО «Интер РАО — Электрогенерация»; НГДУ «Полазнанефть» ЗАО «Лукойл-Пермь», ЗАО «Лукойл-Бурение-Пермь», АО «Добрянка-мебель», филиал ЗАО ПО «Уралэнергомонтаж»)	Промышленность, транспорт, туризм, санаторно-курортная деятельность
18	Чусовой	45 719	44 779	Черная металлургия, машиностроение и металлообработка (ОАО «Чусовский металлургический завод», «УралДомнаРемонт», «МеталлургСервис»)	Промышленность, транспорт, туризм, санаторно-курортная деятельность

ПРИЛОЖЕНИЕ 11

ПРОБЛЕМЫ МАЛЫХ ГОРОДОВ И ИСТОРИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ (на примере г. Суздаль)

Проблемы малых городов и исторических

Итоговый форум
"Сообщество"

Сахаров Сергей Владимирович
Глава администрации города Суздаля

2 Ноября 2018г.

Таким привыкли видеть город Суздаль

Таким привыкли видеть город Суздаль

Таким привыкли видеть город Суздаль

Событийные мероприятия

Масленица

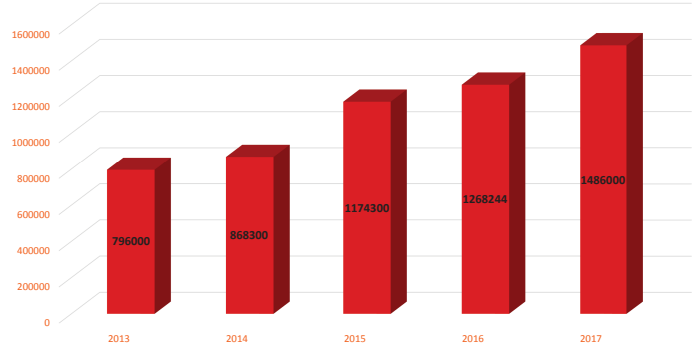
Событийные мероприятия

Яблочный спас

Событийные мероприятия

День огурца

Рост туристического потока в Суздале (чел/год)



Но есть проблемы:

1. Рост туристического потока в Суздале

Влияние туристического потока на муниципальную доходность

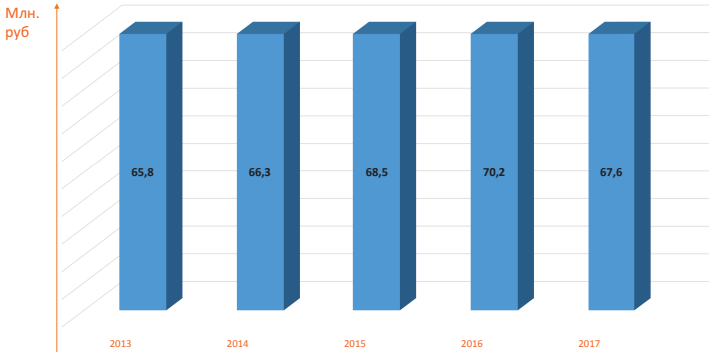
Рост туристического потока

=

Бюджет города

Все в этом уверены

Налоговые доходы бюджета



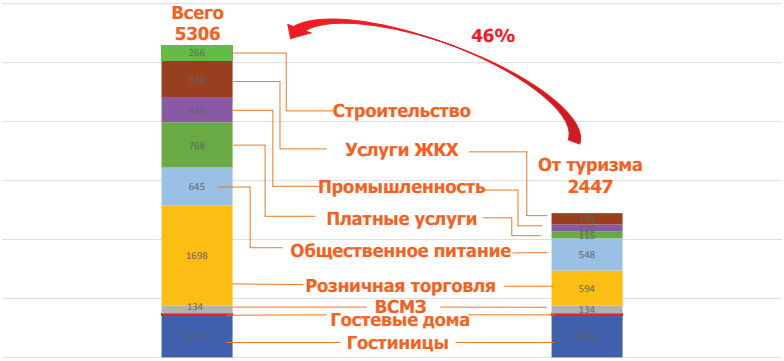
Зависимость налоговой базы от роста туристического потока

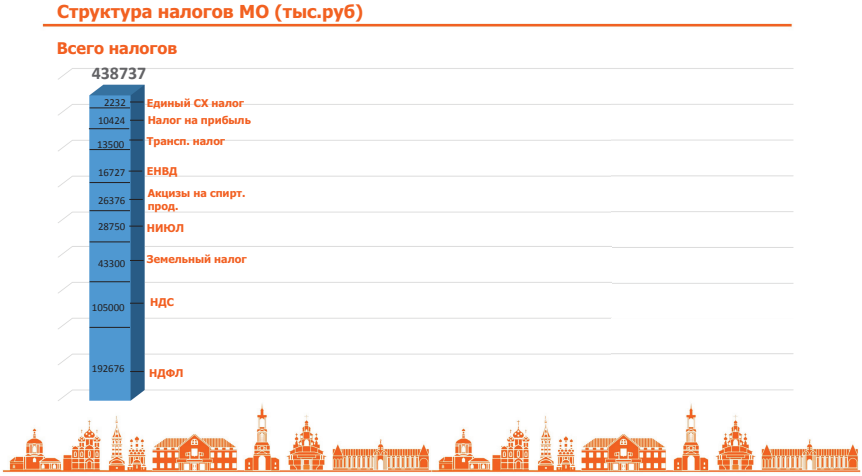
Зависимость налоговой базы от роста туристического потока

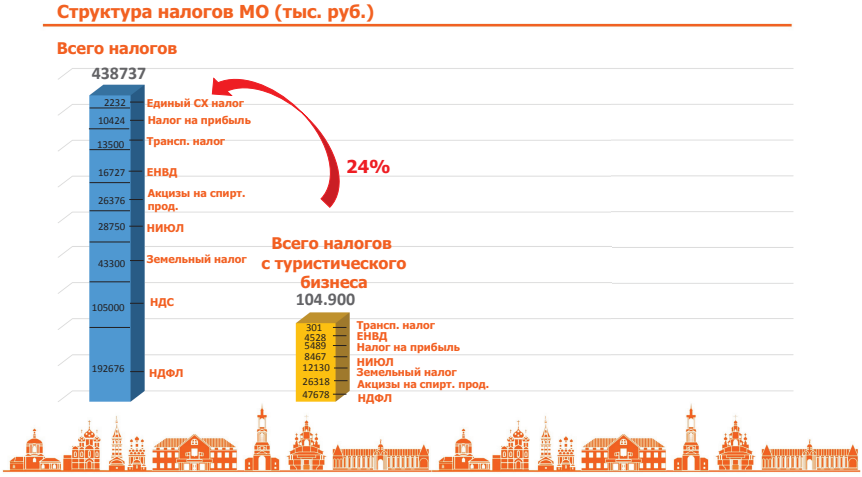
Общий объем денежных средств в г.Суздале

№	Наименование	Оборот малых и средних предприятий млн.руб	Из них от туристических потоков	
			Млн.руб	%
1	Гостиницы	701,3	701,3	100%
2	Гостевые дома	43,5	43,5	100%
3	Розничная торговля(магазины)	1698,0	594,3	35%
4	Общественное питание (рестораны, кафе, бары и.т.д.)	645,0	548,0	85%
5	Платные услуги	768,1	115,2	15%
6	Строительство	266,5	-	-
7	Промышленность	414,9	120,0	29%
8	Услуги ЖКХ	634,8	191,4	30%
9	ВСМЗ	134,0	134,0	100%
9	**Итого:**	5306,1	2447,4	46%

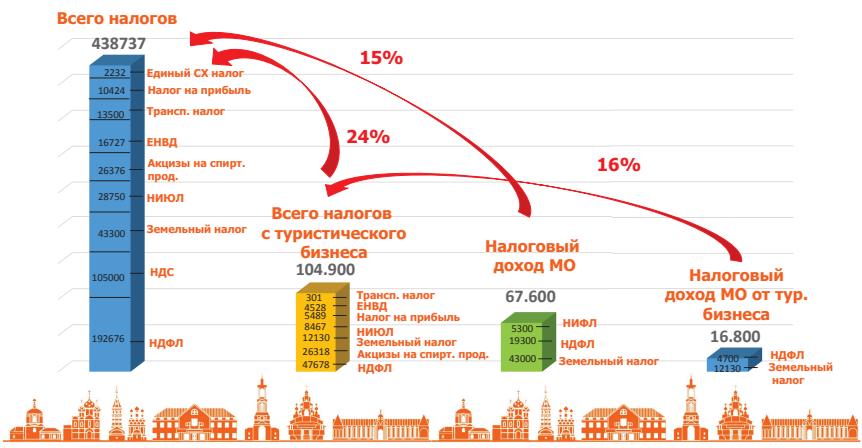
Доходы МО г. Суздаля (млн руб.)

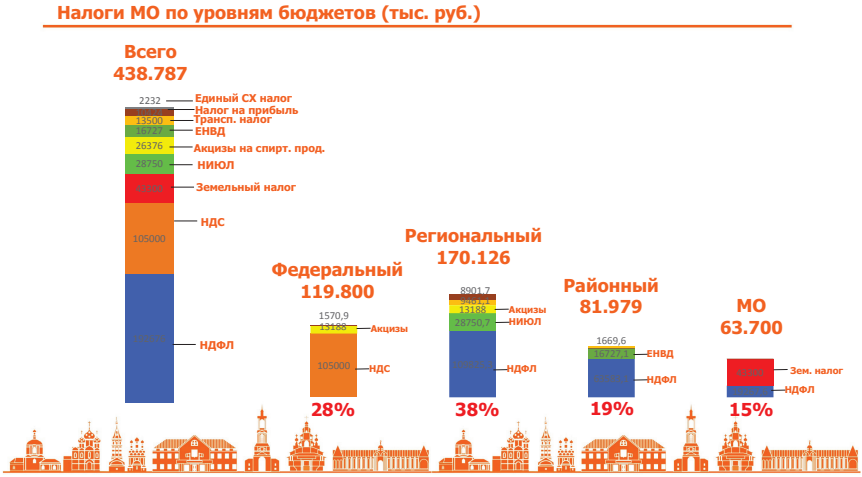



Структура налогов МО (тыс.руб)
Всего налогов
438737
2232
Единый СХ налог
10424
Налог на прибыль
13500
Трансп. налог
16727
ЕНВД
26376
Акцизы на спирт. прод.
28750
НИЮЛ
43300
Земельный налог
105000
НДС
192676
НДФЛ


Структура налогов МО (тыс. руб.)
Всего налогов
438737
2232
Единый СХ налог
10424
Налог на прибыль
13500
Трансп. налог
16727
ЕНВД
26376
Акцизы на спирт. прод.
28750
НИЮЛ
43300
Земельный налог
105000
НДС
192676
НДФЛ
24%
Всего налогов с туристического бизнеса
104.900
301
Трансп. налог
4528
ЕНВД
5489
Налог на прибыль
8467
НИЮЛ
12130
Земельный налог
26318
Акцизы на спирт. прод.
47678
НДФЛ

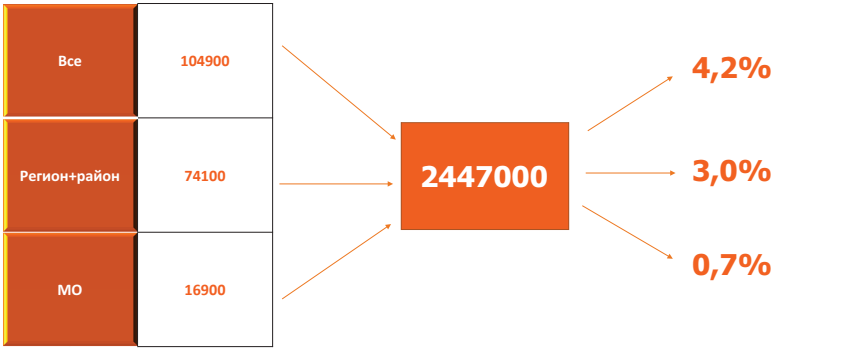
Структура налогов МО (тыс. руб.)
Всего налогов
438737
2232 Единый СХ налог
10424 Налог на прибыль
13500 Трансп. налог
16727 ЕНВД
26376 Акцизы на спирт. прод.
28750 НИЮЛ
43300 Земельный налог
105000 НДС
192676 НДФЛ
15%
24%
Всего налогов с туристического бизнеса
104.900
301 Трансп. налог
4528 ЕНВД
5489 Налог на прибыль
8467 НИЮЛ
12130 Земельный налог
26318 Акцизы на спирт. прод.
47678 НДФЛ
Налоговый доход МО
67.600
5300 НИФЛ
19300 НДФЛ
43000 Земельный налог


Структура налогов МО (тыс. руб.)
Всего налогов
438737
2232 Единый СХ налог
10424 Налог на прибыль
13500 Трансп. налог
16727 ЕНВД
26376 Акцизы на спирт. прод.
28750 НИЮЛ
43300 Земельный налог
105000 НДС
192676 НДФЛ
15%
24%
16%
Всего налогов с туристического бизнеса
104.900
301 Трансп. налог
4528 ЕНВД
5489 Налог на прибыль
8467 НИЮЛ
12130 Земельный налог
26318 Акцизы на спирт. прод.
47678 НДФЛ
Налоговый доход МО
67.600
5300 НИФЛ
19300 НДФЛ
43000 Земельный налог
Налоговый доход МО от тур. бизнеса
16.800
4700 НДФЛ
12130 Земельный налог

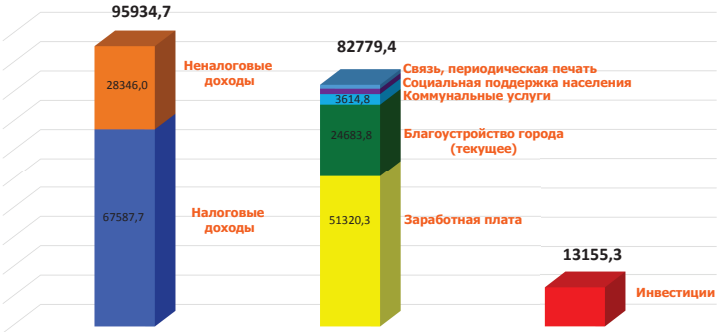

Налоги МО по уровням бюджетов (тыс. руб.)
Всего
438.787
2232
Единый СХ налог
Налог на прибыль
13500
Трансп. налог
16727,1
ЕНВД
26376
Акцизы на спирт. прод.
28750,7
НИЮЛ
Земельный налог
105000
НДС
НДФЛ
Федеральный
119.800
1570,9
13188
Акцизы
105000
НДС
28%
Региональный
170.126
8901,7
13188
Акцизы
28750,7
НИЮЛ
НДФЛ
38%
Районный
81.979
1669,6
16727,1
ЕНВД
НДФЛ
19%
МО
63.700
Зем. налог
НДФЛ
15%

Налоги от туризма по уровням бюджетов (тыс. руб.)
Всего
104.900
4526
Трансп. налог
ЕНВД
Налог на прибыль
8467,9
НИЮЛ
Земельный налог
26318,6
Акцизы на спирт. прод.
НДФЛ
Федеральный
13.980
823,3
13159,3
Акцизы
13%
Региональный
53.800
301,6
8469,7
НИЮЛ
13159,3
Акцизы
НДФЛ
52%
Районный
20.300
4526
ЕНВД
НДФЛ
19%
МО
16.900
Зем. налог
НДФЛ
16%

Соотношение выручки от турпотока к налогам (тыс. руб.)



Баланс доходов и расходов МО г.Суздаль (тыс. руб.)



Перечень мероприятий по развитию и реконструкции инфраструктуры в рамках подготовки празднования 1000-летия основания г.Суздаля

№ п/п	Наименование мероприятий	Сумма, млн.руб
	Водоснабжение	
1	Строительство станции водоподготовки на водозаборе ул. Садовая, производительностью 3000 м.куб/сут.	67
2	Капитальный ремонт существующих сетей водоснабжения (30 км.)	85
3	Реконструкция существующих дюкерных водопроводных линий (5 шт.)	28
4	Строительство артезианских скважин г.Суздаля (7 шт.)	12
5	Строительство новых магистральных водопроводов (20 км.)	57
6	Восстановление ограждения первого пояса ЗСО водозаборных сооружений	23
7	Строительство кольцующих перемычек на существующих сетях (1,63 км)	4
8	Капитальный ремонт зданий и оборудования на водозаборе ул.Промышленная	235
9	Капитальный ремонт зданий и оборудования на водозаборе ул.Садовая	27
10	Капитальный ремонт оборудования на водозаборе ул. Михайловская	3
	итого	541

Перечень мероприятий по развитию и реконструкции инфраструктуры в рамках подготовки празднования 1000-летия основания г.Суздаля

№ п/п	Наименование мероприятий	Сумма, млн.руб
	Водоотведение	
1	Реконструкция очистных сооружений производительностью до 4400 м3/суки	245
2	Капитальный ремонт существующих канализационных насосных станций (КНС) 7 шт.	36
3	Капитальный ремонт существующих сетей канализации (20 км.)	87
4	Строительство КНС 3шт.	18
5	Строительство самотечной канализации (12 км.)	54
6	Строительство напорных сетей канализации в 2-х трубном исполнении (1,2 км.)	9
7	Капитальный ремонт существующих дюкерных линий (2 шт.)	23
8	Капитальный ремонт и строительство ливневой канализации	170
	итого	642

Перечень мероприятий по развитию и реконструкции инфраструктуры в рамках подготовки празднования 1000-летия основания г.Суздаля

№ п/п	Наименование мероприятий	Сумма, млн.руб
	Теплоснабжение	
1	Строительство блочно-модульной котельной (ул. Промышленная)	65
2	Капитальный ремонт существующих тепловых сетей Ду100-Ду400, протяженностью 20 км	190
3	Строительство 4-х трубной системы теплоснабжения от котельной на ул.Промышленная и котельной на ул.Лесная (перевод на закрытую систему ГВС)	850
4	Реконструкция котельной ул.Лесная	8
5	Строительство котельной на ул.Васильевская	8
	итого	1121

Перечень мероприятий по развитию и реконструкции инфраструктуры в рамках подготовки празднования 1000-летия основания г.Суздаля

№ п/п	Наименование мероприятий	Сумма, млн.руб
	Дорожное хозяйство и благоустройство	
1	Ремонт дорожного покрытия	456
2	Капитальный ремонт автомобильных мостов (3 шт.)	252
3	Капитальный ремонт пешеходных мостов (4 шт.)	5
4	Строительство тротуаров в асфальте и плитке	98
5	Строительство велодорожек и велополос	93
6	Устройство парковок	18
7	Благоустройство парка 950-летия	138
8	Благоустройство городских скверов	86
9	Благоустройство дворовых территорий	176
10	Очистка и благоустройство прудов	18
11	Реконструкция плотин	78
12	Экологическая реабилитация реки Каменка	65
13	Капитальный ремонт базы МБУ г.Суздаля «Благоустройство»	43
14	Обновление парка спецтехники МБУ г.Суздаля «Благоустройство»	63
15	Строительство городских дорог в том числе для многодетных семей	268
	итого	1857

Перечень мероприятий по развитию и реконструкции инфраструктуры в рамках подготовки празднования 1000-летия основания г.Суздаля

№ п/п	Наименование мероприятий	Сумма, млн.руб
1	Электроснабжение	484
2	Водоснабжение	541
3	Водоотведение	642
4	Теплоснабжение	1121
5	Дорожное хозяйство и благоустройство	1857
	итого	4645

Туристический поток и бюджет города

«Что недостает?»

Бюджет города

Рост туристического потока

× (?) =

Возможные решения проблемы

1. Туристический налог:
- **гостиницы (с ночевки);**
- **рестораны, кафе (% от суммы чека);**
- **сувенирная продукция (% от суммы покупки).**

2. Увеличение НДФЛ
сегодня:
- **10 % - городской бюджет;**
- **33 % - районный бюджет;**
- **57 % - бюджет региона.**

3. Отмена или компенсация льгот по земельному налогу с музейных объектов.

2. Разрушающиеся памятники

Разрушающиеся памятники

Разрушающиеся памятники

Разрушающиеся памятники

Разрушающиеся памятники

Возможное решение проблемы

Для жителей-собственников, проживающих в объектах культурного наследия, возобновить выплату компенсации затрат, связанных с реставрацией.

3. Благоустройство

Сегодняшнее состояние (дороги)

улица Мира

Сегодняшнее состояние (тротуары)

бульвар Всполье

Сегодняшнее состояние (дворы)

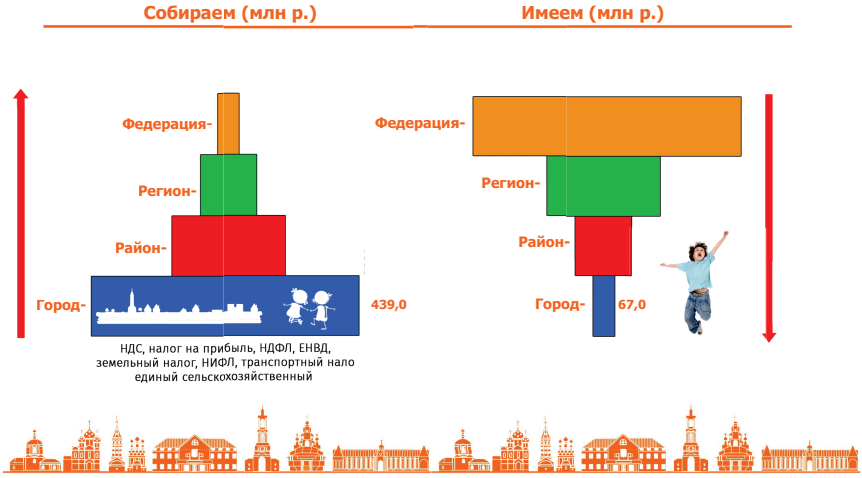
улица Советская

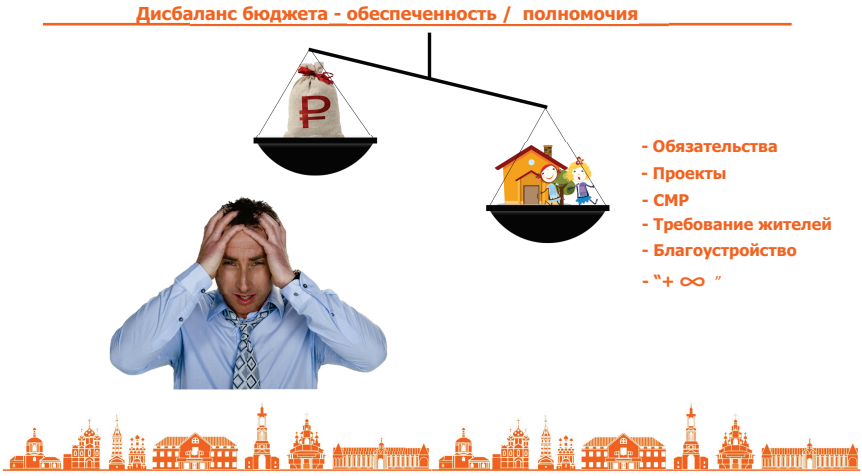
Сегодняшнее состояние (остановки общественного транспорта)

улица Гоголя

Государственная программа по формированию современной городской среды на территории города Суздаля в 2017 году

Федеральный бюджет	- 2,975 млн. руб.
Региональный бюджет	- 0,525 млн. руб.
Местный бюджет	- 0,617 млн. руб.
ИТОГО	- 4,118 млн. руб.


Собираем (млн р.)
Имеем (млн р.)
Федерация-
Регион-
Район-
Город-
439,0
НДС, налог на прибыль, НДФЛ, ЕНВД, земельный налог, НИФЛ, транспортный нало единый сельскохозяйственный
Федерация-
Регион-
Район-
Город-
67,0


Дисбаланс бюджета - обеспеченность / полномочия
- Обязательства
- Проекты
- СМР
- Требование жителей
- Благоустройство
- "+ ∞ "

Возможности малых городов

Участие в целевых программах!

Но МО обязаны:

Проектно-сметная документация (ПСД) – 100%

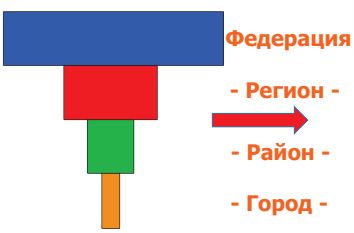
Экспертиза – 100%

Доля софинансирования – 5-40%

Что имеем сегодня?

Варианты строительства объектов МО

Задача – дать большую бюджетную обеспеченность МО

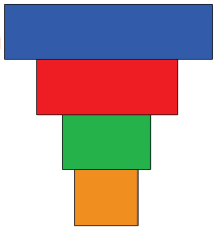


Федерация

- Регион -

- Район -

- Город -



Как?

- Акцизы
- НДФЛ
- НДЮЛ
- НДС
- Тур. налог
- Др.

ПРИЛОЖЕНИЕ 12

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ СЕТЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МАЛЫХ ГОРОДОВ[1]

[1] Разработано проектной группой студентов в НИУ ВШЭ. Руководитель группы: М. Ю. Шерешева. Студенты: Илинич Анна, Васильева Александра, Цахаев Гарун, Филатова Ирина.

Торжок (Тверская область)

Население	46 000 человек
Предприятия	• вагоностроительный завод • завод противопожарной техники • завод полиграфических красок
Безработица	1,1% (официальные данные)
Пособия	от 800 до 4 900 рублей в месяц

Рейтинг* малых городов по основным показателям социально-экономического развития

Показатель	Малоярославец	Суздаль	Галич	Торжок	Осташков
Демографическая ситуация	1	3	3-4	2	5
Уровень жизни и доходов населения	1	3	5	2	4
Уровень развития экономики					
уровень развития промышленности	1	3-4	3-4	2	5
инвестиции	1	4	3	2	5
торговля	2	1	5	3	4
платные услуги	2	1	5	3	4
строительство	1	4	5	3	2
Бюджетная обеспеченность	1	2-3	2-3	4-5	4-5
Обеспеченность социальными услугами					
медицинскими	1-2	3-4	1-2	3-4	5
образовательными	2	1	5	4	3
жилье и его оборудование удобствами	2-3	2-3	5	4	1

4

* рейтинговые оценки подготовлены компанией "Юникон" на основе статистической информации, предоставленной администрациями пяти малых городов.

Выпускники филиала государственного технического университета в г. Торжке имеют серьезные проблемы с локальным трудоустройством.

104 бюджетных места
(платные не учитываются)

- Конструкторско-технологическое обеспечение машиностроительных производств
- Наземные транспортно-технологические комплексы
- Наземные транспортно-технологические средства
- Стандартизация и метрология
- Теплоэнергетика и теплотехника
- Эксплуатация транспортно-технологических машин и комплексов
- Электроэнергетика и электротехника

5

Конаково (Тверская область)

Население	40 000 человек
Предприятия	• Конаковская ГРЭС • фаянсовый завод • завод механизированного инструмента • завод стальных конструкций
Особенности	Наличие Николаевской ЖД

Динамика промышленности Конаковского района за 1990-е годы

	1990 г.	1993г.	1996г.	1998г
Численность предприятий, состоящих на самостоятельном балансе	26	25	24	25
Среднесписочная численность промышленно-производственного персонала – человек	18 244	15 863	10 767	10 375

Филиал Тверского государственного технического университета в г. Конаково Тверской области.

110 бюджетных мест

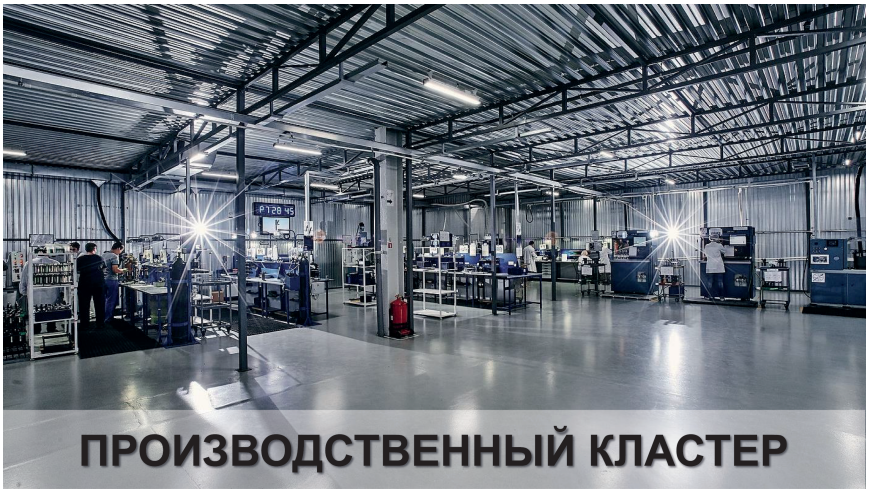
- Информационные системы
- Информационные системы и технологии
- Прикладная информатика (по областям применения)
- Промышленное и гражданское строительство
- Сервис транспортных и технологических машин и оборудования (по отраслям)
- Строительство
- Эксплуатация наземного транспорта и транспортного оборудования

Калязин (Тверская область)

Население	13 025 человек
Предприятия	• Калязинский машиностроительный завод • Хлебокомбинат • производство по выпуску валяной обуви • швейное, льнообрабатывающее производство • по выпуску уксуса и эссенции
Безработица	5,3% (официальные данные)

Калязинский колледж имени Н.М. Полежаева

Образовательная программа	Уровень образования	Нормативный срок обучения
15.02.08 «Технология машиностроения»	Среднее специальное	3 года 10 месяцев
23.02.02 «Техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта»	Среднее специальное	3 года 10 месяцев
15.01.05 «Сварщик (электросварочные работы)»	Среднее специальное	2 года 10 месяцев



Туймазы (респ. Башкортостан)

Население 68 410 чел.

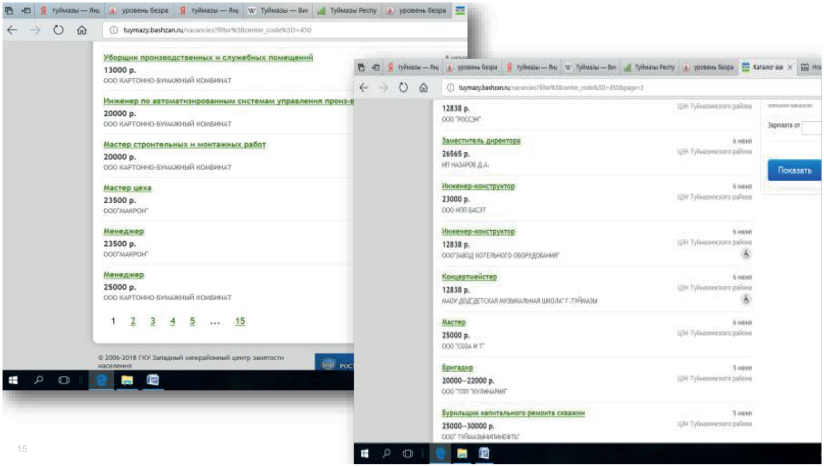
Дата	Численность зарегистрированных безработных		Уровень регистрируемой безработицы (%)	Напряженность на рынке труда (число незанятых граждан на одну вакансию)	Трудоустроено центром занятости с начала года (чел.)	Уровень трудоустройства (%)
	Человек	% к началу года				
01.01.18	441		0,63	0,8		
01.02.18	451	102%	0,64	0,6	133	61,9
01.03.18	458	104%	0,65	0,5	359	74,8
01.04.18	458	104%	0,65	0,2	569	74,9
01.05.18	480	109%	0,68	0,3	790	74,3

13

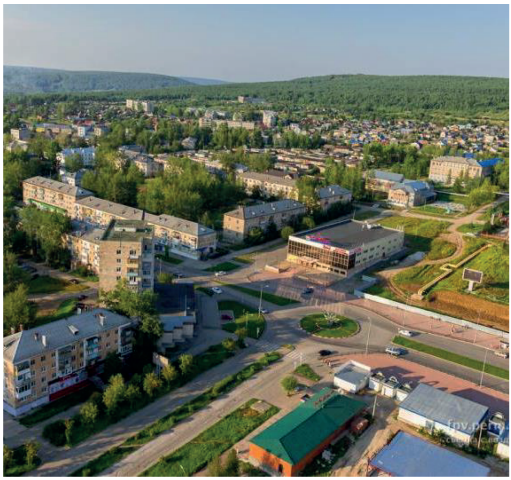
- ПАО Туймазинский завод автобетоновозов
- БАСЭТ (производство теплообменного, колонного и емкостного оборудования)
- ОАО Уралтехнострой-Туймазыхиммаш (производство оборудования, машиностроение)
- ООО Туймазинский трубный завод
- Завод «Железобетон»
- Стройкерамика
- «Пенобетон»
- ОАО Туймазытехуглерод
- Туймазинский газоперерабатывающий завод
- ООО Картонно-бумажный комбинат
- ООО Завод котельного оборудования

14

- Туймазинский педагогический колледж;
- Туймазинский медицинский колледж;
- Туймазинский индустриальный колледж;
- Туймазинский государственный юридический колледж;
- Башкирский экономико-юридический техникум.

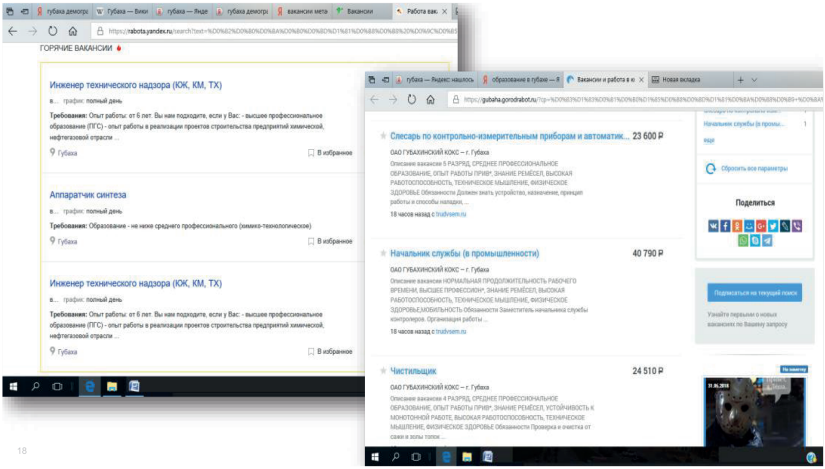


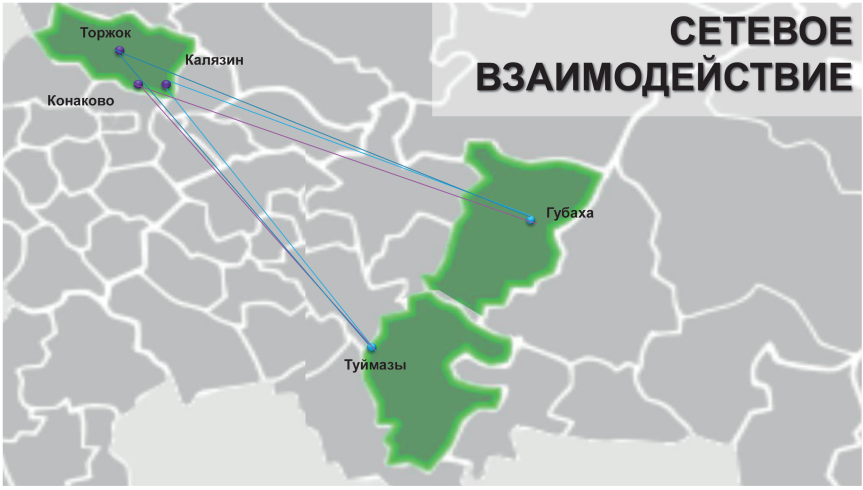
15



Губаха (Пермский край)

Население	20 289 человек
Предприятия	• коксохимический завод • производственное объединение «Метафракс»
Проблемы	• Иностранные инвестиции в производство «Метафракс» • Плачевное состояние областных городов • Отток населения
Особенности	Горнолыжный комплекс


ГОРЯЧИЕ ВАКАНСИИ
Инженер технического надзора (КЖ, КМ, ТХ)
Аппаратчик синтеза
Инженер технического надзора (КЖ, КМ, ТХ)
Слесарь по контрольно-измерительным приборам и автоматик... 23 600 ₽
Начальник службы (в промышленности) 40 790 ₽
Чистильщик 24 510 ₽
Поделиться


СЕТЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
Торжок
Калязин
Конаково
Губаха
Туймазы

Структуры, обеспечивающие функционирование сети

- городские администрации (организационная поддержка, решение инфраструктурных, социальных, жилищных вопросов)
- министерство образования Тверской области (контроль за образовательной деятельностью, разработка программ, обеспечение учебных заведений необходимыми ресурсами)
- городские центры занятости населения (как основной канал взаимодействия, сводящий соискателей и работодателей, организация ярмарок вакансий)
- отделы кадров на предприятиях (аккумулирование всех кадровых заявок предприятий и их передача в центры занятости)
- центры занятости в учебных заведениях (привлечение студентов на стажировки, практику, закрытие вакансий для начинающих специалистов)

Инвестиции в совместный брендинг для данных малых городов более выгодны.

С одной стороны

- Образовательный кластер малых городов Тверской области, обладающий высоким кадровым потенциалом.
- Бренд места для жизни и учебы.
- Целевая аудитория: жители, компании
- **Эффект: привлечение молодежи, развитие учебных заведений, трудоустройство населения**

С другой стороны

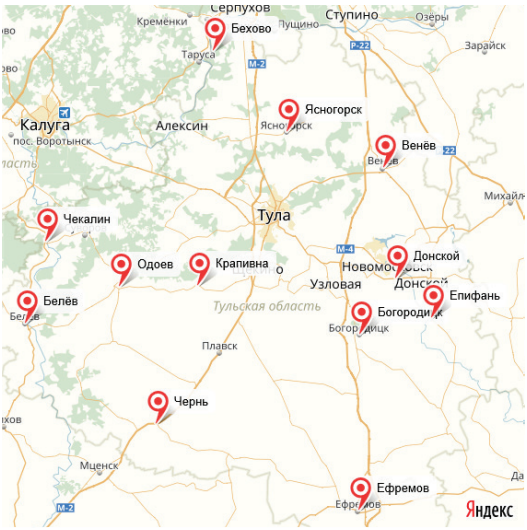
- Производственный кластер городов Губаха и Туймазы, обладающий производственным потенциалом.
- Бренд места для жизни и работы.
- Целевая аудитория: жители, инвесторы
- **Эффект: повышение доли квалифицированных кадров, развитие производства, инфраструктуры**

ПРИЛОЖЕНИЕ 13

СЕТЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МАЛЫХ ГОРОДОВ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОБРЕНДИНГА[1]

Проект «Настоящая Россия»

Тульская область



Малые города Тульской области

- Белев
- Бехово
- Богородицк
- Венев
- Донской
- Епифань
- Ефремов
- Крапивна
- Одоев
- Чекалин
- Чернь
- Ясногорск

[1] Разработано проектной группой студентов экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Руководитель группы: М. Ю. Шерешева. Студенты: Е Симэн, Загдай Кирилл, Конников Никита, Ламскова Анастасия, Машковцев Алексей, Стаханова Дарья, Стукалов Александр, Суровцева Анастасия, Хевун Чун, Яковлева Ксения.

Белёв

Тульская область

Площадь
• 8,58 км²

Население
• ↗ 13 461 человек (2016)

Яблочное чудо в Белеве

Богородицк

Тульская область

Площадь
• 26,9 км²

Население
• ↗ 31 379 человек (2016)

Тульский Петергоф

Донской

Тульская область

Площадь
• 47,6 км²

Население
• ↗ 64 201 человек (2016)

В трёх километрах от города Донского, в посёлке Бобрик-Гора сохранилась усадьба Бобрики. По состоянию на 2011 год, от усадьбы сохранились Спасская церковь (1778)

Проект «Русские усадьбы»:

- Развитие проекта для городов Тульской области
- Проезд по усадьбам «Бобрики», усадьба в Ефремово, где Грибоедов написал «Горе от ума»
- Продажа единого билета на транспорт между городами для посещения данных усадьб
- Использование города Донской центром данного проекта по причине наличия усадьбы «Бобрики» и удобного месторасположения в близи от Тулы и ряда крупных городов Тульской области

Ефремов

Тульская область

Площадь
• 21,83 км²

Население
• ↗ 36 181 человек (2016)

С. Тютень. Церковь и ярмарочная площадь.

Ко-брендинг с городом Богородицк

- Город расположен на ж/д магистрали Москва-Донбасс. Поезд проезжает через город Богородицк.
- Размещение на станции постеров, раздаточных материалов о Тульском Петергофе в городе Богородицк.

Объединение фольклорных праздников в городах: Донской, Ефремов, а также в районах: Заокский, Белевский, Щукинский

Продвижение фольклора в разных городах с помощью инструментов **BTL маркетинга** и использования их на фольклорных мероприятиях

Чекалин

Тульская область

Площадь
• 266 домов

Население
• ↗ **965** человек (2016)

Самый маленький город в самой большой стране!

Проект «Настоящая Россия»:

- Столица проекта «Настоящая Россия»
- Модель уездного города 19 века
- Кинематографическая площадка
- Самый маленькие в мире сувениры

Ясногорск

Тульская область

Площадь
• 11,75 км²

Население
• ↗ **15687** человек (2016)

Проект «Настоящая Россия»

- «Ностальгический туризм»
- Киноплощадка под фильмы Советской эпохи

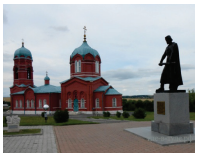
Настоящая Россия, в проекте участвуют уже много малых городов области — Венёв, Белёв, Одоев, Чернь, Богородицк, Епифань, Ясногорск, Чекалин и Ефремов

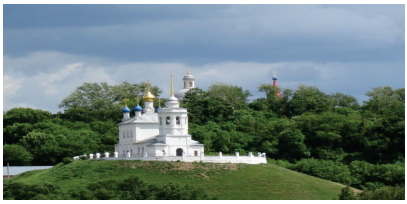
Епифань

Тульская область

Площадь
• - км²

Население
• ↗ 2241 человек (2010)





-**Этнографический музей** в усадьбе купца Байкова

- **Музей-заповедник "Куликово поле"**

- **Конь-камень**

- **Успенский монастырь**

-**Никольский собор**

- **Архитектура города**

Чернь

Тульская область

Площадь
• 8,60 км²

Население
• ↗ 6387 человек (2016)

-Памятник-бронепоезд

- Памятник Толстому – Тургеневу

- Чернский музей

Крапивна

Тульская область

Площадь
• Нет информации

Население
• ~2500 человек (2015)

Опыт участия в проектах:

- Проект «Крапивна – возрождение жемчужины русской провинции»
- Проект «Провинция»

Перспективные направления:

- Развитие образа старинного уездного городка в сотрудничестве с другими небольшими городами Тульской области
- Фестиваль Л. Н. Толстого проходящий во всех филиалах музея (в том числе и в Крапивне)
- Выведение Фестиваля Крапивы на федеральный уровень

Венёв

Тульская область

Площадь
• 11 км²

Население
• ↗ 14260 человек (2016)

Опыт участия в проектах:

- Проект «Лето в парках»
- Проект «Веневский уезд»
- Проект «Провинция» совместно с Крапивной и другими городами

Перспективные направления:

- Фестиваль Кира Булычева (Венев прообраз города Веревкин из цикла его произведений)
- Церковные экскурсии
- Проект «Русские колокольни»

Заокский

Тульская область

Площадь
• 918,46 км²

Население
• ↗ 21581 человек (2016)

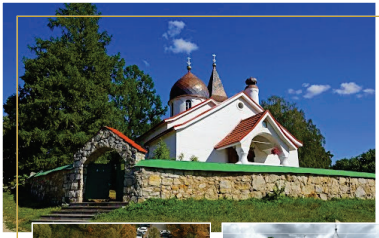
- Музей – усадьбы В.Д. Поленова, А.Т.Болотова, В.Ф.Руднева.
- Православные храмы
- Часовни, Святые источники
-Пансионаты, отели, оздоровительные лагеря

Бёхово

Тульская область

Площадь
• 2 км²

Население
• ↗ 58 человек (2010)
• 59 чел/км² (2016)



Одоев

Тульская область

Площадь
• 6,73 км²

Население
• ↗ 5650 человек (2016)

- Проект «Культурное поколение»
- Посещение памятников конногвардейцам генерала П.А. Белова, Памятник Кузькиной матери, Соборная гора, Сквер Памяти, Сквер Героев
- Поломничество: Анастасов монастырь, Церковь Илии Пророка, Свято-Троицкая церковь
- Фольклорные фестивали: "Заиграй, солнышко!", "Поляна", фестиваль гончарного промысла и глиняной игрушки "Сказки деда Филимона"
- Рок фестиваль "Свои"

Краеведческий музей

Краеведческий музей

Музей игрушки

Филимоновские игрушки

Сказки деда Филимона

Тульская область

Фестиваль гончарного промысла и глиняной игрушки "Сказки деда Филимона"

Место проведения Тульская область, Одоевский район

Тульские пряники

Фольклорный ансамбль «Услада»

Музей «ТУЛЬСКИЕ САМОВАРЫ»

Филимоновская игрушка

Тургениус

Литературно-музыкальный фестиваль «Тургениус»

Место проведения Тульская область, Чернский район

Молочный тульский комбинат

Песни Бежина луга

Традиционный межрегиональный литературно-песенный праздник «Песни Бежина луга», посвященный великому русскому писателю Ивану Сергеевичу Тургеневу

Молочный тульский комбинат

Яблочное чудо

Тульская область

В основу фестиваля легли 7 сказочных сортов яблок: молодильные, наливные, золотые, целебные, музыкальные, волшебные и яблоки мудрости

ЮЖНАЯ СОКОВАЯ КОМПАНИЯ

ПЕЙ Вико живи ЛЕГКО!

Экскурсионные маршруты

Тульская область

- «Литературная жемчужина России»
- «Музейный марафон»
- «Святые лики земли белевской»

Тульские жемчужины (Тула - Ясная Поляна - Богородицк)

Научное издание

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ ТЕРРИТОРИЙ НА ОСНОВЕ СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ

Коллективная монография